АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

1(176)

Январь — Февраль — Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1986

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова*,

чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л Гаспаров*, д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР *С. Т. Еремян*, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора), д. и. н. *Л. П. Маринович*, акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*, д. и. н. *В. И. Кузищин*, д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный секретарь), к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

© Издательство «Наука»,
«Вестник древней истории», 1986 г.

Г. М. Бонгард-Левин, М. А. Дандамаев

СОВЕТСКАЯ НАУКА О ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ в 1981—1985 гг.

Изучение истории и культуры древнего Востока — одна из важных составных частей отечественной исторической и востоковедной наук. В течение минувшей пятилетки продолжалось комплексное исследование различных древневосточных обществ, достигнуты важные научные результаты, опубликованы крупные труды обобщающего характера и значительное число книг и статей, посвященных отдельным регионам и конкретным проблемам истории и культуры древнего Востока. Эти работы являлись продолжением давно начатых планомерных исследований по истории экономических и социально-политических отношений, культуре и идеологии народов древнего Востока начиная с возникновения древнейших очагов цивилизации и кончая периодом упадка древних обществ. Основное внимание было обращено на изучение специфического и общего в социальной организации и в функционировании экономических структур и систем древневосточных обществ, на основные черты и специфику государств древнего Востока, на исследование общего и особенного в развитии древневосточных культур, открытие, описание и издание письменных памятников древнего Востока, хранящихся прежде всего в музейных собраниях СССР, а также найденных советскими археологами как в СССР, так и за рубежом (в результате работ совместных экспедиций), на анализ языковых и этнических процессов на древнем Востоке с использованием полученных данных для воссоздания истории как самих языков, так и собственно исторических и этнокультурных процессов.

В рамках одной статьи невозможно осветить в равной мере все работы по изучению истории разных стран древнего Востока, поэтому основное внимание будет уделено характеристике главных направлений и важнейших работ по истории и культуре древнего Востока. Прежде всего необходимо отметить появление трудов обобщающего характера. С 1983 г. началась публикация подготовленного Институтом востоковедения АН СССР фундаментального многотомного издания «История древнего Востока» (ответственный редактор — академик М. А. Коростовцев, члены редколлегии — чл.-корр. АН СССР Г. М. Бонгард-Левин, И. М. Дьяконов, Г. Ф. Ильин, Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина). Этот обобщающий труд, являющийся итогом многолетних исследований большого коллектива советских востоковедов, имеет целью воссоздать на марксистской теоретической основе историю стран и народов древнего Востока в соответствии с современным уровнем научных знаний. Вышедшая в свет первая часть I тома «Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации» под редакцией И. М. Дьяконова

содержит изложение истории Месопотамии примерно с VII тыс. и до конца средневавилонского периода, т. е. до XII в. до н. э. Книга основана на большом археологическом материале и свидетельствах разнообразных клинописных текстов с учетом всех новейших достижений науки о древнем Востоке. Сдана в печать и вторая часть I тома, посвященная истории других стран древнего Ближнего Востока и Египта в этот же период.

К числу работ обобщающего характера следует отнести также изданную под редакцией И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой и И. С. Свенцицкой «Историю древнего мира», книги I—III (М., 1982). Первая книга и значительная часть второй посвящены истории древнего Востока. Этот труд, в котором в легкодоступной форме излагается социально-политическая и экономическая история и история культуры древних обществ на всех этапах их развития, от первобытности и до конца V в. н. э., уже выдержал два издания. Его с большим интересом приняли как специалисты, так и широкие круги читателей, интересующихся древней историей.

Обобщающий характер носят также некоторые работы, касающиеся отдельных разделов истории древнего Востока. Так, в вышедшем в 1984 г. учебном пособии для исторических факультетов высших учебных заведений «Источниковедение истории древнего Востока» под редакцией В. И. Кузищина (М.: Высшая школа, 1984), содержащем обзор источников по истории Египта, Передней Азии, Ирана, Средней Азии, Индии, стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Наряду с характеристикой основных типов письменных и вещественных памятников здесь рассматриваются общие проблемы источниковедения древнего Востока.

В первом томе «Истории всемирной литературы» (М., 1983) много внимания уделяется литературе народов Востока начиная с ранних периодов и кончая рубежом новой эры. В изданной в 1984 г. книге «Литература древнего Востока» даются переводы ряда основных литературных текстов Ирана, Индии, Китая (авторы-составители — Ю. М. Алиханова, В. Б. Никитина, Л. Е. Померанцева).

Среди обобщающих трудов по древнему Востоку, которые были завершены в рассматриваемые годы и будут изданы в ближайшее время, следует отметить коллективные монографии «Древний Восток. Проблемы общественного строя» и «Культура древнего Востока и мировая цивилизация».

За истекшее пятилетие крупных успехов советские ученые добились в специальных исследованиях различных древневосточных обществ. Среди трудов по египтологии большой интерес представляет книга академика Б. Б. Пиотровского «Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии» (М., 1983), которая содержит глубокое исследование результатов работ археологической экспедиции АН СССР в Арабской Республике Египет в 1961—1963 гг. [1]. По призыву ЮНЕСКО экспедиция обследовала древнеегипетские памятники Нубии в зоне затопления высотной Асуанской плотины. В частности, работа экспедиции охватывала район Вади Аллаки, по которому в древности и в средние века пролегал путь к золотоносным рудникам в Нубии. В течение второго сезона работы (в декабре 1962 — апреле 1963 г.) особое внимание было обращено на изучение наскальных надписей Вади Аллаки. В книге впервые в полном виде фототипически и в прорисовках опубликовано около 200 древнеегипетских надписей с переводом их на русский язык и с комментарием.

Посмертно вышел из печати труд Ю. Я. Перепелкина «Переворот Аменхотпа IV», ч. 2 (М., 1984). В первой части книги, опубликованной в 1967 г., впервые в мировой науке десятки тысяч сведений, дошедших от времени правления фараона-реформатора, были систематизированы и

---

[1] См. рец.: *Редер Д. Г.*— ВДИ, 1985, № 3, с. 155—160.

расположены в их последовательности во времени. Во второй части автор исследует масштабы распространения нововведений Аменхотпа IV, исходя из таких признаков, как степень отражения идеи солнцепоклонничества в личных именах, соотношение судеб старых многобожеских храмов и новых солнечных, а также исходя из величины той доли общественного дохода, которая выделялась на служение солнцу. Особый интерес вызывают наблюдения автора над правовыми аспектами системы землевладения: так, например, становится очевидным, что в исследуемое время царь не считался единственным собственником земли — наряду с ним тексты, восстановленные Ю. Я. Перепелкиным, называют царицу и египетские божества, а также приводят к заключению о существовании «ничейных земель». Третья часть этого труда, хранящаяся в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, посвящена политической истории переворота. После необходимой редакционной подготовки рукопись будет сдана в печать.

Монография Ю. Я. Перепелкина «Хозяйство староегипетских вельмож», подготовленная к печати Е. С. Богословским, должна в ближайшие годы увидеть свет. В ней впервые в исторической науке о древнем Востоке исследован процесс труда в конкретно-исторической форме. Автор рассмотрел производственные отношения в полеводческом хозяйстве, скотоводстве, рыболовстве и различных ремеслах, в том числе производящих орудия труда, и на этой основе выделил ведущую форму хозяйствования, а именно, вельможеское хозяйство. Ю. Я. Перепелкин исследовал также все составные части единого процесса общественного воспроизводства, а именно: производство, распределение, обмен и воспроизводство в узком смысле, детерминированные особой формой собственности. Автору удалось воссоздать очень живую и убедительную картину хозяйственной жизни Египта в древнейший период его истории.

О. Д. Берлев и С. И. Ходжаш опубликовали коллекцию египетских стел и рельефов из собрания Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (S. Hodjash, O. Berlev. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1982). Эта коллекция, три четверти экспонатов которой ранее не издавались, содержит более 200 предметов из различных районов Египта, датируемых от начала Древнего царства вплоть до конца римского владычества. Публикация сопровождается обширнейшими историко-культурными и филологическими комментариями, отличающимися широтой и новизной подхода ко многим традиционным проблемам. Хотелось бы особенно отметить совершенно оригинальную концепцию древнеегипетского восприятия искусства как средства достижения бессмертия, которая предложена во «Введении».

Большая коллекция египетских статуй, хранящихся в том же музее, опубликована в книге В. В. Павлова и С. И. Ходжаш «Из истории мирового искусства. Египетская пластика малых форм» (М.: Искусство, 1985). Эти памятники охватывают период от III тыс. до римского времени, и многие из них снабжены надписями.

О. Д. Берлев впервые в египтологии обратился к составлению полной просопографии эпохи Среднего царства. Работа содержит исчерпывающую информацию о всех лицах, засвидетельствованных в источниках на протяжении пятисот лет. Уже сданы в печать два первых выпуска, посвященные столичной и местной администрации.

В 1983 г. опубликована монография Е. С. Богословского «Древнеегипетские мастера», основанная на исследовании 19 000 текстов XIV—XI вв. до н. э. из Дер эль-Медины. Книга дает представление о повседневной жизни художников, скульпторов, мастеров по дереву и металлу и многих других групп квалифицированных ремесленников, а также людей smdt, выполнявших вспомогательные работы в земледелии, животноводстве и иных сферах экономики и находившихся в гораздо большей зави-

симости от государства, чем представители творческого труда. Все эти группы населения были заняты на сооружении царских гробниц или связанных с этой работой процессах труда. Выясняя механизм функционирования социальной структуры, автор обращает особое внимание на регулирование рабочей силы государством и организацию труда и имущественно-правовой статус работников.

В книге И. А. Стучевского «Земледельцы государственного хозяйства древнего Египта эпохи Рамессидов» (М., 1982) исследованы и интерпретированы данные папируса Вильбура и других источников относительно системы налогообложения земледельцев государственного полеводческого хозяйства. Автор полагает, что в XIII—XI вв. до н. э. государственное хозяйство было безраздельно господствующим сектором экономики страны, а так называемые храмовые «владения» были лишь особой формой государственных владений, контролируемых фараоном. В рамках государственного сектора развивались и частновладельческие отношения в форме подчиненной частной земельной собственности и условного частного землепользования. Эксплуатация основных непосредственных производителей, занятых в государственном хозяйстве, представляла собой лишь одну из форм государственного принуждения. Они образовывали своеобразные квазиобщины, находившиеся под полным административным контролем государства и сохранявшие лишь незначительные рудименты своей былой общинной организации.

В другой работе И. А. Стучевского «Рамсес II и Херихор. Из истории древнего Египта эпохи Рамессидов» (М., 1984) рассматриваются проблемы политической истории XIII—XI вв. до н. э. В книге показано, что на этот период падает возрождение военного могущества страны, максимальная централизация политической власти в Египте, после чего при верховном фиванском жреце Херихоре верх взяли тенденции политического сепаратизма.

О. И. Павлова в монографии «Амон Фиванский. Ранняя история культа» (М., 1984) прослеживает эволюцию культа Амона с III тыс. до середины XVI в. до н. э., когда этот бог из локального превратился в общегосударственного и его культ сыграл большую роль в централизации государства. Сложению и трансформации пантеона Куша, организации жречества, взаимоотношениям между жречеством и светской властью, а также религиозной жизни общества древнего Судана посвящена книга Э. Е. Кормышевой «Религия Куша» (М., 1984).

В издательстве «Наука» (Главная редакция восточной литературы) находится монография Т. Н. Савельевой «Храмовые хозяйства Древнего царства». Она посвящена исследованию экономической и социальной структуры храмовых хозяйств времени расцвета и упадка Древнего царства (III—VIII династий, 2650—2100 гг. до н. э.) и основана на данных царских указов храмам и документах хозяйственной отчетности Абусирского архива. Сдана в печать также монография Г. А. Беловой «Нубия под властью фараонов», в которой дается характеристика системы административного управления Нубии в период египетского владычества. И. Ф. Фихман сдал в печать книгу «Введение в папирологию», которая является первой работой такого рода на русском языке; она содержит максимальную информацию как по общим вопросам папирологической науки, так и по всем основным ее разделам. Монография снабжена огромной библиографией и является ценным справочником. В печати находится также труд А. И. Еланской «Коптские литературные тексты из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина». Книга содержит полный каталог и издание почти всех не опубликованных до сих пор литературных памятников этого крупнейшего в стране собрания коптских рукописей, в котором представлено большинство жанров коптской литературы. В книге даются также переводы многочисленных и разнообразных по характеру текстов.

Опубликовано несколько крупных работ по древней истории и культуре сиро-палестинского региона. К их числу относится книга И. Ш. Шифмана «Угаритское общество» (М., 1982), в которой рассмотрены экономические отношения и социальная структура Угарита в XIV—XIII вв. до н. э. Автор уделил особое внимание земельным отношениям, роли ремесла и торговли, проблеме социального расслоения среди свободных, функционированию общинного самоуправления и царской администрации; он показал, что в Угарите, являвшемся крупным торгово-ремесленным центром, было два сектора экономики — общинный и царский. Как полагает И. Ш. Шифман, царь был верховным владельцем и распорядителем земли в царском секторе и мог пожаловать земельные владения отдельным лицам.

Монографии И. Д. Амусина «Кумранская община» (М., 1983) суждено было стать последней книгой этого крупного советского историка Ближнего Востока и семитолога. В ней в общем контексте политической и религиозной истории Палестины во II в. до н. э.— I в. н. э. исследованы экономика и административная структура кумранской общины, ее идеология, имущественные и социальные отношения [2].

В рассматриваемый период продолжались исследования в области древней истории и культуры Южной Аравии. В 1983 г. Г. М. Бауэром и А. Г. Лундиным завершена подготовка к публикации эпиграфических материалов, добытых П. А. Грязневичем во время его научной поездки в Йеменскую Арабскую Республику в 70-х годах, которые вошли во второй том издания «Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры», сданной в печать. В 1981 г. издан подготовленный А. Г. Лундиным и Г. М. Бауэром комментированный перевод книги «Аравия. Материалы по истории открытий», а в 1985 г. в НДРЙ опубликована «Древняя история Йемена» тех же исследователей.

Результаты изучения истории, истории культуры и языков Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна в древности регулярно докладывались на ежегодных всесоюзных конференциях, организуемых Отделом древнего Востока Института востоковедения АН СССР. Материалы конференции публикуются в сборниках «Мероэ» [3].

С 1983 г. в Народно-Демократической Республике Йемен работает Советско-Йеменская комплексная экспедиция — СОЙКЭ (начальник экспедиции — А. П. Грязневич, научный руководитель — академик Б. Б. Пиотровский), в программу полевых исследований которой включено также изучение истории и культуры древней Южной Аравии письменного периода. В результате трех сезонов работы обнаружено большое число археологических и письменных материалов. Подготовка к первой публикации результатов полевых работ экспедиции завершается в 1985 г.

Продолжалась интенсивная работа по изучению клинописных цивилизаций. Вышел в свет труд академика В. В. Струве «Ономастика раннединастического Лагаша» (М., 1984), подготовленный к печати Г. Х. Каплан по картотеке ученого. Работа содержит список нескольких тысяч собственных имен, засвидетельствованных в хозяйственных документах архива храма Баба в крупном шумерском городе Лагаше XXV—XXIV вв. до н. э., с указанием профессий их носителей, должностей, родственных отношений с другими лицами и ссылками на тексты.

И. Т. Канева подготовила к печати первую на русском языке грамматику шумерского языка.

И. М. Дьяконов сдал в печать монографию «Люди города Ура», в которой он установил принадлежность архивов Ура конца XIX — первой

---

[2] См. рец.: *Старкова К. Б.*— ВДИ, 1985, № 1, с. 187—189.

[3] Мероэ. Проблемы истории и культурных связей. М.: Наука, 1981, № 2; Мероэ. История, история культуры, языки Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна. М.: Наука, 1985, № 3.

половины XVIII в. до н. э. определенным лицам (в археологических отчетах не было зафиксировано, в каких домах были найдены те или иные документы). Всего автор отождествил шесть архивов частных лиц, в том числе одного торговца, жреца и верховной жрицы, а также архив большой семьи, состоявшей приблизительно из ста человек, найденный в двух смежных комнатах. Работа содержит также много разной информации и о городской бедноте. Особый интерес представляет исследование одного большого текста, содержащего полную опись земель храма богини Инанна. По ученическим текстам и другим свидетельствам известны также две школы в Уре.

Хронологически к указанной работе примыкает и исследование Н. В. Козыревой «Старовавилонский город Ларса», также сданное в печать. На основании анализа многочисленных документов автор рассмотрел вопросы социальной принадлежности и имущественного положения горожан, а также экономические связи Ларсы с окружавшими ее сельскими поселениями.

Малоизученным в ассириологии проблемам посвящена монография И. С. Клочкова «Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время» (М., 1983). В ней содержится анализ ряда памятников вавилонской литературы, дающих сведения о мировосприятии и этических представлениях жителей древней Месопотамии. В книге М. А. Дандамаева «Вавилонские писцы» (М., 1983) исследованы основные аспекты клинописной писцовой культуры (архивное дело, библиотеки, школы, степень распространения грамотности среди населения), социальное и экономическое положение писцов, их занятость в храмовом, государственном управлении и на службе у частных лиц.

Многие литературные произведения шумеров, вавилонян и ассирийцев переведены В. К. Афанасьевой, И. М. Дьяконовым, И. С. Клочковым и В. А. Якобсоном в сборнике «Я открою тебе сокровенное слово» (М.: Художественная литература, 1981). Под редакцией И. М. Дьяконова вышел сборник «Лирическая поэзия древнего Востока» (М., 1984), содержащий переводы лирических произведений клинописной и древнеегипетской литератур.

Сборник «Ancient Mesopotamia», включающий статьи советских ассириологов и опубликованный под редакцией И. М. Дьяконова в издательстве «Наука» в 1969 г., был позднее переиздан издательством «Харрассовиц» в ФРГ, а в 1981 г. переиздан в Лихтенштейне (Sändig Reprint Verlag, Schaan). Опубликовано в США переработанное и значительно расширенное издание книги М. А. Дандамаева «Рабство в Вавилонии» с учетом 4000 новых клинописных текстов и результатов колляции вавилонских документов в музеях Европы и США (M. A. Dandamaev. Slavery in Babylonia from Nabopolassar to Alexander the Great. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1984). В монографии Г. М. Аветисяна «Государство Митанни» (Ереван, 1984) рассматриваются основные аспекты военно-политической истории этой хурритской страны в Северной Месопотамии и западных областей Армянского нагорья в XVII—XIII вв. до н. э.

В книге В. Г. Ардзинба «Ритуалы и мифы древней Анатолии» (М., 1982) удачно осуществлен комплексный исторический подход к анализу описаний ритуалов и мифов, что позволило получить целый ряд новых результатов в области социальной и этнокультурной истории, духовной и материальной культуры хеттов и других народов древней Малой Азии. Выводы работы проливают свет не только на историю Хеттского государства, они имеют значение и для истории древней Анатолии более раннего периода [4].

---

[4] См. рец.: *Баюн Л. С., Дандамаев М. А.*— ВДИ, 1983, № 2, с. 162—166.

Следует отметить издание сборника «Древняя Анатолия» (М., 1985), который содержит результаты новейших исследований советских специалистов по различным аспектам древнеанатолийской истории, материальной и духовной культуры, языков. Излагаемые в статьях выводы представляют также интерес и для широких языковых и культурных сопоставлений; они могут оказаться существенными для выяснения этногенеза и путей миграции народов, говоривших на некоторых из наиболее распространенных языков всего ближневосточного ареала.

Для культуры древнего Востока (прежде всего Ближнего) значительный интерес представляет книга Вяч. Вс. Иванова «История славянских и балтийских названий металлов» (М., 1983), где на большом фактическом материале дан общий обзор проблематики истории металлургии в связи с историей названий разных типов металлов и проведено сопоставление ареальной лексики, связанной с металлургическим производством древнебалканского и эгейско-малоазийского центров металлургии.

В книге Е. В. Антоновой «Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии» (М., 1984) анализируются представления древних земледельцев указанных регионов в VII—II тыс. до н. э. о пространстве, времени, людях, животных, растениях, предпринимается попытка целостной реконструкции их мировосприятия. Работа И. Р. Пичикяна «Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния» (М., 1984) посвящена малоисследованным вопросам формирования архитектурно-художественных традиций в Малой Азии и их дальнейшего развития в античном Причерноморье.

Книга И. М. Дьяконова и С. М. Кашкай (I. M. Diakonoff and S. M. Kashkai. Geographical Names According to Urartian Texts. Wisbaden, 1981), содержащая перечень урартских географических названий с ссылками на соответствующие тексты, опубликована в качестве одного из томов проекта «Тюбенгенский атлас Передней Азии», который имеет целью систематизацию клинописной топонимики. Вопросы урартской топонимики детально исследованы в труде Н. В. Арутюняна «Топонимика Урарту» (Ереван, 1985). Книга основана на значительном фактическом материале урартских, ассирийских и отчасти хеттских клинописных источников.

Изучение древней истории и культуры Кавказа и Закавказья — одна из составных частей науки о древнем Востоке. Большой вклад в исследование древних цивилизаций этого региона внесли археологи Азербайджана, Армении, Грузии и автономных республик. Крупные открытия в последние годы сделаны археологической экспедицией в Вани под руководством О. Д. Лордкипанидзе. Среди новых публикаций по археологии Грузии можно упомянуть книгу Э. М. Гогадзе «Культура поселений Колхиды эпохи бронзы и раннего железа» (Тбилиси, 1982, на грузинском языке). Армянские археологи и историки продолжали активные археологические и исторические исследования древних памятников Армении и письменных источников, продолжая традиции в исследовании древнего Урарту, заложенные академиком Б. Б. Пиотровским. Вышли из печати работы по истории Северного Кавказа. В работе В. Г. Котович «Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана» (М., 1982) анализируется процесс становления и развития производящего хозяйства на фоне тщательного исследования культурного и исторического развития древнего населения Дагестана.

В книге «Кавказ и аланы. Века и народы» (М., 1984) В. Б. Ковалевская обращается к истории формирования различных народов Северного Кавказа и специфике их материальной культуры в древности. Работа М. Н. Погребовой «Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время» (М., 1985) посвящена анализу характера взаимоотношений народов Закавказья и Ближнего Востока, внутренней обстановки в Закавказье и причин, обусловивших контакты с другими областями древнего

Востока, прежде всего Передней Азии [5]. На основании систематического изучения элементов скифской материальной культуры и сравнения с данными письменных источников С. А. Есаян и М. Н. Погребова в книге «Скифские памятники Закавказья» (М., 1985) освещают историю пребывания скифов в Закавказье.

За прошедший период в закавказских республиках издано большое число сборников, посвященных древней истории и культуре Закавказья и Северного Кавказа, анализу археологических материалов и лингвистических данных.

Обзор работ по древнему Ирану можно начать с книги И. Н. Медведской (I. N. Medvedskaya) «Iran: Iron Age» (Oxford, 1982), в которой дается источниковедческий анализ и характеристика археологических материалов с последующей интерпретацией памятников культуры Ирана последней четверти II тыс. до н. э. По мнению автора, всесторонний анализ керамики свидетельствует в пользу местного происхождения керамических комплексов Ирана и преемственности значительной части их с памятниками предшествующего времени. Это же подтверждает развитие различных типов металлического инвентаря, генезис которого часто связан с Восточным Средиземноморьем. И. Н. Медведская считает ошибочным установившееся в западной научной литературе мнение об «археологической революции» в Иране в период Железный век I, которая, как полагают, была следствием прихода на плато ираноязычных племен. Книга М. А. Дандамаева «Политическая история Ахеменидской державы» (М., 1985) рисует картину политической истории этой первой в истории мировой империи на всем протяжении ее существования. Монография Е. В. Черненко «Скифо-персидская война» (Киев, 1984) посвящена обстоятельному рассмотрению знаменитого похода Дария I против причерноморских скифов с учетом письменных и археологических источников. Книга А. Г. Периханян «Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды» (М., 1983) — первый в мировой научной литературе труд, где обстоятельно исследованы социальные и правовые институты иранского общества II в. до н. э.— VII в. н. э. Основным источником автору послужил сасанидский Судебник с привлечением также и других разнообразных текстов.

На стыке иранистики и индологии находится тематика книги Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского «От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история» (2 изд.— М., 1983). Первое издание 1974 г. было переведено на французский, английский и венгерский языки и вышло во Франции, Индии, ВНР.

Крупным событием в науке явилось издание двухтомного труда академика Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (т. I—II. Тбилиси, 1984), в котором детально анализируются лингвистические, исторические и археологические материалы, связанные с решением остродискуссионной проблемы о прародине и путях расселения индоевропейских народов. Согласно этой гипотезе, первоначальная территория расселения носителей общеиндоевропейского языка располагалась на стыке юго-восточной части Малой Азии и Северной Месопотамии, примерно в сфере распространения халафской археологической культуры V тыс. до н. э. На это указывают, по мнению автора, ряд археологических и культурно-исторических факторов, типологическая близость восстанавливаемой на основе лексики индоевропейской культуры к цивилизации древнего Востока и в первую очередь — многочисленные двухсторонние заимствования в индоевропейских и картвельских, семитских, древних переднеазиатских языках, свидетельствующие о длительных контактах и, следовательно, о территориальной близости носителей соответствующих языков в древнейший период. Для более поздних эпох

---

[5] См. рец.: *Раевский Д. С.*— ВДИ, 1985, № 4, с. 180—184.

(последовавших за распадом индоевропейской общности) авторами допускается пребывание части индоевропейских диалектов (так называемых «древнеевропейских») в ареале от Северного Причерноморья до Волги и Приуралья, что может рассматриваться как «вторичная прародина индоевропейцев», откуда индоевропейские диалекты продвигались в западном направлении.

За истекшее пятилетие большое внимание уделялось изучению древней истории Средней Азии, было опубликовано большое число работ, в которых на археологическом и историческом материале решаются многие важные вопросы, касающиеся древнейшей и древней истории, идеологии, истории культуры народов этого региона. Важное место среди этих публикаций занимают издания материалов раскопок крупных археологических экспедиций, работающих на территории советских республик Средней Азии.

Итогам многолетних работ Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции на поселении Алтын-Депе, в результате которых был открыт северный очаг цивилизации древневосточного типа, посвятил В. М. Массон свое исследование «Алтын-Депе» (Л., 1981). В 1981—1984 гг. опубликованы результаты многолетних систематических исследований на городище древнего Хорезма Топрак-кала — одном из ключевых памятников среднеазиатской археологии: «Городище Топрак-кала (Раскопки 1965—1975 гг.)» (М, 1981); «Топрак-кала. Дворец» (М., 1984). Под общей редакцией Б. Я. Ставиского издан пятый по счету выпуск материалов археологической экспедиции по исследованию интересного историко-культурного памятника кушанской эпохи — буддийского культового центра в Термезе («Буддийские памятники Кера-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974—1977 гг.». М., 1982). Выходом в свет двух монографий Б. А. Литвинского и А. В Седова положено начало публикации материалов Южно-Таджикистанской археологической экспедиции ИВ АН СССР и Государственного Эрмитажа (Б. А. Литвинский, А. В. Седов. Тепаи-шах (Культура и связи Кушанской Бактрии). М., 1983; они же. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984). Важны первые издания результатов раскопок этой экспедиции на городище Тахти-Сангин («храм Окса»), появившиеся в виде статей в отечественных и зарубежных журналах.

Знаменательным событием стал выпуск ряда томов многотомной «Археологии СССР» и прежде всего тома «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» (М., 1985). В Институте востоковедения АН СССР продолжается выпуск тематических сборников, посвященных различным вопросам истории и культуры народов Средней Азии, Кавказа и сопредельных территорий: «Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (История и культура)» (М., 1981), «Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура)» (М., 1981), «Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности» (М., 1983), «Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи» (М., 1984).

В Москве, Ташкенте и Алма-Ате вышел ряд монографий, в которых на археологическом материале исследуются проблемы хозяйственно-экономической деятельности, историко-культурных связей и идеологии древнего населения различных областей Средней Азии и Казахстана, вскрываются закономерности и пути формирования и развития древних городских центров (Г. А. Брыкина. Юго-западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. М., 1982; Ю. Ф. Буряков. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982; А. Акишев. Искусство и мифология саксов. Алма-Ата. 1984).

Появились новые специальные исследования по древней нумизматике Средней Азии, из которых в первую очередь надо отметить фундаментальное источниковедческое исследование Е. В. Зеймаля «Древние монеты Таджикистана» (Душанбе, 1983). Исключительно важное научное значение

имеют работы по дешифровке и исследованию древних текстов на парфянском, хорезмийском, бактрийском языках. Эти работы, прежде всего многочисленные публикации известного ираниста В. А. Лившица, получили очень высокую оценку в мировой науке. Результаты исследований значительно расширяют существующие представления о политической, социальной и культурной истории древних народов Средней Азии и сопредельных областей.

Индологи — специалисты по истории и культуре древней Индии — сосредоточили свое внимание на разработке различных аспектов политической, социальной и культурной истории, изучению религии и философской мысли, изданию новых индийских текстов, их переводу и комментированию.

В 1985 г. увидела свет монография Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина «Индия в древности» — итог многолетних исследований, содержащая характеристику политических событий, социальной структуры, религии, искусства Индии начиная с периода возникновения цивилизации и вплоть до эпохи феодализма. В монографии А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева «Артхашастра. Проблемы социальной структуры и права» (М., 1984) на основе тщательного источниковедческого анализа политического трактата, приписываемого перу Каутильи, дается интересная и нередко новая интерпретация свидетельств текста и ставятся более общие вопросы социальных отношений и права в древней Индии. В 1985 г. индийское издательство «Стерлинг» опубликовало эту книгу на английском языке, а также книгу Г. М. Бонгард-Левина «Индия эпохи Маурьев», первоначально изданную в 1974 г., но переработанную автором для издания в Индии на английском языке.

Значительное внимание уделялось изучению древнеиндийской литературы. В. С. Семенцов издал две книги — «Проблемы интерпретации брахманической прозы» (М., 1981) и «Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике» (М., 1985; к книге приложен перевод поэмы); в издательстве «Художественная литература» в 1984 г. были опубликованы две книги переводов — «Да услышат меня земля и небо» (из ведийской поэзии, перевод с ведийского Т. Я. Елизаренковой) и «Классическая драма древней Индии», в составлении которой и переводе пьес приняли участие В. С. Воробьев-Десятовский, В. Г. Эрман, М. И. Воробьева-Десятовская, Г. А. Зограф. Активная работа продолжалась по изучению древнеиндийского эпоса и переводу отдельных книг «Махабхараты» на русский язык. Я. В. Васильков и С. Л. Невелева завершили перевод III («Лесная») и VIII («Книга о Карне») книг. Готовится к изданию русский перевод известного палийского сочинения «Милиндапанха» («Вопросы Милинды»), выполненный А. В. Парибоком. В 1985 г. вышло из печати третье издание книги Э. Н. Темкина и В. Г. Эрмана «Мифы древней Индии». Учебное пособие «Индия в литературных памятниках III—VIII вв. н. э.» (М., 1984) составил Е. М. Медведев.

К XXXI Международному конгрессу востоковедов в Японии была издана на английском языке книга В. В. Вертоградовой «Индийские надписи и надписи неизвестным письмом из Кара-тепе в Старом Термезе» (М., 1983), которая представляет публикацию всех открытых археологами к 1983 г. индийских надписей на Кара-тепе с транслитерацией, переводом и исследованием. Возобновилась серия «Bibliotheca Buddhica» после долгого перерыва. Под редакцией Э. Н. Темкина в 1985 г. в XXXIII томе вышел первый выпуск работы «Памятники индийской письменности из Центральной Азии» (издание текстов, исследование и комментарий Г. М. Бонгард-Левина и М. И. Воробьевой-Десятовской).

За прошедшее пятилетие вышел из печати ряд индологических сборников, посвященных истории и культуре древней Индии, в том числе «Древняя Индия. Историко-культурные связи» (М., 1982), «Древняя Индия. Язык. Культура. Текст» (М., 1985); подготовлены и изданы тезисы

докладов советских ученых к V Международной конференции санскритологов в Индии (М., 1981) и VI Международной конференции в США (М., 1984). Специалисты по истории и культуре древней Индии приняли участие в сборниках «История эстетических идей» (М., 1985), «История лингвистических учений. Средневековый Восток» (Л., 1981), «История и культура Центральной Азии» (М., 1983), «Философские вопросы буддизма» (Новосибирск, 1984) и др.

Истории изучения древнеиндийской цивилизации в России и СССР посвящена изданная на английском языке в издательстве «Прогресс» книга Г. М. Бонгард-Левина и А. А. Вигасина «Образ Индии» (М., 1984).

В период 1981—1985 гг. продолжалось изучение истории, культуры и идеологии древнего Китая. В 1981 г. вышла книга Л. С. Переломова «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая», значительное место в которой уделено формированию двух ведущих философско-правовых систем древнего Китая и их роли в формировании китайской государственности. В монографии А. А. Серкиной «Символы рабства в древнем Китае» (М., 1982), построенной на дешифровке надписей II тыс. до н. э., анализируются термины рабства и в этой связи проблемы социальной организации эпохи Шан-Инь. Исследованию древнейших форм мировоззрения китайцев посвящена монография Э. М. Яншиной «Формирование и развитие древнекитайской мифологии» (М., 1984). Это первое фундаментальное исследование древнекитайской мифологии в советском китаеведении и одно из немногих исследований, предпринятое по этой проблематике в мировой синологии в последние десятилетия. В книге ставятся такие важные проблемы, как трансформация мифологических представлений на протяжении древней истории Китая, изменение мифологических сюжетов и образов. Проблемы древнекитайской философии и идеологии получили освещение в ряде коллективных работ, вышедших за период 1981—1985 гг.: «Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики» (М., 1982), «Дао и даосизм в Китае» (М., 1982). Книга М. П. Титаренко «Древнекитайский философ Мо ди, его школа и учение» (М., 1985) посвящена исследованию одного из важнейших философских направлений древнего Китая.

В 1981—1985 гг. продолжалась разработка проблем, связанных с комплексным исследованием этногенеза и этнической истории китайцев. В первом томе этой серии, подготавливаемой совместно Институтом этнографии АН СССР и Институтом Дальнего Востока АН СССР (М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978), была сделана попытка обобщить новейшие палеоантропологические, археологические, лингвистические и исторические данные о происхождении древнекитайского этноса. На основании анализа этих источников авторы сформулировали вывод о том, что завершение процесса формирования этой этнической общности (хуася) следует датировать VIII—VII вв. до н. э. Следующий том данной серии был посвящен вопросам развития древнекитайского этноса на позднем этапе древности (М. В. Крюков, Л. С. Переломов, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983). В центре внимания исследователей были проблемы эволюции этнического самосознания древних китайцев в эпоху Цинь-Хань, влияния социально-экономических отношений на специфику этноса, соотношения государства и этноса, формирования общностей этнополитического типа.

Следует также отметить изданные новосибирскими учеными сборники «Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы» (Новосибирск, 1984), «Древние культуры Китая: палеолит, неолит и эпоха металла» (Новосибирск, 1985). В 1984 г. вышел III том перевода «Исторических записок» Сыма Цяня Р. В. Вяткина.

Проблематика древнего Китая занимает важное место на ежегодных конференциях «Общество и государство в Китае».

Специально следует отметить значимость научных результатов, полученных советскими археологами в зарубежных странах. Кроме уже упоминавшихся работ в НДРЙ прежде всего необходимо указать на археологические исследования в Афганистане и Ираке. На основе открытых там материалов написана монография Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования Советской экспедиции в Ираке» (М., 1981). В. И. Сарианиди опубликовал материалы из царского некрополя раннекушанского времени, обнаруженного на Тилля-тепе (Северный Афганистан),— «Bactrian Gold. From the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan» (Leningrad, 1985), можно отметить также две научно-популярные книги того же автора «Афганистан: сокровища безымянных царей» (М., 1983) и «Бактрия сквозь мглу веков» (М., 1984). Вышел в свет очередной сборник «Древняя Бактрия» (вып. 3. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М., 1984).

Результаты археологических открытий советских ученых в Афганистане, Ираке, НДРЙ получили очень высокую оценку как в отечественной, так и зарубежной науке.

Для изучения древнего Востока исключительно важное значение имеют лингвистические исследования, прежде всего работы по языкам древнего Востока, по реконструкции языковой ситуации на древнем Востоке. «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока» — такой была тема конференции, проводившейся в Институте востоковедения АН СССР осенью 1984 г. На ней рассматривались многие крупномасштабные проблемы, в частности координация междисциплинарных исследований (объединение усилий лингвистов, археологов, историков, антропологов), реконструкция языковых макросемей и т. д.; специальное внимание было уделено гипотезе о существовании сино-енисейско-тибетской макросемьи, вопросам локализации носителей афразийского праязыка в зоне распространения натуфийской культуры, о прародине индоевропейцев в Передней Азии, о прародине дравидов на северо-западе Индостана и т. д. Среди лингвистических книг и сборников, которые представляют большой интерес для изучения древнего Востока, отметим лишь некоторые. Прежде всего это монография Т. Я. Елизаренковой «Грамматика ведийского языка» (М., 1984) — первое в нашей стране полное грамматическое исследование ведийского языка, написанное с позиций современной лингвистики и основанное на глубоком изучении ведийских текстов, а также сборники «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы» (М., 1982) и «Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии» (М., 1983).

За прошедшее пятилетие большое внимание уделялось советскими исследователями изучению древнего искусства стран Востока. Искусству Гандхары посвятила свою монографию Г. А. Пугаченкова (Искусство Гандхары. М., 1982), великолепный каталог коллекции Особой кладовой Отдела Востока издал Государственный Эрмитаж (А. А. Иванов, В. Г. Луконин, Л. С. Смесова. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984). Можно отметить также книги Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпель «Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье» (М., 1982) и «Из истории живописи Средней Азии. Традиции и новаторство» (Ташкент, 1982).

Кроме «Вестника древней истории» статьи и материалы по древнему Востоку публиковались также в журналах «Вопросы истории», «Народы Азии и Африки» и в различных сборниках: «Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке» (М., 1984), «Палестинский сборник», № 27 (Л., 1981), «Древний Восток», № 4 (Ереван, 1983), «Древний Восток и мировая культура» (М., 1981), «Культурное наследие Востока» (Л., 1985), «Кавказско-ближневосточный сборник», № 7 (Тбилиси, 1984); вышли три сборника «Мероэ», продолжающие серию работ по исто-

рии и культуре древнего Судана; особо следует отметить статьи по древности в сборниках «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе» (М., 1982) и «Расы и общество» (М., 1982). Разработка ранее малоисследованных в нашей научной литературе вопросов, связанных с закономерностями эволюции этнических общностей в эпоху древности, представляет значительный интерес для углубления наших представлений о развитии обществ древнего Востока.

Кроме уже ранее упомянутых работ в печати находятся также подготовленные сотрудниками Отдела древнего Востока Института востоковедения АН СССР и сектором древнего Востока ЛО ИВ АН СССР следующие коллективные и индивидуальные монографии, сборники и публикации: «Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке», «Переднеазиатский сборник», № 4, «Государство и социальные структуры древнего Востока», ряд выпусков «Афроазийского словаря», сборник «Древний Восток. Этнокультурные связи», книга М. Ю. Горелика «Военное дело на древнем Востоке (IV тыс. до н. э.— IV в. н. э.)», сборники «Ранний буддизм. История и культура», «Центральная Азия. Новые памятники письменности и культуры».

К числу крупных мероприятий международного научного сотрудничества относится XXI Международная конференция ассириологов, проведенная с 9 по 13 июля 1984 г. в Ленинграде под руководством академика Б. Б. Пиотровского. В ее работе приняло участие 202 человека из 24 стран мира, в том числе 90 ученых из различных научных центров СССР. Основной темой конференции была тема «Древняя Месопотамия и ее северные соседи». Целью конференции было прежде всего изучение культурных, экономических и политических связей Урарту с древними государствами Месопотамии, Сирии, Анатолии и Ирана. Старейший ассириолог С. Н. Крамер (США) в докладе о мировом значении шумерской мифологии, зачитанном на первом пленарном заседании, в частности, отметил, что советские ученые, начиная с В. В. Струве и включая ученых последующих поколений, сыграли революционную роль в развитии ассириологической науки (особенно в области изучения социально-экономических отношений) и проложили новые пути, по которым сейчас идут многие ассириологи во всем мире.

Специалисты по истории древнего Востока за прошедшее пятилетие принимали активное участие во многих других международных конференциях и симпозиумах в различных странах мира, в том числе в XXXI Международном конгрессе востоковедов (Япония, 1983), XVI Международном конгрессе по историческим исследованиям (ФРГ, 1985), V Международном конгрессе санскритологов (Индия, 1981), Международных конференциях по ассириологии, мероистике, истории буддизма, синологии, в двухсторонних международных семинарах — советско-французском, советско-американском, советско-индийском и т. д. Материалы Аллахабадского симпозиума опубликованы в сборнике «Древние культуры Средней Азии и Индии» (Л., 1984).

Следует также упомянуть две дискуссии по проблемам древнего Востока. Первая из них состоялась на страницах «Вестника древней истории» (1980, № 3; 1981, № 2; 1982, № 3, 4; 1984, № 2) и была посвящена проблеме прародины индоевропейских племен. Ее основными участниками были академик Т. В. Гамкрелидзе, И. М. Дьяконов, Вяч. Вс. Иванов, Л. А. Лелеков. Вторая дискуссия, результаты которой были опубликованы в журнале «Народы Азии и Африки» (1984, № 2 и 3), охватывала различные проблемы изучения государства и права древнего Востока (возникновение права, взаимовлияние между религией, этикой и правом, типы права и типы культуры, вопрос о восточной деспотии, концепция собственности). В основу дискуссии была положена статья В. А. Якобсона «Некоторые проблемы исследования государства и права древнего Востока», опубликованная в том же журнале.

В течение истекшего пятилетия были изданы в русском переводе многие книги зарубежных специалистов по древнему Востоку. Упомянем лишь некоторые из них: И. Е. Гельб «Опыт изучения письма» (М., 1982), С. Ллойд «Археология Месопотамии» (М., 1984), Дж. Г. Маккуин «Хетты и их современники в Малой Азии» (М., 1983), Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсен, Т. Якобсон «В преддверии философии» (М., 1984), сборник статей «Древняя Эбла» (М., 1985), Я. Лышинская, М. Марциняк «Мифология древнего Египта» (М., 1983), П. Элебрахт «Трагедия пирамид» (М., 1985), Р. Б. Пандей «Древнеиндийские домашние обряды» (М., 1982), Д. Чаттопадхьяя «Живое и мертвое в индийской философии» (М., 1981).

Мы остановились лишь на некоторых наиболее значимых направлениях в изучении древнего Востока в СССР за истекшее пятилетие и упомянули только отдельные монографические труды, сборники и публикации, представляющие особый интерес. Однако из этого даже краткого обзора видны большие успехи, которых добились советские ученые в разработке истории и культуры стран Востока в эпоху древности. В ближайшее время выйдут из печати многие другие крупные исследования, впереди большая работа по дальнейшему исследованию различных проблем, значение которых выходит за рамки собственно древневосточных штудий.

SOVIET RESEARCH ON THE ANCIENT ORIENT, 1981—1985

G. M. Bongard-Levin, M. A. Dandamayev

The authors sum up the results of the last five years of Soviet research studies on the ancient orient and consider the chief directions taken in these studies of the history and culture of that area as reflected in the works of Soviet scholars in Moscow, Leningrad and the Union and Autonomous republics. A list is given of the principal works published in this period on problems related to historical and cultural development in ancient oriental lands.

С. Г. Карпюк

КЛИСФЕНОВСКИЕ РЕФОРМЫ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ В ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКИХ АФИНАХ

Реформы Клисфена издавна привлекли к себе внимание историков, и мы не будем стремиться охватить все проблемы, связанные с ними. Наша цель скромнее: выявить ту роль, которую они играли в социально-политической борьбе в Аттике в конце VI в. до н. э., и насколько они сами были результатом этой борьбы.

В последние десятилетия появилось много исследований по рассматриваемой теме, причем особо следует выделить дискуссию о приеме «новых граждан» (неополитов) [1]. В западной историографии реформы Клисфена очень часто рассматриваются в отрыве от политической борьбы своего времени, как пример установления какой-то абстрактной демократии, «представительного правительства» и т. п.[2] Другая часть исследователей, напротив, рассматривают клисфеновские преобразования лишь как некий «ход» в «партийной» (или «региональной») борьбе, который должен был утвердить Алкмеонидов у власти, считая установление демократии чуть ли не побочным продуктом этой политической игры [3]. И даже в самых содержательных работах буржуазных историков политическая борьба вокруг клисфеновских реформ почти никогда не связывается с экономическим развитием и изменениями в социальной структуре [4].

Этот аспект исследования был выдвинут еще в конце XIX в. основоположниками марксизма. Ф. Энгельс высоко оценивал значение клисфеновских реформ, рассматривая их как важнейшую веху формирования античного рабовладельческого государства. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» он поставил их в «ряд так называемых политических революций», начатых Солоном [5]. В результате реформ Клисфена «органы родового строя были оттеснены от государственных дел» [6]. Как зарубежные историки-марксисты, так и советские ученые,

---

[1] *Knight D. W.* Some Studies in Athenian Politics in the Fifth Century B. C. Wiesbaden, 1973, p. 13 f.; *Garcia Moreno L. A.* El ultimo cuarto del siglo VI a. C. en Atenas.— Hispania, 1976, № 132, p. 114 sg.; *Grace E.* Aristotle and the «Enfranchisment of Aliens» by Kleisthenes.— Klio, 1974, 56, S. 353—368.

[2] *Larsen J. A. O.* Representative Government in Greek and Roman Antiquity. Berkeley, 1973, p. 14—18; *idem.* The Judgement of Antiquity on Democracy.— CPh, 1954, 49, № 1, p. 1—14.

[3] *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700—338. Berkeley, 1976, p. 157; *idem.* Regionalism in Archaic Athens.— Historia, 1960, B. 9, H. 2, S. 169—173; *Schaefer H.* Besonderheit und Begriff der attischen Demokratie im 5. Jh.— In: Synopsis: Festgabe für A. Weber. Heidelberg, 1948, S. 479—503.

[4] *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. L., 1968, p. 87—99; *idem.* The Greek State. 2nd ed. L., 1969, p. 20—29; *Wade-Gery H. T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958, p. 135 —154.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 115.

[6] Там же, с. 118.

к сожалению, крайне редко обращаются к изучению клисфеновских преобразований. Однако следует отметить работы английского историка Дж. Томсона [7] и французского историка П. Левека [8]. В советской науке еще в конце 30-х годов появилось специальное исследование С. Гельфенбейна о реформах Клисфена [9]. В 60-е годы в книге К. К. Зельина были поставлены и удачно решены некоторые проблемы социально-политической борьбы в Афинах в конце VI в., хотя автора преимущественно интересовал более ранний период истории Аттики [10]. Деятельность Клисфена-политика рассматривалась В. М. Строгецким и Э. Д. Фроловым [11], а вопрос о приеме неополитов был затронут в исследованиях А. И. Доватура, Л. М. Глускиной и Э. Грейс [12]. Однако специально вопрос о значении реформ Клисфена для социально-политического развития Афин конца VI — начала V в. в послевоенной советской историографии не рассматривался.

Обратимся к древним авторам. Геродота мало интересовало само содержание реформ, и он посвящает им всего несколько строк (V, 66, 69; VI, 131), указывая, что Клисфен переименовал филы, увеличив их число до 10, а в каждую филу входило по 10 демов. Из сохранившихся фрагментов аттидографов для нашей темы представляют некоторый интерес фрагменты Андротиона, в которых сообщается о введении Клисфеном новых должностей (FGrH, 324 F 5) и остракизма (FGrH, 324 F 6), а также свидетельство Филохора о притании (FGrH, 328 F 30).

Некоторая ясность в вопрос о составе и дате принятия клисфеновских реформ была внесена после обнаружения «Афинской политии». Аристотель широко использовал труд Геродота при описании политической борьбы, предшествующей реформам Клисфена [13]. Но для описания содержания реформ труд Геродота почти ничего не давал, и к тому же Аристотель вел с ним скрытую полемику: так, он не повторил ошибочного утверждения Геродота (V, 69) о том, что в каждую филу входило по 10 демов. Было бы ошибкой полагать, что Аристотель полностью следовал аттидографической традиции: во всяком случае датировка введения остракизма в «Афинской политии» отличается от датировки Андротиона (FGrH, 324 F 6) [14]. В распоряжении Аристотеля были, очевидно, некоторые документальные источники (высеченные на плитах постановления народного собрания, датированные именами архонтов). Так, клятву членов Совета пятисот, которая дошла до нас только частично (IG, I², 114), он мог знать полностью. Источником для характеристики клисфеновских преобразований было для Аристотеля и современное ему государственное устройство Афин, основы которого были заложены Клисфеном. Поэтому философ не всегда ясно представлял, какие преобразования были проведены самим Клисфеном, а какие — после него. Некоторые иссле-

---

[7] *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. Т. II. М., 1959, с. 197 сл., 212—216; *Thomson G.* Aeschylus and Athens. 2nd ed. L., 1946, p. 200—209, 221 f.

[8] *Lévêque P.* Formes des contradictions et vois de development à Athenes de Solon à Clisthénes.— Historia, 1978, B. 27, H. 4, S. 522—549.

[9] *Гельфенбейн С.* Революция Клисфена.— Уч. зап. ЛГУ. Сер. история, 1939, № 36, вып. 3, с. 181—187.

[10] *Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.

[11] *Строгецкий В. М.* Клисфен и Алкмеониды.— ВДИ, 1972, № 2, с. 97—107; *Фролов Э. Д.* Политические лидеры афинской демократии.— В кн.: Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983, с. 6—22.

[12] *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.— Л., 1965, 128 сл.; *Глускина Л. М.* О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э.— ВДИ, 1965, № 1, с. 51—60; *Grace.* Op. cit.

[13] *Доватур.* Политика..., с. 309; *Wilamowitz-Moellendorf U., von.* Aristoteles und Athen. B. I. B., 1893, S. 29—33; *Day J., Chambers M.* Aristotle's History of Athenian Democracy. Berkeley, 1962, p. 104 f.

[14] *Kagan D.* The Origin and Purposes of Ostracism.— Hesperia, 1961, v. 30, № 4, p. 393—401.

дователи даже полагают, что Аристотель умышленно неопределенно высказался о клятве булевтов и учреждении стратегии, поскольку не мог соотнести их с деятельностью Клисфена [15].

Однако наиболее значительное преобразование Клисфена — реформа фил и создание дѐмов как административных единиц — четко относится Аристотелем к самому началу реформ и датируется годом архонтства Исагора — 508/7 г. (Ath. pol. 21,1—2,4—6), что согласуется с сообщениями Геродота (V, 66, 69). Поллукс в «Ономастиконе» (VIII, 110) датирует эти преобразования архонтством Алкмеона, что соответствует следующему, 507/6 г. По всей видимости, эти реформы были начаты в конце 508/7 г. и завершены в основных чертах в течение следующего года [16].

То, что реформа фил была проведена в первую очередь, неудивительно; все остальные преобразования уже основывались на новом делении граждан. Вместо четырех старых фил (точнее, не «вместо», а «вместе»: старые филы сохранились для культовых нужд) [17] было создано 10 новых, основанных на территориальном принципе (Ath. pol. 21, 2). Но каждая из фил не составляла целостной территории; вся Аттика была поделена на три части: город (ἄστυ), прибрежную (παραλία) и внутреннюю (μεσόγειος), причем каждая фила состояла из трех частей («триттий») — по одной от каждого региона Аттики. Распределение триттий по филам происходило, как утверждал Аристотель (не совсем верно, как будет показано ниже), по жребию. Самой мелкой, но, пожалуй, самой важной административной единицей стал дем. В деме хранился список его членов (полноправных граждан), общее собрание демотов избирало сроком на год старосту дема — демарха. Именно в деме устанавливалась принадлежность афинянина к числу граждан. Демы значительно различались по населенности, и крупнейший из них, Ахарны, образовывал целую триттию. Число демов в филах строго не лимитировалось (например, в филе Эантиде никогда не было более 6 демов) [18], а всего демов было значительно больше ста. Страбон (IX, 1, 16) сообщает, что к его времени существовало 170 (или 174) демов. Несмотря на то, что демы были территориальными единицами, принадлежность к дему передавалась по наследству: если афинский гражданин жил во время реформ Клисфена в каком-то деме, то его потомки продолжали принадлежать к тому же дему, вне зависимости от их места жительства.

На основе нового деления гражданского коллектива был создан новый Совет — Совет пятисот, включавший по 50 представителей от каждой филы (Ath. pol. 21, 3); члены Совета (булевты) выбирались по демам, пропорционально численности последних (жеребьевка была введена в середине V в.) [19]. Совет пятисот не мог начать свою деятельность ранее 507/6 г., а при архонте Гермокреонте (501/0 г.) была уже введена «клятва булевтов» (Ath. pol. 22, 2). Более точно датировать учреждение Совета пятисот затруднительно, но нам представляется более вероятной сравнительно ранняя датировка — 507—504 гг.

Аристотель перечисляет среди клисфеновских преобразований и закон об остракизме, который был направлен против политических деятелей, заподозренных в стремлении к тирании (Ath. pol. 22, 1). На специально созванных народных собраниях решалось, есть ли кандидатуры для

---

[15] *Day, Chambers.* Op. cit., p. 106.

[16] *Wilamowitz-Moellendorf.* Op. cit., B. 1, S. 23 f.; *Aristotle.* Constitution of Athens/ /Ed. by Sandys J. L., 1912, p. 89; *Seager R.* Herodotus and Ath. pol. on the Date of Cleisthenes' Reforms.— AJPh, 1963, v. 84, № 3, p. 287—289; *Bicknell P. J.* Athenian Politics and Genealogy.— Historia, 1974, B. 23, H. 2, S. 146 f.

[17] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. H. 2. 3. Aufl., bearb. von Swoboda H. München, 1926, S. 879 f.; *Sealey.* A History..., p. 151.

[18] *Lewis D. M.* Cleisthenes and Attica.— Historia, 1963, B. 12, H. 1, p. 30.

[19] *Rhodes P. J.* The Athenian Boule. Oxf., 1972, p. 7, 12; *Laix R. A., de.* Probouleusis at Athens. Berkeley, 1976, p. 21.

остракизма и кто должен быть изгнан (голосование проводилось черепками — ὄστρακα). Изгнание длилось 10 лет и не сопровождалось лишением гражданских прав и конфискацией имущества. Далее Аристотель указывает, что остракизм впервые был применен против Гиппарха, сына Харма, в 488/7 г.— почти через 20 лет после его учреждения (Ath. pol. 22, 3—4).

Большинство исследователей вслед за Аристотелем датируют введение остракизма концом VI в., по-разному объясняя отсрочку в его использовании, но некоторые ученые, основываясь на сообщении Андротиона (FGrH, 324 F 6), считают, что никакой отсрочки не было и что остракизм был учрежден непосредственно перед изгнанием Гиппарха, сына Харма [20]. И Аристотель, и Андротион основываются в данном случае на какой-то противоречивой поздней традиции [21], и, исходя из этого, можно прийти к заключению, что нельзя более точно датировать закон об остракизме, чем периодом между 508/7 и 488/7 г. [22] Однако сравнительно недавно была опубликована выдержка из византийской рукописи XV в. (Codex Vatic. Gr. 1144), содержащая сведения об остракизме, восходящие, как полагают, к Феофрасту [23]. Во фрагменте утверждается, что закон об остракизме в Афинах был введен Клисфеном (1), что сначала вопрос об остракизме решался в Совете (3—5) и черепки бросались внутри ограды булевтерия (6). Для изгнания сначала требовалось более 200 черепков (7), но затем демос увеличил число требуемых для остракизма голосов (10—11). Один из издателей текста, А. Раубичек, предположил, что «остракизм был введен Клисфеном в короткий период времени между концом тирании и его собственным изгнанием», не действовал после возвращения Клисфена из изгнания (508/7 г.) и только после битвы при Марафоне стал активно применяться, но уже в новой версии [24]. Однако Клисфен до своего изгнания в 508/7 г. никаких преобразований не осуществлял, хотя Геродот и сообщает о реформах Клисфена до описания заключительной стадии борьбы Клисфена и Исагора (Herod., V, 66—73). Но это еще не может служить доказательством более ранней даты реформ Клисфена: Геродот в своем труде не стремился к хронологическому описанию событий (исключение составляет история самих Греко-Персидских войн). Для хронологии важнее свидетельство Аристотеля: «Побеждаемый гетериями, Клисфен возглавил демос, передавая государство большинству (ἀποδιδοὺς τῷ πλήθει τὴν πολιτείαν)» (Ath. pol. 20, 1) (отмечена незавершенность процесса) [25]. Клисфен не мог приступить к осуществлению преобразований в короткий период до своего изгнания Исагором, и поэтому гипотеза А. Раубичека представляется нам ошибочной.

С другим предположением выступил Д. Маккаргар, по мнению которого под βουλή следует понимать новый Совет пятисот. То, что остракизм был сначала прерогативой Совета пятисот, является, по его мнению, свидетельством силы этого органа в момент его зарождения. Как считает Д. Маккаргар, $^2/_5$ голосов членов Совета пятисот было достаточно для утверждения остракизма, причем объясняется это сложностью политиче-

---

[20] Литература по вопросу об остракизме велика. Основные работы (с библиографией): *Busolt.* Op. cit., S. 884—887; *Carcopino J.* L'ostracisme athénien. P., 1935; *Dover K. J.* Androtion on Ostracism.— ClR, 1963, 13, p. 256 f.; *Keaney J. J.* The Text of Androtion F 6 and the Origin of Ostracism.— Historia, 1970, B. 19, H. 1, S. 1—11. Ср. также сообщение Филохора (FGrH, 328 F 30) и комментарий Ф. Якоби (FGrH, T. IIIb, v. I, p. 315 f.).

[21] *Day, Chambers.* Op. cit., p. 13.

[22] *Buck R. J.* The Reforms of 487 B. C. in the Selections of Archons.— CPh, 1965, v. 60, № 2, p. 99 f.

[23] *Keaney J. J., Raubitscheck A.* A Late Byzantine Account on Ostracism.— AJPh, 1972, v. 93, № 1, p. 87—91.

[24] Ibid., p. 90.

[25] *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. B. III. Stuttgart—Berlin, 1937, S. 740 f.; *McCargar D. J.* The Relative Date of Kleisthenes' Legislation.— Historia, 1976, B. 25, H. 4, p. 386.

ской обстановки в Афинах в конце VI в.[26] Однако при сложной политической обстановке в Совете могло возникнуть равенство сил, и тогда могли быть сразу изгнаны руководители обеих противоборствующих группировок, что абсурдно. Если же на стороне Клисфена было большинство Совета, то какой смысл был в установлении достаточности $^2/_5$ голосов? Гипотеза Д. Маккаргара представляется нам поэтому надуманной и необоснованной.

Можно выдвинуть предположение, что остракизм был введен Клисфеном для борьбы со своими политическими противниками в 508/7—507/6 гг., когда реформационная деятельность еще только начиналась и Совет пятисот не был избран. Поэтому еще функционировал Совет четырехсот, на который Клисфен мог вполне полагаться: ведь именно этот орган оказал сопротивление Клеомену и Исагору (Herod., V, 72; Ath. pol. 20, 3) [27]. Простого большинства этого Совета (201 голоса) было достаточно для утверждения остракизма. После упразднения Совета четырехсот (а может быть, позднее) полномочия по изгнанию остракизмом были переданы Народному собранию. Возможно, что Гиппарх, сын Харма, первым был изгнан остракизмом именно Народным собранием, но, может быть, были какие-то причины отсрочки применения этого грозного оружия политической борьбы на два десятилетия (основные противники Клисфена — Исагор и его сторонники — были либо изгнаны, либо казнены, и реформы не наталкивались на сильную оппозицию). Однако в любом случае учреждение остракизма связано с клисфеновскими преобразованиями.

Как уже отмечалось, Аристотель датирует клятву булевтов 12-м годом перед Марафонской битвой [28], и тогда же «они (афиняне.— *С. К.*) начали избирать стратегов по филам, по одному из каждой филы, причем предводителем всего войска был полемарх» (Ath. pol. 22, 2). Нет никаких оснований, подобно Виламовицу [29], сомневаться в правильности сообщения Аристотеля. Существование должности стратега до Клисфена не зафиксировано: конечно, Аристотель называет Писистрата στρατηγός (Ath. pol. 22, 2), часто использует этот термин и Геродот (например, Писистрат получил стратегию для войны с мегарцами — Herod., I, 59), но, судя по контексту, στρατηγός в рассматриваемых случаях имеет более широкий смысл — военачальник вообще [30]. Учреждение выборных стратегов вытекало из клисфеновских реформ — принцип выборности был распространен и на вооруженные силы (гражданское ополчение). В 507—501 гг.

---

[26] *McCargar D. J.* New Evidence for the Kleisthenic Boule.— CPh, 1976, v. 71, № 3, p. 248—252.

[27] И Геродот, и Аристотель говорят просто о Совете (βουλή), не уточняя, каком именно. Теоретически существуют три возможности: Совет Ареопага, Совет четырехсот и новый, клисфеновский Совет пятисот. Предположение о том, что это был Совет пятисот (*Schachermeyr F.* Zur Chronologie der kleisthenischen Reformen.— Klio, 1932, 25, S. 334—337; *Kienast D.* Die innerpolitische Entwicklung Athens im 6. Jh.— Historische Zeitschrift, 1965, 200, S. 273) малообосновано. Даже если допустить, что клисфеновские реформы были одобрены до спартанской интервенции (что само по себе невероятно), невозможно поверить, чтобы Совет пятисот с его сложной избирательной системой мог так быстро быть организован. Более серьезные основания имеет отождествление с Советом Ареопага (*Ehrenberg.* From Solon to Socrates, p. 87; *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B. C. Oxf., 1952, p. 128; *Garcia Moreno.* Op. cit., p. 104; *Oliva P.* The Birth of Greek Civilization. L., 1981, p. 148). Однако, как нам представляется, для Клеомена и Исагора бо́льшую опасность представлял Совет четырехсот, который избирался более демократическим путем и который Исагор должен был стремиться распустить в первую очередь, а не Ареопаг, членом которого Исагор должен был стать после окончания срока архонтства. Демос к тому же скорее бы пошел за Советом четырехсот, чем за Ареопагом (см. *Cloché P.* La Boulé d'Athènes en 508/7 avant J.-C.— REG, 1924, v. 37, № 1, p. 1—26; *Rhodes.* Op. cit., p. 209).

[28] *Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian «Athenaion Politeia». Oxf., 1981, p. 263 f.

[29] *Wilamowitz-Moellendorf.* Op. cit., B. II, S. 78.

[30] *Fornara Ch. W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971, p. 5—8.

ополчение строилось уже на основе новых 10 фил, но командование осуществлялось по-старому (возможно, оно находилось в руках филархов [31]). После введения стратегии общее руководство находилось в руках архонта-полемарха, но конкретным командованием военными операциями занимались стратеги: в качестве примера можно указать на Марафонскую битву (Herod., VI, 104—114).

Андротион (FGrH, 324 F 5; 36) утверждает, что Клисфен учредил аподектов (сборщиков налогов и пошлин) вместо колакретов, и некоторые исследователи признавали достоверность этого утверждения [32]. Но в последнее время были выдвинуты обоснованные возражения: колакреты как финансовые магистраты существовали по крайней мере до 416/5 г. (IG, I^2, 19, 338), а первое упоминание об аподектах относится к 418/7 г. (IG, I^2, 94) [33]. Поэтому сообщение Андротиона не соответствует действительности.

Более сложным представляется вопрос об учреждении пританий. Поскольку Совет пятисот был слишком громоздок для постоянного управления государством, создается комитет из 50 пританов («председателей»), которые постоянно находились в толосе — здании, примыкавшем к булевтерию, где заседал Совет (Ath. pol. 43, 2; 62, 2). Исполняли обязанности пританов члены Совета от определенной филы поочередно, и поэтому афинский гражданский год делился на 10 месяцев [34]. Главной задачей пританов было рассмотрение текущих дел в промежутках между заседаниями Совета и Народного собрания. Их функции хорошо известны по более поздним источникам (например, IG, I^2, 16; Plat., Gorg. 516 d—e), но дискуссионным остается вопрос о времени зарождения этого института: входил ли он в число клисфеновских нововведений или основателем его нужно считать Эфиальта либо Перикла. Филохор (FGrH, 328 F 30) упоминает пританию в связи с введением остракизма. Но это свидетельство аттидографа не позволяет более точно датировать установление притании, чем временем до 462/1 г.[35].

Итак, к числу клисфеновских реформ, по нашему мнению, следует причислить реформу фил и образование демов и триттий, учреждение Совета пятисот и стратегии, а возможно, и введение остракизма. Учреждение притании, а также утверждение присяги членов Советов пятисот, вероятно, произошли уже после смерти Клисфена (или его ухода от политической жизни), но тем не менее они «вписываются» в программу реформ, представляя их логическое завершение. Конечно, реформы 80-х (избрание архонтов по жребию) и 60—50-х годов V в. (ограничение роли Ареопага, введение оплаты магистратур) связаны с клисфеновскими реформами, но они представляют уже новый этап в развитии афинской демократии.

Источники не дают ясного и точного ответа на вопрос, кем принимались клисфеновские реформы, поэтому предполагались самые разные государственные органы. В начале XX в. господствовало мнение, что, только будучи архонтом, Клисфен мог проводить свои реформы [36]. После обнаружения в 1930-х годах фрагмента списка архонтов [37] стало очевидно, что архонтом в последнее десятилетие VI в. Клисфен быть не мог, поскольку занимал эту должность в 525/4 г. Была также выдвинута гипотеза, что главную роль в подготовке и проведении реформ играла возглавляемая Клисфеном комиссия [38]. Это, конечно, возможно,— ведь реформы долж-

---

[31] Ibid., p. 10.
[32] *Wilamowitz-Moellendorf.* Op. cit., B. I, S. 52.
[33] FGrH, T. IIIb, v. 1, p. 117—118; *Rhodes.* The Athenian Boule, p. 98 f.
[34] *Meritt B. D.* The Athenian Year. Berkeley, 1961.
[35] Подробно анализировавший это свидетельство Ф. Гшнитцер предлагает датировку: между 487/6 и 462/1 гг., принимая датой установления остракизма 488/7 г. (*Gschnitzer F.* Prytanis.— RE, Supplbd. 13, 1973, Sp. 756—758).
[36] *Wilamowitz-Moellendorf.* Op. cit., B. I.
[37] *Meritt B. D.* An Early Archon List.— Hesperia, 1939, v. 8, № 4, p. 59—65.
[38] *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. B. I, Abt. 2.— 2. Aufl. B., 1926, S. 327 — 333.

ны были быть подготовлены, требовало времени определение границ демов и состава триттий и фил,— но в нашем распоряжении нет никаких сведений о существовании подобной комиссии.

В последнее время стало преобладать мнение, что реформы Клисфена утверждались посредством псефисм — постановлений Народного собрания [39]. С этим невозможно не согласиться. Народное собрание обладало важными полномочиями, признавалось в принципе (даже в период тирании) высшим органом государственной власти и могло принимать решения об изменениях в законодательстве. Это подтверждают свидетельства источников. Оратор IV в. Андокид сообщает о постановлении Народного собрания о запрещении пыток граждан, принятом при архонте Скамандрии (τὸ ἐπὶ Σκαμανδρίου ψήφισμα), очевидно, в 510/9 г.— совсем незадолго до реформ Клисфена (Andoc., De myst. 43). Казнь сторонников Исагора, конфискация их имущества и разрушение их домов также были совершены, как сообщает схолиаст в «Лисистрате» Аристофана (стф. 273), по постановлению Народного собрания. Сообщение схолиаста восходит к подлинному афинскому декрету [40]. Вывод первых афинских клерухий на Саламин (IG, I², 1) и в Халкиду (Herod., V, 77) в самом конце VI в. также осуществлялся по решению Народного собрания. Знаменитая Саламинская надпись (IG, I², 1) начинается словами: ἔδοξεν τῷ δήμῳ — «решено народом». Наконец, замечание Аристотеля (АП 20, 1) о том, что Клисфен передал государственную власть в руки большинства, можно рассматривать как указание на решающую роль Народного собрания. И, по нашему мнению, именно здесь обсуждались и утверждались реформы, которые становились имеющими силу закона постановлениями Народного собрания. Возможно, Клисфен сам выдвигал их как частное лицо (или как член Ареопага), возможно, это делалось его сторонником-архонтом (например, Алкмеоном) — точных сведений у нас нет. Однако то, что традиция сохранила имя Клисфена, не случайно: очевидно, подлинным инициатором преобразований был он.

Тогда встает другой вопрос: какова была цель Клисфена, к чему он стремился, осуществляя реформы? Эту *субъективную* цель необходимо отличать от *объективных* последствий действий политика, которые значительно отличаются друг от друга. И цель Клисфена, и последствия его преобразований могут послужить ключом к пониманию сущности реформ, к выявлению поддерживающих реформы разнородных социальных сил, а также тех, кто выступал против преобразований.

Геродот полагал, что Клисфен «презирал ионийцев» и поэтому, подражая своему деду по матери Клисфену Сикионскому (который презирал дорийцев), переименовал филы в Афинах и увеличил их число (Herod., V, 67—69). В «Афинской политии» реформы Клисфена рассматриваются как этап в демократических преобразованиях: «После того как они (реформы Клисфена.— *С. К.*) были проведены, государственный строй (πολιτεία) стал намного более демократическим, чем при Солоне» (Ath. pol. 22, 1). Клисфен стремился учитывать интересы демоса: «Клисфен издавал другие, новые законы, имея в виду (интересы) большинства» (Ath. pol. 22, 1). А в «Политике» прямо говорится, что Клисфен желал «укрепить демократию» (1319 b). Таким образом, по мнению Аристотеля, цель Клисфена — продолжить демократические преобразования, начатые Солоном, в интересах всего афинского демоса.

Конечно, трудно дать обзор всех точек зрения, высказанных историками XIX—XX вв. о цели клисфеновских реформ. Мы не будем касаться модернизаторских концепций, которые представляли Клисфена вырази-

---

[39] *Wade-Gery*. Essays..., p. 142—144; *Hignett*. A History..., p. 124—128; *Laix*. Op. cit., p. 20; *Garcia Moreno*. Op. cit., p. 104 sq.

[40] IG, I², p. 272.

телем интересов «торговой партии» или «нового класса капиталистов» [41]. Это давно прошедший этап и, если можно так выразиться, плюсквамперфект исторической науки. Многие историки идут по другому пути, присоединяясь к точке зрения древних авторов, и в частности Геродота, о том, что Клисфен в своих преобразованиях подражал деду [42], несмотря на коренное отличие целей и методов обоих государственных деятелей. Однако большинство солидаризуются с Аристотелем в оценке Клисфена как демократического реформатора, действовавшего в интересах основной массы афинского гражданства [43]. Такое мнение в целом верно, хотя и нуждается, как будет показано ниже, в определенных уточнениях.

П. Бикнелл, ссылаясь на Аристотеля, высказал предположение, что основной целью реформ Клисфена было увеличение числа граждан и скорейшая адаптация неополитов [44]. Однако вряд ли в распоряжении Аристотеля были точные сведения о задачах, которые ставил Клисфен в своей реформаторской деятельности, и философ, несомненно, исходил из общей направленности его реформ. К тому же нам кажется необоснованным предположение о том, что Аристотель считал расширение гражданского коллектива главной целью клисфеновских преобразований. Обратимся к отрывкам, которые приводятся для обоснования указанной гипотезы.

Ath. pol. 21, 2: Клисфен хотел перемешать всех граждан, «чтобы они приняли участие в большем (числе) государственных дел» (ὅπως μετάσχωσι πλείους τῆς πολιτείας) [45]. Многие исследователи, однако, понимают πολιτεία как «гражданство» («чтобы большее число разделило гражданство»), другие, переводя πολιτεία как «государственные дела», тем не менее утверждают, что «эти слова указывают на увеличение состава граждан» [46]. Следует отметить, что в данном месте речь идет именно о реформе фил (а неополиты могли быть приняты только через демы),— так что и контекст не свидетельствует о правильности понимания πολιτεία в смысле «гражданство», «гражданские права». Такое употребление термина πολιτεία вообще нехарактерно для Аристотеля: более обычны «государство», «государственное устройство», «государственные дела» [47].

Ath. pol. 21,4: «Он (Клисфен.— *С. К.*) сделал демотами всех жителей в каждом из демов, чтобы они не выделяли неополитов, называя имя отца (πατρόθεν), но именовали (по названиям) демов». Здесь действительно идет речь о неополитах, но Аристотель не рассматривает их принятие в состав граждан как основную цель реформ. Обязательное использование названия дема вместо имени отца рассматривается как средство их успешной адаптации (хотя надписи показывают, что после клисфеновских реформ применялись оба способа наименования граждан).

«Политика», 1319 b: «Чтобы установить этот вид демократии (радикальную демократию.— *С. К.*) и усилить демос, ее руководители обычно стараются принять в свою среду как можно больше людей и сделать гражданами не только законнорожденных, но и незаконных и даже таких, у кого один из родителей имеет гражданские права — отец или мать. Дело в том, что все эти элементы особенно сочувствуют такой демократии... Еще для

---

[41] Например: *Beloch.* Griechische Geschichte. B. I, Abt. 2, S. 327—333; *Ure P. N.* The Origin of Tyranny. N. Y., 1962, p. 61 f. См. также: *Лурье С. Я.* История античной общественной мысли. М.— Л., 1929, с. 147.

[42] *Schaefer.* Op. cit., S. 479—503; *Schefold K.* Kleisthenes.— Museum Helveticum, 1946, v. 3, fasc. 2, S. 73.

[43] *Ehrenberg V.* Origins of Democracy.— Historia, 1950, 1, S. 541—543; *Wade-Gery.* Essays..., p. 135—154; *Hignett.* Op. cit., p. 156—158.

[44] *Bicknell P. J.* Whom Did Kleisthenes Enfranchise.— Parola del dassato, 1969, 124, p. 34—39.

[45] Благодарю Ю. Г. Виноградова за корректировку перевода.

[46] *Аристотель.* Афинская полития: Государственное устройство афинян/Пер. и комм. Радцига С. И. М.— Л., 1936, с. 50.

[47] См. подробный комментарий: *Rhodes.* A Commentary..., p. 250.

подобной демократии полезны и такие приемы, которыми воспользовались: в Афинах Клисфен, когда захотел иметь демократию, и те, которые стремились установить власть демоса в Кирене. Ведь нужно создавать новые и увеличивать число фил и фратрий, частные культы надо объединить в небольшое количество и сделать их общими, и надо делать всевозможные ухищрения, чтобы все как можно больше перемешались между собой, а прежние объединения должны быть разрушены» [48].

В данном отрывке нет прямой связи между темой о приеме новых граждан и деятельностью Клисфена. Тем более что речь идет о тех, у кого только отец или мать — граждане, а вряд ли эта категория претендентов на гражданство была значительной в конце VI в. Аристотель здесь явно обобщает опыт различных преобразователей. Это подтверждает и заключительная фраза, где реформы Клисфена (создание новых фил) перечислены вместе с преобразованиями, проведенными в Кирене и затронувшими фратрии и частные культы (жречества),— из «Афинской политии» (21, 6) известно, что Клисфен не затронул ни фратрий, ни жречеств [49].

«Политика», 1275 b: «Но, может быть, наибольшую трудность представляет вопрос о тех, кто принимал участие в государственном перевороте (ὅσοι μετέσχον μεταβολῆς γενομένης πολιτείας). Вот что сделал в Афинах Клисфен после изгнания тиранов: он включил в филы многих иноземцев и рабов (и?) метеков (πολλοὺς γὰρ ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους)». Последнее предложение остается не совсем понятным: ясно только, что Клисфен, как считает Аристотель, включил в филы многих иноземцев. Сословия метеков в доклисфеновское время не существовало; высказывалось предположение, что оно было создано Клисфеном, но первое упоминание об афинских метеках как о сословии относится к 460-м годам (IG, I², 188. 52) [50]. Говорить о получении гражданских прав рабами в VI в. невозможно. Исследователями было выдвинуто немало объяснений этого места [51]; остановимся на некоторых из них, наиболее правдоподобных.

Еще М. С. Куторга предложил прочтение: «Клисфен ввел в колена многих метеков иностранцев и многих метеков рабов» [52]. Но такое прочтение основывалось на ошибочном предположении о существовании сословия метеков (причем разделенном на два разряда) до Клисфена. Матье предложил вставить ἐποίησε (καὶ δούλους ⟨ἐποίησε⟩ μετοίκους), т. е. Клисфен включил в филы иностранцев, а рабов сделал метеками [53], но его гипотеза порождает некоторые грамматические неувязки [54]. По мнению Хигнета, выражение «рабы-метеки» имело презрительный оттенок и относилось к гектеморам [55]. Вряд ли, однако, Аристотель мог пользоваться столь «сниженной» терминологией в своем теоретическом труде, хотя выражение «рабы-метеки» обычно для языка IV в.[56] По мнению Бикнелла, ξένοι — это наемники тиранов, потерявшие права гражданства в результате диапсефисмы после свержения тирании, но затем перешедшие на сторону Клисфена и получившие их вновь [57]. Такое предположение слишком гипотетично и не находит подтверждения в источниках.

---

[48] *Аристотель.* Политика/Пер. Жебелева С. А. М., 1911.

[49] *Глускина Л. М.* Фратрия и род в структуре афинского полиса в IV в. до н. э.— ВДИ, 1983, № 3, с. 43.

[50] См. *Whitehead D.* The Ideology of the Athenian Metic. Cambr., 1977, p. 144 — 146. Термин «метек» употреблялся в надписях и до 510 г., но в них он не имел «формального» значения (ibid., p. 64, 168).

[51] Обзор их см.: *Доватур.* Политика..., с. 128 сл.; *Weil R.* Aristote et l'histoire: Essai sur la «Politique». P., 1960, p. 258 suiv.

[52] *Куторга М. С.* Собр. соч. Т. I. Спб., 1894, с. 229, 470, 500.

[53] Цит. по: *Доватур.* Политика..., с. 355.

[54] *Weil.* Op. cit., p. 258 suiv.

[55] *Hignett.* Op. cit., p. 133.

[56] *Davies J. C.* Athenian citizenship.— CJ., 1977/8, v. 73, № 2, p. 116.

[57] *Bicknell.* Op. cit., p. 34—39.

Подводя итог, следует отметить, что хотя Аристотель и писал о приеме новых граждан (и даже «многих») во время клисфеновских реформ, он не рассматривал это мероприятие как главную цель преобразователя. По его мнению, это одно из средств (наряду, например, с «перемешиванием» граждан) для усиления централизации государства [58]. Сообщения Аристотеля не совсем ясны и восходят, очевидно, к аттидографической традиции, а не к записи текста реформ. Характерно, что тенденция связывать клисфеновские реформы с увеличением числа граждан значительно яснее проявляется в теоретическом труде — «Политике», а не в носящей более прикладной характер «Афинской политии». Это можно объяснить тем, что философ в данном случае исходил из общей теории о демократизации государства при увеличении числа граждан, а сведения о приеме новых граждан при Клисфене рассматривались как иллюстрация этого положения [59]. Действительно, в IV в. демократические перевороты часто сопровождались увеличением числа граждан, однако для VI—V вв. это нехарактерно (можно указать на проверку гражданских списков при Перикле во время полного господства демократии в Афинах). Поэтому сообщение о предоставлении прав гражданства (в широком масштабе) иноземцам и даже рабам очень сомнительно. Было бы странно, если бы Народное собрание, одобрившее около 510 г. уменьшение числа граждан (Ath. pol. 13, 5), вдруг резко изменило свою позицию и одобрило бы массовый прием неополитов. Право гражданства уже в VI в. до н. э. было привилегией, которую неохотно распространяли на «чужаков».

Традиция о приеме неополитов при Клисфене основывалась, очевидно, на факте возвращения гражданских прав тем категориям зависимого сельского населения Аттики, которые получили их при тиракии и лишились в результате диапсефисмы около 510 г. Возможно, гражданство было предоставлено также небольшому числу иноземцев-ремесленников. Реформы Клисфена не вытекали из необходимости приема и адаптации новых граждан, хотя и сопровождались некоторым увеличением гражданского коллектива.

Мы попытаемся дать собственную интерпретацию цели клисфеновских преобразований (конечно же, на основе достижений предшествующей историографии). Поскольку в нашем распоряжении нет другого материала, цели Клисфена будут реконструироваться на основе анализа самих преобразований. Несмотря на фундаментальный характер клисфеновских преобразований, их нельзя рассматривать в отрыве от конкретной политической борьбы конца VI в. Провозглашая программу реформ, Клисфен рассчитывал (и совершенно обоснованно) приобрести поддержку демоса. Следовательно, преобразования должны были учитывать интересы большинства афинского гражданства. С другой стороны, Клисфена как политика трудно заподозрить в альтруизме: его политическая карьера свидетельствует как раз об обратном (он сначала был архонтом при Гиппии, но впоследствии стал главным организатором свержения тирана; одно время был союзником спартанцев, но затем вступил в борьбу с их ставленником Исагором и т. д.). Поэтому Клисфен не мог не позаботиться об интересах своего геноса — Алкмеонидов и шире — об интересах тех афинских аристократов, которые его поддерживали.

В результате клисфеновских реформ самой мелкой административной единицей стал дем. Дем был территориальной единицей: его членами были все граждане, проживавшие на его территории, вне зависимости от принадлежности к тому или иному геносу. Жители дема избирали демарха, членов Совета пятисот, удостоверяли гражданство и т. п. Учреждение демов способствовало разрыву отношений зависимости, которые могли

---

[58] *Day, Chambers.* Op. cit., p. 34; *Broadbent M.* Studies in Greek Genealogy. Leiden, 1968, p. 165—167.

[59] *Day, Chambers.* Op. cit., p. 111.

связывать (или реально связывали) земледельцев со знатью — не обязательно аристократ оказывался в одном и том же деме с зависимым от него населением. Введение демотикона вместо патронима должно было способствовать осознанию демотами своего единства, а также тому, чтобы аристократы не выделялись из массы граждан.

Создание демов — этой основы демократического строя, его фундамента, было одним из наиболее радикальных клисфеновских преобразований. Но при всем этом Клисфену не было свойственно стремление к излишним нововведениям. Демы — не искусственные образования, а селения, деревни, которые существовали задолго до Клисфена [60]. При отсутствии в историческое время в Аттике сельских общин они могли выполнять некоторые административные функции, что и было развито и закреплено клисфеновским законодательством. Только в самих Афинах большинство демов было образовано искусственным путем.

Принцип наследственного членства в демах может показаться неожиданным или даже противоречащим самому характеру реформ. Но это не так: старые родовые связи были уже подорваны, и наследственный характер принадлежности граждан к *территориальным* демам никак не смог способствовать их возрождению. Наследственное членство в демах было необходимо для поддержания равного представительства от всех фил в Совете пятисот, а главное: для сохранения политического единства афинского гражданства клерухи оставались членами аттического дема (а клерухии не были далекой перспективой: первые из них были выведены уже при Клисфене). Кроме того, один из принципов клисфеновского законодательства заключался в том, что новое, коренным образом отличаясь от старого по содержанию, должно напоминать его по форме или по какой-либо детали [61]. Поэтому в новых, территориальных демах сохранялся старый, родовой принцип наследственного членства и многие из новых демов получили «родовые» названия (Бутады, Пэониды, Титакиды, Эврипиды и т. п.). Об этом пишет и Аристотель: «(Клисфен) назвал одни демы (по названиям) мест, а другие — по (именам) основателей, так как не все они (геносы основателей.— *С. К.*) были могущественны в этих местах» (Ath. pol. 21, 5).

Сложная система новых фил, которые включали триттии из разных частей Аттики, не могла не быть целенаправленной, и еще Аристотель указал, что одной из ее задач было перемешать население (Ath. pol. 21, 3). Аристотель стремился показать, что ее целью было смешение старых граждан с неополитами. В действительности цель Клисфена была и обширнее, и глубже: он стремился «перемешать» все население Аттики для того, чтобы разорвать отношения зависимости, которые связывали аристократов-землевладельцев с зависимым от них (если не экономически, то политически) населением. При этом немалое внимание уделялось и местным культам, которые играли большую роль в политической жизни архаических Афин, часто будучи связанными с тем или иным аристократическим родом [62]. Этим Клисфен буквально выбивал почву из-под ног своих противников из числа знати и уничтожал саму возможность существования политических группировок на локально-родовой основе. Данную мысль можно проиллюстрировать конкретным примером.

Одним из легендарных «городов Кекропа», о которых сообщает Страбон (IX, 1, 20), был Тетраполис на востоке Аттики. Тетраполис состоял из четырех демов — Марафона, Ойнои, Трикорита и Пробалинта, которые

---

[60] Следующие демы известны до клисфеновских реформ: Коллит (АП 14,4), Мелита (*Plut.*, Sol. 10), Скамбониды (*Paus*,. I, 38, 2), Керамик (Керамейо) (*Thuc.*, V, 57,1) и т. д. См. *Raubitschek A*. Dedications from the Athenian Acropolis. Cambr. Mass.,1949, p. 467 f.; *Bicknell P. J.* Athenian politics and genealogy.— Historia, 1974, B. 23, H.2, p. 147.

[61] *Зельин.* Ук. соч., с. 135.

[62] Там же, с. 130—154.

составляли культовое единство и направляли (отдельно от Афин) посольства в Дельфы и на Делос вплоть до I в. до н. э. Известно, что в Тетраполисе большим влиянием пользовались Писистратиды. Поэтому крупный дем Пробалинт в результате реформ был от Тетраполиса отделен, а вместо него присоединен Рамнунт, имевший совершенно иные культы и традиции. Пробалинт не был присоединен к ближайшей прибрежной триттии Эгеиде (где также было сильным писистратидское влияние), но к более отдаленной — Пандиониде — и стал своеобразным анклавом [63].

Такой случай не единичен, и интересно, что подобные аномалии появляются именно в местах существования древних и влиятельных культов (дем Тетракомн, выделенный в анклав [64], триттия Эгеида, в которой были соединены два культовых центра с совершенно разными традициями [65]). Ясно, что Клисфен стремился покончить с влиянием аристократических группировок на определенные культовые центры и лишить таким образом эти группировки локальной опоры. При этом следует отметить, что Алкмеониды не были связаны с каким-либо локальным культом [66] и поэтому ничего не теряли. Реформа была направлена против тех аристократов, которые сохраняли владения и влияние в сельских местностях Аттики. Интересно, что места культа Эрехтея, Кекропа и Аякса оказались вне границ соответствующих фил (Эрехтеиды, Кекропиды, Эантиды). Вряд ли такое несовпадение являлось случайностью, поскольку оно уж очень соответствовало стремлению Клисфена сделать филу новой территориальной общностью, со своими культами, не связанную с районами старых культовых центров [67]. В связи с этим встает вопрос: использовал ли вообще Клисфен жеребьевку при распределении триттий по филам [68]?

Еще несколько десятилетий назад подобный вопрос сочли бы надуманным. Ведь из «Афинской политии» (21, 2—4) следует, что после разделения каждой из частей Аттики на 10 триттий эти триттии были распределены (по одной от каждой части) между 10 филами жеребьевкой. Но на основании исследования более поздних надписей, содержавших списки членов Совета пятисот с их демотиконом (а от численности населения дема зависело его представительство в Совете), Элиот установил, что триттии довольно значительно (до 27%) отличались друг от друга по численности населения, причем триттии прибрежной части Аттики были обычно наибольшими, а триттии города — наименьшими [69]. При использовании жребия филы должны были бы оказаться разными по численности. Но это нарушило бы принцип равного представительства, так как от каждой филы выбиралось 50 членов Совета — $^1/_{10}$ часть. Кроме того, анализ надписей позволяет предположить, что филы, во всяком случае во времена Клисфена, были примерно одинаковыми по численности населения. Из этого следует, что если жребий и применялся, то крайне ограниченно,— возможно, при выборе между равными по населению триттиями. Основную роль играл именно целенаправленный отбор. Что касается Аристотеля, то его либо ввела в заблуждение аттидографическая традиция, либо он предпо-

---

[63] *Lewis.* Cleisthenes and Attica, p. 31.

[64] Ibid., p. 32.

[65] Артемиды Брауронской (связан с Писистратидами) и Зевса Карийского (связан с Исагором) (*Herod.*, V, 66). См. *Garcia Moreno.* Op. cit., p. 111. Не хотел ли в данном случае Клисфен «нейтрализовать» их покровителей?

[66] *Lewis.* Cleisthenes and Attica, p. 37.

[67] Старые аттические филы, вопреки мнению некоторых ученых (*Kienast.* Op. cit., S. 274—276), не были территориальными единицами (см. Ath. pol. 21,2).

[68] О том, что жеребьевка не использовалась при распределении демов по триттиям, говорят вышеприведенные примеры, а также тот неоспоримый факт, что демы одной и той же триттии почти всегда соприкасались друг с другом, что было бы невозможно при использовании жребия. См. *Löper R.* Die Trittyen und Demen Attikas.— Athenische Mitteilungen, 1892, 17, S. 328—333.

[69] *Eliot C. W. J.* Kleisthenes and the Creation of the Ten Phylai.— Phoenix, 1968, v. 22, № 1, p. 3—17.

ложил жеребьевку, учитывая ее распространенность в практике афинской демократии начиная с V в.

В старых работах часто подчеркивалась искусственность новых фил, намеренная разобщенность триттий одной и той же филы [70]. В действительности Клисфен стремился, насколько это было топографически возможно, к тому, чтобы приморская и внутренняя триттия одной и той же филы составляли единую территорию — из рассмотренных Элиотом пяти фил в трех приморская и внутренняя триттии граничат друг с другом [71]. Это служит еще одним аргументом против факта применения жребия и свидетельствует о том, что Клисфен не стремился к обязательной сепаратизации частей фил, но делал это лишь в случае политической необходимости. Клисфен, разрывая традиционные отношения зависимости и действуя в интересах сельского демоса, одновременно наносил удар по позициям своих политических противников. Однако какие меры были проведены в интересах его непосредственных сторонников?

Некоторые западные исследователи упрекают Клисфена в том, что он прибегал к «предвыборным махинациям», ставил в более выгодное положение своих «клиентов», стремясь обеспечить Алкмеонидам господство в Совете пятисот. А поскольку его «клиенты» жили в Афинах и окрестностях, город имел якобы непропорционально большое представительство в Совете пятисот [72]. Однако, согласно исследованию П. Бикнелла, подобную непропорциональность можно предположить лишь в четверти из общего числа демов, причем преимущественно негородских [73]. Так, упомянутые уже Марафон, Рамнунт, Трикорит, где было сильным влияние Писистратидов, давали значительно меньше булевтов, чем можно было бы ожидать, исходя из предполагаемой численности их населения, а Афидна, родина Гармодия и Аристогитона,— намного больше. Таким образом, здесь прослеживается стремление ослабить сторонников тиранов, а не предоставить преимущества предполагаемым клиентам Алкмеонидов. Будучи дальновидным политиком, Клисфен не мог не понимать, что в борьбе со своими противниками и при проведении крупномасштабных преобразований он не может опираться лишь на узкий круг своих непосредственных сторонников [74], но должен привлечь на свою сторону как демос, так и некоторые другие социальные слои.

Однако вряд ли следует сомневаться в том, что сторонники Алкмеонидов («700 семейств»? — Ath. pol. 20, 3; Herod., V, 72) были жителями Афин или пригорода; часть неополитов (ремесленники, торговцы), также проживала в городе. Конечно, жителям Афин было проще посещать Народное собрание или собрание граждан филы, но в то время Народные собрания созывались редко, не чаще раза в месяц, и ключевые вопросы политической жизни Афин решались значительным большинством граждан.

Важно другое: к концу VI в. подавляющее большинство аттических аристократов жило в самих Афинах. Они составляли ничтожный процент населения Аттики, но были представлены в каждой новой филе [75]. Аттическая знать не была единой и сплоченной группировкой. Наряду с традиционными землевладельцами, противниками каких-либо перемен, которые были серьезно ослаблены в результате поражения группировки Исагора и последовавших за этим казней и изгнаний, были аристократы,

---

[70] Например: The Cambridge Ancient History. V. IV. Cambr., 1926, p. 143.

[71] *Eliot C. W. J.* Coastal Demes of Attica: A Study of the Policy of Kleisthenes. Toronto, 1962, p. 144.

[72] *Sealey.* Op. cit., p. 173; *Beloch.* Griechische Geschichte. B. I, Abt. 2, S. 329—331.

[73] *Bicknell P. J.* Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972, p. 35—45.

[74] *Ghinatti F.* I gruppi politici ateniesi fino alle guerre persiane. Roma, 1970, p. 112 sq.

[75] См. *Gomme A. W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Century B. C. 2nd. ed. Chicago, 1967, p. 37—39; *Bradeen D. W.* The Tritties in Cleisthenes' Reforms.— TAPhA, 1955, v. 86, p. 22—30.

подобно Алкмеонидам основывавшие свое богатство на торговле, подрядных операциях и т. п., были и такие, которые понимали необходимость перемен, невозможность сохранения старых традиций и порядков и стремились «приноровиться» к демократии, сохранив при этом свои политические и экономические позиции. Именно их в значительной степени имел в виду Клисфен при проведении своих реформ. Это утверждение, казалось бы, противоречит тому бесспорному факту, что клисфеновские преобразования проводились в интересах афинского демоса. Действительно, Народное собрание было высшим органом государства, действительно, булевты, стратеги и другие магистраты избирались при Клисфене голосованием, но до времени Эфиальта—Перикла *магистратуры не оплачивались*. Значит, выборные должности *реально* могли занимать либо аристократы, либо представители наиболее зажиточных слоев демоса. Реформы Клисфена объективно (какими бы ни были намерения реформатора) способствовали сплочению аристократии и верхушки демоса в единый класс рабовладельцев. Но у кормила власти в Афинах вплоть до Клеона оставались аристократы, которые помимо богатства, обладали престижем, политическим и военным опытом, могли опираться на свой генос (который, кстати говоря, не был затронут реформами Клисфена). В этой связи становится понятным стремление Клисфена к тому, чтобы в каждой филе была городская триттия: таким образом, аристократы — жители Афин — могли быть избраны стратегами от каждой из фил и, кроме того, быть представленными в каждой притании Совета пятисот.

Совет имел важное значение в политической жизни. Хотя большинство афинских магистратур можно было занимать один раз в жизни, булевтом можно было быть дважды (Ath. pol. 62, 2); впрочем, до римского времени это случалось крайне редко [76]. В отличие от более позднего времени, булевты при Клисфене избирались [77]. За свою жизнь по крайней мере треть афинских граждан становилась членами Совета пятисот, приобретая таким образом политический опыт [78]. Совет был демократическим учреждением, и поэтому совершенно необосновано предположение о том, что «клятва булевтов» знаменовала уменьшение их полномочий в пользу Народного собрания якобы в целях большей демократизации государственного строя Афин. Данная гипотеза, предложенная Дж. Ларсеном, противоречит здравому смыслу и не находит подтверждения в источниках. В самом деле, зачем Клисфену (или его последователям) всего через несколько лет после учреждения Совета пятисот нужно было изменять его функции? Ларсен стремился доказать, что Клисфен установил в Афинах на несколько лет «представительную форму правления» и сделал Совет пятисот высшим органом государства [79].

Конечно, Совет пятисот был важным органом управления, имевшим право пробулевсиса (предварительного рассмотрения повестки дня Народного собрания). Судебные функции он приобрел позже, при Эфиальте [80]. Конечно, основную часть Совета пятисот при Клисфене составляли представители верхушки демоса (поскольку булевты не оплачивались), аристократы же были в меньшинстве (их было не так много, да и выборы проводились по демам, а аристократы проживали далеко не во всех демах). Цель Клисфена вовсе не состояла в том, чтобы предоставить аристократам какие-либо юридические преимущества или формально обеспечить им преобладание в том или ином органе государственного управления. Такая задача была бы невыполнимой в условиях роста влияния демоса, да и вряд

---

[76] *Rhodes*. The Athenian Boule, p. 3.

[77] Ibid., p. 12.

[78] *Bonner R., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. V. 1. Chicago, 1930, p. 193.

[79] *Larsen*. Representative Government..., p. 14—18; cp. *Woodhead A. G.* Isegoria and the Council of 500.— Historia, 1967, B. 16, H. 2, p. 129—140.

[80] *Laix*. Op. cit., p. 21; *Rhodes*. The Athenian Boule, p. 193 f.

ли в интересах самих Алкмеонидов — в среде аттической знати у них было слишком много врагов. Клисфен стремился к сближению интересов значительной части аристократии, понимавшей необходимость перемен, с интересами демоса, особенно его зажиточной части. *Объективно* его стремление было стремлением к формированию единого класса рабовладельцев. Хотя *субъективно* он, очевидно, стремился к тому, чтобы род Алкмеонидов играл ведущую (или по крайней мере видную) роль в политической жизни Афин, и — шире — к тому, чтобы *отдельные* представители аристократии (а не аристократия как социальный слой) играли ведущую роль в политической жизни Афин при новом *демократическом* режиме.

С этими стремлениями, казалось бы, не вяжется введение остракизма, в результате которого столь часто прерывалась карьера политических деятелей-аристократов, и в том числе Алкмеонидов. Есть даже предание, хотя и малодостоверное, что сам Клисфен был изгнан остракизмом (Aelian., Var. hist. XIII, 24). Однако введение остракизма имело смысл: он был необходим Клисфену для борьбы как со сторонниками тиранов, так и с группировкой Исагора. На подобном средстве обуздания политических лидеров мог настаивать и демос. Введение остракизма означало также внесение в политическую борьбу в Афинах определенных «правил игры»: остракизм затрагивал одного человека, а не весь его род и не сопровождался конфискацией имущества. Вопреки мнению Аристотеля (Ath. pol. 16, 10), изгнание заподозренных в стремлении к тирании вместе с их родом в VI в. и ранее не было мягким наказанием. Алкмеониды, которые не раз изгонялись из Афин, чье имущество конфисковывалось и чьи могилы осквернялись [81], были в первую очередь заинтересованы в подобном законе.

Следует указать еще на одну особенность преобразований Клисфена: стремление к тому, чтобы реформы были традиционными по форме; изменения должны были затронуть самое необходимое. Старые, родовые институты не упразднялись — они продолжали существовать для религиозных нужд. Об этом ясно пишет Аристотель: «Он (Клисфен.— *С. К.*) предоставил (афинянам) иметь и роды, и фратрии, и жречества (ἱερωσύναι), каждые — по старине (κατὰ τὰ πάτρια)» (Ath. pol. 21, 6). Новый гражданский календарь, разделивший год на 10 месяцев по числу пританий, сосуществовал со старым, лунным, использовавшимся для культовых нужд. Главное для Клисфена заключалось в том, что традиционные институты не играли сколь-нибудь заметной роли в общественно-политической жизни Афин и не угрожали новому порядку.

После реформ Клисфена в Афинах установился режим рабовладельческой демократии — с ведущей ролью Народного собрания, выборностью магистратур (хотя для большинства граждан они оставались еще недоступными ввиду их неоплачиваемости) и т. д. Однако сам термин «демократия» (δημοκρατία) стал употребляться для обозначения существовавшей в Афинах формы государственного строя позже, примерно с середины V в. [82] Как же называли современники послеклисфеновское государственное устройство в Афинах?

Исследователи уже давно обратили внимание на слово ἰσονομία (исономия, равенство перед законом) и родственные ему, которые встречаются в текстах, относящихся к рассматриваемому периоду. Прежде всего следует указать на сохранившийся в нескольких вариантах (fr. 10—13 Diehl) сколий в честь Гармодия и Аристогитона, о которых говорится, что «они убили тирана и сделали Афины ἰσονόμους». Скорее всего, он возник одновременно со сколием о битве при Лейпсидрии — в самом конце VI или

[81] *Thuc.*, I, 126, 12. Ср. *Jeffery L. H.* The Inscribed Gravestones of Archaic Athens.— ABSA, 1962, 57, p. 147.

[82] *Debrunner A.* Demokratia.— In: Festschrift für E. Tièche. Bern, 1947, S. 11—24; *Ehrenberg.* Origins of democracy..., S. 530—537; *Larsen.* The Judgement..., p. 1—2; *Will Ed.* Le monde grec et l'Orient. T. 1. P., 1972, p. 448.

в начале V в. [83] От того же периода до нас дошел фрагмент труда кротонского философа Алкмеона (интересное совпадение с именем родоначальника Алкмеонидов), в котором фигурирует исономия (fr. B 4 Diels) [84].

Однако было бы преждевременно на основании этих косвенных данных рассматривать исономию как наименование установленного Клисфеном государственного устройства, как первую ступень демократии. Характерно, что в процитированном выше сколии исономия противопоставляется тирании. Для сопоставления можно отметить, что Геродот рассматривает исономию как порядок, противоположный тирании, и подразумевает под ней как демократию, так и аристократию (Herod., III, 80, 142) [85]. Исономия — это не определенная форма правления, а идеал полисного устройства, при котором все граждане имеют равные права.

Конечно, гипотеза об исономии в клисфеновских Афинах останется лишь гипотезой до тех пор, пока не будут обнаружены новые источники. Однако следует признать, что термин «исономия» верно характеризует установившийся в результате реформ Клисфена государственный строй: формальное равенство перед законом при неоплачиваемости магистратур обеспечивало преимущество в политической жизни аристократии и верхушке демоса. Но все-таки это уже была первая ступень демократии, хотя и демократия во главе с аристократами. Дальнейшая демократизация Афин была естественным продолжением процесса, начатого Клисфеном. Этот процесс уже не зависел ни от Клисфена, ни от Алкмеонидов, а определялся дальнейшим ростом политического значения демоса. Подтверждением этого тезиса может служить ход социально-политической борьбы в Аттике на рубеже VI—V вв.

После провала похода Клеомена политическое положение Клисфена и его сторонников было, казалось бы, необычайно прочным: его внутренняя политика и реформаторская деятельность пользовались поддержкой значительного большинства афинских граждан. Укрепить престиж Клисфена и его сторонников должен был также вывод клерухий, которые удовлетворяли потребности демоса в земле. Первые клерухии были выведены на Саламин и в Халкиду. В Халкиде около 507/6 г. было поселено 4000 клерухов (Herod., V, 77). Интересно, что в надписях из соседней Эретрии, дружественной Афинам, встречается больше упоминаний характерных для Алкмеонидов имен (Клисфен, Калликсен, Аристоним, Мегакл и т. п.), чем где-либо в Греции, в том числе в самой Аттике [86]. Это может свидетельствовать о непосредственном участии Клисфена в основании клерухии. Незадолго до нее была основана клерухия на Саламине: до нас дошла часть стелы с записью постановления Народного собрания по этому поводу [87]; продолжением этой же политики явился вывод клерухии на Лемнос Мильтиадом Младшим (Herod., VI, 136, 140). О благополучном положении Алкмеонидов свидетельствует и окончание в первые годы V в. строительства дельфийского храма [88].

Главной задачей афинской внешней политики была нейтрализация спартанской угрозы, которая оставалась реальной и после распада антиафинской коалиции под Элевсином. У новых Афин еще не было сильных союзников в Греции, и поэтому было решено обратиться за помощью к Персии. Было отправлено посольство в Сарды к брату Дария Артафрену,

---

[83] *Ehrenberg.* Origins of democracy..., p. 530 f.

[84] *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Clisthéne l'Athènien. P., 1964, p. 100.

[85] *Waters K. H.* Herodotos and Politics.— GR, 1972, 19, p. 150; *Карпюк С. Г.* Отношение Геродота к тирании как к форме правления.— В кн.: Из истории западноевропейской культуры. М., 1979, с. 41—45.

[86] *Cromey R. D.* Kleisthenes' Fate.— Historia, 1979, B. 28, H. 2, p. 146.

[87] Надпись эта неоднократно публиковалась и комментировалась. См. IG, I², 1; *Лурье С. Я.* Древнейшие аттические надписи, № 4.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.— Л., 1937; A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the 5th Century B. C./Ed. by Meiggs R., Lewis D. Oxf., 1969, № 14.

[88] *Schefold.* Kleisthenes..., S. 68—73.

и послы согласились на союз с Персией при условии признания зависимости Афин от «великого царя». Однако по возвращении в Афины послам было предъявлено обвинение в превышении полномочий и договор не был утвержден (Herod., V, 73).

На основании этого сообщения Геродота иногда делается вывод о политическом поражении возглавляемой Алкмеонидами группировки после возвращения посольства [89]. Конечно, определенные основания для этого есть: Алкмеониды были известны своими связями с Лидией, а затем с Персией. В Афинах существовало мнение (Herod., VI, 121, 123), что они пытались оказать содействие персам после битвы при Марафоне (но сам факт поднятия щита Алкмеонидами для сигнализации персам сомнителен) [90]. Доказательством хорошего отношения к Алкмеонидам при персидском дворе может служить тот факт, что представители этого рода за время Пелопоннесской войны дважды направлялись послами в Персию [91]. Однако после развала антиафинской коалиции угроза военного вторжения в Аттику стала постепенно ослабевать, да и к тому же персы стали поддерживать Гиппия, переселившегося в их владения, в Сигей (Herod., V, 94). Все это делало невозможным сближение демократических Афин с Персией, тем более что условием примирения персы ставили возвращение Гиппия (Herod., V, 96). Афины вместе с союзной им Эретрией оказались единственными полисами Балканской Греции, пославшими флот на помощь ионийским повстанцам в 499 г., хотя это решение и было принято после острой дискуссии [92].

Именно эти причины побудили Клисфена признать действия послов превышением полномочий, что, конечно, поколебало политические позиции Алкмеонидов. Однако следует отметить, что в конце VI в. борьба сторонников про- и антиперсидской ориентации не стояла еще на первом плане политической жизни Афин, да и само «персофильство» Алкмеонидов значительно преувеличивалось их противниками, что оказало влияние на историческую традицию [93].

Еще бо́льшие подозрения вызывают сообщения об остракизме Клисфена (Aelian., Var. hist. XIII, 24; ср. Cic., De leg. II, 41). Очевидно, все они имеют общий источник, возможно, Феофраста. Их передают поздние авторы, для которых сам факт изгнания Клисфена на основании введенного им самим закона был лишь поводом для общих морализующих рассуждений. Характерно, что существовала также традиция о Тесее как об основателе и первой жертве остракизма [94]. Однако гораздо большего доверия заслуживает сообщение Павсания (I, 29, 6) о могиле Клисфена, «придумавшего деление на филы», рядом с захоронением павших на войне афинских всадников. Клисфен был захоронен в почетном месте, рядом с могилами граждан, павших в битве. Поэтому изгнание Клисфена маловероятно, хотя возможно, что в последние годы жизни он отошел от политической деятельности и умер в самом конце VI или начале V в.

Итак, реформы Клисфена теснейшим образом были связаны с социально-политической борьбой в Афинах в последние годы VI в. Само выдвижение программы реформ стало переломным моментом политической борьбы и обеспечило Клисфену поддержку демоса. Противилась преобразованиям лишь сравнительно узкая прослойка «старой» аристократии, которую возглавлял Исагор. Эта политическая группировка не смогла уже (в ре-

---

[89] *How W. W., Wells J.* A commentary on Herodotus. V. II. Oxf., 1912, p. 40.

[90] *Gomme A. W.* More Essays in Greek History and Literature. Oxf., 1962, p. 20.

[91] *Cromey.* Op. cit., p. 132.

[92] *Robinson C. A.* The Struggle for Power at Athens in the Early Fifth Century.— AJPh, 1939, v. 60, № 2, p. 232—234.

[93] P. Кроми приводит такое наблюдение: Гиппократа Алкмеонида, который дважды в начале V в. изгонялся остракизмом, в надписях на черепках обвиняют в безнравственности и высокомерии, но не в мидизме. См. *Cromey.* Op. cit., p. 132 f.

[94] Ibid., p. 139 f.

зультате роста самосознания и политической активности демоса) использовать отношения зависимости между жителями определенных районов Аттики и аристократами и опиралась в основном на внешнюю, спартанскую помощь. Реформы отвечали насущным интересам демоса и пользовались его поддержкой; именно благодаря демосу были изгнаны спартанцы, и Клисфен одержал победу над своими противниками. Афинский демос созрел для того, чтобы принимать активное участие в политической борьбе и оказывать на нее решающее воздействие. Политическая борьба вокруг реформ уже была не просто борьбой группировок Клисфена и Исагора за власть; это была борьба за выбор пути дальнейшего развития политической системы Афинского государства.

Становление классического полиса не обязательно связано с установлением демократии: классическим примером олигархии в развитом в экономическом отношении полисе служит Коринф. В Аттике аристократия не была единой в социально-экономическом отношении, часть ее была мало связана с земельными владениями и региональными культами, как, например, Алкмеониды. Алкмеониды, в ходе политической борьбы поставленные перед дилеммой — либо поражение, либо союз с демосом,— выбрали последнее, и их поддержала значительная часть аттической знати. Интересы демоса и этой части знати во многом совпадали. Как демос, так и «новая» аристократия были заинтересованы в таком административном делении Аттики, которое исключало бы возможность как сохранения зависимости сельского населения от влиятельных аристократов, так и — в результате этого — существования на локальной основе политических группировок «традиционных» аристократов.

Клисфен понимал необходимость перемен, невозможность сохранения старой афинской политической системы, прежнего значения традиционных родовых институтов [95]. Он стремился к тому, чтобы при демократическом государственном устройстве политическое руководство находилось в руках аристократов, поддерживавших преобразования. Поэтому отчасти имеют основания свидетельства поздних источников об «отеческих законах» Клисфена (Ath. pol. 29, 3), «аристократии времени Клисфена» (Plut., Cim. 15) [96]. Но только отчасти, потому что Клисфен поставил у власти не аристократию как социальный слой, а отдельных ее представителей, которые избирались демократическим путем. Этому способствовало новое территориальное деление Аттики, обеспечившее как представительство жившей в основном в Афинах аристократии во всех крупных административных единицах (филах), так и невозможность для противников нового порядка (сторонников Писистратидов и Исагора) объединения поддерживавших их сил на локальной основе. Новое административное деление Аттики было тщательно продумано и преследовало политические цели.

Хотя термин «демократия» появился позже, политическое устройство послеклисфеновских Афин представляло собой первый этап демократии. Граждане были равноправными, но магистратуры, в отличие от более позднего времени, не оплачивались и поэтому реально на них могли претендовать либо аристократы, либо представители верхушки демоса. Причем аристократы в силу престижа, политической и военной подготовки, поддержки своих геносов получали преимущество, и все крупные политические деятели Афин вплоть до Пелопоннесской войны были выходцами из знати [97].

---

[95] См. *Фролов*. Ук. соч., с. 10—11.

[96] Ее, по мнению Плутарха, хотел возродить Кимон. «Аристократия» в данном контексте означает ведущее положение знати в государстве, а не аристократическую форму правления. Плутарх прослеживал связь между Клисфеном и консервативными политиками Афин V в.; Аристид был ἑταῖρος Клисфена (*Plut.*, Arist. 2). Клисфен был «учителем» Аристида, а Аристид — Кимона (*Plut.*, Moral. p. 791a, 805e).

[97] *Connor W. R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.

Таким образом, в результате клисфеновских реформ были созданы условия для социально-политического единства части аристократии и демоса (особенно его более зажиточной части) по вопросу о направлении политического развития Афин, что знаменовало формирование класса рабовладельцев с общими для всего класса интересами. Это не исключало в дальнейшем острой политической борьбы, но она уже перешла в другое русло: в течение первой половины V в. до н. э. политическая борьба в Афинском государстве велась вокруг *степени* развития демократии, в то время как общее направление развития было заложено реформами Клисфена.

THE INFLUENCE OF THE CLEISTHENIC REFORMS ON THE SOCIAL AND POLITICAL ANTAGONISMS OF LATE ARCHAIC ATHENS

S. G. Karpyuk

The reforms of Cleisthenes were closely involved with the social and political turmoil which plagued Athens in the last years of the 6th century B. C. The mere announcement of the reform program brought the political crisis to a head and secured the support of the demos for Cleisthenes. Opposition was reduced to a relatively small part of the «old» aristocracy headed by Isagoras. But the growing self-confidence and bold actions of the demos prevented that group from making use of the dependent relations between the inhabitants of certain districts in Attica and the aristocrats, so that Isagoras's group could look only to the Spartans for aid. The Cleisthenic reorganisation met the most urgent needs of the demos and guaranteed its support for Cleisthenes. Thanks to that support the Spartans were driven out and Cleisthenes achieved victory over his domestic opponents. The Athenian demos had matured sufficiently to participate actively in the political struggle and exercise a decisive influence on the outcome. The political strife over the reforms had become not merely a struggle for supremacy between two aristocratic factions; it was destined to decide the future development of the Athenian constitution.

Д. Б. Шелов

ИДЕЯ ВСЕПОНТИЙСКОГО ЕДИНСТВА В ДРЕВНОСТИ

На рубеже II и I вв. до н. э. понтийскому царю Митридату VI Евпатору удалось подчинить своей власти почти все побережье Черного моря и создать всепонтийскую державу, объединившую в своем составе и греческие прибрежные города, и варварские племена Черноморского бассейна. Было бы неправильным рассматривать создание державы Митридата только как результат успешной политической и военной деятельности великого понтийского монарха. Конечно, именно Митридату принадлежит честь объединения в рамках одного государственного организма почти всех территорий, окружающих Понт Евксинский. Но это объединение было подготовлено всем предыдущим развитием стран Понтийского региона и в экономическом отношении базировалось на прочной основе внутрипонтийских связей, которые особенно возросли и окрепли в эллинистическую эпоху. Об этом мне приходилось уже писать [1]. Но существует и другой аспект подготовки объединения припонтийских земель в одном государстве, касающийся возникновения и развития самой идеи такого объединения. Этот вопрос и явится предметом рассмотрения в настоящей статье.

Мысль о подчинении всех побережий Понта Евксинского единой политической власти возникла довольно рано. Ее появлению, вероятно, способствовало то обстоятельство, что у греков и ранее существовало представление о бассейне Черного моря как о едином географо-экономическом организме, составляющем особый район греческой ойкумены. Представление это, к сожалению, никогда не было предметом специального внимания, исследование его еще предстоит и представляет благодарную задачу для историков античной общественной мысли и античной литературы. Но самый факт существования такого представления вряд ли может вызывать сомнения.

Уже самая колонизация греками черноморских побережий, представлявшая собой постепенный и методически развивающийся непрерывный процесс, должна была способствовать возникновению у греков какой-то идеи о географическом единстве припонтийского района, тем более что основание греческих апойкий в Понте Евксинском в организационном и хронологическом отношении несколько отличалось от колонизационной деятельности греков в других областях Средиземноморья. Вряд ли правильно принципиально противопоставлять, как это иногда делается, понтийскую и западносредиземноморскую колонизации, так как обе они определялись общими закономерностями развития греческого общества и

[1] *Шелов Д. Б.* Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI.— ВДИ, 1980, № 3, с. 28 сл.; *Shelov D. B.* Le Royaume Pontique de Mithridate Eupator.— Journal des Savants. Juil.-Sept. 1982, p. 244—246; ср. *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976, с. 23.

имели много общего и в целях, и в характере, и в результатах [2]. Но все же нужно учитывать некоторую специфику освоения греками причерноморских земель, хотя бы то обстоятельство, что это освоение было поздним этапом Великой греческой колонизации, или то, что ведущую и определяющую роль в нем играла колонизационная деятельность милетян. Эти особенности колонизации именно понтийского района могли уже в архаическое время привести к возникновению представления об этом районе как о некотором едином целом, отличном от других областей античного мира.

Отражение существования упомянутого представления в более позднее время можно усмотреть в терминологии греческих авторов IV в. до н. э., нередко употреблявших выражение «Понт» или «Понт Евксинский» для обозначения совокупности всех стран, расположенных по берегам Черного моря, или для наименования наиболее крупного в то время припонтийского государства — Боспорского царства. Такое словоупотребление мы находим у афинских ораторов: Исократа, Демосфена, Динарха [3]. Проникло оно и в исторические сочинения, например широко применялось Диодором [4].

Очень интересно в этой связи восстановление Б. Мериттом и А. Уэстом фрагмента списка фороса афинских союзников за 425 г., где они читают [πόλες] ἐκ τοῦ Εὐ[χσένου], предполагая существование в составе Афинской архэ особого Евксинского (или Понтийского) податного округа, в который входили причерноморские города [5]. Большинство современных исследователей принимает это восстановление, хотя оно не может считаться бесспорным и встретило, как известно, некоторые возражения [6]. Но как бы ни читать спорную вторую строку фрагмента надписи, остается несомненным, что вслед за нею следовал перечень городов, расположенных на разных побережьях Черного моря и объединяемых в рамках одного податного округа. Это обстоятельство позволяет думать, что уже во второй половине V в. до н. э. в политическом сознании афинян причерноморские города, расположенные на южном, западном и северном берегах Понта Евксинского, составляли некую географическую общность, позволявшую включить их в состав единой фискальной территориальной области.

Восприятие всего припонтийского региона как единого географического и экономического целого, которое, видимо, было свойственно грекам классической и эллинистической эпох, должно было облегчить появление идеи политического объединения всех припонтийских стран и городов. Самое раннее известное нам проявление этой идеи относится еще к концу IV в. до н. э. Диодор Сицилийский рассказывает, что боспорский правитель Евмел (309—304 гг. до н. э.) «вознамерился покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизнь» (Diod., XX, 25). У нас нет никаких оснований не доверять этому свидетельству Диодора. Правда, сицилийский историк писал свою «Библиотеку» тогда, когда политическое объединение всех припонтийских земель было уже не только отвлеченной идеей, но незадолго перед тем воплощено в жизнь на небольшой срок Митридатом Евпатором. Поэтому можно было бы заподозрить автора

---

[2] *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации.— В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 42.

[3] *Isocr.*, Trapez. 3, 35; *Dem.*, XX, 31; XXXIV, 36; XXXV, 35; *Din.*, 1, 43.

[4] *Diod.*, XVI, 31, 6; XVI, 52, 10; XX, 22.

[5] *Meritt B. D., West A. B.* The Athenian Assessement of 425 B. C. Ann Arbor, 1939, p. 26—29, 68; *Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mac-Gregor M. F.* The Athenian Tribute Lists. I. Cambridge (USA), 1939, p. 157, 204; II, Princeton, 1949, p. 126.

[6] *Брашинский И. Б.* К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э.— ВДИ, 1955, № 2, с. 148 сл.; *он же.* Афины и Северное Причерноморье в VII—II вв. до н. э. М., 1963, с. 71 сл. Ср. *Каллистов Д. П.* Измена Гилона.— ВДИ, 1950, № 1; *Карышковский П. О.* Ольвия и Афинский союз.— МАСП, 1960, III.

приведенного пассажа в том, что он проецирует политическую реальность I в. до н. э. в далекое прошлое. Однако такому суперкритическому подходу к рассматриваемому отрывку Диодора препятствуют по крайней мере два обстоятельства.

Во-первых, давно уже твердо установлено, что в основе рассказа Диодора о боспорских делах конца IV в. до н. э. лежит какой-то весьма хорошо осведомленный местный источник, хронологически достаточно близкий к описываемым событиям [7]. Если это и не было сочинение, прямо инспирированное самим Евмелом и написанное его историографом, как иногда думают [8], то во всяком случае это была хроника, составленная на Боспоре лицом, близко стоявшим к Спартокидам и излагавшим в своем сочинении некую официозную политическую версию, несомненно, угодную боспорской правящей династии [9]. Предполагать, что Диодор внес что-то от себя в характеристику боспорского царя Евмела, вряд ли возможно. Работа Диодора над этим боспорским источником, как и вообще над большинством использованных им произведений ранних авторов, сводилась главным образом к компилированию и к сокращению тех подробностей и деталей этих произведений, которые ему казались излишними [10]. Можно с уверенностью утверждать, что фраза о завоевательных устремлениях царя Евмела содержалась в сочинении боспорского историка раннеэллинистического времени, послужившем основой для соответствующего повествования Диодора.

Во-вторых, все то, что тот же источник сообщает о конкретной деятельности Евмела после того, как он стал правителем Боспора, как нельзя лучше согласуется с наличием у него планов установления всепонтийской суприматии. Мы узнаем, что за время своего краткого пятилетнего правления Евмел осуществил следующее: *1*) вступил в войну с пиратствующими причерноморскими племенами — гениохами, таврами, ахеями — и очистил Понт от пиратов, за что был прославлен не только в своем царстве, но почти по всему миру; *2*) присоединил к своему царству значительную часть соседних варварских земель; *3*) постоянно оказывал услуги припонтийским эллинам, в частности жителям Синопы и Византия; *4*) оказал помощь каллатийцам, осажденным Лисимахом, принял на Боспоре и наделил участками земли тысячу беженцев из Каллатии (Diod., XX, 25).

К сожалению, мы не можем конкретизировать эти чрезвычайно лаконичные сведения Диодора, вероятно, сильно сократившего пересказываемый им текст его боспорского источника. Неизвестно, какие земли и каких соседних варваров успел завоевать Евмел для своей державы. Вряд ли эти приобретения могли быть очень значительными: судя по титулатуре Спартокидов, их территориальные владения не претерпели больших изменений в конце IV в. до н. э. [11] Неясен и характер тех услуг, которые оказывал Евмел грекам южнопонтийских и западнопонтийских городов, за исключением конкретной помощи Каллатии. Можно только предполагать, что связи Евмела с центрами Западного и Южного Причерноморья помимо естественной экономической заинтересованности обеих сторон были в значитель-

---

[7] *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 126; *Жебелев С. А.* Античные источники для изучения Северного Кавказа.— СП, с. 351; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 75; *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 166 сл.; *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 147—200.

[8] *Ростовцев.* Ук. соч., с. 126.

[9] Ср. *Гайдукевич.* Ук. соч., с. 161 сл. Представляется совершенно неубедительной попытка В. В. Струве (ук. соч., с. 190 сл.) связать сочинение древнего боспорского историка с херсонесской историографической традицией и видеть в нем херсонесского гражданина самосского происхождения, выполнявшего своим сочинением социальный заказ херсонесской демократии.

[10] *Мандес М. И.* Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора. Одесса, 1901; *Каллистов.* Очерки..., с. 170; *Струве.* Ук. соч., с. 151 сл.

[11] *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 96.

ной степени обусловлены той же антилисимаховской позицией, которую должен был занять боспорский царь и которая проявилась в эпизоде с каллатийцами. Притязания Лисимаха на установление своего господства на севере Балкан и на Черноморском побережье Малой Азии должны были вызвать враждебную реакцию со стороны правителя Боспора, если он претендовал на роль всепонтийского сюзерена. Для греческих же городов, которым угрожало подчинение власти Лисимаха, обращение за поддержкой к царю Боспора, равно как и к постоянному врагу Лисимаха Антигону, было вполне естественным [12].

Как бы то ни было, но чрезвычайно активная политика Евмела во всем причерноморском бассейне не может подлежать сомнению. Эта его деятельность, касающаяся различных аспектов политической жизни Причерноморья и всех его районов, свидетельствует о намерении боспорского правителя играть здесь ведущую роль. При таких условиях у него вполне могла возникнуть идея политического объединения под своей властью всех побережий Понта. Другой вопрос — насколько эти притязания были осуществимы. Совершенно справедливы замечания современных исследователей относительно того, что высказанная Диодором (или, вернее, его боспорским предшественником) уверенность в том, что только случайная ранняя смерть помешала Евмелу претворить свои планы в жизнь, является явным преувеличением. Ни состояние самого Боспора, ни складывавшаяся в конце IV и начале III в. международная обстановка не позволяют думать, что исходящая от боспорского правителя инициатива объединения всех припонтийских земель могла в то время увенчаться успехом [13].

Та же программа объединения причерноморских стран прослеживается сто с лишним лет спустя в деятельности понтийского царя Фарнака I. Важнейшим шагом на этом пути стал для Фарнака захват Синопы, осуществленный в 183 г. до н. э. (Strabo, XII, 3, 11). Овладев Синопой, самым сильным в экономическом и военном отношении городом малоазийского побережья Черного моря, располагая Амисом, Амастрией и другими прибрежными центрами, ранее вошедшими в состав понтийских владений, основав новый город-крепость Фарнакию в самом центре богатого железорудного района, населенного халибами, царь Понта становился фактическим хозяином всего южного побережья Черного моря [14]. Но интересы Фарнака простирались гораздо дальше, на все другие прибрежные районы Понта Евксинского. Об этом ясно говорят эпиграфические источники и прежде всего договор о дружбе между Фарнаком и Херсонесом Таврическим, запечатленный на мраморной плите, найденной в Херсонесе в 1908 г. (IOSPE, I², 402). Договор относится, как установил еще первоиздатель надписи Р. Х. Лепер, к 179 г. до н. э. [15] Р. Х. Лепер полагал, что договор был заключен после периода враждебных отношений между договаривающимися сторонами, но К. М. Колобова высказала весьма обоснованное предположение о том, что этот договор явился возобновлением с некоторыми изменениями ранее существовавших между Херсонесом и Фарнаком договорных отношений и что он свидетельствует о том, что дружеские связи между ними были установлены раньше [16]. В договоре главным является обязательство взаимно содействовать сохранению независимости и спокойствия партнера по договору, причем если обязательство херсонесцев по охране царства Фарнака было, конечно, лишь фразой, то клятва Фарнака помогать Херсонесу в случае нападения со-

[12] *Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, с. 136 сл.; *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 99 сл.

[13] *Жебелев С. А.* Боспорские этюды.— СП, с. 179; *Блаватский.* Ук. соч., с. 96 сл.

[14] *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М. —Л., 1956, с. 178 сл.

[15] *Лепер Р. Х.* Херсонесские надписи.— ИАК, 1912, 45, с. 33.

[16] *Колобова К. М.* Фарнак I Понтийский.— ВДИ, 1949, № 3, с. 30.

седних варваров имеет гораздо более реальный смысл: она дает понтийскому царю возможность активно вмешиваться в северочерноморские дела. Именно эта ситуация и возникла позднее, в конце II в. до н. э., когда ею так удачно для своего царства воспользовался внук Фарнака I Митридат Евпатор.

Связи Фарнака с городами западного побережья Понта засвидетельствованы надписью из Варны, содержащей отрывки какого-то договора между понтийским царем и Одессом [17]. И хотя содержание этого договора ввиду плохой сохранности надписи не может быть полностью восстановлено, политическая активность Фарнака в этом районе не может подлежать сомнению [18].

Но особенно показателен в интересующем нас аспекте текст мирного договора 179 г. до н. э., сохраненный нам Полибием (XXV, 2). Договор был заключен после четырехлетней войны, которую вели Фарнак Понтийский и союзный ему царь Малой Армении Митридат против коалиции малоазийских царей: Евмена Пергамского, Прусия Вифинского и Ариарата Каппадокийского. Условия договора, неблагоприятные для Фарнака и Митридата, не могут нас здесь интересовать; примечательно другое: Полибий сообщает, что в договор были включены, вероятно, в качестве гарантов причерноморские города и правители некоторых припонтийских стран, не принимавшие непосредственного участия в конфликте. Это Гераклея Понтийская, Кизик, Месембрия, Херсонес Таврический, сарматский царь Гатал, правитель Великой Армении Артаксий и не известный нам ближе какой-то азиатский правитель Акусилох. Представляется очень заманчивым видеть в последнем, согласно остроумному предположению А. И. Немировского, царя Колхиды [19].

Конечно, совершенно не случайно все упомянутые в договоре города и страны расположены по периплу Понта Евксинского. Только Кизик не принадлежит к причерноморским центрам, но он лежит на берегу Пропонтиды, откуда открывается путь в Черное море. Западное Причерноморье представлено в списке Месембрией, Северное — Херсонесом и Сарматией, Восточное и Юго-Восточное — Колхидой (?) и Арменией, Южное — Гераклеей. Достаточно взглянуть на карту, чтобы ясно понять, как составители мирного договора и римляне, при содействии и под покровительством которых был заключен договор, представляли себе единство всей припонтийской области. С другой стороны, если верно предположение, что все поименованные государства состояли с понтийским царем если не в союзных, то в дружественных отношениях [20], то становится очевидным и тот всеобъемлющий характер, который стремился придать своим понтийским связям Фарнак I. Учитывая все это, следует признать вполне справедливым положение К. М. Колобовой о том, что еще Фарнаком было задумано создание Понтийской монархии, которая «должна была охватывать берега Евксинского Понта и владеть ключевыми позициями торговых путей этого района» [21]. Впоследствии этот план последовательно и настойчиво осуществлялся Митридатом Евпатором, которому удалось создать единую, охватывающую все Причерноморье Понтийскую державу.

Однако нельзя согласиться с другим утверждением К. М. Колобовой, будто и для Фарнака, и для Митридата создание такой державы было лишь средством для ведения борьбы против Рима и определялось интереса-

---

[17] *Данов Хр.* Връзките на Понтийското царство със западното черноморско крайбрежие според два новонамерени надписа.— ИИД, 1937, XIV—XV, с. 54 сл.

[18] *Колобова.* Ук. соч., с. 34.

[19] *Немировский А. И.* Понтийское царство и Колхида.— В сб.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980, с. 154 сл.

[20] *Колобова.* Ук. соч., с. 34 сл.

[21] Там же, с. 28; *Ломоури Н. Ю.* К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979, с. 56 сл.

ми этой борьбы [22]. Такая точка зрения, впрочем, достаточно широко распространенная в советской науке [23], вызывает серьезные возражения. Для времени Фарнака I вообще невозможно говорить о какой-либо враждебности Понтийского царства по отношению к Риму. Как и другие малоазийские владетели, Фарнак признает за римским сенатом право выступать в роли третейского судьи в отношениях между эллинистическими государствами Востока, направляет в Рим послов и принимает у себя комиссии римских расследователей, которые проявляют, кстати сказать, по отношению к понтийской монархии полную благожелательность [24]. Если Фарнак не раболепствует перед римлянами, как Евмен Пергамский, то и о какой-либо оппозиции Риму с его стороны говорить невозможно. Его лояльность по отношению к Риму может быть подтверждена теми оговорками о дружбе с римлянами, которые содержатся в тексте его договора с Херсонесом [25].

Но и в отношении Митридата Евпатора было бы ошибочным полагать, что распространение его власти на все припонтийские территории определялось его планами борьбы против Рима и осуществлялось в соответствии с этими планами. Наоборот, сам понтийско-римский конфликт явился результатом совершенно не приемлемого для римлян расширения и укрепления Понтийского царства, о чем недвусмысленно свидетельствует Аппиан (Mithr. 10). Именно превращение небольшого второстепенного малоазийского государства, каким был Понт до Митридата VI, в большую черноморскую державу, для которой Евксинский Понт стал почти внутренним морем и правитель которой стал претендовать на руководящую роль на эллинистическом Востоке, заставило римлян в течение многих лет вести упорную и ожесточенную борьбу против великого понтийского царя.

Все вышесказанное позволяет с уверенностью утверждать, что идеи и планы создания единого всепонтийского государственного объединения возникли и развивались вне всякой зависимости от антиримской политики понтийского царя Митридата VI, еще тогда, когда о такой политике не могло быть и речи. Эти планы базировались, с одной стороны, на осознании древними единства всего припонтийского района, с другой — на очень давних и прочных внутрипонтийских экономических связях, особенно окрепших с IV в. до н. э. [26]

Обращает на себя внимание тот факт, что носителями идеи создания всепонтийского государства были не жители припонтийских греческих городов, а правители полуварварских государств, расположенных на побережьях Понта Евксинского,— Евмел, Фарнак, Митридат. Это не удивительно, принимая во внимание, во-первых, многочисленные примеры образования греко-варварских эллинистических государств, а во-вторых, все еще живую приверженность населения греческих полисов к автаркии. Но это не значит, что античные города Причерноморья не были заинтересованы в таком объединении. Очень любопытна в этой связи высказанная Н. Ю. Ломоури мысль, что еще Фарнак I предназначал роль основной опоры в предстоящем объединении Причерноморья под властью понтийских царей именно греческим городам [27]. История державы Митридата Евпатора подтверждает такую роль античных городов. Именно торговые причерноморские центры были цементирующей силой государства Мит-

---

[22] *Колобова*. Ук. соч., с. 35.

[23] Например, *Гайдукевич*. Ук. соч., с. 301; *Каллистов*. Очерки..., с. 97; *Ломоури*. Ук. соч., с. 95, и др.

[24] *Колобова*. Ук. соч., с. 28 сл.; *Ломоури*. Ук. соч., с. 51 сл., 61.

[25] *Лепер*. Ук. соч., с. 31.

[26] *Нейхардт А. А.* К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском.— В сб.: Древний мир. М., 1962, с. 595 сл.; *Шелов Д. Б.* Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху.— В сб.: Античное общество. М., 1967, с. 223; *Молев*. Ук. соч., с. 56 сл.

[27] *Ломоури*. Ук. соч., с. 56.

ридата, так как руководящие слои их были непосредственно заинтересованы в сохранении политико-экономического единства бассейна Черного моря. С одной стороны, это единство создавало наиболее благоприятные условия для развития торговых связей между различными городами и районами Причерноморья, с другой — оно способствовало установлению между античными городами и соседними варварскими племенами более тесных контактов, которые пришли на смену постоянным нападениям этих племен на греческие города. Естественно, что торговые и ремесленные слои населения как в городах собственно Понта, так и в полисах Причерноморья, позднее включенных в царство Митридата, должны были стать активными сторонниками объединительной политики понтийского царя. М. И. Максимова, по-видимому, с полным основанием полагала, что именно эти слои составляли главную опору власти Митридата и были основными противниками римской экспансии в понтийских городах Амисе и Синопе, тогда как более бедные слои городского населения с гораздо меньшей враждебностью относились к перспективе перехода их городов под власть Рима [28]. Следует думать, что примерно так же обстояло дело и в других торговых центрах Причерноморья.

Интересно отметить, что города Западного Причерноморья, официально, видимо, не подчиненные власти понтийского царя, но, несомненно, находившиеся в орбите его влияния и, вероятно, состоявшие с ним в союзе, отразили свое отношение к его объединительной политике в типологии выпускаемых ими серебряных монет. Э. Гаджеро совершенно справедливо замечает, что, придавая персонажам, изображаемым на тетрадрахмах Одесса, Истрии, Каллатии и других городов, портретные черты Митридата VI или его сыновей, эти города демонстрировали свою солидарность с делом понтийского царя [29]. Не менее показателен выпуск в Тире на рубеже II и I вв. до н. э. медных монет с изображением бородатого божества с клешнями рака на висках, олицетворявшего скорее всего Понт Евксинский [30]. Возникновение такого типологического мотива в эпоху создания единой причерноморской державы Митридата VI вполне понятно и закономерно. Естественно, что чеканку монеты с подобной символикой мог осуществлять только город, в какой-то степени поддерживающий всепонтийские объединительные тенденции Митридата [31].

Приведенные материалы показывают, как идея политического единства всего причерноморского бассейна развивалась на протяжении нескольких столетий, пока не получила реального осуществления в виде всепонтийской державы Митридата Евпатора, когда в ее претворении в жизнь оказались заинтересованы не только эллинистические монархии, но и торгово-ремесленные слои припонтийских городов.

THE ANCIENT IDEA OF A UNIFIED PONTIC STATE

D. B. Shelov

The idea of uniting all the cities and lands encircling the Black sea into one Pontic state arose at a relatively early date when, at the end of the 4th century B. C., the Bosporan king Eumelus contemplated extending his kingdom to include the whole coastal region of the Pontus Euxinus. Later on the Pontic king Pharnaces I was hatching similar plans, and his grandson Mithridates Eupator put them into practice at the end of the 2nd century B. C., subjecting to his rule almost all the lands along the Black Sea littoral. The idea of a unified Pontic state was probably stimulated by the circumstance that the Greeks had earlier come to regard the Black Sea basin as a single geographico-economic region. Intensive intra-Pontic relations, strengthened especially by the commercial interests of the coastal cities, provided the necessary material condition for political unification.

---

[28] *Максимова.* Ук. соч., с. 271.

[29] *Gaggero E. S.* Relations politiques et militaires de Mithridate VI Eupator avec les populations et les cités de la Thrace et avec les colonies grecques de la Mer Noire occidental.— Pulpudeva, 1978, 2, p. 298—299.

[30] *Зограф А. Н.* Монеты Тиры. М., 1957, с. 74, № 32, 33, табл. II, *8*, *9*.

[31] *Шелов Д. Б.* Тира и Митридат Евпатор.— ВДИ, 1962, № 2, с. 100.

ПУБЛИКАЦИИ

А. И. Болтунова

НАДПИСИ ГОРГИППИИ

(Из находок 1971—1981 гг.)

Надписи о строительстве

Летом 1981 г. при работах археологической экспедиции Института археологии АН СССР в Анапе были найдены два обломка мраморной плиты с остатками греческой надписи. Обломки были извлечены из завала горелого сырца в раскопе «Берег» при расчистке слоя пожара в разрушенном помещении II — первой половины III в.н.э. и хранятся в Анапе в помещении базы археологической экспедиции ИА АН СССР. Обломок А по сравнению с обломком Б подвергся особенно сильному обжигу и поверхность его темного серовато-коричневого цвета. Оборотная сторона плиты, которой принадлежали обломки, не обработана, поэтому толщина плиты неравномерна — от 0,027 до 0,04 м (рис. 1, фрагменты А, Б).

Обломок А принадлежал верхней части плиты, составляя ее левый верхний угол; он сохранил часть ее левого края, хотя поверхность верхней грани плиты оббита. Поверхность боковой грани плиты обработана довольно тщательно. Наибольшая высота фр. А — 0,096, наибольшая его ширина — 0,164 м. На нем сохранились обрывки двух строк. Размеры фр. Б: высота — 0,203, ширина — 0,162 м. Сохранились остатки пяти строк надписи. Надпись вырезана очень тщательно, красивыми, свободно расставленными буквами, начертанными по очень тонким, еле заметным врезанным линейкам. Высота строк неравномерна: на фр. А высота стк. 1—0,037 м. Расстояние между сткк. 1 и 2 — 0,028 м. На обломке Б высота сткк. 2 и 3 — 0,036 м, а стк. 4 — 0,028 м (буква Ф 0,046 м). Расстояние между сткк. 1 и 2 — 0,025, 2 и 3 — 0,022, 3 и 4 — 0,013, 4 и 5 — 0,018 м. Первоначально расстояние между строками 4 и 5, судя по врезанной линейке, было намечено 0,013 м, но затем была врезана другая линейка на 0,005 м ниже.

Обломки нигде не сходятся краями. Обрывки сткк. 1 и 2 надписи сохранил фрагмент А, а сткк. 3—7 — фрагмент Б. В стк. 1 после *альфы* отчетливо видна вертикальная черта *гаммы*. От стк. 2 сохранились лишь верхние части двух букв, *альфы* и *пи*; начало строки уничтожено сколом, и перед *альфой* не сохранилось никаких следов букв. В конце стк. 3 на краю скола после *йоты* виден кончик апекса левой стороны *лямбды*. В начале стк. 4 перед *омикроном* видна нижняя половина *йоты*, а перед ней апекс правой части *лямбды*; в конце стк. 5 после *омикрона* на краю излома виден апекс от левой наклонной черты *ипсилона*. От стк. 7 сохранились лишь верхняя горизонтальная черта *сигмы* и верхняя горизонтальная черта вместе с углом пересечения с вертикальной от *эпсилона*.

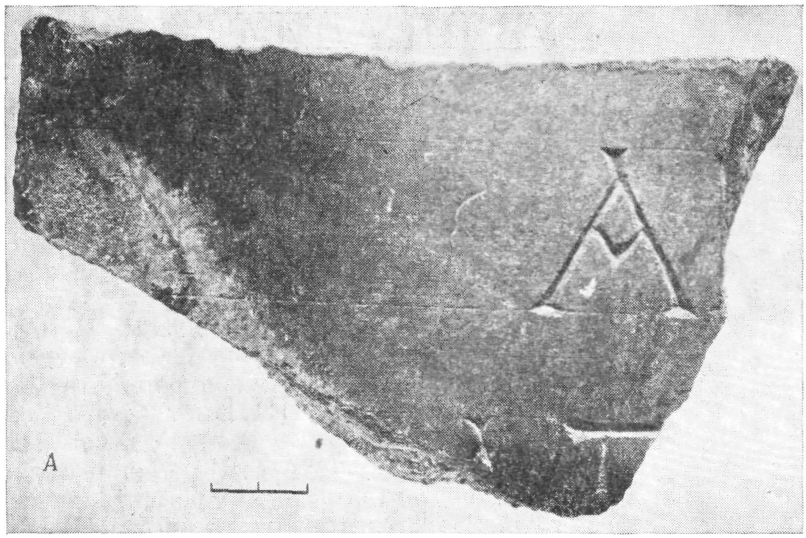


Рис. 1, фрагменты А, Б

Ἀγ[αθῆι τύχηι.]
[Ὁ]ἀπ[ὸ προγόνων βα—]
[σιλέων β]ασι[λεὺς Τιβε—]
[ριος Ἰούλ]ιος Ῥη[σκούπο—]
5 [ρις υἱὸς μ]εγάλο[υ βασιλέως]
[Σαυρομά]του φιλό[καισαρ καὶ]
[φιλορώμαιο]ς ε[ὐσεβὴς— — —]
— — — — — — — — — — — — — —

Перевод: «В добрый (час!) Происходящий от (предков царей) царь (Тиберий) Юлий Рескупорид, (сын) великого (царя) Савромата, друг цезаря и друг римлян, благочестивый...» и т. д.

По характеру письма надпись следует отнести к Рескупориду III, что соответствует и сохранившемуся в стк. 6 окончанию патронимика царя. Перед нами характерный образец монументального парадного письма лапидарных документов первых десятилетий III в. н. э. Шрифт этих надписей, использовавший геометрически правильные формы букв, выработанные еще в I в. до н. э., строгий, с минимальным применением украшений в виде лишь треугольных апексов на концах линий, с выступающей вверх за пересечение правой наклонной у *альфы* и *лямбды*, со слегка смягченными углами у *сигмы* без выступающих влево концов горизонтальных линий.

Поддающаяся восстановлению вступительная часть надписи содержит имя и титул царя Рескупорида, сына Савромата, в им. пад., из чего можно заключить, что текст надписи оглашался от имени самого царя. Это обычно для надписей из категории посвятительных, а также надписей о строительстве и почетных. Однако в так называемых почетных надписях, сообщающих об установлении от имени царя Боспора статуй главным образом римских императоров, членов их семей [1] или же царственных предков самого боспорского царя [2], на первое место ставились имя и почетные титулы чествуемого лица в вин. пад., а затем уже имя воздвигшего статую царя Боспора в им. пад. [3] А в надписях, где речь идет о строительных работах, выполненных по воле и от имени царя [4], и в посвятительных — о воздвижении царем статуй божеств, о восстановлении или ремонте культовых зданий либо о даровании святилищам земельных владений [5] имя царя открывает собою вступительную фразу надписи.

Публикуемые здесь фрагменты принадлежали, по-видимому, надписи, сообщавшей о построении от имени царя Рескупорида какого-то монументального сооружения — общественного здания или храма и, если речь шла о культовом здании, то и о посвящении его божеству. Судя по небольшой толщине плиты и необработанной поверхности ее оборотной стороны, она была встроена в кладку стены. Это обстоятельство также свидетельствует о том, что надпись относится к разряду строительных, а не почетных, которые обычно были начертаны на пьедестале или массивном блоке, на котором устанавливалась статуя.

2. Фрагмент плиты белого, слегка сероватого мрамора, обломанный со всех сторон и склеенный из двух кусков, был найден в 1976 г. в Анапе при археологических работах на раскопе «Город» в выкиде. Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Оборотная сторона плиты

[1] КБН, 38, 41, 47, 52, 978, 1046, 1047.

[2] КБН, 42, 56.

[3] Исключение составляет лишь надпись КБН, 955 о воздвижении Савроматом I статуи некой своей благодетельнице, где имя царя Савромата стоит на первом месте.

[4] КБН, 1122 — о строительстве оборонительных стен Горгиппии Савроматом I, 1254 — о ремонте также, по-видимому, оборонительных сооружений в Танаисе, 63 — о сооружении (?) храма и статуи Ареса в Пантикапее Савроматом II.

[5] Ср. КБН, 28, 29 — об установлении Фарнаком статуй божеств, 1045 — о восстановлении Савроматом I портика храма Афродиты Апатуры, 976 — о восстановлении Реметалком земельных владений святилища.

обработана так же тщательно, как и лицевая. Толщина плиты — 0,028 м. Высота обломка — 0,09, ширина — 0,17 м. На лицевой стороне сохранились остатки трех строк надписи, начертанной по врезанным линейкам. Высота букв — 0,025 м (рис. 2).

— — — — — — — — — —
— — — ο̣μ̣— — — — —
— — —καὶ ο̣ι̣ — — —
— — — στρατ̣η̣[γὸς— —]
— — — — — — — — — —

В стк. 1 вторая буква — *мю*, о чем свидетельствует перекрестие кончиков двух наклонных, сохранившееся на краю излома между нижними концами двух вертикальных линий; то же и в конце стк. 2, где на краю излома также видно пересечение кончиков двух наклонных.

Содержание надписи установить трудно, поскольку кроме союза καί сохранилось единственное поддающееся восстановлению слово στρατη[γός]. В эпиграфике Боспора упоминание стратега встречается в надписях Пантикапея, Горгиппии и Танаиса. Но пантикапейские надписи с упоминанием стратега, известные до настоящего времени, относятся к памятникам, связанным с некрополем (КБН, 382, 827), и не могут быть сопоставлены с рассматриваемым фрагментом. В Танаисе стратег вместе с бывшим наместником царства упомянуты в посвятительной надписи, поскольку при них было сделано посвящение (КБН, 1237), и в надписи о строительстве (КБН, 1256). В Горгиппии до настоящего времени упоминание стратегов известно только в надписях фиасов, где стратеги фигурируют в качестве рядовых фиаситов (КБН, 1134.15; 1141.9; 1179.32). Публикуемый здесь фрагмент к надписям фиасов отнесен быть не может. Об этом свидетельствуют и сравнительно крупные размеры букв, и весь характер письма. Буквы крупные и широкие, расставлены свободно, что говорит скорее о сравнительно небольшом по объему тексте, рассчитанном на широкое обозрение, по сравнению с многострочными надписями горгиппийских фиасов, где надо было экономить место на плите и где высота букв от 0,014 до 0,017 м. Формы букв строго геометрические, применение украшений минимальное, *омикрон* широкий и занимает всю высоту строки, *сигма* широкая, прямоугольного начертания. Надпись сообщала, по-видимому, о воздвижении какого-то общественного здания, а может быть, культовой постройки и посвящении ее божеству и по характеру письма должна быть отнесена к концу II или началу III в. н. э.

Надписи фиасов

3. Обломок массивной мраморной плиты с надписями на обеих сторонах был найден в Анапе в ноябре 1981 г. на берегу моря, напротив гостиницы, на Набережной улице. Камень лежал на песке у самой кромки воды; по-видимому, он долгое время находился в воде и одна сторона его (А) подвергалась действию волн, поэтому оборотная сторона его с надписью (Б) была покрыта приросшим слоем мха и раковин моллюсков. Видимо, камень обрушился на берег сверху с обрыва из культурного слоя, содержавшего ранее найденные надписи с раскриптами Аспурга [6] и надпись фиаса с упоминанием «начальника фисков» [7]. Камень был передан Н. Д. Нестеренко, старшему научному сотруднику Историко-археологического музея Анапы, и им был помещен в музей, где и хранится в

[6] *Блаватская Т. В.* Рескрипты царя Аспурга.— СА, 1965, № 2, с. 197—209.

[7] *Кругликова И. Т.* Новые эпиграфические документы из Горгиппии.— ВДИ, 1967, № 2, с. 193—197; *Болтунова А. И.* Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства.— Eirene, 1968, VII, с. 67—76; *она же.* Надписи Горгиппии из случайных находок.— НЭ, 1971, IX, с. 14 сл.

настоящее время. Мрамор, из которого изготовлена плита, белый, крупнозернистый, с золотистыми вкраплениями. Максимальная длина обломка — 0,44, максимальная ширина — 0,20 м. Ширина плиты — 0,123—0,131 м. Здесь публикуется только сторона А (рис. 3).

Фрагмент обломан со всех сторон, и только с левой стороны на уровне трех последних сохранившихся строк (сткк. 8—10), где излом проходит по краю плиты, сохранилась часть боковой грани, отесанной довольно небрежно. Ширина рамки у сткк. 8 и 9 — 0,018—0,02 м. Сохранились остатки 10 строк надписи, вырезанной опытным резчиком четко и красиво, по тонким, едва заметным линейкам. Высота строк неравномерна: стк. 1 — 0,02 м, остальные — 0,016—0,018 м. Расстояние между строками — 0,013 м.

Письмо надписи представляет собой характерный образец парадного монументального шрифта; на Боспоре он выработался к концу I в. н. э. и представлен главным образом официальными документами времени Савромата I. В качестве примеров этого письма можно привести пантикапейские надписи: 97 г.— об установлении статуи Савромата I Марком Ульпием Примом (КБН, 43), 117 г.— о воздвижении статуи того же царя синодом никейских юношей (КБН, 44), посвящение Савромату I от Тиберия Юлия Фавмаста (КБН, 45) и горгиппийскую надпись Савромата I о восстановлении снесенных стен города Горгиппии (КБН, 1122). Для письма этих памятников характерна равная высота букв в строке, геометрически правильная их форма, минимальное применение украшений, которые сведены лишь к апексам в виде умеренных треугольных утолщений. Что касается начертания отдельных букв, то отметим начертание *альфы*, *дельты* и *лямбды* с выступающей вверх за пересечение правой наклонной гастой, прямую поперечную черточку *альфы*, *каппу* с доходящими до линеек строки наклонными гастами, *сигму* с верхней и нижней горизонтальными гастами, лежащими на линейках строки, *пи* с горизонтальной гастой, концы которой выдаются в стороны за пересечение с вертикальными; упомянем также широкие, в виде правильного круга *тэту* и *омикрон* и, наконец, характерную форму крупной *омеги*, несомкнутые концы кружка которой соединяются с апицированными внутренними кончиками двух коротких черточек, лежащих на нижней линейке строки. Некоторые буквы соединены в лигатуре: в стк. 2 М, Н, N (как в надписи КБН, 44), в стк. 4 N, Е. Отдельные словосочетания выделены разделительными знаками в виде точек. Отмеченные особенности характера письма заставляют отнести надпись, которой принадлежал данный фрагмент, к концу I — первой четверти II в. н. э.

— —
— — — — — — — — — — — — Φ]ᾳρνακ[ίωνος— — ἐν]
[τῶι. . . ἔτει καὶ Δ]αεισίωι μηνί· δε[— — — —]
[— — — — — — — — κ]αὶ λιβανωτῶι καὶ ᾳ[γιστείαις?]
[— — — — —]τὸν θεὸν ἑαυτῶν· βα[— — — — — — — —]
5 [ἀνα]θῖναί τε τοὺς προδηλο[υμένους — — — — —]
[τ]ὁκων· τὰ δεδογμένα[— — — — — — — — λαμβά—]
νοντες παρ'αὐτῶ[ν — — — — — — — — — — — — — —]
ἐπιμεληθήσο[νται — — — — — — — — — — — — — —]
τῆ βουλῆ προ[δεδογμένα? — — — — — — — — — —]
10 τόκωγ[— — — — — — — — — — — — — — — — — — —]
— —

Фрагментарное состояние надписи не дает возможности для восстановления и связного перевода текста. Но ряд сохранившихся слов позволяет не только определить надпись как официальный документ, связанный с общественно-политической жизнью полиса Горгиппии, но и частично разобрать его содержание. Вступительная часть надписи была, вероятно,

подробной, содержала обычное приветствие ἀγαθῇ τύχῃ и имя правящего царя с полной титулатурой. В сткк. 1—2 от нее сохранился лишь патронимик лица, от имени которого издавался документ — [Φ]αρνακ-[ίωνος], и частично обозначение даты — название месяца *даисия*. В конце стк. 3 сохранилась левая половина *альфы*; предлагаем здесь предположительно восстановить слово ἁ[γιστείαις]. Сткк. 3—4: ...καὶ λιβανωτῶι καὶ ἁ[γιστείαις — — — — [— — — —]τὸν θεὸν ἑαυτῶν — «...и ладаном и священными обрядами (почтить?) своего бога». Из этих слов можно заключить, что надпись была начертана от имени фиаситов во главе со жрецом фиаса, неким сыном Фарнакиона, фиаса, почитавшего «своего» бога, того бога, с именем и культом которого было связано учреждение данного фиаса.

Стк. 5 в слове [ἀνα]θῖναι дифтонг ει заменен буквой ι. Это стало возможным благодаря сближению произношения ει и ι. Явление это отмечено в целом ряде боспорских надписей начиная с I в. до н. э. и особенно в первые века н. э.[8] Слово ἀναθῖναι = ἀναθεῖναι (inf. aor. 2 от глагола ἀνατίθημι) в данном тексте, вероятно, следует понимать в значении повелительном: «посвятить ранее объявленные» — [ἀνα]θῖναί τε τοὺς προδηλο[υμένους].

Сткк. 6—7: [τ]όκων τὰ δεδογμένα [— — — λαμβά]|νοντες παρ' αὐτῶν — «из процентов установленное — — — получаете от них». В этой фразе, так же как и в горгиппийской надписи фиаса навклеров (КБН, 1134, 7—8), вместо изъявительного наклонения употреблено причастие. Таким образом, сткк. 5—7 содержали предписание отдачи в рост денежных средств фиаситов. В сткк. 8—9 содержится указание, кто практически осуществит (ἐπιμεληθήσο[νται]) мероприятие и передаст денежные средства или проценты с них τῇ βουλῇ, т. е. Совету города Горгиппии.

Насколько можно понять из сохранившихся отрывков фраз, строки 5—7 содержат предписание членам фиасов вносить в казну фиаса ранее объявленные взносы, а из процентов получать установленную часть. По-видимому, речь идет о каком-то единовременном взносе в связи с некими особыми нуждами полисной общины; поскольку слово «Совет» стоит в дательном падеже, речь идет о передаче ему денежных сумм.

Публикуемая надпись — это первый и пока единственный документ, упоминающий Совет Горгиппии. Следует отметить, что в данном случае Совет здесь упомянут в связи с его конкретной функцией, распоряжением финансами, в то время как Совет Фанагории упомянут единственный раз лишь в стандартной формуле ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος в почетной надписи в связи с установлением статуи царю Котию II (КБН, 982). В каком контексте был упомянут Совет Гермонассы, по единственному сохранившемуся с таким упоминанием фрагменту надписи КБН, 1100 судить нельзя.

Имя божества, с культом которого был связан данный горгиппийский фиас, в надписи не названо. Из всех мужских божеств, упоминавшихся в надписях Горгиппии, нам известны Зевс, Посейдон и безымянный бог, почитавшийся с несколькими различными эпиклезами. Зевс упоминается только в манумиссиях при условии полного и безусловного освобождения раба в стандартной формуле: ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἥλιον (КБН, 1123, 1125, 1126), но нигде мы не встречаем ни посвящения Зевсу, ни обращения к нему. Посейдон упоминается всего один раз, в надписи фиаса навклеров (КБН, 1134); ему был посвящен фиас, поскольку деятельность фиаситов зависела от морской стихии. Более всего упоминаний о безымянном боге, пользовавшемся в первые века нашей эры широким почитанием: он — «бог великий» (КБН, 1202), ему как «богу справедливому» делается посвящение (КБН, 1116), ему как «богу высочайшему, вседержителю, благословенному» посвящают надпись братья, «спасшиеся от

---

[8] *Доватур А. И.* Краткий очерк грамматики боспорских надписей.— КБН, с. 803, § 1.

великих опасностей», вероятно, на море (ВДИ, 1982, № 3, с. 62 сл.) [9], к нему же обращаются и манумиссоры, даруя свободу своим рабам (КБН, 1123, 1125, 1126). Этому божеству, пользовавшемуся исключительным почитанием также и в Танаисе, были посвящены все фиасы. Можно предполагать, что и публикуемая здесь надпись относится к фиасу почитателей того же безымянного «бога высочайшего, вседержителя, благословенного».

4. Фрагмент мраморной плиты, обломанный со всех сторон, был найден в 1979 г. в Анапе на углу улиц им. Ленина и Кубанской. А. С. Корытин извлек его из завала камней при строительстве столовой санатория «Кубань» и передал в Историко-археологический музей в Анапе, где он и хранится. Оборотная сторона плиты, которой принадлежал обломок, не обработана; толщина ее — 0,056 м. Высота обломка — 0,12, ширина — 0,094 м. Сохранились остатки четырех строк надписи, начертанной по врезанным линейкам. Высота букв — 0,018 м, *фи* — 0,028 м (рис. 4).

['Αγαθῇ τύχῃ.]
[Βασιλεύοντος βασιλέ]ως Τ[ιβερίου'Ιουλίου]
[Σαυρομάτου φιλοκαίσαρος κ]αὶ φιλο[ρωμαίου]
[εὐσεβοῦς ἔτει. . . καὶ μηνὶ]Ξαν[δικῶι. .]
5 [θιασεῖται οἱ περὶ συνα]γωγ[ὸν— — —]
— — — — — — — — — — — — — — — — — — —

Перевод: «(В добрый час! В царствование) царя Тиберия (Юлия Савромата, друга цезаря) и друга римлян, (благочестивого, в году... и месяце) ксандике... (фиаситы во главе с) синагогом» и т. д.

Имя Савромата дополнено исходя из характера письма. Если предложенные дополнения правильны, то фрагмент сохранил обрывки вступительных строк надписи фиаситов. Шрифт надписи очень характерен: четкий, со свободно расставленными буквами, не перегруженный украшениями; *альфа* с ломаной поперечной линией и выступающей вверх правой наклонной, сильно удлиненная вертикальная линия буквы *фи* вместе с характерными для надписей времени Савромата II формами *кси* и *омеги*. Указанные особенности заставляют отнести надпись к концу II или, возможно, к самому началу III в. н. э.

5. Фрагмент мраморной плиты, обломанный со всех сторон, найденный в Анапе в 1972 г. при раскопках городища Горгиппии в раскопе «Берег II». Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Плита, которой принадлежал обломок, была обработана одинаково тщательно как с лицевой, так и с оборотной стороны. Толщина плиты — 0,024 м. Высота обломка — 0,135, ширина — 0,105 м. Сохранились остатки пяти строк надписи, вырезанной по линейкам. Высота букв — 0,017—0,018 м (рис. 5).

— — — — — — — — — — — — — — —
[— — — — — Π]όθον Πά[πα?— — —]
[— — — — 'Αθη]νόδωρο[ν— — — —]
[— — — ὀρφανο]φύλαξ Τ[ειμόθεος?— — —]
[— — — — — — —]Πόθο[ς— — — — — — —]
5 [— — — — Νουμή]νιος — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — — — — — —

Надпись, которой принадлежал данный обломок, относилась к числу надписей фиасов. Это видно из того, что имя, которое в данном фрагменте читается первым, дано в вин. пад., как и в надписях фиасов, где в начале текста, после слов ἡ σύνοδος ἡ περί (КБН, 1129, 1135) или θιασεῖται οἱ περί (КБН, 1132, 1134.10) названы руководящие лица синода в вин. пад., а вслед за руководящей коллегией идет перечисление фиаситов в им. пад.

[9] Ср. танаисскую надпись КБН, 1316.

Рис. 2

Рис. 4

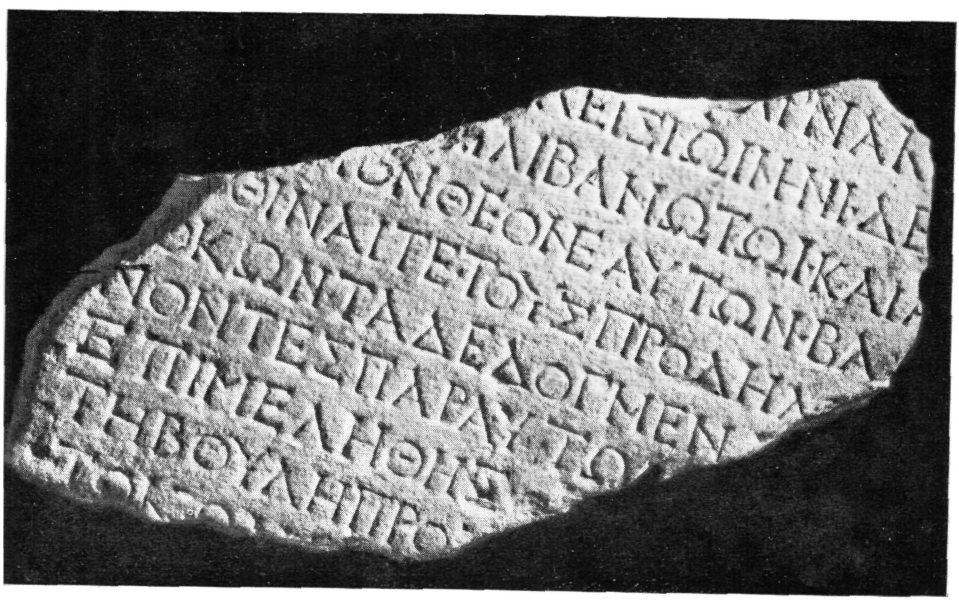


Рис. 3

Рис. 5

Упоминание в стк. 3 «охранителя сирот» ([ὀρφανο]φύλαξ) также говорит в пользу отнесения надписи к фиасу (КБН, 1129Б + В.4). Не исключено, что упомянутый в стк. 1 [Π] ὁθος Πά [πα] в качестве жреца, синагога или фронтиста идентичен лицу, носившему то же имя, поименованному в качестве фиасита в двух других надписях (КБН, 1151, 1179.36). Надпись вырезана тщательно, официальным парадным шрифтом; формы букв и весь характер письма заставляют отнести ее к концу II в. н. э.

Списки имен

6. Обломок плиты из белого мрамора, оббитый со всех сторон. Найден в Анапе в 1971 г. при работах археологической экспедиции ИА АН СССР в раскопе «Берег III». Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Плита, которой принадлежал обломок, была обработана одинаково тщательно как с лицевой, так и с оборотной стороны. Толщина плиты — 0,017 м. Высота обломка — 0,095, ширина — 0,058 м. Сохранились обрывки трех строк надписи, начертанной по тонким врезанным линейкам. Высота букв — 0,015—0,016 м (рис. 6).

— — — — — — Χαρ — — — — —
[— — — ο]υ, Γλυ[κ — — — —]
— — — — — ἀκο[υ — — — — —]
— — — — — — — — — — — — —

Обломок содержит обрывок списка личных имен граждан Горгиппии, скорее всего фиаситов. В стк. 1 было начертано, вероятно, одно из трех наиболее употребительных в Горгиппии имен: Χαρίτων, Χάρδεις, Χαρι-

Рис. 6

Рис. 7

κλῆς; в стк. 2 Γλυκαρίων или Γλύκων. По характеру письма надпись следует отнести к середине II в. н. э.

7. В 1975 г. в Анапе при раскопках городища Горгиппии экспедицией ИА АН СССР в раскопе «Ткацкая фабрика» на глубине 1,08 м был найден фрагмент мраморный плиты, обломанный со всех сторон. Камень хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее (рис. 7). Плита, которой принадлежал обломок, была обработана одинаково тщательно как с лицевой, так и с оборотной стороны. Толщина плиты — 0,04 м. Высота обломка — 0,137, ширина — 0,082 м. Сохранились остатки пяти строк надписи, вырезанной тщательно и красиво по тонким врезанным линейкам. Высота строк различна: стк. 2 — 0,015, 3 — 0,012, 4 — 0,016, 5 — 0,017 м. От стк. 1 сохранились лишь нижние кончики двух апицированных вертикальных линий (может быть, нижняя часть буквы *пи*?). В начале стк. 2 — нижняя часть буквы *эпсилон*, а в конце строки, на краю излома, сохранился левый верхний апекс от *сигмы*; в конце стк. 3 видна левая сторона кружка от *омикрона*; в начале стк. 5 — *альфа* с прямой поперечной линией, а в конце строки — верхняя наклонная от *ипсилона*.

— — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — π(?) —
— — — — — — — εου[ς — —]
— — — — — Γοργίο[υ — — —]
— — — — ποσ — — — — — —
5 — — — ας Γυ — — — — — —

Обломок плиты сохранил фрагмент перечня личных имен граждан Горгиппии, скорее всего — фиаситов. Почти все имена могут быть дополнены лишь предположительно. Так, в стк. 2 возможно восстановление [Νεοκλ]έου[ς] или [Παντακλ]έου[ς]; оба эти имени обычны для Горгиппии первых веков н. э., причем имя Πάνταακλῆς на Боспоре известно только по надписям Горгиппии.

В стк. 4 сохранившийся слог ποσ может быть понят и как первый слог личного имени, например Πόσ[ις], или патронимика, к примеру Πόσ[εος] (ср. КБН, 1179.52), или как последний слог личного имени, например [Πάπ]ος (ср. КБН, 1155; 1161; 1179, 41, 53, 54, 57; 1183). В стк. 5 —

— — ας Γυ — — — затруднение представляет дополнение патронимика. Из надписей Боспора до настоящего времени известно лишь два личных имени, начинающихся на Γυ-: Γύλλος и Γύναϊς. Имя Γύλλος мы встречаем в качестве патронимика в списке граждан Нимфея III в. до н. э. (Ἀπίνας Γύλλου)[10]. Однако вряд ли правомерно это редкое греческое имя предполагать включенным (также в виде патронимика) в горгиппийскую надпись, относящуюся ко времени на несколько веков позже нимфейской. Что же касается имени Γύναϊς (КБН, 1109А), начертанного на надгробии II—III вв. н. э. близ Корокондамы (Γύναϊ Στεφάνου), то истолкование слова ΓΥΝΑΙ как личного имени принадлежит В. В. Латышеву. Однако аналогии этому имени неизвестны.

Шрифт надписи строгий: четкие, геометрически правильные буквы равной высоты свободно расставлены в строке. Украшения букв минимальны и сводятся к четко выраженным апексам в виде характерных врезанных треугольников утолщений на концах линий. В качестве особенности начертаний отдельных букв отметим равную высоту обеих вертикальных линий у *пи* с выступающими в стороны за пересечение с их концами верхней горизонтальной, широкий круглый *омикрон*, занимающий всю высоту строки; у *альфы* правая наклонная линия выступает вверх над пересечением с левой наклонной. У *эпсилона* и *сигмы* концы горизонтальных линий выступают влево за пересечение с вертикалью у *эпсилона* и с ломаной линией у *сигмы*. Следует также отметить два различных начертания *сигмы*: в стк. 4 *сигма*, составленная из четырех пересекающихся линий, а в стк. 5 *сигма* лунарная, как в курсивном шрифте. Отмеченные особенности письма позволяют сравнить его с письмом официальных лапидарных документов II в. н. э., точнее — середины или второй его половины.

8. Фрагмент мраморной плиты, обломанный со всех сторон. Обстоятельства находки его неизвестны. Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Поверхность плиты как с лицевой, так и с оборотной стороны обработана одинаково тщательно. Толщина плиты — 0,015 м, высота обломка — 0,175, ширина — 0,154 м. На лицевой стороне сохранились обрывки семи строк надписи, вырезанной без линеек, очень тщательно, четко и красиво. Высота букв — 0,015, буквы *фи* — 0,021 м (рис. 8).

— — — — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — ς Τειμοθέ[ου — — — —]
— — — — — ς Φαρνακΐω[νος — — —]
[— — — Φαρν]ακίωνος — — — — — —
[— — — — Σ]ελεύκο[υ — — — — — —]
5 — — — — — ωνος — — — — — — — —
[— — — — ω]ν Χρησ[τίωνος? — — —]
[— — — Φαρν]ακίω[νος — — — — —]
— — — — — — — — — — — — — — — —

Сохранился обрывок списка личных имен граждан Горгиппии, скорее всего фиаситов. Что касается характера письма, то отметим лишь глубокий врез линий с треугольным расширением их концов, так что короткие линии, как, например, наклонные у *каппы* и *ипсилона* имеют форму удлиненных треугольников. Эти особенности парадного официального шрифта, наряду с высотой и пропорциями букв, особенно *омеги*, сближают данный фрагмент с рядом датированных надписей Горгиппии второй половины II в. н. э.

9. Фрагмент плиты из сероватого мрамора, обломанный со всех сторон. Найден в Анапе в 1979 г. на раскопе «Заповедник» при раскопке помещения 4 на глубине 3,3—3,5 м. Хранится в Анапе в помещении базы археo-

[10] КБН, 912, 2, 16. Л. Згуста считает это греческое имя теофорным (*Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 371, § 942).

Рис. 8

Рис. 9

логической экспедиции ИА АН СССР. Плита, которой принадлежал обломок, толщиной 0,022 м, тщательно обработана с лицевой стороны и несколько небрежно с оборотной. Высота обломка — 0,113, ширина — 0,09 м. На лицевой стороне была вырезана надпись, от которой сохранились обрывки трех нижних строк. Надпись вырезана без линеек и несколько небрежно; высота букв — 0,015—0,02 м; расстояние между строками — 0,007—0,012 м (рис. 9).

— — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — α̣ (?) — —
[— — — — οδ]ώρου, Σ — — — —
[Σπαρτο?]κίων ΙΙ — — — — — —

От стк. 1 сохранились лишь нижние концы *альфы* (или *лямбды*?). В стк. 2 окончание [— *οδ*]ώρου могло принадлежать именам Μοιροδώρου или Ἀθηνοδώρου, наиболее часто встречающимся в надписях Горгиппии первых веков н. э., или Ἑρμοδώρου. В стк. 3 было имя [Σπαρτο]κίων или [Φαρνα]κίων.

По характеру письма надпись следует отнести ко II в. н. э., скорее ко второй его половине.

10. Фрагмент мраморной плиты, обломанный со всех сторон. Найден в 1971 г. в Анапе при раскопках городища Горгиппии в раскопе «Берег II» (площадь 2) на глубине 0,3 м. Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Плита, которой принадлежал обломок, была обработана одинаково тщательно с обеих сторон. Толщина плиты — 0,02 м. Высота обломка — 0,09, ширина — 0,126 м; сохранились остатки четырех строк надписи, начертанной по врезанным линейкам. Высота букв в стк. 2 — 0,017, в стк. 3 — 0,016 м (рис. 10).

— — — — — — — — — — — — — — —
[— — — Νεο]κλέο[υς — — — — —]
— — — — — Πόσις Κο[μινίκου?—]
— — — — — ων' Αθη[νοδώρου—]
[— — — — Ζ]α̣ζ̣[ου — — — — —]
— — — — — — — — — — — — — —

Рис. 11

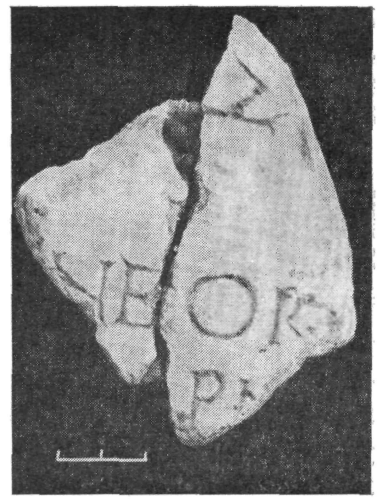


Рис. 12

Фрагмент сохранил обрывок списка личных имен граждан Горгиппии, скорее всего фиаситов. По характеру письма надпись следует отнести к концу II в. н. э.

11. Фрагмент мраморной плиты, обломанный со всех сторон. Найден в 1976 г. в Анапе при работах археологической экспедиции ИА АН СССР в раскопе «Берег». Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Плита, которой принадлежал обломок, была обработана одинаково тщательно как с лицевой, так и с оборотной стороны. Толщина плиты — 0,021, высота обломка — 0,08, ширина — 0,11 м. Сохранились обрывки четырех строк надписи, начертанной по тонким врезанным линейкам. Высота букв в сткк. 2 и 3 — 0,015—0,016 м (рис. 11).

— — — — ς Χορο[αθου? — — —]
[— — —]Χρηστ[— — — — —]
[— — Γασ]τει — — — — — — —
— — — — χου — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — —

Фрагмент сохранил обрывки личных имен граждан Горгиппии, по-видимому фиаситов. В стк. 1 патронимик Χορο[αθου] восстановлен предположительно, поскольку имя Χοροαθος в ономастике Горгиппии не встречалось и известно до настоящего времени только по надписям Танаиса, относящимся к первым десятилетиям III в. н. э. (КБН, 1245 и 1277). Исследователи относят это имя к числу иранских [11]. Надпись вырезана очень тщательно и с большим мастерством, красивым парадным шрифтом. Особенностью письма является глубокий врез линий, резкое утолщение их концов с подчеркнутым апицированием в виде глубоких узких треугольников. Следует отметить лунарную форму *сигмы*. По характеру письма надпись следует отнести к середине II в. н. э. или скорее ко второй его половине.

12. Обломок мраморной плиты, разбитый пополам и склеенный. Происхождение его неизвестно. Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Плита, которой принадлежал обломок, с оборотной стороны сглажена, но не отшлифована. Толщина ее — 0,031 м, высота обломка — 0,092, ширина — 0,079 м. Сохранились остатки трех строк надписи, начертанной по врезанным линейкам. Высота букв: в стк. 1 — 0,016, 2 — 0,013,

[11] См. об этом *Zgusta*. Op. cit., S. 169 f., § 256.

3—0,012 м. Расстояние между сткк. 1 и 2 — 0,035, а между 2 и 3 — 0,007 м (рис. 12).

— — — — — — — — — — —
— — — — — — — Σ — — — —
vacat
— — — — — Νεοκ[λῆς? — — —]
[— — — — Φ]ᾳρν[ακ — — — —]
— — — — — — — — — — —

Сохранился обрывок личных имен. Строка 1, от которой сохранилась единственная буква — *сигма*, относилась, по-видимому, к заголовку надписи и не входила в ее основной текст; на это указывает значительно больший промежуток между сткк. 1 и 2 и более крупный размер буквы, чем в последующих строках. По характеру письма надпись относится к последним десятилетиям II в. н. э.

13. Обломок плиты из белого мрамора был найден в августе 1978 г. в Анапе на ул. им. Кати Соловьяненко; ученик 4-го класса Саша Красноцветов извлек его из кучи грунта, вывезенного из котлована близ кинотеатра «Родина», и передал в Историко-археологический музей г. Анапы, где камень и хранится.

Фрагмент обломан со всех сторон. Высота его — 0,14, ширина — 0,085 м. Толщина плиты, которой принадлежал обломок,— 0,027 м, оборотная сторона ее обработана так же тщательно, как и лицевая. На лицевой стороне сохранились обрывки шести строк надписи, начертанной по врезанным линейкам. На верхнем краю фрагмента, у излома, сохранились линейка и на ней апицированные нижние кончики не поддающихся восстановлению букв. Высота букв в сохранившихся строках — 0,016 м (рис. 13).

— — — — — — — — — — — — — — — — — —
[— — — Νεοκ]λέους — — — — — — — —
— — — — — — ος Νυμφ[αγόρου — — —]
[— — — — ο]υ, Τλιγο[ς — — — — —]
— — — — — — ων Μο[ιροδώρου — — —]
5 [— — — — Ποθ]εί̣νου, Ὀ— — — — —
[— — — — — Να]ῡ̣άγου — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — — — —

В стк. 4 вторая от конца буква *мю* плохо читается на фото из-за повреждения средней ломаной линии. В начале стк. 5 перед *йотой* отчетливо видны апицированные кончики трех горизонтальных линий от *эпсилона*. В начале стк. 6 перед *альфой* виден кончик правой наклонной от *ипсилона*. Сохранившиеся обрывки текста представляют собою фрагмент перечня личных имен граждан Горгиппии, скорее всего фиаситов. Имена в сткк. 1, 2, 4 и 5 дополнены предположительно, с наибольшей долей вероятности, поскольку сохранившиеся на камне буквы находят соответствие в именах, наиболее часто встречающихся в надписях Горгиппии соответствующей эпохи. Имя Ναύαγος, дополненное нами в стк. 6, известно лишь по одной надписи из Танаиса, датированной 220 г. н. э. (КБН, 1218, 11), где упомянут фиасит Καδανακος Ναυάγου. Имя Τλιγος, сохранившееся в стк. 3, впервые встречено здесь. По мнению В. И. Абаева, любезно поделившегося со мною своими соображениями, слово *tligos* происходит из североиранских языков, где звук *r* перед *i* закономерно переходит в *l*. Слово это имеет значение порядкового числительного — «третий». В контексте данной надписи слово Τλιγο[ς] употреблено в качестве личного имени, подобно тому как в древнеримской ономастике мы встречаем имена Tertius, Quintus, Sextus.

Надпись выполнена опытным резчиком. Шрифт строгий, монументальный, буквы равной высоты в строке (лишь *фи* несколько выше). Украше-

Рис. 10

Рис. 13

Рис. 16

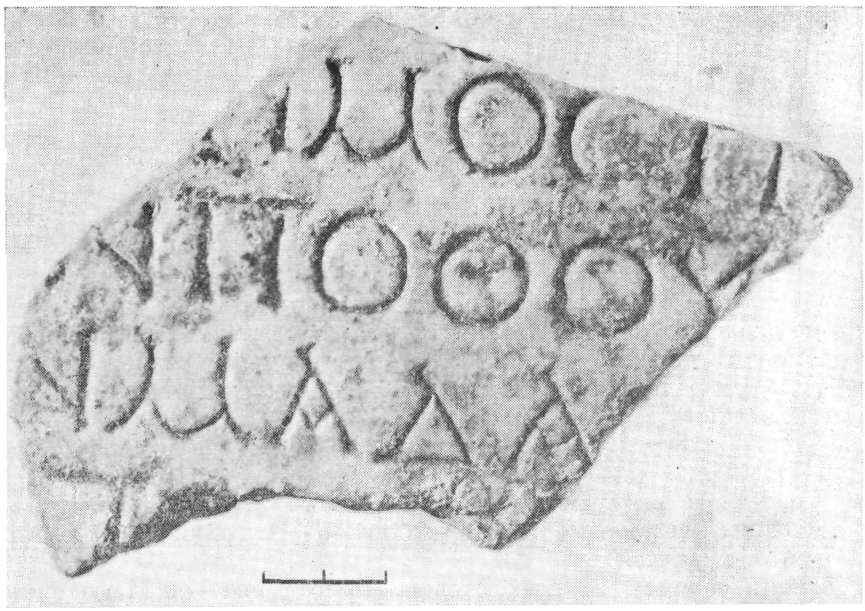


Рис. 14

ния букв сводятся лишь к коротким поперечным черточкам на концах линий. Заслуживают внимания начертание *мю*, где поперечная ломаная линия пересекается с вертикальными значительно ниже их верхних концов, два разных начертания *лямбды*: в стк. 1, где правая наклонная этой буквы сильно выступает вверх за пересечение с левой наклонной, и в стк. 3, где обе наклонных равной высоты и пересекаются концами. Особенно характерно начертание *омеги* из широкой дуги с сильно закрученными внутрь концами и двумя короткими горизонтальными черточками на нижней линейке строки. Все указанные признаки особенно характерны для надписей Горгиппии последних годов II и первых десятилетий III в. н. э.

14. Фрагмент мраморной плиты, обломанный со всех сторон. Найден в Анапе в 1972 г. при работах археологической экспедиции ИА АН СССР на раскопе «Берег II» (площадь 2). Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Оборотная сторона плиты, которой принадлежал обломок, обработана так же тщательно, как и лицевая. Толщина плиты — 0,034 м. Высота обломка — 0,075, ширина — 0,135 м. От надписи, начертанной без врезанных линеек, сохранились обрывки четырех строк. Высота букв — 0,017—0,018 м (рис. 14).

— — — — — — — — — — — — —
[— — — Θεότε]ιμος Π — — —
[— — — — — ω]ν Πόθου[— — —]
[— — — — —ω]ν Μαδα[κου — —]
— — — — — — Π — — — — — —
— — — — — — — — — — — — —

Сохранился обрывок личных имен граждан Горгиппии, вероятно — фиаситов. Имя [Θεότε]ιμος в стк. 1 дополнено предположительно; в ономастике Горгиппии первых веков н. э. мы встречаем это имя в качестве имени деда одного из фиаситов в надписи времени Савромата (КБН, 1179.31). Имя Μαδακος известно только по единственному упоминанию в надписи фиаса из Танаиса, датированной 228 г. н. э. (КБН, 1282.14—15). Письмо надписи характеризуется сочетанием обычного официального шрифта с отдельными буквами, форма которых заимствована из курсивного письма, на данном фрагменте это *мю* и *сигма*. Что касается начерта-

Рис. 15

ния других букв, то следует отметить крупный, в форме правильного круга *омикрон*, *пи* с сильно выступающими в стороны концами горизонтальной линии, *альфу* и *дельту* с выступающей вверх за пересечение правой наклонной, выступающий влево конец нижней горизонтальной гаст у *дельты*, очень короткую поперечную черточку у *тэты*. Украшения букв незначительны. По характеру письма надпись следует отнести к началу III в. н. э.

15. Обломок плиты из белого мрамора, разбитый и склеенный из шести осколков. Высота — 0,09, ширина — 0,118, толщина плиты — 0,018 м. Оборотная сторона обработана так же тщательно, как и лицевая. От надписи, вырезанной на лицевой стороне по врезанным линейкам, сохранились остатки четырех строк. Высота сткк. 1, 3 и 4 — 0,013, стк. 2 — 0,016 м. Расстояние между строками — 0,009 м (рис. 15). Камень найден в Анапе в 1978 г. на территории заповедника при раскопках площади 149, на глубине 2,5 м, в верхнем слое засыпи помещения III в. н. э.

— — — — — — — — — — — — — — —
— — — — ς Εὐτ[ύχου — — — —]
[— — — Δά]δα, Π[ο]τη[γὸς — —]
[— — — Φ]αρνακίω[ν — — — — —]
[— — — Φα]ρνακίω[ν — — — — —]
— — — — — — — — — — — — — — —

Сохранившийся текст представляет собой обрывок перечня личных имен, скорее всего фиаситов. Письмо надписи отличается глубоким врезом букв, сильно подчеркнутыми апексами в виде глубоких крупных треугольников. Обращает на себя внимание характерная форма *омеги* с расширенной дугой и сильно загнутыми внутрь дуги концами, угловатая форма *сигмы*, короткая поперечная черточка *эты*, далеко не доходящая концами до вертикальных гаст. По характеру письма надпись следует отнести к началу III в. н. э.

16. Фрагмент мраморной плиты, обломанный со всех сторон. Найден в Анапе в 1975 г. на раскопе «Ткацкая фабрика» (пл. XIV) на глубине 0,7 м. Хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее. Плита, которой принадлежал обломок, обработана одинаково тщательно с обеих сторон. Толщина плиты — 0,031 м. Высота обломка — 0,144, ширина — 0,107 м. Сохранились остатки шести строк надписи, вырезанной по линейкам. Высота строки — 0,015 м. Расстояние между сткк. 2 и 3 — 0,012, между остальными — 0,009 м (рис. 16).

— — — — — — — — — — — —
— — — — — χαίρειν — — — —
— — — εντες ἔρμ[αιον — — — —]
— — — ὑμεῖν ἐξ ὑμ[ετέρων? — —]
[— — ἐλ]εύθερον [ἀπέδειξε? — —]
5 [— — — ἀ]ποβια[ζόμενοι — — —]
— — — — — ιτ — — — — — —
— — — — — — — — — — — —

В конце стк. 1, на самом краю излома на камне виден апицированный кончик левой вертикальной гасты *ню*. В конце стк. 3 сохранилась левая вертикальная гаста *мю*. В стк. 5 от последней буквы сохранился лишь верхний конец наклонной гасты, скорее всего от *альфы*. Надпись, которой принадлежал публикуемый фрагмент, воспроизводила текст письма. На это указывают сохранившиеся слова в стк. 1 χαίρειν и в стк. 3 ὑμεῖν. В стк. 2 последние три буквы можно предположительно дополнить ἔρμ[αιον] — «неожиданная прибыль» или «выгода». В стк. 3: ὑμεῖν ἐξ ὑμ[ετέρων]. В каком контексте в стк. 4 было начертано слово [ἐλ]εύθερον, неясно. Но если в стк. 5 последняя буква правильно определена как *альфа*, то здесь возможно предположить восстановление: [ἐλ]εύθερον [ἀπέδειξε τὸ πέλαγος τοῖς πλέουσι ἀ]ποβια[ζόμενοι? — — —]

Характер письма заставляет отнести надпись примерно к первой четверти III в. н. э. Это шрифт официальных лапидарных документов, который воспроизводит формы букв, выработанные еще в первой половине I в. н. э. Отличаясь некоторой вялостью, монотонностью и отсутствием украшений, шрифт этот около рубежа II и III вв. н. э. приходит на смену нарядному благодаря обилию украшений шрифту времени Савромата II, особенно часто представленному надписями Горгиппии [12]. Письмо, которому принадлежал публикуемый фрагмент, скорее всего от царя Рескупорида III было адресовано, по-видимому, высшим должностным лицам царской администрации в Горгиппии и касалось каких-то вопросов фискальных отношений полиса с царской властью, а также, возможно, и безопасности морских или сухопутных сообщений.

Данный фрагмент представляет собой лишь третий из известных до настоящего времени эпистолярных документов боспорских царей. Первый из них — фрагмент письма царя Полемона Совету и народу херсонеситов — был найден в 1909 г. в северо-восточной части городища Херсонеса [13]. Содержание его точно не поддается выяснению. В. В. Латышев, ссылаясь на надпись IOSPE, I², 419, предполагал, что письмо Полемона касалось военной помощи ему со стороны херсонеситов. Второй, найденный в 1962 г. в Анапе,— единственный пока документ, сохранивший практически полностью текст писем царя Аспурга к высшим чиновникам царской финансовой администрации в Горгиппии [14]. Они касались юридических и финансовых вопросов.

[12] *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории лапидарного письма на Боспоре.— НЭ, 1962, III, с. 27 сл.

[13] IOSPE, I², 704.

[14] *Блаватская Т. В.* Рескрипты царя Аспурга.— СА, 1965, № 2, с. 197—209; *она же.* Аспург и Боспор в 15 г. н. э.— СА, 1965, № 3, с. 26—37. См. также *Gaidukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971, S. 234.

Приведенные письма боспорских царей, как уже отмечала Т. В. Блаватская [15], следовали обычным и широко распространенным во всем эллинистическом мире эпистолярным формам [16]. Письма царей и династов, содержащие распоряжения, адресованные подвластным городам или святилищам, публиковались как юридически оформленные документы и подлежали безусловному исполнению. К таковым относилось и письмо, фрагмент которого представляет рассматриваемая нами надпись.

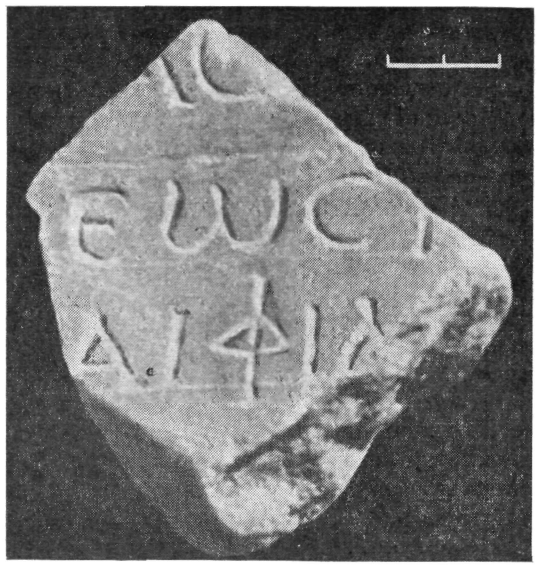


Рис. 17

17. Обломок плиты из сероватого мрамора, оббитый со всех сторон, хранится в Анапе, в Историко-археологическом музее; обстоятельства находки его неизвестны. Плита, которой принадлежал обломок, с оборотной стороны не обработана. Толщина ее в среднем — 0,03 м. Высота обломка — 0,09, высота сохранившейся лицевой стороны — 0,08, ширина плиты — 0,083 м. Сохранились остатки трех строк надписи, вырезанной по линейкам. Высота букв — 0,01—0,012, буквы *фи* — 0,022 м (рис. 17).

['Αγ]αθ[ῆι τύχηι]
[Βασιλεύοντος βασι]λέως Τ[ιβερίου 'Ιουλίου — — — — —]
[φιλοκαίσαρος κ]αὶ φιλ[ορωμαίου — — — — — — — — —]
— — — — — — — — — — — — — — — — — — — —

Перевод: В добрый (час! В царствование) царя Тиберия (Юлия... друга цезаря) и друга римлян...

В стк. 1 вторая буква — *тэта*: с правой стороны на краю излома сохранился апицированный левый кончик горизонтальной черточки в середине кружка. В начале стк. 2 на краю излома виден апицированный кончик правой наклонной от *лямбды*. В конце строки нижняя половина вертикальной линии принадлежит скорее *тау*, чем *ро*, так как расстояние от этой линии до предшествующей ей *сигмы* говорит скорее о несохранившейся горизонтальной линии от буквы *тау*. Надпись вырезана так называемым курсивным шрифтом; следует отметить как невысокое качество обработки самой плиты, так и работы резчика. По характеру письма надпись следует отнести к концу II — первой половине III в. н. э.

Надгробие

18. В 1981 г. в юго-восточном углу участка «Заповедник» велись работы по доследованию раскрытого в 1972 г. помещения 49 и по расчистке от осыпей зимнего сезона хозяйственных ям, связанных с жизнью дома II—III вв. н. э. В процессе работ по расчистке на данном участке были выявлены остатки некрополя раннего греческого поселения, существовавшего на месте Горгиппии в VI—V вв. до н. э. К этому некрополю относится и погребение № 1, задетое хозяйственной ямой 203. Эта яма, от-

---

[15] *Блаватская*. Рескрипты..., с. 201.

[16] *Welles C. B.* The Royal Correspondence in Hellenistic Period. New Haven, 1934, p. XXXVII.

носящаяся к позднеантичному комплексу и прорезавшая более ранние культурные слои, в нижней своей части углублена в материковую скалу. Могильная яма упомянутого погребения, овальной формы, длиной 1,5 и шириной не менее 0,7 м, раскрылась в осыпи южного борта широкой улицы, а в хозяйственной яме 203, на отметке 90, были сложены кучкой кости погребенного. На скалистом дне ямы лежала сползшая туда надгробная плита с постаментом к ней [17].

Плита из грубого крупнозернистого известняка сероватого цвета. Высота ее — 0,66, ширина вверху — 0,318, внизу — 0,34 м. Толщина вверху слева — 0,135, справа — 0,145 м; толщина внизу слева — 0,125, справа — 0,15 м. Постамент в виде прямоугольной плиты с углублением для установки надгробия. Высота его — 0,15, длина — 0,56, ширина — 0,35, площадь углубления — 0,35 × 0,15 м. На лицевой стороне плиты вырезана шестистрочная надпись, занимающая примерно три четверти площади поверхности плиты. Несмотря на отдельные выщерблины, надпись сохранилась хорошо. Надгробие хранится в Анапе в помещении базы археологической экспедиции ИА АН СССР (рис. 18).

Φιλόξε —
νος Κέλω—
νος ἐ Πε—
λοπονν—
5 άσο ἐξ Ἑ—
λίκης

Перевод: «Филоксен, сын Келона, из Пелопоннеса, из Гелики».

Врез букв очень четкий и равномерный, но не глубокий. Высота букв различна: от 0,35 (ω, ν) до 0,06 м (ι, ε). Во второй строке резчик по ошибке пропустил *лямбду* и вырезал ее над строкой. Обращают на себя внимание особенности языка надписи: смешение ионийского и дорического диалектов. Надпись составлена в целом на ионийском диалекте: об этом говорят употребление ω (Κέλωνος) и η (Ἑλίκης), окончание род. пад. на ō вместо ου (Πελοποννάσο) и в том же самом слове определенно выраженный доризм в виде огласовки на α вместо η. Начертание букв четкое, хорошо выработанное, выполненное опытной рукой. Надпись исполнена милетским алфавитом, окончательно модифицированным и усовершенствованным с тем же значением буквенных знаков, ставшим в дальнейшем общегреческим [18]. Однако как характер начертания отдельных букв, так и общий стиль письма свидетельствуют о сравнительно раннем времени: наклонные боковые гасты ν, вытянутое узкое ε с несколько удлиненной средней поперечной чертой, κ с сильно сомкнутыми усиками, форма π с сильно укороченной правой вертикальной гастой; также ω в виде широко раскрытого кружка с двумя отходящими в стороны горизонтальными черточками и η имеют ранние формы. Совокупность указанных наблюдений: особенности алфавита, формы букв, стиль и направление письма, ионизмы — все это заставляет считать наиболее вероятной датировкой надписи примерно 80-е гг. V в. до н. э. Этой датировке соответствует и местонахождение погребения Филоксена в архаическом некрополе VI—V вв. до н. э.

Отметим еще одну особенность, отличающую издаваемое надгробие от других примерно близких ему по времени боспорских надписей: КБН, № 115, 197, 198, 914, 939, 1102, 1104. Особенность эта заключается в расположении буквенных знаков на плите. Текст эпитафии Филоксена, состоящий из 36 букв, разделен на 6 строк по 6 букв в каждой, при этом буквы в строке за строкой вырезаны одна под другой в столбики. Резчика, правда, постигла одна неудача: в стк. 2, как было отмечено выше, по

[17] Подробнее об обстоятельствах находки плиты см. Отчет Е. М. Алексеевой за 1981 г., л. 95—97 (Архив ИА АН СССР).

[18] *Guarducci M.* Epigrafia greca. I. Roma, 1967, p. 86 sg.

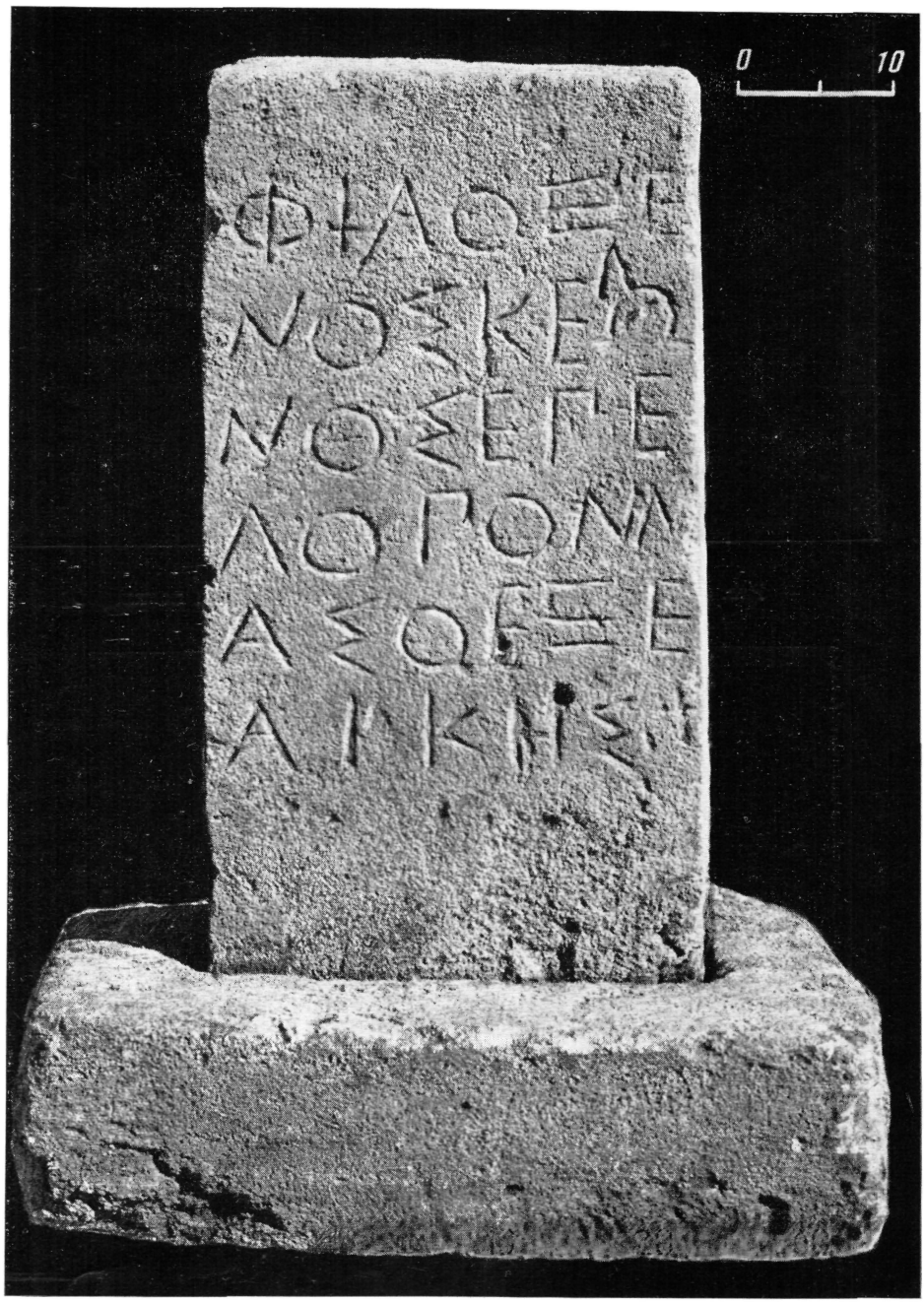


Рис. 18

ошибке оказалась пропущенной *лямбда* и ее пришлось вырезать над строкой. Из-за этого в стк. 2 оказались вырезанными 7 букв, а в стк. 6 одной буквы не хватило. Да и само построение столбиков не везде выдержано четко. Надпись производит впечатление не вполне удавшейся и несколько беспомощной попытки построить ее в манере стойхедон. Сравнение работы резчика надгробия Филоксена с перечисленными выше боспорскими надписями V в. позволяет предполагать, что мастер его, так же как и сам погребенный, не были уроженцами Синдской Гавани.

В то время как в ольвийских надписях манера расположения букв стойхедон прочно вошла в практику с V в. до н. э., на Боспоре вкус к этой манере не привился. Это следует, может быть, объяснить тем, что стиль надписей стойхедон был связан главным образом с документами общественного содержания, а на Боспоре в это время таких документов не было.

Имена Φιλόξενος и Κέλων в надписях Северного Причерноморья до настоящего времени не встречались. Семантика имени Φιλόξενος (φιλόξεινος — эп., поэт.) — «друг гостей», «гостеприимец» — в данном случае, возможно, характеризует Филоксена как потомственного представителя торговых кругов. Родина его Гелика — ионийский торговый городок близ берега Коринфского залива в Ахайе, знаменитый своим древним храмом Посейдона. Вероятно, для уточнения места своего происхождения к названию его родного города Гелики он добавляет ἐ Πελοποννάσο, чтобы прохожий, читающий эпитафию, не принял его за фессалийца, ибо существовала и другая Гелика, в Фессалии [19].

Надгробие Филоксена, наряду с надгробием тавра Тихона из Пантикапея (КБН, 114), относится к числу древнейших надписей Боспора [20]. Оно интересно еще и тем, что является документальным свидетельством ранних связей Синдики с городами Эллады, и тем, что впервые вводит Гелику в число городов, имевших торговые связи с Боспором.

INSCRIPTIONS FROM GORGIPPIA

A. I. Boltunova

The author publishes hitherto unpublished epigraphical materials from excavations and chance finds on the site of Gorgippia: I a fragment of an inscription announcing, apparently in the name of the Bosporan king, the erection of some sort of monumental building, perhaps a temple; II 3 fragments of thiasitic inscriptions, one of which concerned financial relations between a thiasos and the polis administration; III 10 fragments containing lists of personal names, apparently of thiasites; IV 2 fragments of unclear contents; V fragment of a letter, probably of the Bosporan king, addressed to the Gorgippian administration. All these documents belong to the period extending from the end of the 1st to the first half of the 3rd century A. D. The author also publishes a gravestone inscription of the first half of the 5th century B. C. from the grave of one Philoxenos son of Kelon, a Peloponnesian.

---

[19] *Strabo*, VIII, 7, 2: Ἡσίοδος δὲ καὶ ἄλλης Ἑλίκης μέμνηται Θετταλικῆς. Слово Πελοποννάσο с ионийским окончанием, дано, однако, в дорической согласовке, как видно потому, что так оно произносилось в тех местах, откуда прибыл Филоксен. Диалектальной особенностью следует считать и выпадение *каппы* в предлоге ἐκ — ἐ Πελοποννάσο, засвидетельствованное в Пелопоннесе в Мессении, а также широко распространенное в Локриде (см. *Thumb A.*, *Kieckers E.* Handbuch der griechischen Dialekte. B. I. Heidelberg, 1932, S. 108, § 115, 3a; S. 291, § 209, 21).

[20] Надпись КБН, 197 издана В. В. Латышевым в ИАК, 1904, 10, с. 58, № 58 по эстампажу и описанию Шкорпила и датирована им «приблизительно IV в. до н. э.». С этой датировкой вряд ли следует согласиться: архаические формы κ, ν, μ и ω говорят скорее за датировку V в. до н. э.

С. Ю. Сапрыкин

ИЗ ЭПИГРАФИКИ ГОРГИППИИ

Из горгиппийских надписей, дошедших до нашего времени, наибольшее число датируется временем правления на Боспоре царя Савромата II (173—210 гг. н. э.). Это преимущественно обломки декретов религиозных обществ — фиасов и многочисленные списки фиасотов, членов этих союзов. Вообще обилие надписей времени Савромата II из Горгиппии говорит о том, что этот город в годы его правления мог пользоваться определенным вниманием и покровительством со стороны царской власти. Палеография этих надписей известна достаточно хорошо. Для нее характерны: Δ с выступающими вправо концами горизонтальной гасты, косые гасты у M и N начинаются не сразу от верхних углов вертикальных линий, а отступя чуть книзу, и заканчиваются (особенно у N) чуть выше основания. Для A характерна ломаная поперечная гаста, а а у H она не доходит до вертикальных линий, Ω состоит из трех отдельно начертанных составных частей, украшенных раздвоенными апексами. У Σ и П наблюдается небольшое выдвижение горизонтальных линий за габариты буквы. Для шрифта надписей характерно апицирование [1].

В настоящей статье речь пойдет о двух эпиграфических документах из Горгиппии, датируемых на основании палеографических признаков концом II — началом III в. н. э., которые существенно дополняют наши знания об этом боспорском полисе, его социально-политической истории и религиозных представлениях жителей.

Почти все известные в настоящее время надписи времени Савромата II по шрифту, величине строк и размерам букв позволяют предполагать, что их изготовил один и тот же резчик, в одной мастерской и практически в одно и то же время. Среди этих надписей выделяются по своему значению для истории Боспора известное посвящение фиаса навклеров богу морей и покровителю судоходства Посейдону (КБН, 1134), а также две надписи из Горгиппии, обнаруженные в 1962 г. на раскопе «Гостиница II» и хранящиеся ныне в Анапском краеведческом музее.

I. Первый издатель двух последних документов, И. Т. Кругликова, руководившая во время их находок раскопками в Анапе, считала их самостоятельными и поэтому обозначила в своей статье эти надписи под № 1 и 3. Надпись № 1 представляет собой большой фрагмент списка членов фиаса (около 12 имен в сохранившейся части текста), а надпись № 3 — небольшой обломок с тремя начальными строками с титулатурой, именем и месяцем года правления царя Савромата II [2]. А. И. Болтунова, прини-

---

[1] *Болтунова А. И.* Неизданные надписи Боспора.— НЭ, 1960, I, с. 202 сл.; *Болтунова А. И., Книпович Т. Н.* Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре.— НЭ, 1962, III, с. 11, табл. IV, *2*. О шрифте боспорских (горгиппийских) надписей см. также *Болтунова А. И.* Надписи Боспора (Заметки и публикации).— ВДИ, 1959, № 4, с. 104.

[2] *Кругликова И. Т.* Новые эпиграфические памятники из Горгиппии.— ВДИ, 1967, № 2, с. 182—188.

мая, но с поправками, объяснение первой надписи И. Т. Кругликовой как списка фиасотов, отвергла ее трактовку второй надписи как фрагмента манумиссии, предложив считать ее также частью надписи фиаса [3]. Однако сходство шрифта и характер облома наводят на мысль, что фрагменты относятся к одной надписи. Об этом свидетельствуют также их обнаружение на одном раскопе и сохранившееся имя главного жреца фиаса Афинодора, сына Селевка, фигурирующего в обоих фрагментах. Толщина обломков также не противоречит такому предположению. Осмотр надписей в фондах Анапского краеведческого музея убедил нас в правильности наших заключений. Надпись № 3, по нумерации И. Т. Кругликовой, была левым верхним углом надписи № 1 и хорошо подходит по сколу к сохранившимся буквам. Таким образом, фрагмент № 3 позволяет восстановить первые не сохранившиеся строки надписи № 1, в которых читается имя и полная титулатура боспорского царя Савромата II (рис. 1, 2). С учетом высказанных положений и поправок А. И. Болтуновой к фрагменту № 3 надпись фиасотов из раскопок 1962 г. будет выглядеть так:

[Ἀγαθῇ Τύχῃ]
1 [Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρομάτ]ου, φιλ[οκαί]σ[αρος καὶ]
[φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς, vacat ἔτους. . ., μηνὸς Ξ]ανδικου,[. . .]·γραφὴ τῶν
[θιασειτῶν τῶν ναυκλήρων? ·ἱερεὺς Ἀθηνόδωρος Σ]ελεύκο[υ] ὁ ἐπὶ τῆς
[βασιλείας, πρῶτος?, καὶ ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας Μοιρ]όδω[ρ]ος Νεοκλέου[ς]
5 [συναγωγὸς καὶ φροντισταὶ . . . . . λο]χαγός, Λυκίσκος Φαρ—
[νάκου ἱερῶν οἰκονόμος? ·Θεασεῖται· . . . . . Ζήν]ωνος στρατηγός
[. . . . . Φιλοδέσποτο]ς Φαρνάκου, Ζέφο(ς)
[. . . . . Φα]ρνάκης Φαρνακίω—
[νος, ... Ἀσπο]ύργου⟨σ⟩Σατ[. . .]
10 [. . . . . Μυρίσκο]ς Χρή[στου . . . . . .]

Титулатура боспорского царя Савромата II, как правило, начинается со слов Βασιλεύοντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου Σαυρομάτου, φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς. Таковы надписи: КБН, 74, 77 (с упоминанием месяца *ксандика*) из Пантикапея; 1134, 1136, 1205 — из Горгиппии; 1244, 1277 — из Танаиса. По шрифту надпись 1962 г. очень близка многочисленным надписям фиасотов из Горгиппии, особенно декрету фиаса навклеров, списку какого-то фиаса (КБН 1135) и опубликованному А. И. Болтуновой фрагменту каталога имен граждан Горгиппии (по-видимому, опять-таки фиасотов), хранящемуся в Краснодарском Историко-археологическом музее-заповеднике [4]. Данное обстоятельство позволило А. И. Болтуновой предположить, что указанные надписи вышли из-под руки одного резчика или из одной мастерской. К этому следует добавить, что надписи, по всей вероятности, вырезаны не только одним лицом, но и не отделены друг от друга длительным промежутком времени. Реконструкция стк. 1 надписи 1962 г. возможна и по аналогии с горгиппийской надписью КБН, 1135: [Βασιλεύοντος τοῦ ἐκ προγόν]ων βασι[λέων μεγάλου βασιλέως Τιβερί]ου Ἰουλί[ου Σαυρομ]άτου κτλ., но такое восстановление не укладывается в размер лакуны, в которой, по всей видимости, было около 40 букв. К тому же генетически связанный с этой надписью декрет фиаса навклеров имел заголовок в первом варианте, восстановление которого В. В. Латышев считал «несомненным» [5].

---

[3] *Болтунова А. И.* Надписи Горгиппии (Из случайных находок).— НЭ, 1971, IX, с. 13.

[4] *Она же.* Неизданные надписи..., с. 203.

[5] *Латышев В. В.* Неизданные горгиппийские надписи.— ИАК, 1910, 37, с. 40; *Жебелев С. А.* Боспорские этюды, IV. Фиас навклеров в Горгиппии.— В сб.: Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, с. 204. Восстановление В. В. Латышева принял Э. Миннз (*Minns E.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 655, № 51; 663 f.).

В некоторых надписях после имени Савромата в Gen. стоит υἱοῦ μεγάλου βασιλέως Ῥοιμητάλκου (КБН, 1242, 1256 из Танаиса), но для нашей надписи это не подходит, так как на камне после окончания имени царя в род. пад. стоит ΦΙΛ (φιλοκαίσαρος), а во 2 стк. название месяца *ксандика*. Это заставляет восстанавливать здесь традиционную для горгиппийских надписей фиасов конца II — начала III в. н. э. изначальную формулу: «в царствование царя Тиб. Юлия Савромата и т. д.». В горгиппийской надписи КБН, 1119, представляющей собой текст под статуей наместника Савромата II в Горгиппии, Л. А. Ельницкий восстанавливает: [Ἐπὶ βα] — σιλέω[ς Τιβερίου Ἰουλίου] [Σαυρομάτ]ου φιλ[οκαίσαρος καὶ φιλο]ρωμα — [ίου] εὐσεβο[ῦς], ибо, по его мнению, какое-либо другое чтение здесь неприемлемо, так как не умещается на том пространстве, какое представляют лакуны 1 и 2 строк [6]. Однако подобная формула в надписях Савромата II вообще не засвидетельствована [7], а надпись IOSPE, II, 49, на которую ссылается Л. А. Ельницкий для обоснования предложенного восстановления, относится к Рескупориду III (см. КБН, 897). На самом деле стк. 1 в надписи КБН, 1119, очевидно, могла быть стк. 2, а стк. 1 не сохранилась. Поэтому вместо предложенного Л. А. Ельницким варианта чтения возможно восстановление:

[Βασιλεύοντος τοῦ ἐκ προγόνων βασι—]
[λέων μεγάλου βα]σιλέω[ς Τιβερίου Ἰουλί—]
[ου Σαυρομά]του φιλ[οκαίσαρος καὶ φιλο—]
ρωμα[ίου],εὐσεβο[ῦς] κτλ.

В качестве аналогии служит надпись из Горгиппии со списком членов фиаса (синода) времени Савромата II (КБН, 1135 = ИАК, 1915, 58, с. 33—35, № 2). Поэтому и предложенный Л. А. Ельницким вариант титулатуры Савромата II неприемлем для нашей надписи.

Учитывая вышеизложенное, считаем возможным остановиться на первом из двух вариантов реконструкции полной титулатуры Савромата II в объединенных нами фрагментах списка членов горгиппийского фиаса из раскопок 1962 г.

Месяц *ксандик* встречается в пантикапейской (КБН, 77) и горгиппийской (КБН, 1120) надписях, к которым теперь уверенно можно добавить и нашу. Дополнение γραφὴ τῶν [θιασειτῶν· Ἱερεὺς...] принадлежит А. И. Болтуновой, [....Ἀθηνόδωρος Σ]ελεύκο[υ] ὁ ἐπὶ τῆς [βασιλείας] — И. Т. Кругликовой [8]. А. И. Болтунова предположила также, что Афинодор, сын Селевка, в нашей надписи и главный жрец фиаса навклеров (КБН, 1134) — одно и то же лицо, при этом надпись 1962 г. отражает, по ее мнению, ранний этап карьеры этого человека [9]. Однако ничто не указывает на то, что означенная надпись намного старше, чем КБН, 1134. Характер шрифта, титулатура царя, должности, которые занимал в фиасе и административной системе государства Афинодор, сын Селевка, как главный наместник царских земель в окрестностях Горгиппии [10], застав-

---

[6] *Ельницкий Л. А.* Подпись под статуей из Анапы.— ВДИ, 1949, № 4, с. 134.

[7] Надпись КБН, 57 (Пантикапей), в стк. 2 которой восстанавливается βασιλέως Σ(α)υρομάτου, относящаяся к началу III в. н. э., давала более полную титулатуру, как о том свидетельствует сохранившееся количество строк.

[8] *Кругликова.* Ук. соч., с. 183 сл.; *Болтунова.* Надписи Горгиппии..., с. 13.

[9] *Болтунова.* Надписи Горгиппии..., с. 13.

[10] Должность ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας понималась различно. Одни считали ее принадлежащей наместнику Европейского Боспора (*Латышев В. В.* ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909, с. 125; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 342), другие (*Жебелев.* Ук. соч., с. 210) — начальнику царской резиденции в Пантикапее, третьи (*Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 20) — наместнику царской области. В. Ф. Гайдукевич позднее (*Gajdukević V. F.* Das Bosporanische Reich. B., 1971, S. 361) выдвинул предположение, что носителями этого титула могли быть придворные и особо доверенные друзья царя, которые направлялись в различные города и области царства для выполнения важных поручений царской канцелярии и составляли группу «вельмож для особых поручений» при царской резиденции. Мы

ляют полагать, что надписи КБН, 1134 и 1962 г. вышли из-под руки резчика примерно в одно время. На это указывает и патронимик Νεοκλέους, адекватный отчеству синагога фиаса навклеров и наместника Горгиппии Мойродора. В нашем случае от его имени сохранились только буквы ...]όδω[ρ]ος. В горгиппийских надписях рубежа II—III вв. встречаются три имени с таким суффиксом, окончанием и патронимиком: Ἀθηνόδωρος (КБН, 1134, 1179; IOSPE, II, 402), Ἡρόδωρος (КБН, 1119), Μοιρόδωρος (КБН, 1134). Что касается имени Геродор, то в сочетании с именем Неокл оно встречается исключительно в вышеупомянутой надписи о постановке статуи, в прочих же случаях — в других сочетаниях (см. IOSPE, II, 402; IV, 432, 434). Только Л. А. Ельницкий восстанавливает Νεοκλέους как отчество Геродора. Однако палеография надписи о постановке статуи (КБН, 1119) сближает ее со всеми вышеперечисленными надписями из Анапы конца II — начала III в. н. э., а чтение там имени Геродор вызывает серьезные сомнения. При восстановлении [Ἡ]ρόδωρος всегда явно недостаточно букв в той строке, где это имя упоминается, если сравнивать с другими строками. Для ровного счета не хватает, как правило, 2—3 букв. Восстановление Ἀθηνόδωρος невозможно не столько по условиям места, сколько потому, что этот человек никогда не выполнял обязанности синагога, не состоял в президиуме фиаса и тем более не был ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας. Напротив, имя Μοιρόδωρος Νεοκλέους подходит по всем этим признакам. Поэтому в надписи КБН, 1119, по нашему мнению, упоминаются наместники Горгиппии при Савромате II Неокл, сын Мойродора [11], и его сын Мойродор, носивший по обыкновению имя деда. А посему вполне вероятно, что Мойродор, сын Неокла, в надписи фиаса навклеров — наместник Горгиппии и синагог фиасотов — и Мойродор, сын Неокла, в КБН, 1119 — одно и то же лицо. А если это так, то он, вероятно, фигурирует и в списке фиасотов в надписи 1962 г. как член их президиума. Вот почему мы склонны дополнить стк. 4 последней надписи как [βασιλείας....καὶ ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας Μοιρ]όδω[ρ]ος Νεοκλέους. За то, что здесь нужно читать имя Мойродора, говорит и упоминание в документе жреца фиаса Афинодора, сына Селевка, как в КБН, 1134. Недостающее количество букв в строке мы считаем возможным заполнить словом πρῶτος, т. е. πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας применительно к Афинодору, сыну Селевка, по аналогии с надписью фиаса навклеров.

Близким по положению к πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας был ὁ πρῶτος τῆς ἐπαρχείας надписи из Чепигово (II—III вв. н. э. — Živa Antika, 1953, III, p. 215), которого Ф. Папазоглу считала первым из македониархов, облеченным административными обязанностями. Но слово πρῶτος могло относиться и к человеку, который выделялся не служебным положением, а занимал всего лишь почетную должность и выполнял связанные с этим

примыкаем в этом вопросе к мнению А. И. Болтуновой, которая утверждает, что это начальники царских земель, следившие за поступлением податей в царскую казну (*Болтунова А. И.* Надпись под статуей из Горгиппии.— СА, 1958, XXVIII, с. 116; *она же.* Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства.— Eirene, 1968, VII, с. 74 — 76).

[11] Этот же Неокл, сын Мойродора, фигурирует, очевидно, в надписи из Горгиппии (КБН, 1129) в качестве ὁ ἐπὶ Γοργιππίας καὶ συναγωγός синода. За это говорит и лакуна в стк. 3, которая, по замечанию комментаторов КБН, слишком велика и не позволяет восстановить здесь по аналогии с КБН, 1119 имя Неокла, сына Геродора, как это делает Л. А. Ельницкий (см. прим. 6). Остается поэтому предполагать здесь отчество «Мойродор» и видеть в его носителе лицо, скульптурное изображение которого было обнаружено в Анапе в 1939 г. и хранится ныне в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Это подтверждает предположение, что скульптуру и посвятительную надпись КБН, 1119 поставил Мойродор, сын Неокла, и указывает на то, что должности наместника царя в Горгиппии и синагога в религиозном союзе могли передаваться по наследству. О том, как в религиозных коллегиях различались лица, бывшие членами «по родству от отца» и «не по родству от отца» (ἀπὸ πατρὸς καὶ μὴ ἀπὸ πατρός) см. устав общества новакхистов из Афин (II в. н. э.) — Syll.[3], 1109. 38—39.

обязанности. Это засвидетельствовано, например, в Западнопонтийском союзе, главой которого был понтарх, нередко носивший наименование «первый» — πρῶτος (BCH, 1960, LXXXIV, p. 452).

Если в документе 1962 г. упоминается тот Мойродор, которого мы имеем в виду, то начало стк. 5 можно восстановить как συναγωγός, т. е. указание на то, какое положение этот человек занимал в фиасе. В таком случае безымянный лохаг мог быть либо одним из двух фронтистов вместе с Ликиском, сыном Фарнака, либо одним фронтистом, а Ликиск — только казначеем священных сумм. Ликиск, сын Фарнака, был, очевидно, если не сыном, то ближайшим родственником Фарнака, сына Нумения, казначея и фронтиста фиаса навклеров. В последующих строках по обыкновению перечислялись имена рядовых членов фиаса. Из них в стк. 6 не обязательно читать имя Зенона в качестве патронимика, ибо с таким же успехом это могли быть Φαρνακίων, Ψυχαρίων (КБН, 1143), Χρηστίων (ИАК, 37, с. 44) и т. д., из которых в списке фиасотов-навклеров мы находим первого и третьего, впрочем, не ясно, отчества ли это или личные имена.

В стк. 7 можно восстановить [Φιλοδέσποτο]ς Φαρνάκου, так как в Горгиппии известно только такое имя с окончанием в Nom. sing. на -os и подобным отчеством (КБН, 1179). В стк. 9 восстанавливается [Ἀσπο]ύργου⟨σ⟩Σατ-. В надписи фиаса навклеров несохранившееся окончание этого имени дополнено как -ος. Учитывая многочисленные параллели в обеих надписях Аспурга в КБН, 1134, вероятно, следует считать отцом некоего сына Аспурга, патронимик которого стоит в надписи 1962 г. в родительном падеже (Ἀσπούργου) с последующей диттографией перед сигмой следующего имени.

В стк. 7 конечная -Σ имени Зеф, вероятно, опущена, так как выходила за пределы последнего ряда букв всех строчек текста (ср. Βάγη(ς) — КБН, 1134). Стк. 10 можно восстановить как Μυρίσκος Χρήστου опять-таки по аналогии с посвящением навклеров, где это имя и патронимик встречаются в стк. 25.

Приведенные выше параллели и сходства поименованных надписей подводят к вопросу о том, γραφή какого фиаса или синода представляла собой надпись 1962 г. Все признаки — шрифт, титулатура царя, имена и отчества главного жреца и синагога, их государственные должности, отдельные имена фиасотов — говорят о том, что это мог быть фиас навклеров, о котором упоминает КБН, 1134, за тем лишь исключением, что составлен список либо позднее, либо ранее того времени, когда фиас навклеров воздвиг статуи и восстановил храм Посейдона на средства, которые Савромат II оставил за горгиппийцами-фиасотами от вывозимой ими пшеницы в тысячу артаб без уплаты пошлины в царскую казну [12]. Скорее всего, надпись вырезана позднее известного посвящения судохозяев Посейдону, о чем косвенно может свидетельствовать упоминание Ликиска, сына Фарнака. Ведь в КБН, 1134 назван Фарнак, сын Нумения, в качестве фронтиста и казначея священных сумм. Для датировки этот факт может иметь значение, если Фарнак обеих надписей — одно и то же лицо. Статуя боспорского наместника Неокла, сына Мойродора, и надпись под ней, вероятно, предшествуют по времени надписям КБН, 1134 и 1962 г., так как сын Неокла Мойродор должен был поставить их тотчас после смерти отца и вступления в должность ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας.

Из Горгиппии времени Савромата II доподлинно известно о двух фиасах: владельцев-судохозяев (ναύκληροι) и почитателей Бога Высочайшего (Θεὸς Ὕψιστος) (КБН, 1231) [13]. Однако огромное количество списков фиасотов, имен граждан и т. п. заставляет предполагать, что существовали и

---

[12] *Жебелев.* Ук. соч., с. 208.

[13] *Латышев.* Ук. соч., с. 41; *Жебелев.* Ук. соч., с. 215; *Кругликова И. Т.* Синдская гавань. Горгиппия, Анапа. М., 1977, с. 58 сл.; *Gajdukevič.* Op. cit., S. 453.

и другие различные союзы и объединения почитателей божеств [14]. Во всяком случае, в боспорских документах вообще и горгиппийских в частности все эти союзы именовались θίασοι (θέασοι) и σύνοδοι. Среди них были союзы чисто религиозные, подобные танаидским, объединявшим почитателей Бога Высочайшего и Бога Внемлющего, как, например, фиас приемных братьев (КБН, 1283, 1284; ср. КБН, 1260—1264, 1278—1284, 1287, 1288), или пантикапейскому или фанагорийскому (?), составленных из приверженцев Афродиты (КБН, 75, 1055, возможно, 1054), так и фиасы, объединявшие, возможно, людей с учетом профессионального интереса, но группировавшихся как почитатели какого-либо божества (КБН, 1016, 1132, 1134, 1259).

Вопрос о боспорских религиозных союзах требует специального исследования [15] и не может быть решен в данной статье. Однако ряд предварительных наблюдений может быть сделан. С. А. Жебелев отмечал, что в боспорских надписях объединения σύνοδοι и θίασοι по большей части культовые [16], так как почти нигде (за исключением КБН, 1134) не указывается или не сохранилось указания на профессиональный характер группировки. Это отличает надписи фиасов Боспора от аналогичных памятников Балканской и островной Греции, Малой Азии и Западного Понта, где, как правило, характер объединения указывается [17]. Однако исследование документов боспорских фиасотов показывает, что они отличаются между собой. Культовые танаидские объединения почитателей Θεὸς Ὕψιστος начинают свои надписи с упоминания синода во главе со жрецом и отцом синода (πατὴρ συνόδου). Синод упомянут и в таманской надписи почитателей Афродиты. Бо́льшая часть боспорских надписей, главным образом из Пантикапея, Фанагории, Горгиппии, называет синод и фиасотов. Поэтому, учитывая то, что в Танаисе все без исключения культовые объединения носят название σύνοδοι, а в одной из надписей (КБН, 1284) члены союза вообще поименованы как συνοδείτας, следует заключить, что синодами могли называться сугубо культовые боспорские объединения, члены которых были синодистами или фиасотами. Есть и другая группа документов, где упоминание о синоде отсутствует, а называются только фиас, фиасоты и соответствующие должностные лица. Подобные документы известны в Пантикапее, Горгиппии, Танаисе, Тамани (ср. КБН, 75, 76, 77[18], 1132, 1136, 1259). Не отрицая в целом их религиозного характера, мы считаем возможным сопоставить их

---

[14] В качестве примера можно сослаться на горгиппийскую надпись со списком членов религиозного общества — синода — времени Савромата II, по форме письма сходную с посвящением навклеров и потому близкую ему по времени, но дающую совершенно иной список руководящих лиц и рядовых членов союза (*Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной России.— ИАК, 1915, 58, с. 33—35 = КБН, 1135). О различных списках граждан, которые могли быть членами религиозных обществ, см. *Болтунова.* Надписи Боспора, с. 92—95; *она же.* Новая надпись..., с. 67—76; *она же.* Надписи Горгиппии..., с. 5—13; *она же.* Неизданные надписи..., 199—204; *она же.* Из эпиграфических коллекций Новороссийского историко-краеведческого музея.— ВДИ, 1979, № 2, с. 82 сл., а также КБН, с. 661—702.

[15] Работа Н. И. Новосадского (Боспорские фиасы.— ТСАРАНИОН, 1928, 3, с. 55—70) не охватывает всего известного к настоящему времени материала.

[16] *Жебелев.* Ук. соч., с. 215.

[17] Материал о религиозных союзах и обществах обстоятельно собран в статье *Poland F.* Σύνοδοι — RE, IV, Sp. 1415; надписи фиасов и синодов из Балканской Греции комментированы в работе *Foucart P.* Les associations religieuses chez les grecs. P., 1873; общую характеристику союзов см.: *Ziebarth E.* Das griechische Vereinswesen. Lpz, 1896, S. 35 f.; *Poland F.* Geschichte des griechischen Vereinswesens. Lpz, 1909, S. 159; о союзах Малой Азии см. *Sokolowski F.* Lois sacrées de l'Asie Mineure. P., 1955; Западного Причерноморья — *Pippidi D.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. B., 1962, S. 160 f.; о коллегиях жрецов см. *Oliver J. H.* Gerusiae and Augustales.— Historia, 1958, VII, p. 472 f.

[18] В КБН, 77 издатели восстанавливают должность πατὴρ συνόδου что, однако, носит чисто условный характер, ибо в этом месте текст не сохранился и реконструировать его можно как угодно.

с надписью фиаса горгиппийских навклеров, где нет ни слова о синоде. На этом основании мы решаемся допустить, что союзы — фиасы, документы которых не упоминают о синоде, представляют собой группировки лиц, объединенных по профессиям, но под покровительством божеств. Вот почему верховные должности в этих союзах, а именно синагог и жрец, в целом совпадают с теми, которые встречаются в истинно культовых объединениях — синодах.

Данный вывод подкрепляется эпиграфическим материалом из Восточного Средиземноморья. Собранные Е. Цибартом и Ф. Поландом свидетельства о культовых объединениях и союзах лиц, занимавшихся профессиональной деятельностью, показывают, что в числе первых термин ἡ σύνοδος применительно к названию союза [19] превалировал. В аттических надписях значение ἡ σύνοδος нередко адекватно ὁ θίασος, как, например, IG, II/III, 11674.11: Διωνύσου θιασῶται = σύνοδος τῶν τεχνιτῶν; IG, II/III, 1326: οἱ Διονυσιασταί, которые имели свою ἡ σύνοδος, οἱ τὴν σύνοδον φέροντες τῷ θεῷ. Среди должностных лиц этих объединений нередко встречается πατὴρ συνόδου. Подобное положение засвидетельствовано уже для эпохи эллинизма, а в первые века н. э. термин ἡ σύνοδος встречается повсеместно: в надписях из Алопеки (IG, II/III, 1369. 31—32), где упоминается ἡ σεμνοτάτη σύνοδος τῶν ἐρανιστῶν, Танагры (IG, VII, 688 — ἡ σύνοδος τῶν Ἀθηναϊστῶν), Паг (IG, VII, 192) — ἡ ἱερὰ σύνοδος τῶν Ἡρακλεϊστῶν (II в. н. э.), Эпидавра (I в. н. э.) — ἁ σύνοδος ἁ τῶν Ἀσκλαπιαστᾶν τῶν ἐν Πανακείῳ (IG, IV, 1450), Мантинеи, где известно два культовых общества: 1) ἁ σύνοδος τῶν Κοραγῶν (IG, V, 2, 265), верховным божеством которого была Кора, дочь Деметры, 2) ἡ σύνοδος τῶν Ἀσκληπιοῦ ἱερέων — коллегия жрецов культа Асклепия (IG, V, 2,269). На Делосе известны союзы-синоды, один из которых объединял египтян, живших за пределами страны (BCH, 1887, XI, p. 249—252, № 2—3; ID, 1528—1529) [20].

Из городов Малой Азии ἡ σύνοδος часто упоминается в надписях Смирны: 1) ἡ σύνοδος τῶν περὶ τὸν βρεισέα Διόνυσον, а также ἡ σύνοδος τῶν ἐν Σμύρνῃ μυστῶν (I—II вв. н. э.— CIG, 3173, A — B; 3176 = Syll.³, 851. 6—7); 2) ἡ ἱερὰ σύνοδος τῶν περὶ τὸν Βρεισέα Διόνυσον τεχνειτῶν καὶ μυστῶν (конец II в. н. э.— CIG, 3190, 3210); 3) ἡ σύνοδος τῶν τῆς θεοῦ μυστῶν (CIG, 3194; 3199) Ἡ σύνοδος как культовое объединение почитателей божеств широко засвидетельствовано в египетских городах — Александрии, Навкратисе, Мемфисе и т. д. [21] Выходцы из Египта и Смирны, жившие на чужбине, также организовались в союзы-синоды, как, например, на Делосе и в Магнесии на Сипиле.

Объединение последних Е. Цибарт считает профессиональным по характеру его членов землячеством, однако, принимая во внимание, что в Смирне, как в Египте, союзы-синоды имели преимущественно культовый характер, следует предполагать, что подобные коллегии выходцев из этих стран на чужбине также могли иметь такой же оттенок.

Что касается профессиональных группировок, то они характеризуются в основном терминами κοινόν, θίασος, значительно реже σύνοδος. Так, в 168 до н. э. в Галиарте был принят почетный декрет, в котором упоминался союз охотников (ἡ σύνοδος τῶν κυνηγῶν — IG, VII, 2850), а в Афинах в конце II в. до н. э. существовал ἡ σύνοδος навклеров и эмпоров, объединившихся под покровительством Зевса Страннолюбивого (Syll.³, 706). Нередко в декретах союзов эти группировки обозначались то

---

[19] Общую характеристику союзов-синодов см.: *Ziebarth*. Op. cit., S. 37; f.; *Poland*. Geschichte..., S. 159 f.

[20] BCH, 1889, XIII, p. 241; *Roussel P*. Les Cultes égyptiennes à Delos du III au premier siecle av. j. c. P., 1916, p. 205, № 217; ср: *Poland*. Σύνοδοι, Sp. 1429 f.

[21] Перечень египетских религиозных объединений см.: *Ziebarth*. Op. cit., S. 61; *San Nicolo M*. Ägyptisches Vereinswesen zur Zeit der Ptolemäer und Römer. Bd I—II. München, 1915.

как κοινόν, то как σύνοδος [22]. Со II в. до н. э. появляется сочетание σύνοδος τεχνιτῶν, которое с этого же времени примыкает по своему значению к θίασος. Это прослеживается, в частности, по названиям делосского объединения эмпоров и навклеров из Тира (κοινὸν τῶν Τυρίων Ἡρακλειστῶν ἐμπόρων καὶ ναυκλήρων) и косского союза почитателей Осириса (σύνοδος Ὀσειριαστᾶν), которые впоследствии были известны как фиасы [23]. Если Ф. Поланд считал, что κοινόν и σύνοδος различались по значению, то Е. Цибарт указывал, что с I в. до н. э. это различие уже не существовало, и потому полагал, что ἡ σύνοδος в отличие от τὸ κοινόν обозначал союз с более широкими целями, хотя и относился в основном к культовому объединению греков и негреков, почитателей божеств. Мнение Цибарта подтверждается как приведенным выше перечнем союзов (синодов) исключительно религиозного характера, так и тем, что ἡ σύνοδος первоначально обозначал регулярные собрания членов союзов для культовых и праздничных целей [24].

Таким образом, ἡ σύνοδος — исключительно культовый по характеру термин, а посему употребление его в надписях различных группировок на Боспоре, и в частности в Горгиппии, указывает на то, что эти группировки могли быть религиозными обществами-фиасами [25]. Этому не противоречит и частое сочетание θίασος (θεασεῖται) и σύνοδος в одном и том же документе. Если приведенные выше соображения соответствуют действительности, то, принимая во внимание отсутствие в горгиппийской надписи (1962 г.) упоминания о синоде, деление группировок граждан города на профессиональные (фиасы) и чисто религиозные (синоды), а также совпадение имен членов президиума в нашей надписи и надписи фиаса навклеров, считаем уместным принять восстановление А. И. Болтуновой стк. 4 как γραφὴ τῶν [θιασειτῶν], к которому дополняем τῶν ναυκλήρων, что должно заполнить оставшуюся лакуну из 12 букв (с учетом количества 50—60 букв в строке).

Интерес представляет форма γραφὴ τῶν [θιασειτῶν τῶν ναυκλήρων?]. Если это действительно список членов фиаса, то такого рода документы выставлялись, как правило, в святилище или храме того божества, которое было главным для членов религиозного союза. Об этом свидетельствует, в частности, декрет фиаса почитателей богини Артемиды из Афин (III в. до н. э.), который предписывает (стк. 12): ἀναθεῖναι αὐτοὺς καὶ στήλην ἐν τῶι ἱερῶι τῆς Ἀρτέμιδος καὶ τὰ ὀνόματα ἀναγράφαι τῶν θιασωτῶ[ν ἀπ]άντων (IG, II/III, 1301).

Составление списков членов религиозных и иных группировок, а также постановлений союзов входило в обязанности γραμματεύς или ἀντιγραφόμενος (писца). Об этом красноречиво говорят аттическая надпись IG, II/III, 1328. 19: ἀναγράψαι δὲ τόδε τὸ ψήφισμα τὸν γραμματέα εἰς τὴν στήλην τῶν ὀργεώνων, а также вышеупомянутая надпись афинян — почитателей Артемиды: ἐνγραφέτω δὲ ἕκαστος (sc. τῶν ἐπεισιόντων θιασωτῶν — Цибарт) αὐτὸν τῷ αὐτοῦ ἀναλώματι μετὰ τοῦ ταμίου καὶ τοῦ γραμματέως. Близкая формулировка встречается в IG, II/III,1361. 22: εἰς τὴν στήλην ἐγγράφεσθαι; IG, II/III, 1335. 4—6: ἀναγράψαι τὰ ὀνόματα τῶν ἐρανιστῶν ἐν στήλῃ ..., λιθίνῃ в надписях

---

[22] *Ziebarth.* Op. cit., S. 103 f.; *Poland.* Geschichte..., S. 159—161; *Жебелев* Ук. соч., с. 214, прим. 1; подробнее см. *Lecrivain.*— In: Daremberg — Saglio, V, p. 259.

[23] *Ziebarth.* Op. cit., S. 137 f. Ср., например, в Мегарах: ἡ σύνοδος τ[ῶν θιασωτῶν Διο]νύσου— *Poland.* Geschichte..., S. 160.

[24] *Ziebarth.* Op. cit., S. 136—138; *Poland.* Geschichte..., S. 160, 247 f.; *idem.* Σύνοδοι, Sp. 1422—1424. Ср. *Colin.*— In: Daremberg — Saglio, IV, 1588 b, который считает ἡ σύνοδος точным синонимом κοινόν, θίασος, ἔρανος, ὀργεῶνες.

[25] К такому же выводу приходит Т. Н. Книпович (Танаис. М.— Л., 1949, с. 116), анализируя данные о танаидских религиозных объединениях. Ср. также *Жебелев С. А.* Танаидские «братья-приемыши».— В сб.: Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, с. 299—302; *Новосадский.* Ук. соч., с. 55—60; *Надэль Б. И.* К вопросу о культе безымянного «всевышнего» бога в Танаисе в III в. н. э.— Listy filologické, 1966, 89, I, p. 13—24.

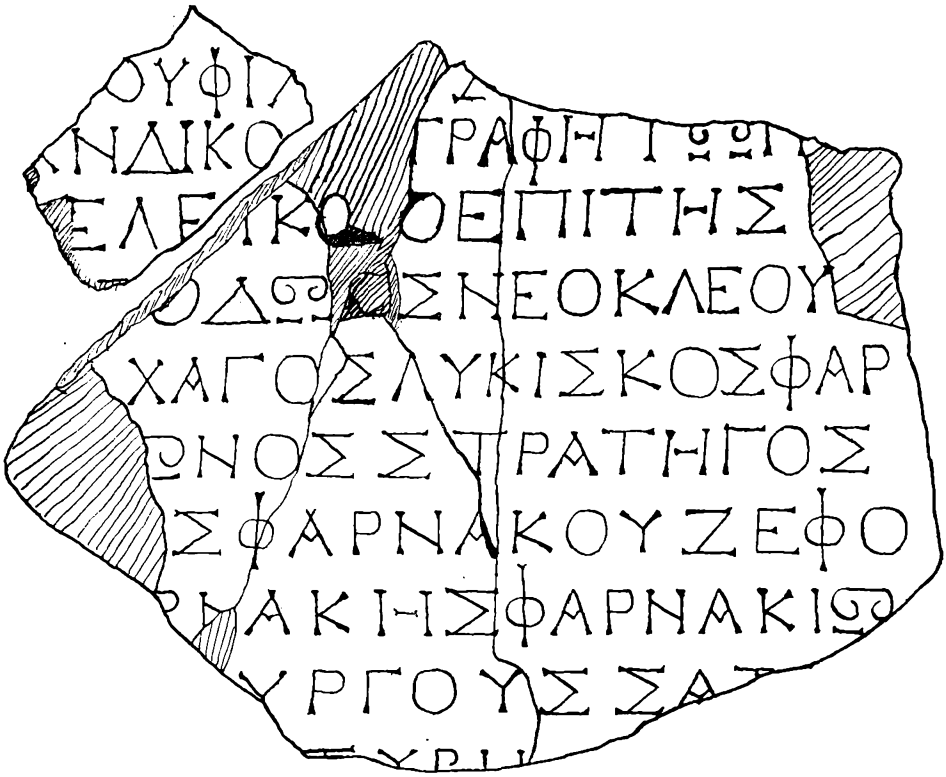


Рис. 2. Прорисовка надписи из раскопок 1962 г.

III в. н. э. из Танаиса: [ἀνέστησαν τὸν] τελ[αμῶνα ἐγγράφαύ]τες [ἑαυτῶν τὰ ὀνόμα]τα [περὶ πρεσβύτερον] Σ... (КБН, 1292); ἐνγνά[φαντ] ες ἑαυτῶν τὰ ὀνόματα κτλ (КБН, 1283). Таким образом, если данный список представляет собой имена членов фиаса навклеров, то напрашивается предположение, не мог ли он быть выставлен в храме, реконструированном на средства от уступленных царем Савроматом II городу и фиасу пошлин на вывоз тысячи артаб зерна. Храм был посвящен богу морей и судоходства Посейдону, который к тому же стоял во главе генеалогического древа боспорской правящей династии.

II. Другая неопубликованная до сих пор надпись была обнаружена в 1969 г. на раскопе «Кубанский II». Это фрагмент плиты из белого крупнозернистого мрамора с остатками четырех строк греческой надписи. Плита гладкая с обеих сторон, размеры 13,5 × 15 см, толщина 2,7 см. Высота букв 1,6—1,8 см. Буквы вырезаны тщательно и глубоко по камню, на концах их апексы (рис. 3). Расстояние между строками 0,8—1 см, между 1-й и 2-й строками — 4,2 см. Поэтому стк. 1 могла быть заключительной в предыдущем тексте, а стк. 2 — началом следующего. На это же указывают и сохранившиеся буквы имени и титула Савромата II, которые предваряли по обыкновению в боспорских надписях начало текста. По палеографическим признакам эта надпись стоит в одном ряду с документами фиаса навклеров, другими надписями времени Савромата II. Учитывая это обстоятельство, стк. 1 надписи можно восстанавливать либо как [Μοιρόδωρος vel.—ου] Νεοκ[λέους], либо как [...ο]υ Νεοκ[λῆς Μοιροδώρου]. Конечно, здесь можно подразумевать и другого человека с именем или патронимиком «Неокл», очень распространенным в Горгиппии в римскую эпоху. Например, [Ἀθηνόδωρος] Νεοκ[λέους] (КБН, 1134)

или Νεοκ[λῆς Ἀθηνοδώρου] (КБН, 1126, 1160); Νεοκ[λῆς Ατακούα] (КБН, 1142) и т. д. Однако упоминание в стк. 2 имени и титула Савромата II заставляет полагать, что это документ официальный и поэтому там в первую очередь должны были назвать горгиппийца, занимавшего важную административно-государственную должность. В означенную эпоху человеком с именем или отчеством «Неокл», исполнявшим должность наместника Горгиппии и синагога фиаса навклеров, был Мойродор, сын Неокла, а чуть ранее — отец его Неокл, сын Мойродора (см. выше). Поэтому мы склонны в стк. 1 читать или патронимик сына, или имя отца, скорее первое. О том, что здесь речь идет не о рядовом гражданине или фиасоте, а о человеке известном, находившемся на государственной службе, свидетельствует упоминание имени царя вслед за его именем. Это было бы невозможно, если бы в предшествующих строках стояли имена простых горгиппийцев. В качестве примера сошлемся на посвящение навклеров (КБН, 1134), где имя царя Савромата названо дважды и в сопровождении важнейших должностных лиц. (Рис. 1,3 см. вкл. стр. 57)

Интерес вызывает титулатура и имя царя в им. пад. ед. числа. Данный факт необычен для надписей Боспора с титулатурой Савромата II, поскольку в большинстве случаев она упоминается в родительном падеже (см. выше). Однако в надписях из Керчи (КБН, 52, 63) и Партенита (Аю-Дага — КБН, 955), из которых две посвятительные в честь представителей римской императорской династии, а одна сообщает о восстановительных работах в храме, титул и полное имя царя поставлены в nom. sing. в такой последовательности: Τιβ(έριος) Ἰούλιος βασιλεὺς Σαυροματης, φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβής. Во всех других случаях употреблялся gen. и очень редко acc. [26] На этом основании можно предположить, что такая же формулировка могла сопутствовать и нашей надписи. А ввиду того что при Савромате II титулатура в nom. sing. употреблялась исключительно в надписях посвятительного или культового характера, не исключено, что разбираемый фрагмент относился к такого рода документам. Восстановление в стк. 1 имени Мойродора, сына Неокла, синагога фиаса навклеров в Горгиппии, наводит на мысль, что это какой-то документ означенной профессионально-религиозной группировки. Уж не могла ли идти в нем речь о работах по воздвижению статуй и восстановлению храма Посейдона, покровителя членов указанного союза? К сожалению, фрагмент надписи незначителен, и это заставляет воздержаться от столь соблазнительных и далеко идущих предположений.

Отмеченные выше особенности заставляют видеть в последующих строках обрывки личных имен, надо полагать, членов союза. В стк. 3 могло стоять имя Δεμῶ[ναξ vel — ακτος], которое встречается в списке граждан Горгиппии первой половины III в. до н. э. (КБН, 1137) в качестве отчества. А в стк. 4 в таком случае возможно [Σώ]πᾰτ[ρος О...] (КБН, 1143) — личное имя, известное в Горгиппии во II в. н. э. Не исключены и другие варианты, например, Σωπάτειρα (КБН, 516), Σωσίπατρος, Πάτροκλος, Ἀπατούριος, Εὐπάτωρ и т. п., однако отсутствие последних в ономастике Горгиппии заставляет отказаться от таких восстановлений. Титул Савромата II мог читаться как υἱὸς μεγάλου βασιλέως Ῥοιμητάλκου (ср. КБН, 1134), но только в том случае, если в первых утраченных строках надписи упоминалась традиционная титулатура в gen. abs. Последнее возможно, так как между сткк. 1 и 2 довольно большое пространство, достаточное для того, чтобы отделить на плите один текст от другого, связанного с ним логически и по смыслу. Если принять такую реконструкцию, то Савромат II оказывается членом фиаса вместе с рядовыми гражданами

[26] Титулатура и имя царя в именительном падеже при том, что praenomen и nomen предшествуют титулу, встречаются в надписях, датированных годами правления Савромата I (КБН, 1045, 1254). Отнесение обломка из раскопок 1969 г. ко времени этого царя затруднительно в связи с тем, что по шрифту он явно датируется концом II — началом III в. н. э.

Рис. 1. Обломок надписи со списком членов фиаса навклеров

Рис. 3. Фрагмент рескрипта Савромата II горгиппийцам

Горгиппии. Полемика по вопросу о членстве царя в фиасе уже велась (подробно о ней см. указанную выше статью С. А. Жебелева); если принять данное предположение, высказанное еще Э. Миннзом [27], то сомнительно, чтобы имя властителя Боспора стояло в списке позади имен членов президиума фиаса. Скорее всего, оно бы им предшествовало. В связи с этим вероятна другая реконструкция текста, если предположить, что перед нами не список фиасотов, а какой-то официальный документ, состоящий из самостоятельных текстов, но объединенных одной идеей. На это указывает расстояние между сткк. 1 и 2. Подобные лакуны нередки, например, в царских рескриптах и письмах эллинистических монархов, римских императоров и их легатов греческим городам [28]. В качестве аналогий можно привести известный декрет о проституционной подати из Херсонеса (конец II в. н. э.), содержащий переписку граждан и командования вексилляции римских войск в городе с наместником провинции Нижняя Мезия [29], переписку властей Истрии и наместников этой же провинции, так называемую Ὀροθεσία Лаберия Максима (переписка I в. н. э., надпись эпохи Северов — Dacia, 1958, II, p. 229 = ISM, I, 68), а также рескрипт Аспурга горгиппийцам (первая четверть I в. н. э.) [30]. Для античных городов Северного Причерноморья это не единственный документ такого рода. До нас дошли начальные строки рескрипта царя Полемона I Херсонесу (IOSPE, I², 704). Несмотря на незначительность фрагмента из раскопок 1969 г., можно предположить, что плита, на которой он высечен, содержала переписку властей Горгиппии с царем Савроматом II и его ответы на посланные запросы. В таком случае стк. 1 могла относиться к одному тексту, а сткк. 2—4 — к другому. Сам же документ, вероятно, содержал трафаретные для подобного рода надписей формулировки вроде:

[. . . . . .]
1 [. . . . . Μοιρόδωρος]Νεοκ[λέους ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας]
vacat
[Τιβ(έριος)Ἰούλιος βασιλε]ὺς Σαυρ[ομάτης φιλόκαισαρ καὶ φιλο—]
[ρώμαιος, εὐσεβής· Βουλῇ καὶ]δήμῳ χ[αίρειν· . . . . . .]
4 [. . . . . .]πατ[ρίς(vel.—ίδος). . . . . .]

В стк. 4 можно предположить, что Εὐπάτωρ и его производные (ср. Εὐπάτορος ἀνχι[στ]ευτικὸν νόμον в Аспурговом рескрипте) либо эпитет Митридата VI, царя Понта и Боспора, либо имя боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора (153—173? гг. н. э.), предшественника Савромата II [31]. В стк. 3 сохранилась верхняя часть гасты буквы Χ, очевидно, слова χαίρειν.

Iota subscriptum часто встречается в надписях римского времени. Отсутствие в стк. 3 gen. sub. τῶν Γοργιππέων объясняется, вероятно, тем, что он упоминался в предшествующих строках надписи. Предложенная

[27] *Minns*. Op. cit., p. 623; *Ziebarth E*. Beiträge zur Geschichte des Seeraubes und Seehandels im alten Griechenland. Hamburg, 1929, S. 68; *Rostowtzeff M*. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxf., 1926, p. 565.

[28] Примеры царской переписки с городами см. *Welles C. B*. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.

[29] IOSPE, I², 404 = *Соломоник Э. И*. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983, № 1, с. 20—27.

[30] *Блаватская Т. В*. Рескрипты царя Аспурга.— СА, 1965, № 2, с. 197 сл., рис. 1.

[31] В стк. 4 возможно дополнение [εὐεργέτης τῆς] πατ[ρίδος] по аналогии с горгиппийской надписью КБН, 1122 времени Савромата I (см. *Блаватская Т. В*. Строительная надпись из Горгиппии.— ВДИ, 1951, № 2, с. 117—119; *Болтунова*. Надписи Боспора, с. 101—105), а также IOSPE, II, 39 = КБН, 42, 44 (Пантикапей, Савромат I); IOSPE, II, 355 = КБН, 1047 (Гермонасса, Рескупорид I); КБН, 1118 (Горгиппия, Рескупорид I); IOSPE, II, 27 = КБН, 33 (Пантикапей, Котис II). Если Т. В. Блаватская считала, что этот эпитет к Савромату II относиться не может, то А. И. Болтунова указала, что в титулатуре последнего он не исключен, так как встречается у ближайших предшественников этого царя (*Болтунова*. Надписи Боспора, с. 104—108).

реконструкция текста более вероятна в силу отмеченных причин общего порядка, а также потому, что имя Демонакт не засвидетельствовано в Горгиппии римского времени. Что касается стк. 1, то предлагаемое восстановление имени наместника Горгиппии Мойродора, сына Неокла (либо Неокла, сына Мойродора), обретает дополнительный вес. Конечно, усматривать в этом тексте связь с фиасом навклеров по шрифту и имени синагога заманчиво, но негласный закон эпиграфики заставляет воздержаться от каких-либо заключений на основании восстановленного текста.

Если справедливо чтение «Совету и Народу» в предложенной реконструкции, то факт этот трудно переоценить. Это будет первое в Горгиппии и чрезвычайно редкое на Боспоре вообще свидетельство о том, что греческий полис в рамках царства имел свои органы управления — Совет и Народное собрание, а значит, мог пользоваться определенной долей самоуправления и независимости в указанную эпоху.

Упоминание о демосе горгиппийцев (ὁ δῆμος Γοργιππέω[ν]) встречается в почетной надписи времени Рескупорида I (68—91 гг. н. э.). В ней говорится, что народ Горгиппии воздает своему благодетелю-царю почести — какие, определить невозможно, ибо текст сохранился неполностью (КБН, 1118 = ИАК, 1910, 37, с. 70). На основании этого документа трудно сказать, существовало ли в Горгиппии Народное собрание, поскольку увековечивание могло быть сделано от лица всего населения города за какое-то благодеяние царя. Однако отсутствие в надписи упоминаний о царском наместнике Горгиппии заставляет все же предполагать, что в конце I в. н. э. в полисе могла действовать экклесия и другие органы полисного управления, разумеется, с очень ограниченными правами. Ведь подобная практика была известна на Боспоре в римскую эпоху.

В почетных надписях из Агриппии, как с конца I в. до н. э. стала называться Фанагория, упоминается о народе агриппейцев (ὁ δῆμος ὁ Ἀγριππέων — КБН, 979, конец I в. до н. э.; 983 — начало II в. н. э.), а в одной из них говорится о постановке статуи Советом и народом агриппейцев (ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆ[μος ὁ Ἀγριππέων] — КБН, 982, 130 г. н. э.). Как видим, упоминание в надписях народа Агриппии подразумевает существование Совета и Народного собрания [32], а это означает, что аналогичное свидетельство о демосе в Горгиппии также может косвенно подтвердить возможность функционирования обоих органов полисного управления [33].

Название Агриппия удерживалось за Фанагорией до III в. н. э., при этом ее органы полисного управления превосходно уживались с должностью царского наместника ὁ ἐπὶ τῆς νήσου, как о том следует из надписи КБН, 982. Следовательно, существование ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας нисколько не должно противоречить возможности действия в Горгиппии экклесии и Совета. Фанагория и Горгиппия вообще отличались по своему полисному статусу среди городов Боспора, не считая, разумеется, столицы государства Пантикапея, где Народное собрание засвидетельствовано (Diod., XX, 24). Это, впрочем, не означает, что слово δῆμος в КБН, 140 (эпитафия Хариксена из Пантикапея) должно относиться к Народному собранию граждан Пантикапея. Скорее всего, появление этого термина в надписи равнозначно понятию всего населения царства. Как показы-

---

[32] *Каллистов Д. П.* Политика Августа в Северном Причерноморье.— ВДИ, 1940, № 2, с. 66, прим. 1; *Гайдукевич.* Боспорское царство, с. 340—341; *Gajdukević.* Op. cit., S. 359; *Кобылина М. М.* Фанагория.— МИА, 1956, № 57, с. 74; *Болтунова А. И.* К надписи Хариксена, сына Хариксена.— ВДИ, 1960, № 4, с. 74 сл.; *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.— Л., 1949, с. 534; *Колобова К. М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве.— ВДИ, 1953, № 4, с. 47 сл.

[33] В 1982 г. в г. Анапе случайно была обнаружена надпись, по всей вероятности, декрет (инв. № АМ 10886/1982), в котором упоминается Совет (ἡ βουλή) и какие-то благодеяния народу (ὁ δῆμος). На основании беглого осмотра надписи в фондах Анапского краеведческого музея я склонен по палеографическим признакам датировать ее не позднее I в. н. э. Сведениями о находке я обязан сотруднику Анапского музея Н. Д. Нестеренко, за что приношу ему искреннюю благодарность.

вает нумизматика, при Митридате VI Евпаторе Горгиппия, Фанагория и Пантикапей на монетном дворе последнего совместно чеканили монету до назначения Махара наместником на Боспоре в 81/80 г. до н. э. [34] Горгиппия же незадолго до присоединения Боспора к Понту, а вероятнее всего, в первые годы после присоединения к Митридату выпустила свою автономную серебряную монету с изображением Гелиоса [35]. Это, несомненно, должно указывать на то, что в конце II — 80-х гг. I в. до н. э. означенные города могли пользоваться некоторыми правами самоуправления. При Махаре и в последнее десятилетие правления Митридата относительная свобода Фанагории была утрачена, и только в 63 г. до н. э. Помпей за активное участие в борьбе против Митридата предоставил ей элевтерию, с которой вскоре покончил Фарнак. И только со времени Асандра, Динамии и Полемона I некоторая доля автономии была вновь ей предоставлена, как показывает чеканка медной монеты при Асандре, а в особенности автономный и достаточно обильный монетный выпуск после переименования города в Агриппию [36]. С этого времени, надо думать, были возрождены и традиционные органы полисного самоуправления Фанагории-Агриппии с ограниченными полномочиями, просуществовавшие по меньшей мере до II в. н. э. [37] В Горгиппии картина была более сложной. Можно предполагать, что еще при Спартокидах имели место бóльшая автономность и «отеческий образ правления» от предков (πάτριος πολιτεία), как свидетельствует один проксенический декрет времени правления преемников Евмела [38]. Декрет, изданный центральной властью предоставляет проксенам Евкрату и Хайриппу право *энктесис* — владеть недвижимостью и домом, скорее всего в Горгиппии, где найден камень. Это необычная привилегия для Боспорского царства, характерная для полисных декретов. Она может свидетельствовать о каких-то политических правах граждан Горгиппии при Евмеле, что гарантировалось владением земельной собственностью в рамках полиса. Еще в конце IV в. до н. э. Евмел, как сообщает Диодор (XX, 24), созвал в Пантикапее Народное собрание (ἐκκλησία), восстановив и πάτριος πολιτεία. Подобную политику он мог проводить и в других крупных городах царства, в частности в Горгиппии, что косвенно подтверждает и вышеупомянутый декрет. После кратковременной автономии при Митридате VI мы не знаем ничего о положении города до времени Аспурга, когда, согласно царскому рескрипту, город получил подтверждение некоторых автономных привилегий, которыми пользовался при Митридате Евпаторе [39]. Регулирование прав наследования в Горгиппии по закону Евпатора расширяло полисные

---

[34] *Голенко К. В.* О характере чекана боспорских анонимных оболов.— НСф, 1965, 2, с. 47—49; *он же.* Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э.— НЭ, 1960, II, с. 37—40; *Шелов Д. Б.* Махар, правитель Боспора.— ВДИ, 1978, № 1, с. 65.

[35] *Гиль Х. Х.* Новые приобретения моего собрания.— ЗРАО, 1892, V, с. 351, № 51; *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.— Л., 1953, с. 182; *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 115, табл. IX.

[36] *Орешников А. В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, 1922, II, с. 130; *Фролова Н. А.* О времени правления Динамии.— СА, 1978, № 2, с. 53—58.

[37] О самоуправлении городов Боспора в римское время см.: *Никитина И. П.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Боспорского царства в I—III вв.— В сб.: Античная древность и средние века. Свердловск, 1966, с. 186—190; *Gajdukevič.* Op. cit., S. 359 f.; *Кругликова.* Боспор..., с. 29—33.

[38] А. И. Болтунова (Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора.— ВДИ, 1964, № 3, с. 136 сл.) датировала памятник началом IV в. до н. э., однако надпись следует отнести на сто лет позднее (*Виноградов Ю. Г.* Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э.— В сб.: Основные проблемы развития рабовладельческой формации. Типология рабовладельческих обществ. Тезисы докладов. М., 1978, с. 23; *Vinogradov J. G.* Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jahrhundert v. Chr.— Chiron, 1980, X, S. 98, Anm. 185).

[39] *Gajdukevič.* Op. cit., S. 359; *Блаватская Т. В.* Аспург и Боспор.— СА, 1965, № 3, с. 30—33; ср. *Никитина.* Ук. соч., с. 189.

права горгиппийцев в рамках царства, но неизвестно, функционировали ли в I—II вв. н. э. Совет и Народное собрание. И хотя последнее не исключено, мы все-таки с большой долей гипотетичности восстанавливаем в стк. 3 нашей надписи слово βουλῇ ни в коей мере на этом не настаивая. Δῆμος в надписи 1969 г. может, таким образом, указывать как на действовавшее в городе Народное собрание [40], так и относиться ко всему свободному населению полиса.

Надписи из раскопок 1962 и 1969 гг. проливают дополнительный свет на взаимоотношения Горгиппии и Савромата II, который оказывал покровительство городу и его фиасу навклеров. Обломок рескрипта царя Совету и народу горгиппийцев свидетельствует о том, что по крайней мере на рубеже II—III вв. царская власть предоставила ряд льгот их городу, расширив политические права в составе царства. Савромат II мог закрепить некоторую автономию города специальным декретом, что вызвало со стороны граждан большое к нему уважение. Отсюда и обилие надписей с его именем и титулатурой. Тем не менее роль полисных институтов в политической жизни оставалась все-таки ограниченной.

---

[40] Данному тезису вроде бы противоречит то, что Аспург адресует свое обращение к горгиппийцам не народу, а двум должностным лицам, Панталеонту и Феангелу. Однако это противоречие устраняется, если допустить, что до указанных рескриптов Горгиппия была какое-то время лишена автономных привилегий и царь своим постановлением только лишь снял некоторые из ограничений. Но, доводя это до сведения горгиппийцев, он вынужден был обращаться по традиции к верховным должностным лицам, так как для претворения в жизнь указов необходимо было какое-то время. Может быть, рескрипты Аспурга были первыми в серии последующих послаблений ограничений граждан в привилегиях, вплоть до расширения прав их органов управления.

TWO INSCRIPTIONS FROM GORGIPPIA

S. Yu. Saprykin

The two inscriptions, found in 1962 and 1969 respectively, belong to the reign of Sauromates II. When the fragments of the first inscription, which had previously been assigned to various others, had been successfully joined into one, it became possible to reconstruct in full the titles of the king and the names and functions of official persons in a *thiasos*. This made it possible to relate the membership list of the thiasos found in 1962 to the «*theasos nauklērōn*» of a Gorgippian inscription found earlier (*CIRB* 1134) and take it as a membership list of this religio-professional group. The second inscription, also fragmentary, may be reconstructed as (among other possibilities) a *thiasos* membership list headed by the king or a rescript or letter addressed by Sauromates to the citizens of Gorgippia, which is more likely. The mention of the name and title of the king supports the latter conjecture, and also the fact that the «demos» of Gorgippia is addressed directly, which suggests that within the confines of the Bosporan kingdom Gorgippia enjoyed some degree of self-governement and autonomy.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

СЕРЕБРО КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ВЫПЛАТЫ НАЛОГА И ЭКВИВАЛЕНТ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ В СТАРОВАВИЛОНСКОЙ МЕСОПОТАМИИ

Главным мерилом всех экономических расчетов в государственном хозяйстве старовавилонской Месопотамии было серебро. Это относится и к расчетам, связанным с выплатой налогов. Пересчитывая причитающиеся ему в качестве налогов натуральные продукты на серебро, государство руководствовалось не только стремлением упростить систему учета, но и учитывало, несомненно, реальные экономические условия и возможности. При этом использовалась система эквивалентов, основы которой были заложены еще в предшествующий шумерский период [1]. Не останавливаясь в данной статье на вопросе о характере налоговой системы в старовавилонской Месопотамии, который нуждается в специальном большом исследовании, можно отметить, что система эта состояла из трех обычных звеньев: налогоплательщик — сборщик налогов — государство. Налогоплательщик (будь то земледелец государственного хозяйства, прикрепленный к земле, или крестьянская община) отдавал государству часть непосредственно производимого им продукта: земледельцы — зерно, финики, овощи, рыбаки — рыбу, скотоводы — шерсть. Сборщики налогов каким-то образом реализовывали часть собранного продукта — это наиболее интересное для нас звено системы остается пока и наиболее темным. И, наконец, государство получало по крайней мере часть причитавшегося ему продукта в серебре. Во времена Хаммурапи серебро и зерно были, несомненно, двумя основными статьями налоговых поступлений в казну (AbB, IV, 23).

Таким способом государство стремилось вернуть то количество серебра, которое поступало в обращение из казны в виде выплат и подарков государственным служащим, а также то, что оседало в руках лиц, занимавшихся международной торговлей. Кроме выплаты налогов население было обязано государству и выполнением трудовой повинности. Расширение роли серебра как обменного эквивалента в старовавилонский период давало возможность оценить в серебре и этот вид работ. В это время распространилась такая практика, когда отдельные лица, а то и целые общины нанимали себе «заместителей» для выполнения различных видов трудовой повинности, а иногда даже заменяли выполнение какого-либо вида трудовой повинности уплатой эквивалентного количества серебра в казну.

От старовавилонского периода сохранилось немало документов, зафиксировавших факт найма отдельными лицами такого рода «заместителей». Согласно одному такому документу, некий человек нанимает другого для выполнения повинности *харранум* сроком на один месяц [2]. Наем-

[1] *Козырева Н. В.* Некоторые проблемы товарно-денежных отношений в старовавилонской Месопотамии.— ВДИ, 1984, № 2, с. 3—14.

[2] *Wilcke C.*— Zeitschrift für Assyriologie, 1983, 73, 1, p. 54.

ная плата «заместителю» указана в зерне и составляет 1 гур ячменя,т . е. в пересчете на серебро по обычному тарифу — 1 сикль серебра за 30 дней, или 6 ше серебра в день, что соответствует обычной наемной плате по «Законам Хаммурапи» (ЗХ, § 273). В другом случае два человека нанимают себе «заместителей» для выполнения той же повинности (YOS, XII, 138). Срок не указывается, но наемная плата в два раза больше, чем в предшествующем документе, и составляет 2 гур ячменя. Вероятно, «заместитель» должен был отработать повинность за обоих нанимателей.

Другим видом трудовой повинности в старовавилонский период была строительная (tupšikku). Люди, исполнявшие ее, назывались «работники корзины» (ṣāb tupšikki, шум. erén dusu, erén gú íl). Эти термины означали работников, занятых на землеройных или строительных работах, наиболее тяжелой частью которых была переноска корзин с землей или кирпичами. Известны случаи найма «заместителей» для выполнения и этой повинности. Так, некий Пирхум нанял себе «заместителя» для «ношения корзин дворца» (ana gi. dub. íl é. gal. lim — YOS, XII, 140). В том же году он нанимает еще одного человека на 30 дней для исполнения строительной повинности (nam tupšikki — YOS, XII, 146). В случае бегства нанимаемого Прихум обязуется уплатить дворцу. Видимо, имеется в виду возмещение за отсутствующего работника.

Откупиться от выполнения повинностей могли не только отдельные лица, но и целые общины. Так, известно соглашение между жителями поселения Машум и частным лицом, неким Дуду. Дуду обязуется выполнить повинность *харранум* этого поселения, а взамен ему будет выплачено $1^5/_6$ мины серебра [3]. Эта выплата должна быть произведена в течение полугода. Наличным серебром община, вероятно, не располагала. Откуда община собиралась изыскать эти средства, документ умалчивает. Во всяком случае здесь нет, видимо, прямой связи со сбором урожая, так как расчет должен был быть произведен до наступления третьего месяца будущего года, а урожай собирали в четвертом месяце.

Другой пример того, как община расплачивается серебром за выполнение трудовой повинности, мы встречаем в документе из Северной Месопотамии из поселения Кар-Шамаш. В отличие от поселения Машум, о котором нам почти ничего неизвестно, поселение Кар-Шамаш неоднократно упоминается в документах [4]. Оно располагалось недалеко от Сиппара, на берегу канала Сиппиритум. Это было, по-видимому, довольно крупное поселение. Судя по одной из датировочных формул Хаммурапи (RLA, II, 181), оно было обнесено стеной. В нем располагались какие-то воинские гарнизоны (CT, 45, 54), и оно играло определенную роль как промежуточная торговая фактория (YOS, II, 144). В поселении Кар-Шамаш как и в некоторых других в окрестностях Сиппара, государственная администрация разрешила открыть свои заведения кабатчику и булочнику при условии, что староста поселения будет следить за своевременным взносом ими налогов [5].

---

[3] TCL, X, 112, 57-й год Рим-Сина. См. *Козырева Н. В.* Сельская округа в государстве Ларса.— ВДИ, 1975, № 2, с. 14—15. Эта повинность, как следует из документа, состояла в выполнении в течение 55 дней работ manzaztum ù dāništum. Если исходить из наемной платы в 6 ше серебра в день, что соответствует ЗХ и находит аналогию в вышеприведенных документах, то очевидно, что эта работа должна была быть выполнена группой в 60 человек (110 сиклей : 55 = 2 сикля, или 360 ше в день, 360 : 6 = = 60). По-видимому, в строке 4 надо читать не 1 erén, а 60 erén.

[4] *Harris R.* Ancient Sippar. Istanbul, 1975, p. 396.

[5] *Goetze A.* Tavern Keepers and the Like in Ancient Babylonia.— Assyriological Studies, 16, Chicago, 1965, p. 211—216. Кроме того, староста должен был следить, чтобы в поселении не открыли свои заведения нелегальные, т. е. неучтенные в списках администрации и тем самым имеющие возможность ускользнуть от уплаты налога, булочники или кабатчики. Староста обязывался также не допускать, чтобы кабатчиком или булочником становился «раб человека». Такое обязательство, вероятно, также было связано с могущими возникнуть затруднениями по сбору налогов. Не разрешалось и иметь в поселении больше одного кабатчика и булочника. Сам документ был состав-

Как и в сельских общинах Южной Месопотамии, в поселении Кар-Шамаш наряду с полями общинников были и поля государственного хозяйства. В одном из отчетов времени Аби-эшуха упоминается урожай с четырех больших полей дворца, одно из этих полей площадью в 3 бур располагалось в поселении Кар-Шамаш [6]. В другом документе зафиксировано поступление на государственный склад 90 гур ячменя с поля в Кар-Шамаш (TCL, I, 167). Интересно, что при среднем урожае в 30 гур с 1 бур это количество зерна как раз могло быть собрано с участка в 3 бур. Сохранились и записи расхода зерна на фураж волам в этом поселении (YOS, XII, 80). Вероятно, поля дворца в нем обрабатывались прикрепленными или частично наемными работниками с помощью дворцового скота и инвентаря, как это было и на юге Месопотамии. Кроме полей, урожай с которых за вычетом расходов по обработке поступал в кладовые дворца, в поселении Кар-Шамаш имелись и служебные наделы [7]. Во дворце, откуда осуществлялось управление территориальной округой, велся точный учет имевшихся в распоряжении администрации служебных наделов и их распределения. Эти наделы располагались на территории сельских общин вперемежку с общинными землями. Мы уже высказывали предположение, основываясь на материале из Южной Месопотамии, что одним из способов уплаты налога или части его общиной была передача некоторого количества общинных земель под власть государственного хозяйства [8]. Такая практика, вероятно, характерна и для территории Северной Месопотамии. Кроме выплаты налогов, община выполняла и различные трудовые повинности. О выполнении общиной Машум повинности *харранум* мы уже говорили выше. Общины были обязаны государству и выполнением строительной повинности. От каждого поселения ежегодно требовалось некоторое количество работников для работ по расчистке старых и прорытию новых каналов и для различных строительных работ, предпринимавшихся администрацией. Очевидно, существовала определенная разнарядка, в каком количестве и на какой срок должна поставить работников каждая община, но время работ не всегда могло быть оговорено. Иногда работы носили срочный характер [9]. Строительная повинность была возложена и на поселение Кар-Шамаш, но по какой-то причине она не была выполнена полностью, и в 27-м году Самсуилуны за общиной числилась недоимка по поставке «носильщиков корзин» (erén dusu), выполняющих эту повинность. Это мы узнаем из документа, опубликованного в автографии Х. Кленгелем [10]. Ниже мы приводим его транкрипцию и перевод.

Kl. 17,25 IX 27-го года Самсуилуны

$_1$1 $^1/_2$ sar é.ki.gal$_6$ $_2$da é ša i-na mu sa-am-su-[i-lu-na lugal?] $_3$ki u [ru^{ki}?] i-ša-mu $_4$ú da [...] a bu $_5$sag.bi [...] la $_6$egir.bi ... ki? it uru^{ki} $_7$é uru^{ki} $_8$ki ilu-

---

лен, по-видимому, в связи с тем, что в поселении Кар-Шамаш были обнаружены не занесенные в списки булочник и кабатчик, и в нем содержатся клятвы старост поселений соблюдать в этом вопросе все требования администрации.

[6] *Goetze A.*— JCS, 1948, II, 2, p. 95.

[7] a.šà biltim — AbB, II, 110.

[8] *Козырева.* Сельская округа..., с. 16.

[9] Так, Хаммурапи в одном из писем к своему наместнику в Ларсе Син-иддинаму (AbB II 27) приказывает срочно прислать к нему всех носильщиков корзин, которые имеются в управляемой им области. Работники должны прибыть к царю к первому дню месяца *симану*, и среди них не должно быть ни одного старика или ребенка, т. е. неполноценного работника. Если учесть, что *симану* — это месяц сбора урожая, то понятно, какой большой ущерб хозяйству общин мог быть нанесен отрывом полноценных работников от страды, понятно и желание общин освободиться от несения повинности. В другом старовавилонском письме (AbB, II, 147) упоминаются работы по расчистке канала, в которых принимают участие работники из разных поселений (erén.meš uru.didli.bi^{ki}), причем чиновник, возглавляющий эти работы, жалуется, что работников не хватает, и просит прислать дополнительных.

[10] *Klengel H.* Altbabylonische Rechts- und Wirtschaftsurkunden. B., 1973 (далее — Kl.), № 17.

šu-ib-ni-šu ra-bi-a-an kār-^{d}UTU^{ki} $_{9}$^{m}q[a-q]a-du-um dumu a-ḫu-wa-qar $_{10}$^{m}i-din-^{d}bu-ni-ni dumu su-^{d}MAR.TU $_{11}$^{m}pa-lu-uḫ-ri-gim-šu $_{12}$^{m}ba-ja-um dumu.meš ib-ni-^{d}adad (!) $_{13}$^{m}na-ak-rum dumu warad-^{d}MAR.TU $_{14}$^{m}i-din-^{d}EN.ZU dumu ilum-pí-ša $_{15}$$^{m.d}$EN.ZU-i-q̀i-ša-am dumu ḫa-at-nu-šum $_{16}$^{m}mār-er-ṣe-tim dumu ^{d}UTU-mas-su $_{17}$^{m}ku-ištar(?) dumu ḫa-al-la-al-a $_{18}$^{m}be-la-nu-um dumu a-ba-ja-tum $_{19}$ù ši-bu-ut kār-^{d}UTU^{ki} ma-du-tim $_{20}$^{m}kur-tum dumu ip-aq̀-tum in.ši.in.šám $_{21}$šám.til.la.bi. šè $_{22}$2 $^{1}/_{2}$ gín kù.babbar a-na ri-ib-ba-at erén dusu $_{23}$ša ši-pí-ir bad a-pil-^{d}EN.ZU^{ki} $_{24}$ša a-na e-ga-tum a-na šu-ud-du-nim in-na-ad-nu $_{25}$a-na pí-ḫa-at ur$_{1}$^{ki} in.na.an.lal $_{26}$u$_{4}$.kur.šè lú.lú.ra inim nu.gá.gá.a $_{27}$mu ^{d}UTU ^{d}Marduk ù sa-am-su-i-lu-na lugal it-mu-ú $_{28}$igi ilu-šu-a-bu-šu dumu wa-qar-a-wi-lim $_{29}$igi ì-lí-im-g[illegible]r-ra-an-ni dumu mār-er-ṣe-tim $_{30}$igi ilu-šu-ib-ni-šu dumu mu-ra-šu-nu $_{31}$igi mār-er-ṣe-tim igi ḫa-zi-bu-um $_{32}$dumu.meš ak-ba-ḫu-um $_{33}$igi ^{d}MAR.TU-na-ṣi-ir dumu ^{d}UTU-na-ṣi-ir $_{34}$igi a-at-ta-a ...$_{35}$igi ta-ri-bu-um dumu ì-lí-i-q̀i-ša-am $_{36}$igi [anum-p]i-^{d}ilabrat dub.sar

Перевод

$_{1}$1$^{1}/_{2}$ сар заброшенного строения $_{2}$возле дома, который в году Самсу[и-луна стал царем ?] $_{3}$у го [рода ?] он купил, $_{4}$и возле... $_{5}$узкая сторона которого (граничит) с ...$_{6}$широкая сторона которого (граничит) с ... города, $_{7}$дом города, $_{8}$у Илушуибнишу, старосты Кар-Шамаш, $_{9}$(и у) Каккадума, сына Ахувакара, $_{10}$Иддин-Бунене, сына Шу-Амурру, $_{11}$Палухригимшу $_{12}$(и) Баяума, сыновей Ибни-Адада, $_{13}$Накрума, сына Варад-Амурру, $_{14}$Иддин-Сина, сына Илумпиша, $_{15}$Син-икишама, сына Хатнушума, $_{16}$Мар-ерцетима, сына Шамаш-массу, $_{17}$Ку-Иштара, сына Баллала, $_{18}$Беланума, сына Абайятума, $_{19}$и старейшин Кар-Шамаш остальных $_{20}$Куртум, сын Ипкатума, купил. $_{21}$Полную ее (т. е. недвижимости) цену, $_{22}$2$^{1}/_{2}$ сикля серебра, (для уплаты за) недоимку (по поставке) носильщиков корзин $_{23}$для строительства стены поселения Апиль-Син,— $_{24}$каковая (недоимка) на Эгатума для сбора возложена,— $_{25}$вместо города он отвесит. $_{26}$(В том, что) в будущем друг другу претензий они предъявлять не будут, $_{27}$именем Шамаша, Мардука и Самсуилуны, царя, они поклялись $_{28-29}$(*список свидетелей, дата*) [11].

Таким образом, в 27-м году Самсуилуны за общиной Кар-Шамаш числилась недоимка по выполнению одного из видов трудовой повинности — поставке носильщиков корзин для строительных работ в поселении Апиль-Син. Недоимка была оценена в серебре на сумму 2 $^{1}/_{2}$ сикля. Сбор ее был возложен на некоего Эгатума. Для уплаты недоимки община в лице старосты и старейшин продает участок земли с заброшенным разрушившимся строением. В качестве платы за это строение покупатель обязуется выплатить причитающуюся с общины сумму недоимок «вместо города». Недвижимость названа в тексте «дом города», т. е. имеется в виду, вероятно, что дом находился в распоряжении общины. Купчая написана в полном соответствии со стандартом. Сначала указывается площадь недвижимости, затем идет описание ее местоположения. Далее по формуляру должно идти имя владельца продаваемого участка, в данном случае вместо слов «дом такого-то» написано «дом города». После описания границ недвижимости и имени ее владельца в купчих указываются имена продавца и покупателя. В данном случае в качестве продавца от имени общины выступают староста и все старейшины поселения. Десять из них названы поименно, а остальные обозначены как «старейшины остальные поселения Кар-Шамаш». Покупает недвижимость некий Куртум, сын Ипкатума. По-видимому, он относился к числу наиболее почтенных жителей поселения. В другой купчей из Кар-Шамаша он выступает в качестве свидетеля [12]; вместе с ним свидетелями этой же сделки

[11] На конверте имеются дополнительные строки: «Дело ее (т. е. недвижимости) закончено, сердце его (т. е. продавца) удовлетворено» (inim.bi al.til šag.ga.ni al. dùg). В списке свидетелей на конверте на одного свидетеля больше.

[12] YOS, XII, 556, дата неизвестна.

выступили и лица, известные нам из приведенного выше документа как старейшины поселения (Каккадум, сын Ахувакара, Палухригимшу и Баяум, сыновья Ибни-Адада, Мар-ерцетим, сын Шамаш-массу). Если мы правильно восстанавливаем начальные строки документа Kl. 17, то из описания местоположения недвижимости следует, что Куртум уже покупал у поселения дом и вновь покупаемый участок соседствует с ранее купленным. В счет платы за недвижимость Куртум должен отвесить $2\,^1/_2$ сикля серебра некоему Эгатуму, на которого возложен сбор недоимки с этого поселения. Купчую завершает список свидетелей, названных по имени и отчеству (на табличке их 8, на конверте — 9). Последним указано имя писца [13].

Из Северной Месопотамии происходят и два других документа продажи недвижимости общиной. Один из них упоминает Р. Харрис в своей монографии о Сиппаре (VAS, XIII, 20). К сожалению, мне оказался доступен только перевод этого текста (HG, 1575). Купчая была составлена в 30-м году Хаммурапи. От имени поселения и старейшин был продан за 5 сиклей серебра заброшенный участок площадью 3 сар, названный, так же как и в Kl. 17, «дом города». Цена за 1 сар — $1^2/_3$ сикля серебра, такая же, как и в Kl. 17. Простое ли это совпадение, трудно сказать, не имея других аналогий. По имени продавцы не перечисляются, в списке свидетелей первым стоит староста.

Второй документ такого рода опубликован С. Фейгином [14]. Судя по нему, $1^1/_3$ сар заброшенного участка и пустоши, которые «не имеют хозяина» (ša bēli la iṣū), продают поселение и староста (uru^{ki} u rabiānum). К сожалению, документ сильно поврежден, и цена недвижимости остается нам неизвестной. В этих двух случаях нет упоминаний и о том, на что будет использовано серебро, полученное общиной за проданную недвижимость. Вероятно, оно поступало в общинный фонд и расходовалось на различные нужды общины. Существование какого-то общинного фонда подразумевается, видимо, в § 23, 24 ЗХ, согласно которым община и староста должны возместить убытки ограбленному на их территории человеку, если грабитель не был пойман. Если же произошло убийство и преступник скрылся, то они же должны уплатить родственникам убитого 1 мину серебра.

Как следует из приведенных нами выше документов, в некоторых случаях община пополняла свой фонд продажей выморочных жилых строений и строительных участков на своей территории. Полученное таким путем серебро могло идти и на уплату различного рода недоимок. В старовавилонский период существовала и практика продажи недвижимости отдельного налогоплательщика для уплаты числящихся за ним недоимок. Так, автор одного письма из Ура просит корреспондента не предъявлять претензий к дому и саду человека, за которым числятся недоимки (rībbatum ša ēkallim elī-su ibaššū) (UET, V, 58). В другом письме того же периода из Южной Месопотамии автор жалуется, что на него возложили уплату 2 сиклей серебра за выполнение трудовой повинности по укреплению стены поселения Дур-Синмубаллит (AbB, IX, 2).

Сам факт возмещения различного рода недоимок серебром, а не «натурой» можно сопоставить с интересным, хотя и не до конца ясным документом, приведенным А. П. Рифтиным [15]. Он касается расчета по налогам общины Намгата с государством. В документе идет речь о выплате налога

---

[13] Примерно к тому же времени относятся три других документа продажи и обмена недвижимости, известных нам из Кар-Шамаша (YOS, XII, 536, 537, 556). В них сделки заключаются между частными лицами, а в числе свидетелей и соседей мы встречаем многих уже известных нам из документа Kl. 17 старейшин. Все эти документы, так же как и Kl. 17, написаны одним и тем же писцом, чье имя заключает в них список свидетелей.

[14] YOS, XII, 194, 6-й год Самсуилуны.

[15] *Рифтин А. П.* Старовавилонские документы в собраниях СССР. М.— Л., 1937, № 89.

зерном за 11-й, 12-й и 13-й годы Самсуилуны. За 12-й и 13-й годы образовалась недоимка, которую, если мы правильно понимаем документ, староста и старейшины поселения обязуются выплатить дворцу серебром.

Таким образом, как показывают вышеприведенные факты, в старовавилонский период употребление серебра как обменного эквивалента распространяется и на такую сферу экономики, как налогообложение и трудовая повинность.

Н. В. Козырева

THE USE OF SILVER AS A MEANS OF PAYMENT IN OLD BABYLONIAN MESOPOTAMIA

N. V. Kozyreva

Commodity-money relations in Old Babylonia were in accord with the general structure and character of production in that society. They were in effect a combination of the state redistribution system with some elements of a market system. Silver was one of the chief means of payment used for settling accounts inside the state economy. Some Old Babylonian texts show that in this period silver was used by the state economy for tax payments and as an exchange equivalent of corvée labour.

АНТИЧНАЯ ВЕРСИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ, ОТРАЖЕННОГО В KUB XXIII, 13

Сплошной просмотр греческих текстов, посвященных так называемому эпизоду «Псевдо-Илиады», побудил нас вновь обратиться к уже вскользь отмечавшемуся в литературе, но не получившему должной оценки в кругу проблем Аххиявы параллелизму между данным эпизодом и указанным в заглавии текстом из анналов Тудхалияса IV. Текст следующий (транслитерация и перевод даются по изданию Ф. Зоммера [1] со сверкой по изданию Р. Раночека [2]): [x + ...]x KUR ÌD še-e-ḫa-aš EGIR-pa II-*ŠU* u̯a-aš-ta-aš$_2$ [x. . . . . .*A*.]*BI A. BI* ^{D}UTU-*ŠI IŠ.TU* ^{GIŠ}TUKUL *UL* tar-aḫ-ta$_3$ [x + ku-ua-p]i? KUR. KUR a̯r-za̯-[u]-u̯[a tar-a]ḫ-ta an-za-a-aš-ma-u̯a-za *IŠ. TU* ^{GIŠ}TUKUL $_4$[x +]x-na-aš-za nu-u̯a-aš-ši u̯a-aš-da-az-za iš-ḫu-na-ḫu-u-en $_5$[x]x̣ ku-u-ru-ri-i̯a-aḫ-ta nu-za-kán LUGAL KUR aḫ-ḫi-i̯a-u-u̯a EGIR-pa e-ip-ta [ ] $_6$[x + .E]GIR-pa e-ip-ta LUGAL-ma i-i̯a-an-ni-i̯a-nu-un $_7$[x + Z]A̯ ḫé-gur ḫa-a-ra-na!-an-kán kat-ta da-aḫ-ḫu-un nu-kán D ANŠU KUR.RA — «$_1$ . . . страны реки Сеха опять дважды согрешил: $_2$ . . . деда (*родительный падеж*; *перед ним могло стоять слово «отец»*; *возможно, какой-то предок Тудхалияса.— Л. Г., В. Ц.*) Солнца моего оружием не победил, $_3$ [когд]а страны Арцава победил, нас, однако, оружием. . . $_4$ (*начало строки испорчено, оставшиеся слова не поддаются надежной интерпретации* [3]) $_5$. . . вел войну. И царь страны Аххиява отступил назад . . . $_6$. . . отступил назад, я же, Великий Царь, пришел. $_7$Скалу Харана я низверг, и 500 колесниц . . .» Далее говорится о низложении правителя ^{1D}U-naradu и, возможно (в этом месте текст испорчен), о возведе-

---

[1] *Sommer F.* Die Aḫḫiyawa-Urkunden. München, 1932, S. 314 f.

[2] *Ranoczek R.* Kronika króla hetyckiego Tutḫalijasa (IV).— Rocznik orientalistyczny, 1934, 9, s. 52.

[3] *Sommer.* Op. cit., S. 317.

нии на престол хеттского ставленника. Еще Зоммер отметил, что перед нами единственный текст, который «недвусмысленно выводит на сцену владыку Аххиявы действующим в определенном месте» [4], добавим — и в определенное время: р. Сеха отождествляется либо с Меандром, либо, что вероятнее, с Каиком [5], время правления Тудхалияса IV — 1250—1200 гг. до н. э. (по Гарстангу — Герни; согласно традиции, разрыв между «Псевдо-Илиадой» и Троянской войной не превышал 10 лет [6]). Однако ценность хеттского документа значительно снижается из-за возможности взаимоисключающих толкований, вызываемых относительно плохой сохранностью текста и общей стилистикой анналов. Например, неясно подлежащее при ku-ru-ri-ia-ah-ta 'вел войну', хотя Зоммер и Д. Пейдж с достаточным основанием полагают, что это — страна реки Сеха [7]. К сожалению, спорным остается и важнейший вопрос: кто именно вынудил царя Аххиявы к отступлению? Часть исследователей, среди них Зоммер, Пейдж, В. Г. Борухович, приписывает эту победу самим жителям страны реки Сеха [8]; другие не исключают в качестве непосредственной причины его отступления приближение хеттского войска, о чем думал с колебаниями тот же Зоммер, а позднее Дж. Меллаарт (см. его замечание о царе Аххиявы: «он отступил при приближении Тудхалияса, который воевал с U-nara-du, царем страны реки Сеха, но из текста не ясно, был ли царь Аххиявы врагом или другом хеттов. Нет ничего невозможного в том, что он пытался проникнуть в Арцаву...» [9]) и Кроссланд [10].

Перечисленные авторы, как и мы, по крайней мере в переводе, придерживаются традиции, идущей от Зоммера. Что касается Р. Раночека, то он, не упустив предоставленной ему польским языком возможности дать идеально точный перевод, воспроизводящий строение хеттской глагольной формы (nu-za-kán. . . EGIR-pa e-ip-ta. 'cofnął się', 'отступил', при cofać 'отодвигать, брать назад', ср. совмещение обоих значений в англ. withdraw), считал в принципе возможным и другое толкование 'взялся (за оружие)' [11], но это предложение не было поддержано другими контекстами и признания не получило. Разногласия в переводе сводились в основном к тому, выступает ли глагол EGIR-pa (appa) ep- в данном контексте в интранзитивном употреблении ('отступать назад'), как доказывал, опираясь на ряд параллелей, Зоммер, или, по догадке Пейджа, при глаголе может подразумеваться опущенное прямое дополнение ('брать назад', например, 'помощь' — withdraw support).

Однако в последнее время зоммеровский перевод подвергся значительной ревизии в работе Г. Гютербока [12]. В целом последнюю нельзя не счесть весьма своевременной. Не касаясь отдельных идущих от Э. Форрера и десятилетиями служащих предметом полемики отождествлений личных имен из хеттских текстов, относящихся к Аххияве, с греческими именами, Гютербок с точки зрения хеттской филологии показал, что никаких реальных оснований отрицать возможную локализацию Аххиявы за пределами азиатского материка в настоящее время нет. При этом он переадресо-

---

[4] Ibid., S. 319.

[5] *Goetze A.* Das Hethiter-Reich. Lpz, 1928, S. 32; *Garstang J., Gurney O.* The Geography of the Hittite Empire. L., 1959, p. 96; *Гиоргадзе Г. Г.* Несколько замечаний о локализации стран Арцава.— В кн.: Восточный сборник. Тбилиси, 1960, с. 25; *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1960, с. 106.

[6] *Robert C.* Die griechische Heldensage. Buch 3, Abt. 2, Hf. 1. B., 1923, S. 1060.

[7] *Sommer.* Op. cit., S. 314 f.; *Page D.* History and the Homeric Iliad. Berkeley — Los Angeles, 1959, p. 28 f.

[8] *Sommer.* Op. cit., S. 319; *Page.* Op. cit., p. 29; *Борухович В. Г.* Ахейцы в Малой Азии.— ВДИ, 1964, № 3, с. 97.

[9] *Lloyd S., Mellaart J.* Beycesultan Excavations: First Preliminary Report.— Anatolian Studies, 1955, 5, p. 83.

[10] Ссылку на устное сообщение см.: *Page.* Op. cit.

[11] *Ranoczek.* Op. cit., s. 70.

[12] *Güterbock H. G.* The Hittites and the Aegean World. I. The Aḫḫiyawa-Problem reconsidered.— AJA, 1983, 87, p. 133 f.

вал противникам микенской гипотезы брошенный Зоммером в адрес ее сторонников упрек в предпочтении импонирующих им толкований [13]. По поводу данного фрагмента Гютербок, споря с Зоммером, пишет: «Я думаю, что значение „находить прибежище у кого-либо", („полагаться на кого-либо" (to take refuge with, to rely upon), засвидетельствованное кое-где еще (elsewhere) для рассматриваемого глагола, дает лучший смысл: „[Такой-то вел войну и полагался на царя Аххиявы". Он мог полагаться на него, будучи на расстоянии, без того, чтобы царь находился на сцене» [14]. Надо отметить, что И. Фридрих, в своем словаре интерпретируя словоупотребление appa ep-(= EGIR-pa ep-) 'wiedernehmen, zurückziehen', 'забирать, отводить назад', опирается именно на комментарий Зоммера к этому месту [15]. Значение же, приводимое Гютербоком, не будучи непосредственно указано в словаре, очевидно, примыкает к той группе значений, которую Фридрих дает под appan ep- 'nachsetzen, verfolgen, zusetzen', 'ставить что-либо дополнительно позади, отодвигать на задний план, идти следом, прибавлять, наседать'.

Думается, интерпретация Зоммера все-таки лучше согласуется со всем контекстом отрывка, который в противном случае должен был бы принять следующий вид: «[Такой-то] воевал и имел поддержку от царя Аххиявы... имел поддержку, я же, Великий царь, пришел ...». Вопреки Гютербоку, «лучшего смысла» (the better sense) не достигается. Мысль же о том, что царь Аххиявы лично мог не присутствовать во время вторжения своих войск в область Арцавы, высказал задолго до Гютербока Ф. Шахермейер [16], всецело опираясь на традиционное толкование текста, с допущением в качестве альтернативы кратковременного вступления царя Аххиявы на малоазийскую землю в роли предводителя войска [17].

По-видимому, всеми этими трудностями и вызвано сдержанное отношение к давно намеченному сближению греческой и хеттской версий, проливающему свет на одну из ключевых проблем Аххиявы, состоящую в том, насколько реально отождествление некоторых из сообщений об Аххияве с преданиями об ахейцах метрополии. Так, Дж. Хаксли мимоходом указывает на перекличку рассмотренного хеттского текста с замечанием Страбона (I, 1, 17): ὁ μέντοι Ἀγαμέμνονος στόλος τὴν Μυσίαν ὡς τὴν Τρῳάδα πορθῶν ἐπαλινδρόμησεν αἰσχρῶς «войско Агамемнона, грабя Мисию как бы Троаду, с позором отступило» [18]. По своему лаконизму это упоминание действительно допускает сопоставление на уровне текста с анналами Тудхалияса (ср., например, определенный параллелизм глагольных конструкций EGIR-pa e-ip-ta ~ ἐπαλινδρόμησεν), однако, выхваченное из общего контекста традиции, оно кажется просто загадочным. Между тем Дж. Гарстанг и О. Герни, более серьезно, хотя и выборочно, рассматривающие этот и некоторых другие источники («Киприи», один из посвященных «Псевдо-Илиаде» пиндаровских контекстов,— Olymp. IX, 70 сл.), указывают: «Совпадение слишком замечательно, чтобы его игнорировать» (coincidence is too remarkable to be ignored) [19].

Как оказалось, круг греческих свидетельств, относящихся к интересующему нас эпизоду, может быть значительно расширен. Самый ранний из известных источников и, видимо, во многом инспирировавший последующие — это «Киприи», ср. пересказ интересующего нас места у Прокла

---

[13] Ibid., p. 138.
[14] Ibid.
[15] *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952—1954, S. 41.
[16] *Schachermeyer Fr.* Hethiter und Achäer.— Mitteilungen der altorientalischen Gesellschaft, 1935, 9, S. 86; *idem.* Die ägäische Frühzeit. 5. Die Levante im Zeitalter der Wanderungen. Wien, 1982, S. 29.
[17] *Schachermeyr.* Hethiter und Achäer, S. 39.
[18] *Huxley G. L.* Mycenean Decline and Homeric Catalogue of Ships.— Bulletin of the Institute of Classical Studies, 1956, 3, p. 25.
[19] *Garstang, Gurney.* Op. cit., p. 97.

(текст дается по Т. Аллену; у А. Северина без исправлений [20]): ἀναχθέντες Τευθρανίᾳ προσίσχουσι καὶ ταύτην ὡς Ἴλιον ἐπόρθουν. Τήλεφος δὲ ἐκβοηθεῖ Θέρσανδρόν τε τὸν Πολυνείκους κτείνει καὶ αὐτὸς ὑπὸ Ἀχιλλέως τιτρώσκεται, ἀποπλέουσι δε αὐτοῖς ἐκ τῆς Μυσίας χειμὼν ἐπιπίπτεται καὶ διασκεδάννυνται «выйдя в море, причаливают к Тевтрании и начали ее грабить как бы Илион. Телеф же спешит на помощь и убивает Терсандра, сына Полиника, и сам ранен Ахиллом. Когда же они отплывают из Мисии, случается буря и их разбрасывает в разные стороны». У Пиндара находим по крайней мере три аллюзии эпизода «Псевдо-Илиады» (текст по изданию Б. Снелля): Olymp. IX, 70 сл. (о Патрокле): ἅμ' Ἀτρείδαις//Τεύθραντος πεδίον μολὼν ἔστα σὺν Ἀχιλλεῖ//μόνος ὅτ' ἀλκάεντας Δαναοὺς τρέψαις ἁλίαισιν πρύμναις Τήλεφος ἔμβαλεν «вместе с Атридами придя в долину Тевтранта, один встал рядом с Ахиллом, когда мощных данайцев, обратив в бегство, Телеф отбросил на корабельные кормы»; Isthm. VIII, 59 (об Ахилле): ὃ καὶ Μυσίον ἀμπελόεν//αἵμαξε Τηλέφου μέλανι ραίνων φόνῳ πεδίον «кто мисийскую виноградную долину обагрил, обрызгав черной кровью Телефа»; Isthm. V, 38 (о нем же): τὶς ἄρ' ἐσθλὸν Τήλεφον//τρῶσεν ἐῷ δορὶ Καΐκου παρ' ὀχθαῖς «кто доблестного Телефа ранил своим копьем у берегов Каика» (примечательно, что местом битвы прямо названа долина Каика). Подробный пересказ данного места из «Киприй» содержится в Apollod., Ep. III, 17: Ἀγνοοῦντες δὲ τὸν ἐπὶ Τροίαν πλοῦν Μυσίᾳ προσίσχουσι καὶ ταύτην ἐπόρθουν Τροίαν νομίζοντες εἶναι. Βασιλεύων δὲ Τήλεφος Μυσῶν Ἡρακλείους παῖς ἰδὼν τὴν χώραν λεηλατουμένην τοὺς Μυσοὺς καθοπλίσας ἐπὶ τὰς ναῦς συνεδίωκε τοὺς Ἕλληνας καὶ πολλοὺς ἀπέκτεινεν «Не зная морского пути в Трою, пристали к Мисии и стали ее разорять, думая, что это Троя. А Телеф, царствовавший над мисийцами, сын Геракла, видя страну опустошаемой, вооружив мисийцев, погнал эллинов к кораблям и убил многих...». Далее, после упоминания об убийстве Терсандра, рисуется поединок Телефа с Ахиллом и ранение Телефа, запутавшегося на бегу в виноградной лозе (διωκόμενος ἐμπλακεῖς εἷς ἀμπέλου κλῆμα).

Мифологический мотив оплетания лозами ног враждебного грекам Телефа появляется в Lycophr. Alex. 204—215, где это событие приписывается благодарности Диониса Агамемнону за принесенные жертвы и заботе божества о греках (212 сл.): δαίμων Ἐνόρχης Φιγαλεὺς Φαυστήριος//λέοντα θοίνης, ἴχνος ἐμπλέξας λόγοις//σχήσει τὸ μὴ πρόρριζον αἰστῶσαι σταχὺν κείροντ' ὀδόντι καὶ λαφυστίαις γνάθοις «бог Энорх, Фигалей, Фавстерий льва удержит от пира, оплетя лозами стопу, чтобы не под корень погубил колос режущим зубом и прожорливыми челюстями»). Внимания заслуживает схолия (codex Venetus A). к Il. I, 59 (слова Ахилла): νῦν ἄμμε παλιμπλαχθέντας (вариант πάλιν πλαχθέντας) οἴω ἄφ' ἀπονοστήσειν «думаю, что ныне мы обратно (или „вновь") вернемся, повернув вспять», при этом παλιμπλαχθέντας допускает также понимание «опять сбившись с дороги», которое побудило схолиаста усмотреть в этом месте реминисценцию «Псевдо-Илиады». К сожалению, от этой заманчивой конъектуры анонимного схолиаста, по-видимому, приходится отказаться из-за полностью идентичной конструкции в Od. XIII, 5, где слова Алкиноя, обращенные к пришедшему в его дом Одиссею, — σ' οὔτι παλιμπλαχθέντά γ' οἴω ἄφ' ἀπονοστήσει — толкуются совершенно однозначно: «думаю, что ты не вернешься обратно, повернув вспять». Текст схолии почти дословно совпадает с отрывком из «Эпитомы» Аполлодора, однако в конце схолиаст вводит интересный мотив гнева Диониса на лишившего его почестей Телефа (νεμέσαντος αὐτῷ Διονύσου ὅτι ἄρα ἀπὸ τούτου τῶν τιμῶν ἀφῄρητο). Образ Телефа, поднимающего на битву свой народ, вырисовывается также в позднем романе Диктиса Критского (II, 1, 4): ...ad Telephum qui primi fuga Graecos evaserunt veniunt; inruisse multa milia hostium eosque caesis custodibus litora occupasse... Telephus cum his quos

[20] Homeri opera recognovit brevique ad notatione critica instruxit Th. W. Allen. V. V. Oxonii [1912]; *Severyns A.* Recherches sur les Chresthomaties de Proklos. IV. La vita Homeri et les sommaires du cycle.— Bibliothèque de la Faculté de philosophie et lettres de l'Université de Liège, 1963, p. 170.

circum se habebat, aliisque, qui in ea festinatione in unum conduci potuere propere Graecis obviam venit ac statim condensatis utrimque frontibus vi magna concurritur «...Те, кто первым спасся бегством от греков, приходят к Телефу; вторглись многие тысячи врагов, и, перебив охрану, они заняли берега... Телеф с теми, кто был при нем, и с прочими, кого в этой спешке можно было собрать вместе, быстро идет навстречу грекам, и с обеих сторон, сомкнув передние ряды, со всей силой вступают в бой». Из географов, кроме Страбона, к «Псевдо-Илиаде» неоднократно обращается Павсаний, у которого помимо беглых ссылок (I, 4, 6; VIII, 45, 7), в общем ничего не добавляющих к уже известному, появляется интересное сообщение (IX, 5, 14): τοῖς σὺν Ἀγαμέμνονι ἐς Τροίαν στρατεύουσιν ἡ διαμαρτία τοῦ πλοῦ γίνεται καὶ ἡ πληγὴ περὶ Μυσίαν... καὶ το μνῆμα ἐς Καΐκου πεδίον ἐλαύνοντί εστιν ἐν Ἐλαία πόλει λίθος ἐν τῷ ὑπαίθρῳ τῆς ἀγορᾶς καὶ ἐναγίζειν οἱ ἐπιχώριοί φασιν αὐτῷ «у отправившихся в Трою с Агамемноном случилась ошибка во время плавания и битва в Мисии... И как напоминание входящему в долину Каика служит камень в городе Элее на площади под открытым небом. И местные жители, как говорят, приносят здесь жертвы мертвым».

Среди этих текстов особое место занимают версии Филострата и Цеца, содержащие мотив вмешательства в битву женского войска на колесницах, уникальный в свете общепринятого сопоставления анатолийских амазонок с хеттами и не находящий соответствий в других свидетельствах традиции, идущей от «Киприй»; ср. Philostr., Heroic.: ...καὶ Μυσαὶ γυναῖκες ἀφ' ἵππων ξυνεμάχοντο τοῖς ἀνδράσιν ὥσπερ Ἀμαζόνες καὶ ἦρχε τῆς ἵππου ταύτης Ἱερὰ γυνὴ Τηλέφου «и мисийские женщины сражались с колесниц вместе с мужчинами, словно амазонки, и предводительствовала этим конным войском жена Телефа Гиера». Это место привлек П. Кречмер [21] при отождествлении имени Τήλεφος с хет. (< хат.) ᴰTelipi: ᴰTelipinu — имя анатолийского бога плодородия и атмосферных явлений (аспект исключительно важный для понимания смысла «Псевдо-Илиады» и, насколько нам известно, практически не учитывающийся исследователями, касавшимися данного эпизода), ср. оплетание ног Телефа лозами, его уподобление чудовищу, пожирающему хлеба (у Ликофрона), бурю, собственно зимнее ненастье, постигающее греков у берегов Мисии, и т. д. Ниже Филострат связывает с гибелью амазонок на берегах Каика известный культ Агамемнона на горячих ключах между Смирной и Клазоменами (ср. Paus., VII, 5, 11). Очень близкий к филостратовскому вариант дает Цец (Antehom. 275): ἐν δὲ γυναῖκες Μυσῶν ἅρμασιν οἷσι μάχοντο «здесь же мисийские жены бились на своих колесницах» и далее следует рассказ о ранении Телефа и гибели Гиеры. Однако маловероятно, что текст Филострата послужил непосредственным источником для Цеца, так как у последнего отсутствует эффектная филостратовская концовка: кони, напуганные криком, поднятым воительницами над убитой Гиерой, тонут вместе с амазонками в прибрежных болотах.

Сходство легендарной «Псевдо-Илиады» с сообщением анналов Тудхалияса IV о вторжении царя Аххиявы в долину р. Сеха в самом деле поразительно. Отождествлению поддаются: *1*) место: долина р. Сеха — бассейн Каика или Меандра; *2*) хронологические рамки: правление Тудхалияса IV — 1250—1220 гг. до н. э., т. е. десятилетия, согласно принимаемой нами датировке, предшествующие Троянской войне и, возможно, полностью или частично ее охватывающие; *3*) ход событий: появление и отход царя Аххиявы, resp. нападение и отступление царя ахейцев. Это тем более существенно, что, как один из авторов этой статьи показал в другом месте [22], собственно лингвистический анализ имен собственных и пр. для

---

[21] *Kretschmer P.* Die Name der Lykier und andere kleinasiatische Völkernamen.— Kleinasiatische Forschungen, 1927, 1, S. 13.

[22] *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). *София*, 1981, *с. 140 сл.*

этноязыковой и географической идентификации Аххиявы оказался бесплоден за исключением самого отождествления Aḫḫiyawa ~ ᾽ΑχαιFοί. Сближения Lazpaš ~ Λέσβος и Millawa(n)da — Μίλητος имеют только косвенное отношение к данной проблеме, поскольку эти пункты находятся либо на самом малоазийском побережье, либо в непосредственной близости от него. Что же касается знаменитого форреровского отождествления Tawagalawaš ~ ᾽ΕτεFόκλης, ставшего особенно заманчивым после того, как Гютербок ясно показал, что Тавагалавас в хеттском тексте действительно трактуется в качестве брата царя Аххиявы [23], то теперь для окончательного его принятия недостает лишь более основательной поддержки со стороны конкретно-исторического контекста, определяемого античной традицией [24].

Как представляется, практически исчерпывающее привлечение при анализе хеттского текста греческих источников может служить в настоящее время едва ли не самым сильным аргументом в пользу распространения понятия Аххиявы и на ахейскую метрополию. Следует иметь в виду, что некоторые авторы, идя за Зоммером, придававшим в своей полемике очень большое значение факту появления царя Аххиявы на малоазийской земле [25], до сих пор склонны рассматривать текст KUB XXIII, 13 как свидетельство, говорящее против «микенской гипотезы» об Аххияве (ср. замечание Пейджа: «Появление царя Аххиявы на азиатском континенте... крайне неприятно (unwelcome) для тех, кто локализует Аххияву в континентальной Элладе и, разумеется, где-нибудь еще, кроме как на азиатском побережье *или очень близко от него*» [26]). С *учетом всего рассмотренного* античного материала можно утверждать прямо противоположное. Констатируя тот факт, что KUB XXIII, 13 — уникальное прямое свидетельство о делах царей Аххиявы, Зоммер невольно дал в руки сторонников гипотезы Форрера решающий довод: единственное пока появление царя Аххиявы в хеттских документах точно отражает единственное засвидетельствованное традицией в период до Троянской войны, если не считать мифического похода Геракла на Трою, вторжение микенского царя в Западную Анатолию.

В отличие от Дж. Гарстанга и О. Герни мы не склонны ставить ценность этого свидетельства в зависимость от принятия идентификации р. Сеха с Каиком: отождествление страны реки Сеха с бассейном Меандра в широком смысле, на наш взгляд, мало меняет дело. Напротив, исключительное приурочивание в греческой традиции эпизода «Псевдо-Илиады» к берегам Каика позволяет очертить в регионе «Каик — Меандр» ту конкретную территорию (Мисия, включая юг Троады и север позднейшей Лидии), к которой с наибольшей вероятностью относятся события, отраженные в «Анналах». Думается, мотив амазономахии на Каике может представлять прямое отражение документированной для данной эпохи экспансии хеттов в этом прибрежном регионе. Более того, проделанное на уровне текстов сопряжение столь разнородных и разновременных источников позволяет объяснить и странное на первый взгляд приурочение именно к долине Каика, далеко к западу от основного хеттского ареала [27], легендарного племени Κήτειοι = Ḫatti [28], сыгравшего, согласно «Одиссее» Гомера и

---

[23] *Güterbock*. Op. cit., p. 136. К языковому отождествлению имен ср. *Szemerényi O.* The Greek nouns in -ευς.— Gedenkschrift für P. Kretschmer. II. Wien, 1957, S. 179.

[24] Мы сейчас не говорим о контексте археологическом (о нем см. *Mellink M. J.* The Hittites and the Aegean World. 2. Archeological commentary Aḫḫiyawa — Achaians in Western Anatolia.— AJA, 1983, 87, p. 138 с обстоятельным подкреплением выводов Гютербока).

[25] *Sommer*. Op. cit., S. 319; *idem*. Aḫḫiyawā und kein Ende? — IF, 1937, 55, S. 278.

[26] *Page*. Op. cit., p. 28.

[27] *Дьяконов*. Ук. соч., с. 117.

[28] *Kretschmer*. Op. cit., S. 8; *Гиндин Л. А.* Гом. Κήτειοι в конкретно-исторической интерпретации.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, с. 32 сл.

особенно восходящим к киклической традиции «Постилиакам» Квинта Смирнского, видную роль на заключительном этапе Троянской войны. В свете всей совокупности приведенных данных пассаж из анналов Тудхалияса IV о вступлении хеттских войск в долину р. Сеха непосредственно после вытеснения из нее войска царя Аххиявы делает понятным появление «кетейцев» на Каике и, более того, выглядит прямым историческим свидетельством о событиях, предшествующих Троянской войне и группируемых греческой традицией вокруг «Псевдо-Илиады».

Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский

THE ANCIENT GREEK VERSION OF THE HISTORICAL EVENT REFLECTED IN A HITTITE TEXT

L. A. Gindin, V. L. Tsymbursky

The article is primarily concerned with the parallelism of the text in *KUB* XXIII, 13, from the annals of the Hittite king Tudḫalijaš IV) recording the defeat of the king of Ahhijawa in the valley of the Šeḫa river (the Caïcus or the Maeander) and the legendary episode from the Greek cyclic poem *Cypria*, which tells of the entry of Agamemnon into Mysia shortly before the Trojan War and his defeat in the battle of the Caïcus. The authors make a virtually exhaustive survey of the Greek sources relating to this episode: besides the *Cypria*, the scholia to the *Iliad*, Pindar, Lycophron, the mythographers, Strabo, Pausanias, Dictys Cretensis, Philostratus, Tzetzes. It is clear that the close correspondence of the Greek legend to the Hittite chronicle in all basic respects (place, time, course of events) may now serve as a strong argument for the thesis that the name Ahhijawa applied also to the Achaeans of the Greek mainland. The version of Philostratus and Tzetzes, that in the battle at the Caïcus a female cavalry troop took part, is striking in view of the generally accepted association of the Asia Minor Amazons with the Hittites and the information given in *KUB* XXIII, 13 that the Hittites entered the valley of the Šeḫa after the king of Ahhijawa had been driven out (a fact which may explain the appearance at the Caïcus, during the Trojan War, of the Ceteians, who played a prominent role in the struggle for Troy towards the end of the war).

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОДОСА С СЕВЕРНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

(По материалам керамической эпиграфики)

Предмет исследования настоящей статьи составляет детальное изучение экономических связей Родоса с Северным Причерноморьем, их колебаний во времени с широким использованием данных родосской керамической эпиграфики.

Хорошо известно, какую широкую торговлю вел Родос в эллинистическое время [1]. Общеизвестен также факт наличия постоянных торговых взаимоотношений между Родосом и торгово-экономическими центрами Северного Причерноморья — Боспором, Ольвией и Херсонесом [2]. Од-

[1] *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of Hellenistic World. V. II. Oxf., 1941, p. 675 ff.

[2] *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 287 сл. (комментарий к № 59).

нако ни в русской дореволюционной, ни в советской, а также зарубежной научной литературе эти вопросы в целом не получили широкого освещения. В этой связи хотелось бы отметить одну из статей Ю. С. Крушкол, в которой автор, используя родосские амфорные клейма, пытается проследить основные направления родосской торговли с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма [3]. Однако эта работа не получила положительных откликов, и в научной литературе по ее поводу продолжают высказываться критические замечания [4]. Родосский керамический материал был привлечен и в рукописи покойной Ю. С. Крушкол «Торговля Родоса с Северным Причерноморьем», которая, видимо, не была опубликована. Информация об этой рукописи заимствована мною из книги Е. С. Голубцовой [5].

Неудовлетворительное состояние письменных источников не позволяет исчерпывающим образом раскрыть названную выше тему. Из литературных свидетельств следует назвать сочинение Агатархида «Об Эритрейском море», где автор указывает количество дней пути от Меотиды до Родоса и от Родоса до Александрии [6]. Аналогично сообщение и более позднего автора — Диодора Сицилийского: мореходы, плывя из Меотийского болота, достигают Родоса на десятый день, откуда они затем на четвертый день приходят в Александрию [7]. О существовании морского пути от Родоса свидетельствует и перипл Псевдо-Скимна [8]. Следует также отметить, что сообщения о расстоянии между Александрией и Борисфеном и между Родосом и Борисфеном имеются у Страбона [9].

Что же касается эпиграфических памятников, то они также немногочисленны. Среди них можно назвать посвящение трех родосцев (Гиппокла, Дориея и Гиппократа) Перисаду II — сыну Спартока [10], а также фрагмент надписи, найденный на Родосе, где упоминается какой-то боспорец, внесший определенную сумму денег на какое-то торговое мероприятие [11].

Об оживленных торговых отношениях Родоса с Северным Причерноморьем, и в частности с Ольвией, свидетельствуют родосская надпись в честь Гелланика [12], относящаяся к III в. до н. э., декрет о даровании проксении и права гражданства родосцу Агесиклу, сыну Агесандра [13], а также два посвящения ольвиополита Посидея почитавшимся на Родосе Зевсу Атабирию и Афине Линдийской [14]. Следует упомянуть также посвящение Посидея, сына Посидея, из Неаполя Скифского Ахиллу, «вла-

---

[3] *Крушкол Ю. С.* Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху.— ВДИ, 1957, № 4, с. 110—115.

[4] *Брашинский И. Б.* Успехи керамической эпиграфики.— СА, 1961, № 2, с. 305; *Бадальянц Ю. С.* Из истории боспоро-родосских торговых взаимоотношений в III—II вв. до н. э.— В кн.: Древний Восток и античный мир. М., 1972, с. 134; *Высотская Т. Н.* Торговые связи Неаполя Скифского в эллинистический период (По данным керамической эпиграфики).— ВДИ, 1978, № 4, с. 80.

[5] *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, с. 14, прим. 6.

[6] FHG, III, p. 191—197; ВДИ, 1947, № 3, с. 298.

[7] *Diod.*, III, 34, 7.

[8] *Ps.-Scymn.*, 593 = SC, I, с. 91; подробнее об этом см. *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, с. 148 сл.; *Коцевалов А. С.* Нариси з історії економічного життя грецьких колоній.— Збірнік заходознавства АН УРСР, т. 1, 1929, с. 43.

[9] *Strabo*, II, 5, 9.

[10] КБН, № 20. Родосцы, сделавшие посвящение, по мнению С. А. Жебелева (Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, с. 149), прибыли на Боспор с торговыми целями. Это мнение разделяют Б. Н. Граков (Материалы ..., с. 234) и В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 533).

[11] *Граков.* Материалы..., с. 289, № 59.

[12] IOSPE, I², 27, 30; см. также *Леви Е. И.* К истории Ольвии в IV—III вв. до н. э.— СА, 1958, XXVIII, с. 243—245; *Каришковский П. И.* Ольвія та Родос.— МАСП, 1959, вып. II, с. 67—71.

[13] НО, № 24.

[14] IOSPE, I², 77, 78, 670, 671 (ср. № 168); см. также *Латышев В. В.* Заметки по греческой эпиграфике.— ИРАИМК, 1921, т. 1, с. 19—22.

дыке острова», очевидно Левки, в благодарность за победу над пиратами[15]. И наконец, на самом Родосе найдено надгробие борисфенитки Гедейи, свободной женщины [16].

В эллинистическое время завязываются тесные торговые связи Родоса с Херсонесом — одним из торгово-экономических центров Северного Причерноморья. Как бы в подтверждение этого уместно будет вспомнить проксению родосцу Тимагору, дарованную Херсонесом в III в. до н. э. [17] С некоторыми оговорками может быть привлечен и ряд родосских надписей, в которых упоминаются имена рабов северопричерноморского происхождения [18], так как в литературе уже высказывалось мнение, что рабы из этого региона могли попасть на Родос не непосредственно, а скорее всего через рабские рынки Делоса [19].

Необходимо несколько слов сказать и о нумизматическом материале. Несмотря на столь тесные торговые взаимоотношения, в городах Северного Причерноморья найдено всего лишь несколько родосских монет, а на Родосе монеты северопричерноморской чеканки отсутствуют совсем[20]. Необходимо, однако, отметить, что монетное дело городов Северного Причерноморья в разное время испытывало изменения и подвергалось влиянию различных монетных систем, в том числе Родоса [21]. Это, естественно, дает возможность делать те или иные выводы относительно интенсивности экономических связей, емкости торгового оборота и т. д. [22]

Учитывая скудость и немногочисленность вышеприведенных данных, мы привлекли в качестве важнейшего и, пожалуй, самого главного источника керамический материал, в частности родосские амфорные клейма. В настоящее время из Северного Причерноморья известно около 13 000 родосских амфорных клейм. Немногим более 10 000 клейм зарегистрировано в IOSPE, III (по данным на 1955 г.) [23]. В советской науке изучению керамических клейм различных производственных центров Средиземноморья и Причерноморья уделяется большое внимание, и их систематизация за последние годы достигла значительных успехов [24]. Одним из наи-

---

[15] IOSPE, I², 672. Подробнее об этом см.: *Жебелев.* Ук. соч., с. 89 сл.; *Гайдукевич.* Ук. соч., с. 533; *Соломоник Э. И.* Эпиграфические памятники Неаполя Скифского.— НЭ, 1962, III, с. 39; *Брашинский И. Б.* Понтийское пиратство.— ВДИ, 1973, № 3, с. 128 сл.; *Ростовцев М. И.* Новая книга о Белом острове и Таврике.— ИАК, 1918, 65, с. 190; *idem.* Op. cit., II, p. 675.

[16] *Граков.* Материалы..., с. 289, № 67.

[17] IOSPE, I², 340.

[18] *Граков.* Материалы..., с. 308—309, № 113—119.

[19] *Шелов Д. Б.* К истории связей эллинистического Боспора с Родосом.— СА, 1958, XXVIII, с. 333 сл.; *Гольденберг В. А.* Северное Причерноморье как рынок рабов для Средиземноморского мира.— ВДИ, 1953, № 1, с. 200 сл.

[20] *Гилевич А. М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса.— НС, 1968, № 3, с. 29, 54; *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. Список I.— СГАИМК, 1926, т. I. с. 288; *Бертье-Делагард А. Л.* Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса.— ЗООИД, 1906, т. XXVI, с. 226—239; *Шенерт-Гейс Э.* Торгово-экономические связи Северного Причерноморья с Грецией и их отражение в материале монетных находок (VI—I вв. до н. э.).— ВДИ, 1971, № 2, с. 25—35.

[21] *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, 16; *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956; *Голенко К. В.* Кобулетский клад.— СА, 1957, XXVII, с. 296; *он же.* Новый тип монет Сав(лака).— Сообщения АН ГССР, 1960, т. XXV, № 1, с. 126.

[22] *Карышковский П. О.* Ольвия и Родос по нумизматическим данным.— КСИА, 1961, вып. 83, с. 9—14; *он же.* Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э.— ЗООАО, 1960, т. 1 (34), с. 112—123; *он же.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья.— ВДИ, 1961, № 4, с. 114—119 и др.

[23] Корпус керамических клейм Северного Причерноморья. Сост. Е. М. Придик и Б. Н. Граков.— Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2157—2198, 1955.

[24] *Брашинский.* Успехи керамической эпиграфики, с. 293 сл.; *он же.* Новые зарубежные исследования по керамической эпиграфике.— СА, 1966, № 2, с. 332 сл.; *idem.* The Progress of Greek Ceramik Epigraphy in the USSR.— Eirene, 1973, XI, с. 111; *Бадальянц Ю. С.* Развитие родосской керамической эпиграфики.— Klio, 1983, 65, с. 80—105.

более трудных аспектов изучения родосских амфорных клейм является их хронологическое определение. Большая заслуга в разработке основных методов хронологизации клейм принадлежит Б. Н. Гракову, предложившему семь методов: стратиграфический, морфологический, палеографический, грамматический, нумизматический, метод синхронизма и исторический [25]. В дальнейшем они дополнялись, уточнялись и совершенствовались.

Кроме указанных методов мы для датировок родосских клейм из Северного Причерноморья использовали и ряд других методов и приемов. Назову лишь основные. Для наиболее ранних клейм (конец IV — начало III в. до н. э.) важное значение имеет комплекс родосских амфор с п-ова Корони [26]. Для датировки клейм периода около 275 г. до н. э. имеет значение склад родосских амфор, открытый на Родосе при строительстве отеля «Солей» [27]. Поистине замечательны для времени конца III — первой половины II в. до н. э. комплексы амфорных клейм из Пергама (220—180 гг. до н. э.) [28] и Карфагена (180—150 гг. до н. э.) [29]. К этому периоду относятся и такие комплексы, как большой склад амфор из Виллановы на Родосе, опубликованный А. Майюри [30], набор родосских амфорных клейм из ольвийского водоема [31], комплекс клейм из слоя строительства средней стои на агоре в Афинах [32], а также клейма из Коринфа [33].

Клейма конца II — начала I в. до н. э. хорошо датируются благодаря открытию керамических комплексов в Коза и Альба Фуценс [34], а поздние родосские клейма (первая половина I в. до н. э.) — благодаря находкам клейм у берегов Антикиферы [35]. Что касается клейм из раскопок в Самарии, которые могли бы стать датирующим критерием, то их неквалифицированная публикация [36] вызвала негативное отношение к этому комплексу со стороны некоторых исследователей [37].

Датирующими критериями могут быть дополнительные и курсивные клейма, выделенные в свое время Д. Б. Шеловым [38]. Имея четкий хронологический диапазон бытования, они иногда с большой точностью датируют то или иное клеймо или группу клейм [39]. Для хронологического определения клейм широко могут быть использованы и разновидности штемпелей: здесь и данные иконографии, палеографии, система построч-

---

[25] *Граков Б. Н.* Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли.— Архив ИА АН СССР, Р-2, № 538, 1939; *он же.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, с. 102—106.

[26] *Grace V.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula.— Hesperia, 1963, XXXII, p. 328.

[27] *Grace V., Savvatianou-Petropoulakou M.* Les timbres amphoriques grecs.— Exploration archéologique de Délos, 1970, XXVII, p. 293, 301, 304.

[28] *Schuchhardt C.* Die Inschriften von Pergamon. II. B., 1895, S. 423.

[29] *Schulten A.* Nordafrika.— JDAI, 1907, XII.

[30] *Maiuri A.* Una fabbrica di anfore Rodie.— Annuario, 1924, IV—V, p. 265 ff.

[31] *Леви Е. И.* Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.— Л., 1964, с. 232, табл. XV, *220.*

[32] *Grace, Savvatianou-Petropoulakou.* Op. cit., p. 290 ff.

[33] *Grace V.* Amphoras and the Ancient Wine Trade. Princeton, 1961.

[34] *Taylor D. M.* Cosa: Black-Glaze Pottery.— Memoirs of the American Academy in Rome, 1957, XXV, p. 68—193; *Mertens J.* Marques d'amphores.— Les fouilles d'Alba Fucens (Italie centrale) à 1953 (3me partie).— L'Antiquité classique, 1955, XXIV, p. 51—119.

[35] *Grace V.* The Commercial Amphoras from the Antikythera Shipwreck.— TAPS, 1965, 55, p. 5—17.

[36] Harvard Excavations at Samaria, 1908—1910. I. Harvard, 1924, p. 18 f., 310—316.

[37] *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975, с. 18.

[38] *Он же.* Керамические клейма из раскопок Фанагории.— МИА, 1956, 57, с. 136 сл.; *он же.* Дополнительные клейма на родосских амфорах.— In: Mélanges offerts à K. Michailowski. Warszawa, 1966, p. 663—668.

[39] *Бадальянц Ю. С.* Дополнительные и «курсивные» клейма на амфорах эллинистического Родоса.— ВДИ, 1973, № 4, с. 48—64.

ной разбивки общей легенды, соотношение легенды и эмблемы и т. д. [40]

Важным критерием для датировки клейм служит хронологическое соответствие личных имен эпонимов и фабрикантов, т. е. метод синхронизма Б. Н. Гракова. В настоящее время уже имеется большое число пар личных имен [41]. Следует также учитывать и омонимы личных имен. Особенно это важно при датировке клейм фабрикантской категории, ибо их значительно больше, и малейшая ошибка может привести к нежелательным последствиям и т. д. [42] И наконец, для датировки клейм можно применить и такой показатель, как отдельные буквы или сочетания букв греческого алфавита, монограммы и другие дифференты [43]. Однако эти данные могут быть использованы лишь в качестве дополнительного приема при сравнительном анализе, уточнении датировки [44].

Проблема хронологической классификации амфорных клейм — одна из самых сложных и трудных в родосской керамической эпиграфике. Еще в конце 30-х годов Б. Н. Граков в своей докторской диссертации определил общую хронологию родосских амфорных клейм: начало клеймения — 331 г. до н. э., конец — 40 г. до н. э. [45] Позже к аналогичным выводам пришла и В. Грейс, разделившая эпонимные клейма за весь период клеймения на шесть хронологических групп [46]. Затем В. Грейс изменила хронологические рамки группы I, расширив их до середины III в. до н. э., а группа II стала охватывать лишь третью четверть III в. до н. э. [47] В 1970 г. В. Грейс и М. Савватиану-Петропулаку предложили новую классификацию родосских эпонимов, внеся следующие изменения и уточнения: 1) конечная дата группы I — 275 г. до. н. э.; 2) группа III датируется 210—175 гг. до н. э.; 3) группа VI датируется примерно 108—80 гг. до н. э.; 4) добавлена группа VII, хронологически определяемая 80—30 гг. до н. э. [48] Кроме того, авторы отнесли начало клеймения родосских амфор к 332 г. до н. э. [49] Вот как выглядит конечный вариант хронологии: I группа: 332 — ок. 275 г. до н. э.; II группа: ок. 275 — ок. 210 г. до н. э.; III группа: ок. 210 — ок. 175 г. до н. э.; IV группа: ок. 175 — ок. 150 г. до н. э.; V группа: ок. 150 — ок. 108 г. до н. э.; VI группа: ок. 108 — ок. 80 г. до н. э.; VII группа: ок. 80 — ок. 30 г. до н. э.

Намного сложнее обстоит дело с хронологической классификацией родосских фабрикантов, неразработанность которой затрудняет хронологизацию подавляющей части клейм фабрикантской категории. Недавно мы попытались создать хронологическую модель для клейм фабрикантов и, как нам кажется, получили положительные результаты. Во всяком случае нам удалось по новой модели классифицировать довольно большое число клейм, а затем упорядочить их в соответствующих хронологических группах В. Грейс [50].

Мы учли и продатировали 9907 родосских клейм из Северного Причерноморья, хронологическое распределение которых выглядит в следующем виде:

---

[40] *Он же.* Разновидности легенд родосских амфор.— ВДИ, 1978, № 1, с. 124—133.

[41] *Он же.* Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса.— СА, 1976, № 4, с. 32—41.

[42] *Он же.* Новые хронологические соответствия личных имен на родосских амфорах. – СА, 1 , № 2, с. 161—166.

[43] *Он же.* Омонимы личных имен на родосских амфорах.— ВДИ, 1980, № 3, с. 167—179.

[44] *Он же.* Дополнительные и «курсивные» клейма..., с. 48 сл.

[45] *Граков.* Клейменая керамическая тара..., с. 28.

[46] *Grace V.* Timbres amphoriques trouvès à Délos.— BCH, 1952, LXXVI, p. 525.

[47] *Grace V.* Pnyx: Stamped Wine Jar Fragments.— Hesperia, 1956, Suppl. X, p. 140.

[48] *Grace, Savvatianou-Petropoulakou.* Op. cit., p. 286 ff.

[49] Ibid., p. 300.

[50] *Бадальянц Ю. С.* Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм.— НЭ, 1980, XIII, с. 3—12.

Таблица 1

Группы	I	II	III	IV	V	VI
Даты	330—275	275—220	220—180	180—150	150—108	108—80
Кол-во	823	1199	4220	1736	1471	258

Приведенные цифры показывают, что ввоз в северопричерноморский регион товаров в клейменых родосских амфорах осуществлялся постоянно на протяжении всего эллинистического периода. Родосские товары в амфорах стали поступать примерно с середины IV в. до н. э., и этот процесс шел весьма равномерно вплоть до конца III в. до н. э. Резко возрос импорт товаров в Северное Причерноморье в конце III — начале II в. до н. э. Особенно интенсивное поступление наблюдалось во второй период Пергамского комплекса (200—180 гг. до н. э.).

В следующий, IV хронологический период, ввоз начал ослабевать, однако заметное сокращение ввоза товаров в родосских амфорах началось лишь в начале I в. до н. э., и интенсивное затухание торговли произошло уже в середине века.

Общие данные по хронологическим группам, приведенные нами выше, не отражают динамики экономических отношений, экспорта и импорта товаров. Для того чтобы лучше ее понять, необходимо выявить интенсивность поступления товаров в амфорах в отдельные центры Северного Причерноморья — Ольвию, Боспор, Херсонес и другие. Однако следует иметь в виду, что длительность хронологических групп разная, и поэтому для определения интенсивности поступления родосских амфор необходимо сумму клейм каждой хронологической группы разделить на число лет этой же группы. Именно этот коэффициент и позволяет выявить динамику ввоза товаров. Следует помнить и другое: границы хронологических периодов несколько условны, а также далеко не всегда мы можем с твердой уверенностью датировать то или иное клеймо определенной хронологической группой. Ниже мы приводим распределение родосских клейм по хронологическим группам из Боспора, Ольвии, Херсонеса и остальных центров Северного Причерноморья, а также средний годовой коэффициент по каждой группе:

Таблица 2

Хронолог. группа	Ольвия		Боспор		Херсонес		Другие центры		Всего
	кол-во	коэф.	кол-во	коэф.	кол-во	коэф.	кол-во	коэф.	
I	495	9,0	275	5,0	28	0,5	25	0,5	823
II	715	13,0	385	7,0	44	0,8	55	1,0	1199
III	2120	53,0	1700	42,5	80	2,0	320	8,0	4220
IV	705	23,5	800	26,6	36	1,2	195	6,5	1736
V	400	9,5	966	23,0	21	0,5	84	2,0	1471
VI	31	1,4	196	7,0	9	0,4	22	1,0	258
Итого	4466		4322	—	218	—	701	—	9707

Распределение родосских клейм разных хронологических групп по античным центрам Северного Причерноморья, их тщательный анализ показывают, что родосский ввоз в клейменых амфорах был неодинаков в разных местах. Для наглядности мы приводим диаграммы и графики поступления родосских клейм по хронологическим группам и центрам Северного Причерноморья (рис. 1 и 2).

Д. Б. Шелов, анализируя в свое время количественный и процентный показатели родосских клейм, найденных в Ольвии и на Боспоре, пришел

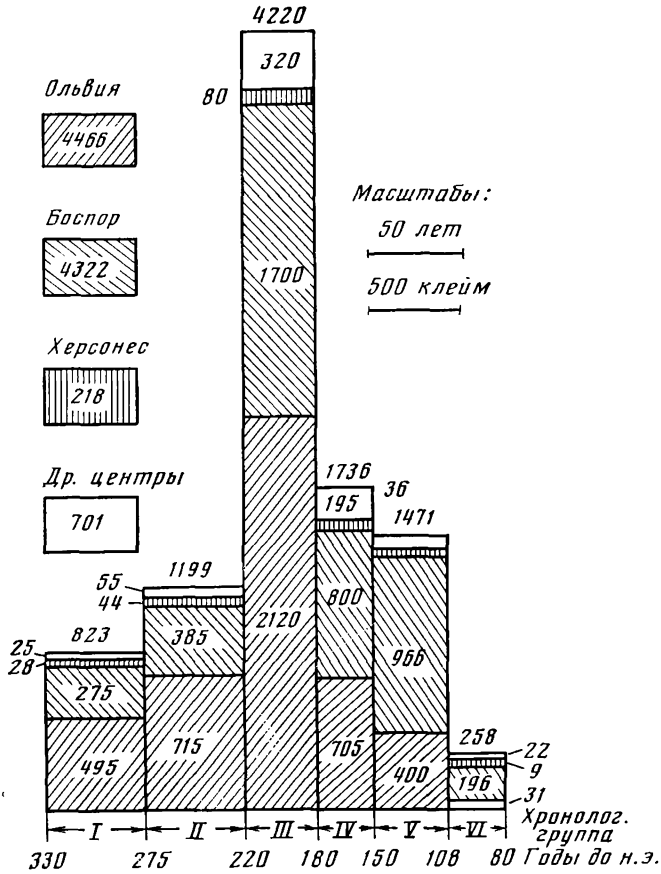


Рис. 1. Диаграммы поступления клейм по хронологическим группам и центрам Северного Причерноморья

к выводу, что первоначально с Родосом была тесно связана Ольвия; в дальнейшем эти связи ослабли, и Родос стал укреплять на протяжении II в. до н. э. свои экономические отношения с Боспором [51]. В целом выводы Д. Б. Шелова не вызывают возражений и в основном правильно отражают закономерности развития родосско-северопричерноморских экономических связей. Однако за последние 20—25 лет археологический материал значительно возрос, и его тщательное изучение позволяет сделать более конкретные выводы, наметить ряд этапов в переориентации экономических связей и т. д.

Как видно из Таблицы 2, количество хронологически определенных родосских клейм боспорского и ольвийского происхождения почти одинаково (4466 : 4322). Однако распределение клейм по группам и годовой коэффициент иные. Родосские клейма хронологических групп I и II из Ольвии (495 и 715) почти вдвое превышают клейма боспорского происхождения (275 и 385). Это же подтверждается и годовым коэффициентом (Ольвия — 9,0 и 13,0; Боспор — 5,9 и 7,0). Отсюда следует, что родосский экспорт в Ольвию на протяжении III в. до н. э. вдвое превышал экспорт на Боспор.

В хронологической группе III разрыв резко сокращается (соответственно 2120 : 1700), а в период 180—150 гг. до н. э. почти уравнивается,

[51] *Шелов.* К истории связей..., с. 335. Рассматривая экономические связи Боспора с Родосом в эллинистическую эпоху, Д. Б. Шелов пришел к выводу, что половина родосских товаров, предназначенных для Северного Причерноморья в целом, попадала на Боспор (с. 333).

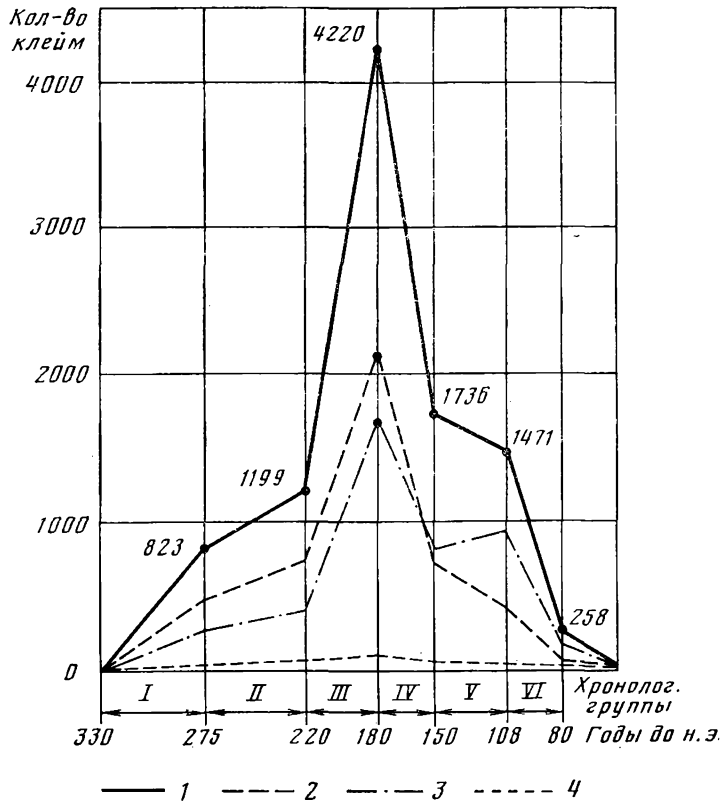


Рис. 2. Графики поступления клейм: *1* — в целом по Северному Причерноморью; *2* — Ольвия; *3* — Боспор; *4* — Херсонес

с незначительным преимуществом в пользу Боспора (705 : 800). Во второй половине II в. до н. э. (группа V) число родосских клейм с Боспора уже в два раза превышает количество клейм из Ольвии, а годовой коэффициент выше уже в 2,5 раза (9,5 : 23,0).

Таким образом, в соотношении процессов поступления клейм в Ольвию и на Боспор можно выделить ряд этапов.

I этап (группы I—III): интенсивность экспорта в Ольвию и на Боспор возрастает, однако интенсивность поступления родосских амфор в Ольвию превосходит таковую на Боспор.

II этап (группа IV): на фоне падающей интенсивности импорта Ольвии интенсивность поступления родосских амфор на Боспор продолжает расти, достигает своего максимума и уже превосходит интенсивность импорта Ольвии.

III этап (группы V—VI): интенсивность падает, но интенсивность поступления амфор на Боспор значительно превосходит таковую в Ольвию, т. е. торговые отношения Боспора с Родосом, несмотря на тенденцию к затуханию, развиты тем не менее значительно лучше.

Выше уже отмечалось, что в эпоху эллинизма завязываются весьма оживленные экономические связи Родоса с Херсонесом. Херсонесская гавань играла немаловажную роль для кораблей, пересекающих Черное море, и стала важным стимулом для развития торговли Южного и Северного Причерноморья [52]. Керамический материал из Херсонеса незначи-

[52] *Максимова М. И.* Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами.— МИА, 1954, 33, с. 51.

телен; хотя в целом торговые отношения Родоса с Херсонесом налицо [53], однако интенсивность поступления родосских амфор весьма слаба. Совершенно очевидно по вышеприведенным данным, что к началу II в. до н. э. наблюдался быстрый спад родосско-херсонесских торговых связей. Это хорошо прослеживается как по количественному показателю клейм каждой группы, так и по годовому коэффициенту. По всей вероятности, главный импорт Херсонеса составляли фасосские и гераклейские амфоры[54].

В связи с вышеизложенным необходимо обратиться к вопросу об основных направлениях родосско-севропричерноморской торговой политики. Выше мы уже отмечали, что еще в 50-х годах Ю. С. Крушкол, рассматривая родосский керамический материал, установила четыре основных направления родосского импорта: 1) район Ольвии и Тиры (оттуда на Каменское городище); 2) Западный Крым: Херсонес и Керкинитида — и оттуда в Неаполь Скифский; 3) Восточный Крым, или Европейская сторона Боспора: Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Киммерик, Феодосия; 4) Таманский полуостров — Дон, Северный Кавказ, азиатская часть Боспора (Фанагория, Танаис, Горгиппия, Елизаветовское городище и др.) [55].

Трудно согласиться с такой реконструкцией экономических связей. Во-первых, для выделения такого рода торговых направлений необходим тщательный анализ всех родосских клейм, а это, как известно, сопряжено с определенными сложностями. Во-вторых, отмечая, что для установления направлений необходимо не абсолютное количество клейм, а их соотношение, Ю. С. Крушкол не дала, к сожалению, ни соотношения родосских клейм с клеймами других производственных центров, ни хронологического соотношения. Автор сделал выводы на основании простого количественного подсчета родосских клейм из Северного Причерноморья. Эти обстоятельства, по всей вероятности, и привели ее к ошибочным выводам.

Согласно наблюдениям Ю. С. Крушкол, район Боспора в целом занимал последнее место в родосском экспорте: европейская сторона — третье место, а азиатская часть — четвертое. С этим трудно согласиться. Выше уже была показана известная переориентация родосского экспорта в Северное Причерноморье во II в. до. н. э. Несомненно, Ю. С. Крушкол права, отдавая Ольвии приоритет в родосском экспорте III в. до н. э. Это хорошо видно на основе анализа родосских амфорных клейм из различных центров Северного Причерноморья. Однако во II в. до н. э. Ольвия по интенсивности торговых связей с Родосом уже уступает Боспору.

При определении основных направлений в родосском экспорте следует учитывать изменения, происходившие в торговой политике Родоса в III—II вв. до н. э. Это обстоятельство, к сожалению, автором не учтено. Во II в. до н. э. родосский экспорт был направлен как раз на азиатскую сторону Боспора — в Фанагорию и Горгиппию, а оттуда, по-видимому, родосские амфоры проникали в Танаис и Прикубанье [56]. Это подтверждается и большим количеством родосских амфорных клейм, обнаруженных на Боспоре в последние годы.

Анализ родосских клейм показывает, что родосский экспорт в города европейской части Боспора был весьма значителен в III и начале II в. до н. э., затем начал постепенно сокращаться, а резкий спад поступления товаров в родосской таре относится уже к концу II — началу I в. до н. э.

Прослеживая родосский экспорт на азиатскую сторону Боспора, можно заметить, что в отличие от городов европейской стороны здесь и во II в.,

---

[53] *Белов Г. Д.* К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода.— ПИСП, с. 180.

[54] *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического.— Х Сб. 1961, VI, с. 100, прим. 1; с. 101, 107; *Зеест И. Б.* К вопросу о торговле Неаполя Скифского и ее значение для Боспора.— МИА, 1954, 33, с. 72.

[55] *Крушкол.* Основные пункты ..., с. 113 сл.

[56] *Шелов.* Керамические клейма..., с. 28; *Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией.— МИА, 1951, 19, с. 108 сл.

особенно во второй его половине, не было резкого спада. Преобладание родосского экспорта на азиатскую сторону Боспора можно проследить на нумизматическом материале. Так, с середины II в. до н. э. начинается чеканка серебряной монеты в Фанагории с родосской эмблемой — цветком граната [57]. В Горгиппии обнаружена серебряная монета, на одной стороне которой изображена голова Гелиоса, а на другой — рог изобилия между двумя звездами [58]. Аналогичное изображение встречается на родосских монетах второй половины II в. до н. э. [59] Из Горгиппии происходит и родосская гемидрахма конца II—I в. до н. э. [60]

Д. Б. Шелов отмечает, что ранее II в. до. н. э. Фанагория и Горгиппия своей монеты не чеканили, а выпуск серебряной монеты в обоих городах Боспора был вызван одними и теми же условиями и совпадает по времени [61]. Совершенно справедлив вывод о том, что города Азиатского Боспора придерживались определенной экономической и политической ориентации на Родос [62]. Видимо, это обстоятельство сыграло определенную роль в тесных торговых взаимоотношениях между Родосом и азиатской частью Боспора.

Вышеизложенный материал дает возможность выделить в торговых отношениях Родоса с Боспором два направления: первое — европейская сторона, второе — азиатская часть. При этом первое направление доминировало с конца IV в. и на всем протяжении III в. до н. э., а второе приобретает уже важность с 80—70-х годов II в. до н. э. [63] В начале I в. до н. э. родосский импорт на Боспоре резко сокращается, так как Боспорское государство в этот период переживает серьезные экономические и политические трудности [64].

Таким образом, тщательный анализ родосских керамических клейм из Северного Причерноморья позволяет сделать следующие выводы.

1. Экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем на протяжении всего эллинистического периода находились на достаточно высоком уровне.

2. Импорт товаров в родосской таре, начавшись где-то в середине IV в. до н. э., на протяжении всего III в. до н. э. осуществлялся с равномерным нарастанием интенсивности.

3. Достаточно высокий уровень поступления товаров наблюдался в период с 220 г. до н. э. до 150 г. до н. э.

4. С середины II в. до н. э. и до 80—70-х годов до н. э. наблюдается некоторый медленный спад, хотя в отдельных районах Северного Причерноморья импорт осуществлялся равномерно, без особых колебаний. Спад родосского ввоза товаров в районы Северного Причерноморья (и в другие центры античного мира) объяснялся, по всей вероятности, тем обстоятельством, что Родос в это время испытывал некоторые экономические и политические трудности, связанные с экспансионистской политикой Рима в Восточном Средиземноморье.

Имеются и прямые свидетельства о влиянии римлян на родосскую торговлю в целом и, в частности, с Делосом, с которым Родос был связан тес-

---

[57] *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884, табл. XXIII, *6*.

[58] *Зограф.* Античные монеты, табл. XLII, *14*; *Шелов.* Монетное дело Боспора, табл. IX, с. 115.

[59] Catalogue of British Museum. Caria and Islands. L., 1897, tabl. XL, 1—11.

[60] Р. Р. Фасмер (ук. соч., с. 288) сообщает, что при раскопках Анапы была найдена родосская гемидрахма конца II—I в. до н. э., доставленная в 1923 г. в Секцию нумизматики и глиптики ГАИМК М. И. Максимовой.

[61] *Шелов.* Монетное дело Боспора, с. 176, 204.

[62] *Он же.* К истории связей..., с. 336.

[63] *Бадальянц.* Из истории..., с. 137.

[64] *Гайдукевич В. Ф.* К дискуссии о восстании Савмака.— АИКСП, Л., 1968, с. 81 сл.

ными торговыми узами [65]. Так, по словам Полибия, превращение римлянами Делоса в porto franco в 166 г. до н. э. нанесло родосцам столь ощутимый удар, что последние просили римлян в 164 г. до н. э. о заключении союза [66]. После этого события родосская торговля стала постепенно ослабевать.

5. Резкий спад торговых отношений наблюдается в 70—60-е годы до н. э.; как отмечал в свое время Дион Хрисостом, к концу I в. до н. э. произошло полное падение родосской торговли вообще [67]. К этому периоду или несколько более позднему и относится прекращение экономических связей Родоса с Северным Причерноморьем. Правда, в незначительном количестве родосское вино и другие товары поступали в конце I в. до н. э. и даже в начале нашей эры уже в неклейменых амфорах [68].

В связи с вышеизложенным определенный интерес представляет изучение ввоза из других центров, что позволит определить место Родоса в торговом балансе северопричерноморского рынка. Мы не будем привлекать данные о всех центрах, которые имели связи с Северным Причерноморьем, а рассмотрим лишь сведения о Синопе.

Учитывая синхронность в экономических связях, мы в свое время уже говорили о различной степени интенсивности ввоза из этих центров в отдельные периоды эллинистического времени [69]. Наши выводы были в то время основаны на данных, которые привел И. Б. Брашинский, тщательно исследовавший экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э.[70] В последние годы он уделял большое внимание вопросам методики исследования импорта товаров в керамической таре, стандартам амфор различных центров [71]. Этим же проблемам посвящено и последнее крупное монографическое его исследование [72]. Полученные результаты весьма ценны и должны непременно учитываться при выяснении объема импорта того или иного центра. Так, например, «вес» родосского клейма значительно (примерно в 10 раз) уступает «весу» синопского [73]. Следовательно, родосский ввоз, согласно такому выводу, в общем торговом балансе должен был занимать весьма незначительное место [74]. Однако это не совсем так, ибо сравнение только объема ввозимого товара не может служить единственным критерием для выяснения интенсивности торговых связей и места того или иного центра в общем торговом балансе.

Здесь приобретают важность такие показатели, как сравнение одинаковых товаров, учет субъектов, вовлеченных в круг торгового оборота, ибо важно знать, сколько купцов участвует в торговых операциях, каких и скольких владельцев товарной продукции они представляют, на какие товары и в каком объеме обмениваются ввозимые продукты. Очень важно также учитывать колебания торговых связей во времени в определенных хронологических группах, равномерность поступления товаров в динамике. А поскольку решение многих вопросов, связанных с выше-

---

[65] IG, XI, 2, 156, 161, 162, 163, 190, 199, 202, 203, 205, 224, 225, 226, 287; 4, 589, 596, 614, 648, 651, 690, 711, 714; ID, 198, 313, 314, 320, 338.

[66] *Polyb.*, XXX, 31.

[67] *Dio Chrys.*, XXXI, 103; *Gelder v. G.* Geschichte der alten Rhodier. VIII. Haag, 1900, p. 424.

[68] В этом отношении интересно замечание Плиния, ставящего родосское вино среди тех заморских вин, которые или малоупотребительны, или чужды римскому быту (*Plin.*, NH, XIV).

[69] *Бадальянц.* Из истории..., с. 135 сл.

[70] *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э.— В кн.: Античный город. М.— Л., 1963, с. 132—145.

[71] *Он же.* Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античное Причерноморье.— КСИА, 1976, вып. 148, с. 10—15; *он же.* Методика изучения стандартов древнегреческой тары.— СА, 1976, № 3, с. 87 сл.; *он же.* Стандарты родосских амфор.— КСИА, 1978, вып. 156, с. 11—16.

[72] *Он же.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984.

[73] *Он же.* Некоторые вопросы методики..., с. 11 сл.

[74] *Он же.* Методы исследования..., с. 166 сл.

названными обстоятельствами, не представляется в настоящее время возможным, то говорить о каком-то торговом приоритете или господстве одного центра над другим в торговом балансе, опираясь лишь на объем ввозимого продукта, нам кажется преждевременным.

По нашему мнению, речь может идти о равномерности поступления товаров из каждого центра в отдельности, о перечне номенклатуры его продукции, поступающей в обмен (что является качественным показателем глубины развития товарного производства данного центра), а также о значении этих товаров для тех центров, куда они импортируются. Нельзя не учитывать и политической конъюнктуры в торговых регионах [75], социально-экономических и политических отношений между торговыми центрами и т. д.

Если проследить динамику поступления товаров Синопы и Родоса в Северное Причерноморье, то можно заметить, что начиная с середины IV в. до н. э. синопский импорт быстро нарастал вплоть до начала III в. до н. э. С первой четверти III в. до н. э. и до середины II в. до н. э. наблюдался заметный спад синопского импорта, затем во второй половине II в. до н. э. произошел резкий взлет [76]. Что же касается родосского импорта товаров, то он не испытывал резких колебаний, а наоборот, сначала шло постепенное нарастание, а с конца II в. до н. э.—медленное затухание [77]. Известно также, что со второй половины II в. до н. э. наблюдалась переориентация торговых путей Синопы и Родоса в Черноморском регионе [78].

Следует отметить, что на протяжении всего эллинистического периода Родос и Синопа поддерживали тесные дружественные отношения. Так, о связях Родоса с Синопой еще до эпохи эллинизма (IV в. до н. э.) свидетельствуют надгробия граждан Синопы, найденные на Родосе [79]. Совершенно ясно, что экономическая связь Родоса и Синопы отражена в монетной системе последней. На тетрадрахмах и дидрахмах III в. до н. э. с типом головы Синопы на аверсе встречается контрамарка в виде голосы Гелиоса — явное указание на торговые отношения с Родосом [80]. На Родосе работал синопский скульптор Клерий, подпись которого на постаменте статуи была найдена в Линде [81]. Родос поставлял Синопе вино, это подтверждается находками клейм [82], а также влиянием родосских клейм на клейма Синопы [83]. Следует еще иметь в виду, что Родос во второй половине III в. до н. э. занял главенствующее положение в Эгейском море, и Синопа была заинтересована в дружбе с ним для развития своих торговых связей, особенно с государством Птолемеев, так как морской путь в Александрию из Понта шел через Родос [84].

Родос оказывал Синопе всяческую помощь и поддержку. Когда Митридат III в 220 г. до н. э. напал на Синопу, Родос помог последней военной техникой, людьми, различными продуктами, в том числе 10 000 амфор вина [85]. Родос проявлял и особую заботу о Синопе и после падения последней в 183 г. до н. э., приняв участие в посольстве, отправившемся

[75] См. *Энгельс Ф.* Дополнения к третьему тому «Капитала».— *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е, т. 25, ч. II, с. 478.

[76] *Брашинский.* Экономические связи Синопы..., с. 137, табл. 1.

[77] См. табл. 2; рис. 1, 2. Ср. *Бадальянц Ю. С.* Экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в IV—I вв. до н. э.— VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция ВДИ. Тезисы докладов. 1—3 июня 1981 г. М., 1981, с. 9.

[78] *Брашинский.* Экономические связи Синопы..., с. 140 сл.; *Бадальянц.* Из истории..., с. 135 сл.

[79] IG, XII. 1, № 465, 466.

[80] *Waddington W.*, *Babelon E.*, *Reinach Th.* Recueil général des monnais grecques d'Asie Mineure. T. I, fasc. 1, 2e ed. P., 1925, pl. XXV, 32, 33, p. 203 suiv.

[81] RE, Suppl. V, Sp. 831.

[82] *Robinson D.* Inscriptions from Sinope.— AJA, 1905, № 5.

[83] *Граков.* Древнегреческие керамические клейма..., с. 32.

[84] *Diod.*, III, 34, 7; *Gelder.* Op. cit., p. 110.

[85] *Polyb.*, IV, 56. Подробнее см. *Максимова.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья, с. 178.

в Рим для решения вопроса о городе [86]. Поставка Родосом Синопе большой партии вина (10 000 амфор) дала возможность И. Б. Брашинскому высказать в свое время мысль о том, что Синопа была поставщиком в основном оливкового масла, а Родос — вина [87]. Последнее и определило одновременность существования на рынках Северного Причерноморья родосского и синопского импорта [88].

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать заключение, что на протяжении почти трех столетий Родос и Синопа делили между собой сферы влияния в торговле с тем или иным центром Северного Причерноморья и вели интенсивную торговлю, занимая каждый в отдельности свое определенное место в общем торговом балансе Черноморского региона.

Ю. С. Бадальянц

[86] *Polyb.*, XXIII, 9; *Liv.*, XI, 2.

[87] Кроме оливкового масла Синопа поставляла в Причерноморье и вино, однако в настоящий момент установить долю вина и масла в синопском импорте не представляется возможным (*Брашинский*. Методы исследования..., с. 167).

[88] *Брашинский*. Экономические связи Синопы..., с. 138, прим. 29.

TRADE AND OTHER ECONOMIC TIES BETWEEN RHODES AND THE NORTH BLACK SEA AREA IN THE HELLENISTIC PERIOD

Yu. S. Badalyants

The author undertakes a thorough investigation of the trade relations between Hellenistic Rhodes and the ancient cities of South Russia. His chief source is ceramic material, in particular Rhodian amphora stamps, which have been found in large quantities on the territory of the North Black Sea region. Assisted by the advances made in Rhodian ceramic epigraphy, the author subjects the stamps to detailed analysis and has been able to date 9,707 stamp types and classify them according to corresponding chronological groups. This made it possible to come to several interesting conclusions of a historical and economic nature. The results of the analysis are set out plainly in tables and drawings, making it easy to follow the main directions, pattern and intensity of the development of commercial and other economic ties between Rhodes and the cities of the North Black Sea coast.

ЭЛИМАИДСКИЕ МОНЕТЫ: К ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ БРОНЗОВЫХ ЭМИССИЙ II в. н. э.

Царство Элимаида — полузависимое государство в составе Парфянской державы — было расположено на юго-западе Иранского плато. В 40-х годах II в. до н. э. цари этого небольшого государства стали чеканить монеты, благодаря чему мы имеем первые сведения о его существовании. Античные историки слишком редко в своих сочинениях упоминают о событиях, связанных с элимеями и Элимаидой в рассматриваемое время [1]. Не более многословны и редкие надписи (арамейские и греческие) [2].

[1] *Just.*, XXXVI, 1, 4; XXXVIII, 10, 5; XLI, 6, 7—8; *Plut.*, Pomp. 36; *Tacit.*, Ann. VI, 44; *Lucian.* Macrob. 16; *Joseph.*, Ant. XIII, 354 и др.

[2] *Henning W. B.* The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak.— Asia Major, NS, 1952, 2, p. 151—178; *Harmatta J.* Inscriptions élyméennes.— In: *Ghirshman R.* Terrasses sacrées de Bard-é Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Mémoires de la Délégation

Известно несколько наскальных рельефов, найденных на территории Элимаиды — Сузианы, но они тоже не имеют надежной датировки и атрибуции [3]. Материалы археологического исследования памятников этой области сами по себе не дают полного решения всех «загадок» элимаидской истории. На фоне этого разрозненного и отрывочного материала монеты, чеканенные элимаидскими царями, могут предоставить историку тот «стержень», вокруг которого заняли бы свои места и, таким образом, оказались бы соотнесенными друг с другом упомянутые выше источники. Но и исследование элимаидских монет имеет свои трудности, прежде всего связанные с разработкой их хронологической систематизации [4]. В особенности это справедливо для эмиссий бронзы: их абсолютная хронология определяется предположительно (даты проставлялись только иногда на серебре) и по-разному, хотя все исследователи придерживаются единого мнения в отношении крайних границ — конец II в.н.э.— 20-е годы III в. н. э.,— правда, тоже весьма приблизительных. Нет единой схемы и для относительной хронологии «бронзовых эмиссий».

Появление новых и, в частности, богатых нумизматических материалов из раскопок храмовых центров в Бард-е Нешанде и Масджид-и Солейман позволяет вновь обратиться к вопросам монетного дела, истории и культуры Элимаиды. В настоящей статье будет рассмотрен только один из этапов элимаидской чеканки, охватывающий, по-видимому, непродолжительный промежуток времени, но выделяющийся интенсивностью монетных эмиссий. Именно этот этап, в течение которого производилась параллельная чеканка (по предположению Ж. Ле Ридера — в Селевкии-на-Гедифонте и Сузах) [5] двух бронзовых номиналов — «тетрадрахм» и «драхм», наиболее полно представлен в находках из упомянутых памятников [6]. Следует особенно подчеркнуть важность значительного расширения состава бронзовых «тетрадрахм», раньше очень скудно представленных в нумизматических собраниях. Убедительно обоснованный, скрупулезный типологический анализ серий бронзовых тетрадрахм и драхм, проделанный К. Оже, показал, что после Орода I следуют монеты не Орода II (Камнаскира-Орода), а Фраата и что монеты Камнас-

---

Archéologique en Iran. T. XLV. P., 1976, p. 289—303; *Hinz W.* Zwei neuentdeckte parthische Felsreliefs.— Iranica Antiqua, 1963, III, p. 169—173; *Bivar A.*, *Shaked S.* The Inscriptions at Shimbar.— Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1964, XXVII, p. 265—281; *Cantineau J.* La Susiane dans une inscription palmyrénienne.— Mélanges Dussaud, 1939, I, p. 277—279; *Seyrig H.* Inscriptions grecques de l'agora de Palmyre.— Syria, 1941, XXII, p. 255—258; *Cumont F.* Nouvelles inscriptions grecques de Suse.— CR, 1930, p. 211—220; 1931, p. 238—250; 1932, p. 278 suiv.

[3] *Vanden Berghe L.* Le relief parthe de Hung-i Nauruzi.— Iranica Antiqua, 1963, III, p. 155—168, pl. LIII—LVI; *Henning.* Op. cit., *Ghirshman.* Op. cit.; *Hinz* Op. cit.; *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966, с. 204—213.

[4] Основные работы по нумизматике Элимаиды: *Allotte de la Fuye.* Monnaies de l'Elymaïde.— In: Mission de Morgan. Mémoires de la Délégation en Perse du Ministére de l'Instruction Publique, VIII. Paris et Chartres, 1905; *idem.* Les monnaies de l'Elymaïde. Modifications au classement proposé et 1905.— RN, 1919 p. 45—84; *de Morgan J.* Perside — Elymaïde — Characene.— In: *Babelon E.* Traité des monnaies grecques et romaines, III: Monnaies orientales. T. I, fasc. 2. P., 1930—1933, p. 420—484, pl. XXXV—XXXIX; *Hill G. F.* Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. BMC. L., 1922, p. CLXXXII—CXCIV, 245—288, pl. XXXVIII—XLII, LIII; *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes.— Mémoires de la Mission archéologique en Iran. T. XXXVIII. P., 1965, p. 261, 325—356, 426—430, pd. LXXII—LXXIII; *Augé Ch.* Monnaies d'Elymaïde.— In: *Augé Ch.*, *Curiel R.*, *Le Rider G.* Terrasses sacrées de Bard-é Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Les trouvailles monnétaires.— Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. T. XLIV. P., 1979, p. 37—162, pl. 3—17. Рец.: *Кошеленко Г. А.* —ВДИ, 1984, № 1, с. 191—195; *Варданян Р. Е.* Элимаидские монеты из Хузистана.— НАА, 1984, № 1, с. 93—100.

[5] *Le Rider.* Suse..., p. 40, 426.

[6] Издан весь комплекс нумизматического материала из Бард-е Нешанде и Масджид-и Солейман: *Augé*, *Curiel*, *Le Rider.* Op cit. Автор публикации эллинистических монет — Ж. Ле Ридер, элимаидских — К. Оже, сасанидских — Р. Кюриель. Свыше 5500 монет из 5900 обнаруженных — элимаидские, но в книге представлена только половина — 2716 монет, из которых 2540 монет относятся к рассматриваемому этапу.

кира-Орода, возможно, как отдельного царя, следуют за монетами Орода II. Эти важные поправки в классификации и атрибуции элимаидских эмиссий не исчерпывают, однако, те возможности, которые предоставляют материалы из Бард-е Нешанде и Масджид-и Солейман в сочетании с ранее известными. К. Оже твердо установлена типологическая связь (независимо от направления) монет от Орода I до Камнаскира-Орода, но недостаточно убедительным представляется переход от эмиссий «Камнаскира» к эмиссиям Орода I. Не во всей полноте рассмотрена также проблема абсолютной хронологии этого этапа в целом. Наблюдение за изменениями и развитием различных компонентов монеты — иконографических, метрологических и технических — в отличие от преимущественно классификационного подхода позволяет, на наш взгляд, обнаружить более обоснованную связь между эмиссиями рассматриваемого этапа. Кроме того, изучение элимаидских монет не изолированно, а в более широком нумизматическом контексте (как одной из субаршакидских чеканок в сопоставлении с центральной аршакидской и другими субаршакидскими, в особенности хараценской, чеканками) дает возможность разрешения некоторых вопросов абсолютной хронологии.

В 130-х годах до н. э., когда Сузы оказались под властью Аршакидов, прекратилась раннеэлимаидская монетная чеканка. Новый этап элимаидской монетной чеканки начался в конце 80-х годов до н. э., однако не в Сузах, а, как предполагается, в Селевкии-на-Гедифонте [7]. Чеканились монеты с парным портретом царя и царицы на л.с. (тетрадрахмы с датой ΑΛΣ — 231 г. селевк. эры = 82/81 г. до н. э.; драхмы с датой ΕΛΣ — 235 г. селевк. эры = 78/77 г. до н. э., гемидрахмы и оболы). Царь изображен погрудно влево, волосы стрижены по моде времен Митридата I или скорее Фраата и повязаны диадемой. У царя длинная борода, в ухе серьга, на шее спиральная гривна — все, как у парфянских царей. Одежда, будучи по типу парфянской, в деталях отличается от кафтанов парфянских царей, но близка наряду правителя Парса Ватафрадата II. За головой царя изображен символ, напоминающий перевернутый селевкидский якорь. На об. с. монет этой эмиссии — Зевс Этофор, сидящий на троне, и греческая легенда квадратом (табл. I, *1*).

Следующая элимаидская серия включает редкие тетрадрахмы, драхмы и обол (табл. I, *2*). На л. с. — погрудный портрет молодого царя, повторяющий все основные иконографические черты портрета его предшественника, за исключением того, что на шее молодого царя нет гривны и он изображен с очень короткой бородой. Тип об. с. тот же — Зевс. Легенда расположена квадратом, не совсем разборчива и вызывает разногласия в прочтении. Бесспорно, однако, что в ней дважды упомянуто имя Камнаскир. Одна тетрадрахма имеет едва различимую (из-за плохой сохранности монеты) дату ΑΝΣ — 251 г. селевк. эры = 62/61 г. до н. э. или ΔΝΣ — 254 г. селевк. эры = 59/58 г. до н. э.

На л. с. драхмы, опубликованной Д. Селлвудом [8], изображение царя с длинной бородой, «шляпообразной» прической с двойным пучком волос на затылке, т. е. тот иконографический тип, который мы видим на последующих сериях с изображением головы мужчины на об. с. За головой царя вместо «якоря» — протома коня, а на об. с.— Зевс, сидящий на троне. Эта монета имеет дату ΑΝΣ — 251 г. селевк. эры = 62/61 г. до н. э., совпадающую с датой тетрадрахмы из предыдущей серии. Монеты, очевидно, чеканены разными царями и, если даты прочтены правильно, в одном и том же году.

ΖΟΣ — 277 г. селевк. эры = 36/35 г. до н. э. датирована драхма с новым типом об. с. — изображение головы мужчины с бородой, с такой же,

---

[7] *Le Rider*. Suse..., p. 261, 426.

[8] *Sellwood D*. Minor States in Southern Iran.— In: The Cambridge History of Iran. V. 3(1), L., 1983, pl. 12 (1).

Таблица I. Элимандские монеты: *1* – Кампаскир и Анзазе, 82–75 гг. до н. э.; *2* – Кампаскир, 62–58 гг. до н. э.; *3* – Кампаскир (V?); *4–5* – «Кампаскир» (?); *6* – не определенный царь («группа Д» по Дж. Хиллу); *7–8* – Кампаскир-Ород; *9–11* – Ород I («Ород II»); *12* – Фраат

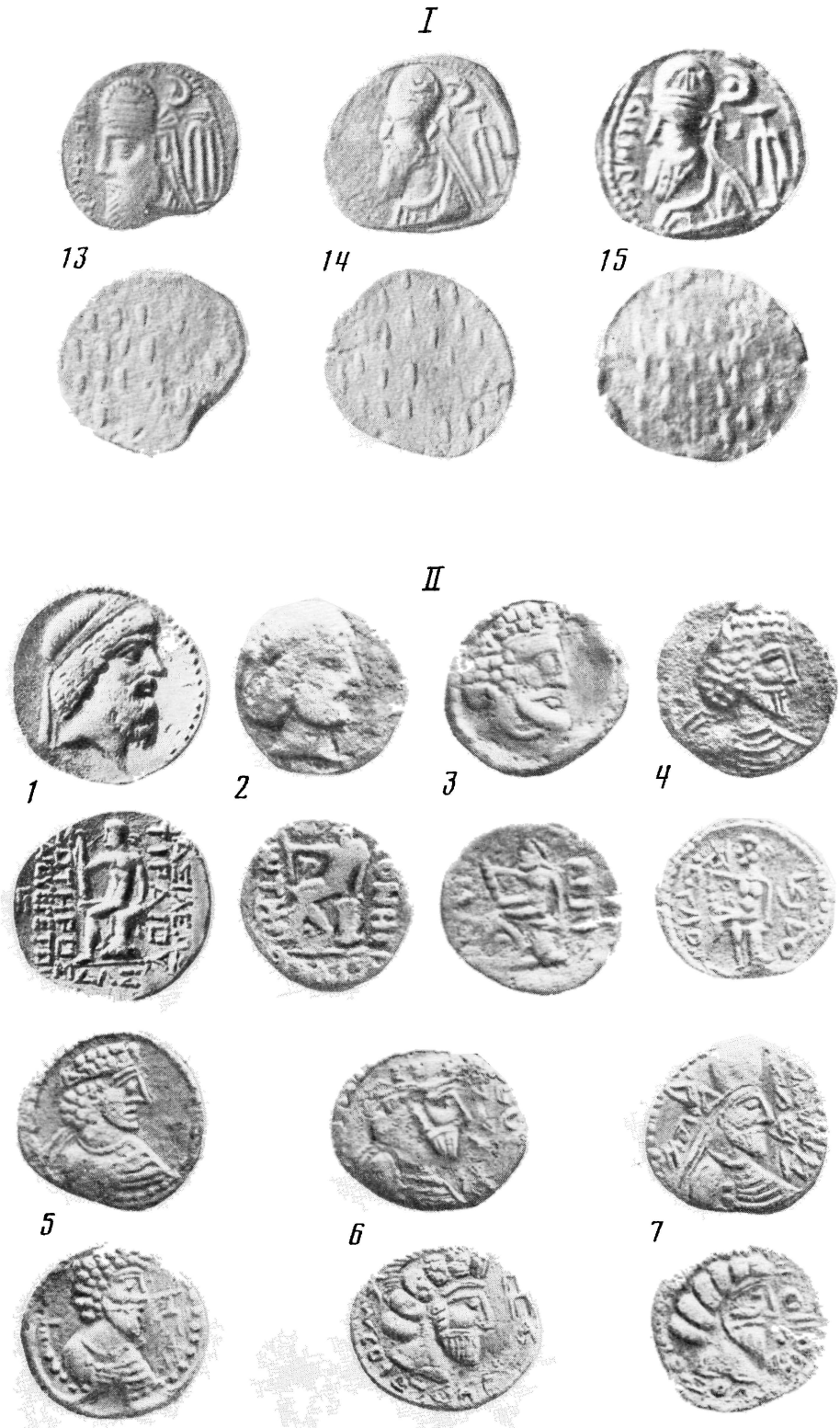


Таблица I (окончание). Элимаидские монеты: *13—14* — Фраат), *15* — Ород II («Ород I»)
Таблица II. Хараценские монеты: *1* — Тирай II, 78/7—48/7; *2* — Теонесий IV, 111/2—112/3; *3* — неизвестный царь; *4* — Банага (Бинага); *5* — Безымянный царь; *6—7* — Мага, сын Атабия

как у царя, прической, но, возможно, не в парфянской, а в греческой одежде (такое впечатление оставляют очертания верхнего края одежды) (табл. I, *3*). Идентификация этого изображения с головой Зевса представляется наиболее вероятной [9].

Впоследствии в Элимаиде чеканились, по-видимому, только тетрадрахмы, содержание серебра в которых, постепенно снижаясь, дошло до того, что они полностью превратились в бронзовые (во второй половине I в. н. э.). Следующие датированные монеты из этой серии чеканены в 55/56 г. н. э. (ΤΞΖ — 367 г. селевк. эры) и 58/59 г. н. э. (ΤΟ — 370 г. селевк. эры). Сохраняя основные иконографические черты, портрет царя сильно схематизируется, и одновременно портрет и греческая легенда на об. с. искажаются почти до неузнаваемости. При этом падение художественных достоинств монеты происходило не равномерно для л. и об. сторон — тип об. с. деградировал быстрее и до полного разложения (таб. I, *4*). Именно на этой стадии вновь появляются «драхмы», но уже бронзовые (табл. I, *5*).

В легендах начальных выпусков этой серии частично прослеживается имя Камнаскир. Эти монеты, вероятно, чеканились спорадически, а поскольку дата на них, как правило, отсутствует, время этих выпусков трудно установить. Они иконографически устойчивы, и единственное изменение прослеживается в дополнительных символах (над якорем или розетка, или звезда, или звезда и полумесяц). Эти монеты оставались абсолютно инертными по отношению к современному им парфянскому чекану и никакие изменения последнего не отражались на них. Возможно, некоторые намеки на парфянское влияние содержат лишь последние выпуски этого этапа — бронзовые тетрадрахмы, известные всего по двум экземплярам (табл. I, *6*) [10]. На этих монетах значительно изменен портрет царя — вместо «шляпообразной» прически у царя длинные, закрывающие уши волосы, но в остальном иконографический тип портрета близок к предыдущему. На об. с.— еще более деградировавший тип предыдущих тетрадрахм.

После монет «Камнаскира» и неизвестного царя с длинными волосами, тип об. с. которых демонстрирует полное разложение прежнего рисунка (голова мужчины влево, греческая легенда, расположенная квадратом), по общепринятой схеме (включая схему К. Оже) следуют монеты с погрудным изображением царя в тиаре на л. с. и с рисунком из вертикально расположенных штрихов (иногда в центре монетного поля изображение элимаидского якоря) на об. с. (табл. I, *14*). На л. с. тетрадрахм этой эмиссии арамейская легенда «царь Ород», на об. с. драхм с изображением богини греческая легенда того же содержания, расположенная по кругу. За монетами с легендой «царь Ород» К. Оже поместил монеты царя Фраата (с арамейской легендой на тетрадрахмах «царь Фраат, сын царя Орода», с греческой легендой «царь Фраат» на драхмах с изображением стоящей богини). На одной из своих серий он изображен погрудно влево в тиаре с полумесяцем и точкой (тип I —табл. I, *13*), на другой царь представлен в фас в тиаре с тем же знаком (тип II — табл. I, *12*). Следующие три серии принадлежат Ороду II (с арамейской легендой «царь Ород» на тетрадрахмах и «царь Ород, сын Орода» на драхмах с погрудным изображением богини в фас). На одной из них царь представлен в фас в тиаре без опознавательного знака (тип I —табл. I, *11*), на другой тиара имеет гребень (тип II — табл. I, *10*), на третьей царь изображен в фас, но без тиары, с длинными волосами по бокам и пучком волос на макушке (тип III — табл. I, *9*). За ним следуют монеты Камнаскира-Орода (с арамейскими легендами «царь Камнаскир-Ород, сын царя Орода» на тетрадрахмах и «царь Камнаскир-Ород» на драхмах с погрудным изображением богини

---

[9] Ibid., p. 308.

[10] *Hill.* Op. cit., p. CLXXXIX, 252, pl. XXXIX, *11*, хранится в БМ, и pl. LII, *12* — из частного собрания.

в фас на об. с.). Одна из серий Камнаскира-Орода в точности повторяет предыдущий тип портрета Орода II (тип I — табл. I, *8*). Изображение царя на монетах другой серии отличается от первой отсутствием пучка волос на макушке (тип II, табл. I, *7*).

Об. с. тетрадрахм указанных эмиссий покрыта рядами черточек. Тот же тип об. с. мы видим на части драхм. Другой постоянный тип об. с. драхм — изображение Артемиды-Нанайи, стоящей (Фраат), погрудно в профиль (Ород I), в фас (Ород II, Камнаскир-Ород). Более частный характер имеют монетные типы об. с. с изображением орла и диадемы, обрамленных точечным ободком (Фраат, Ород II).

Типологическая связь между эмиссиями Орода I и Камнаскира-Орода, установленная К. Оже, бесспорна. Можно оспаривать только прочность стыка между монетами «Камнаскира», неизвестного царя с длинными волосами и Орода.

Как было отмечено выше, деградация типа об. с. элимаидских монет, в частности тетрадрахм, происходила постепенно и также плавно накапливались отклонения от исходного образца. Поскольку на об. с. II типа [11] (табл. I, *7*) тетрадрахм Камнаскира-Орода еще можно различить слабые очертания головы мужчины и окружающей ее искаженной легенды в виде беспорядочных черточек, то именно тетрадрахмы Камнаскира-Орода (а не монеты Орода I) следует поместить после монет царя с длинными волосами («группа Д» по Дж. Хиллу) [12]. На об. с. более поздней группы тетрадрахм Камнаскира-Орода (тип. I, табл. I, *8*) мы видим уже несколько параллельных вертикальных линий и крупных прерывающихся черточек в виде «дождя», что является следующим этапом в эволюции искажения бывшего типа об. с. Это уже совершенно новый тип об. с. В дальнейшем на монетах последующих царей линии постепенно упорядочиваются, становятся тоньше черточки, и монеты Орода I дают нам более регулярный «узор» из черточек. То же характерно и для драхм. Надо отметить, что переход от одного типа к другому в данном случае является следствием непрерывного искажения рисунка через его упрощение при изготовлении штемпелей.

Но поскольку драхм чеканилось больше, чем тетрадрахм, и для них соответственно требовалось больше штемпелей, постольку и процесс разложения первоначального сюжета на беспорядочно расположенные черточки и возникновения устоявшегося «узора» из этих черточек протекал на драхмах быстрее. Вот почему появление этого типа впервые мы прослеживаем на драхмах уже при «Камнаскире» (?). Еще позже эти черточки образуют иногда узор «елкой» (Фраат, Ород I) или дают разные комбинации расположения черточек или точек в ряд. Затем на некоторых драхмах и тетрадрахмах Орода I в центре кружка появляется «якорь», окруженный черточками в ряд. Таким образом, наблюдения за типологией об. с. позволяют поместить монеты Камнаскира-Орода непосредственно за монетами царя «с длинными волосами» («группа Д»).

Намеченная связь не ограничивается, однако, только одним признаком — состоянием об. с. При внимательном сопоставлении портрета царя «группы Д» с портретом Камнаскира-Орода, в частности, на тетрадрахмах выявляется определенная иконографическая связь между ними — прическа Камнаскира-Орода такая же (тип II), как и прическа царя на монетах «группы Д», только изображенная в фас [13]. По схеме К. Оже за монетами

---

[11] Для удобства изложения мы пока сохраняем нумерацию типов К. Оже.

[12] Об оборотных сторонах этих монет можно судить только по экземпляру Британского музея, не совсем удовлетворительной сохранности. Оборотная сторона другого экземпляра в каталоге Дж. Хилла не иллюстрирована.

[13] В качестве аналогии зависимости изображения от ракурса можно привести портреты парфянского царя Дария (? по Д. Селвуду) с длинными, закрывающими уши волосами, правившего в 70 г. до н. э. На одной эмиссии (*Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1971, p. 98—101, type 36) царь изображен в профиль, на другой (ibid., p. 96—97, type 35) — в фас.

царя «с длинными волосами» должны идти монеты Орода I, Фраата и Орода II, на которых царь изображен в тиаре, а затем монеты Камнаскира-Орода, на которых царь изображен с длинными волосами, без тиары.

Если по состоянию об. с. мы поместим Камнаскира-Орода непосредственно за царем «с длинными волосами», а «Орода II» и затем Фраата после Камнаскира-Орода и перед «Ородом I», то переход от изображений царя в диадеме к изображениям в тиаре будет приходиться на монеты «Орода II» — преемника Камнаскира-Орода.

Другая типологическая деталь — дополнительные символы над «якорем» на л. с. На ранних монетах второго этапа («голова мужчины» на об. с.) над «якорем» (на л. с.) изображалась только многолучевая звезда (восемь или шесть лучей) или розетка, а позднее появляется полумесяц, и только в редких случаях звезда еще имеет шесть лучей или четыре луча и точки в их промежутках. В большинстве случаев, и в частности на позднейших тетрадрахмах этой серии, в том числе и «группы Д», наблюдается только четырехлучевая звезда и полумесяц. На тетрадрахмах Орода I, однако, в полумесяце мы видим не звезду, а точку (четырехлучевая звезда изображена на этих монетах слева от «якоря»). Так же и на тетрадрахмах Фраата I, но на двух из них, найденных в Бард-е Нешанде, видна звезда в полумесяце[14]. На тетрадрахмах Орода II и Камнаскира-Орода в полумесяце изображена четырехлучевая звезда. Эта деталь — еще одно подтверждение того, что монеты Орода I и Фраата нужно помещать после серий с полумесяцем и звездой по указанной уже последовательности:

«Камнаскир»	— звезда; затем звезда и полумесяц
«группа Д»	— звезда и полумесяц
Камнаскир-Ород	— звезда и полумесяц
Ород I («II»)	— звезда и полумесяц
Фраат	— звезда и полумесяц, затем точка и полумесяц
Ород II («I»)	— точка и полумесяц

На такую же последовательность указывают и изменения формы петли диадемы. На монетах Камнаскира-Орода и «Орода II» петля имеет овальную форму, как на монетах «группы Д» (царь «с длинными волосами»), петля диадемы Фраата изображена как острый угол на его поздних тетрадрахмах (тип I *б*), а на более ранних (тип I *а*) форма узла представляет переходный тип от округлых очертаний к угловатым; у «Орода I» петля имеет очертания треугольника.

Подтверждают предлагаемую перестановку и метрологические данные. Для «бронзовых драхм» от «Камнаскира» до «Орода I» наиболее распространенный вес — 3,5 г, но заметна тенденция постепенного учащения отклонения веса от «нормы» в сторону его понижения (см. таблицу весов на с. 106).

Соотношение весов монет трех царей по процентным показателям:

Царь	Вес, г						Количество экз.
	4,5	4	3,5	3	2,5	2	
«Камнаскир» (?)	2	22,4	71,4	4			49
Камнаскир-Ород	4,3	25,8	64	6			467
«Ород I»		10	44,2	32,5	11	2	775

Для уточнения последовательности рассматриваемых серий следует учитывать и такой признак, как фактура монеты: бронзовые тетрадрахмы

[14] *Augé*. Op cit., p. 77—78, № 805, 806, pl. 8. Существенные различия в элементах царского портрета позволяют в монетах типа I по Оже видеть два типа — тип I *а* (серия II) и тип I *б* (серия III). Различия проявляются в изображениях тиары, бороды, уха, диадемы, ее петли, дополнительных символов и в композиции портрета в целом.

«Камнаскира» и Камнаскира-Орода имеют гладкую поверхность, а тетрадрахмы «Орода II» и особенно Фраата и «Орода I» — пористую.

Нельзя не принимать во внимание и «субординацию» монетных номиналов — элимаидские бронзовые драхмы всегда следуют тетрадрахмам, которые по отношению к ним занимают как бы главенствующее положение. Тетрадрахмы дают эталонный образец портрета царя с его обязательными деталями, регалиями и сопровождающими его символами, на них провозглашается полная титулатура царя, а иконографический тип л. с. драхм устанавливается в строгом соответствии с типом тетрадрахм. Любые нововведения официального характера в первую очередь отражаются тетрадрахмами и лишь затем — драхмами: появление портрета царя с длинными волосами и маленьким пучком на макушке и фасового изображения царя в тиаре может быть прослежено не на одних лишь драхмах, как это вытекало бы из прежних типологических схем, но на сериях, включающих и драхмы и тетрадрахмы [15]. «Ород II» начинает свою монетную чеканку с драхм (тип III) (табл. I, *9*), используя в течение некоторого времени тип л. с. своего предшественника Камнаскира-Орода (тип I). Вскоре «Ород II» вырабатывает свой собственный монетный тип (тип II) (табл. I, *10*), совершенно отличный от предыдущего. Затем он выпускает драхмы типа I (табл. I, *11*). Как и в свое время «Ород II», его преемник Фраат также начинает чеканить монеты с драхм (тип II) (табл. I, *12*) от своего имени и со своим знаком отличия на тиаре — точка в полумесяце, но с типом л. с. последней монетной серии «Орода II». Тип I (табл. II, *13*) с профильным портретом царя — основной монетный тип Фраата, представленный также тетрадрахмами, появился позже и затем перешел к «Ороду I» (табл. II, *14*).

В целом можно предложить такую последовательность элимаидских правителей, чеканивших бронзовые тетрадрахмы и драхмы (тдр. и др.):

«Камнаскир»	— царь влево, диадема (тдр. и др.) (табл. I, *4*, *5*; рис. I)
Неизвестный царь	— царь влево, диадема, длинные волосы (тдр.) (табл. I, *6*; рис. I)
Камнаскир-Ород	— I серия, царь в фас, диадема, длинные волосы (тдр. и др.) (Тип I по Оже; табл. I, *7*; рис. II)
	— II серия, то же, с пучком на макушке (тдр. и др.) (Тип I по Оже; табл. I, *8*; рис. II)
Ород I («II» по К. Оже)	— I серия, то же (др.) (Тип III по Оже; табл. I, *9*; рис. III)
	— II серия, царь в фас, тиара с «гребнем» (тдр. и др.) (Тип II по Оже; табл. I, *10*; рис. III)
	— III серия, то же, без «гребня» (др.) (Тип I по Оже; табл. I, *11*; рис. III)
Фраат	— I серия, то же, тиара с двумя полумесяцами и точками (др.) (Тип II по Оже; табл. I, *12*; рис. III)
	— II серия, царь влево, тиара с полумесяцем и точкой, над «якорем» полумесяц и звезда (тдр. и др.) (Тип I по Оже; табл. I, *13*; рис. III)
	— III серия, то же, над «якорем» полумесяц и точка (тдр. и др.) (Тип I по Оже; рис. IV)
Ород II («I» по К. Оже)	— царь влево, тиара с «якорем» (тдр. и др.) (табл. I, *14*; рис. IV)

Для окончательного решения задачи хронологической систематизации монетных эмиссий рассматриваемого этапа необходимо найти объяснение двум нумизматическим фактам. Во-первых, Ород II («I») не упоминает на монетах о своем происхождении, между тем как Фраат, Ород I («II») и Камнаскир-Ород называют себя сыновьями царя Орода. Поэтому, видимо, и предполагалось, что Ород II («I») предшествовал этим царям. В новой последовательности царей эта генеалогическая схема нарушается и, более того, появляется еще один персонаж — некий царь Ород, отец Камнаскира-Орода. Из-за отсутствия прямых данных вопрос о царе Ороде, отце Камнаскира-Орода, пока остается открытым.

[15] По схеме К. Оже эти изменения происходят на драхмах: первое — на типе III «Орода II», а второе — на типе II Фраата.

Таблица весов

Вес	«Камнаскир» (?)	Камнаскир-Ород		Ород I («Ород II» по К. Оже)			Фраат	
		Тип I	Тип II	Тип I	Тип II	Тип III	Тип I	Тип II
4,5	2,0/1 *	4,3/4	1,0/4	6,5/3	1,2/1	0,7/3		1,0/4
4,0	22,4/11	25,8/24	31,2/119	39,1/18	32,9/26	25,5/104	12,5/10	16,0/61
3,5	71,4/35	64,0/59	48,3/181	43,4/20	53,1/42	59,7/243	58,7/47	55,7/211
3,0	4,0/2	6,0/6	6,4/24	8,6/4	12,6/10	13,0/53	21,3/17	22,1/84
2,5			0,2/1	2,0/1		0,9/4	7,5/6	5,0/19
2,0								
1,5								
1,0								
0,5								
колич. монет	49	93	374	46	79	407	80	379

* Числитель обозначает проценты, а знаменатель — количество монет.

Во-вторых, по прежней систематизации после серий монет с абсолютно неразборчивой искаженной греческой легендой следуют тетрадрахмы «Орода I» с арамейской надписью «царь Ород» и драхмы с той же легендой, но по-гречески. Тетрадрахмы остальных царей дают легенды тоже только по-арамейски, а на драхмах при «Ороде II» греческая легенда заменяется арамейской. По новой последовательности элимаидских царей получается, что арамейская легенда заменяется греческой на драхмах Фраата:

	тетрадрахмы	драхмы
Камнаскир-Ород	«царь Камнаскир-Ород, сын царя Орода» (арам.)	«царь Камнаскир-Ород» (арам.)
Ород I	«царь Ород» (арам.)	«царь Ород, сын Орода» (арам.)
Фраат	«царь Фраат, сын царя Орода» (арам.)	«царь Фраат, сын царя Орода» (греч.)
Ород II	«царь Ород» (арам.)	«царь Ород» (греч.)

Выяснение причины реставрации греческой легенды представляется трудным, так как мы не располагаем почти никакими определенными данными по истории Элимаиды — Сузианы данного периода. К этому вопросу мы вернемся ниже, но пока отметим, что и в соседней Харацене после монет так называемой «арамейской серии» в середине II в. н. э. снова чеканятся монеты с греческой легендой [16].

При рассмотрении вопросов абсолютной хронологии элимаидских бронзовых эмиссий определяющее значение может иметь их сопоставление с хараценскими эмиссиями. Хараценская монетная чеканка делится на две основные группы: так называемые «греческую серию» и «арамейскую серию». После появления изображения хараценского царя с длинными завитыми волосами на монетах Тирая II (с 78/77 г. до н. э.) устанавливается устойчивый иконографический тип хараценской монеты вплоть до 112/113 г. н. э. — на л. с. голова царя вправо с характерной прической, а на об. с. сидящий Геракл влево, с двух сторон по вертикали греческая легенда, в экзерге дата выпуска (табл. II, *1*) [17]. Наблюдение за эволюцией этого типа показывает, как ухудшается, хотя и очень медленно и постепенно, качество изображений, легенды становятся менее разборчивыми и лишь частично умещаются на монетном кружке. За монетами Теонесия IV, че-

[16] *Seyrig*. Op. cit., p. 255; *Le Rider*. Suse..., p. 189.
[17] *Hill*. Op. cit., p. 289—299, pl. XLIII, XLIV, *1—6*.

Ород II («Ород I» по К. Оже	Первый не определенный царь	Ород (III ?)	Второй не определенный царь (третий не определенный царь по К. Оже)	Третий не определенный царь (второй не определенный царь по К. Оже)	Четвертый не определенный царь	Пятый не определенный царь
10,0/78						
44,2/343	12,5/2	3,1/1				
32,5/252	31,3/5	28,1/9	50,0/7	2,6/1		
11,0/86	31,3/5	34,3/11	28,5/4	19,4/7		11,1/1
2,0/16	25,0/4	31,2/10	7,1/1	36,1/13		66,6/6
		31,1/1	14,2/2	36,1/13	22,2/2	22,2/2
				5,5/2	66,6/6	
					11,1/1	
775	16	32	14	36	9	9

каненными в 111/112 — 112/113-е гг. н. э. (табл. II, *2*) [18], следуют тетрадрахмы последнего царя из «греческой серии» («неизвестный царь» по Дж. Хиллу) (табл. II, *3*) [19]. Эти монеты, являясь продолжением рассматриваемой «серии», обнаруживают значительные отличия от прежнего стандарта. Во всех предыдущих выпусках голова царя изображалась до плеч с дугообразным обрезом; на монетах хараценского «неизвестного царя» портрет погрудный (неполный), виден край одежды. Заметно изменена прическа: исчезли волосы со лба, над диадемой они переданы двумя линиями точек, а сбоку — точками, расположение которых напоминает круг. В изображении Геракла не заметно особых изменений, но греческая легенда уже совершенно неразборчива. Первые выпуски «арамейской серии» (табл. II, *4*) выказывают тесную иконографическую связь с монетами «неизвестного царя» из «греческой серии», но и значительно отличаются от них: на л. с. портрет царя иконографически повторяет портрет «неизвестного царя», но более подчеркнута погрудность и изменена форма бороды. На об. с. главное изменение — замена греческой легенды арамейской и появление точечного ободка [20]. Монеты следующего царя из «арамейской серии» («безымянный царь» по Дж. Хиллу) на л. с. имеют тот же портретный тип, что и на предыдущей серии, но без бороды (?), а на об. с. традиционный тип сидящего Геракла здесь заменен погрудным портретом мужчины, похожего в основных чертах на портрет на л. с., но с прической, переданной тремя дугообразными рядами точек; волосы без царской повязки (табл. II, *5*) [21]. За ними следуют монеты царя Маги, сына Атабия (?) (табл. II, *6*) [22]. На л. с. царь с прической, как и ранее, но с иными чертами лица и формой бороды; перед лицом — арамейская надпись из двух вертикальных строк. На об. с. происходит как бы возврат к портрету л. с. «греческой серии», что легко прослеживается по прическе (правда, в другой трактовке и без диадемы), а также по тому, что изображена только голова. В поле (по кругу вниз, начиная от лба) расположена арамейская легенда. Следующий тип монет этого же царя представляет его в полусферической тиаре, но в остальном портрет не отличается от прежнего типа. Тип об. с. остается тем же (табл. II, *7*) [23].

[18] *Le Rider G.* Monnaies de Characéne.— Syria, 1959, 36, p. 252; *Hill.* Op. cit., p. 300, pl. XLIV, *7*, *8*.

[19] *Hill.* Op. cit., p. 301, pl. XLIV, *9*, *10*.

[20] Ibid., p. CCIV—CCV, 302, pl. XLIV, *11*, *12*. Имя царя читается: Банага или Бинага (?).

[21] Ibid., p. 303, pl. XLV, *1*, *2*.

[22] Ibid., p. 304, pl. XLV, *3*.

[23] Ibid., p. 305—309, pl. XLV, XLVI.

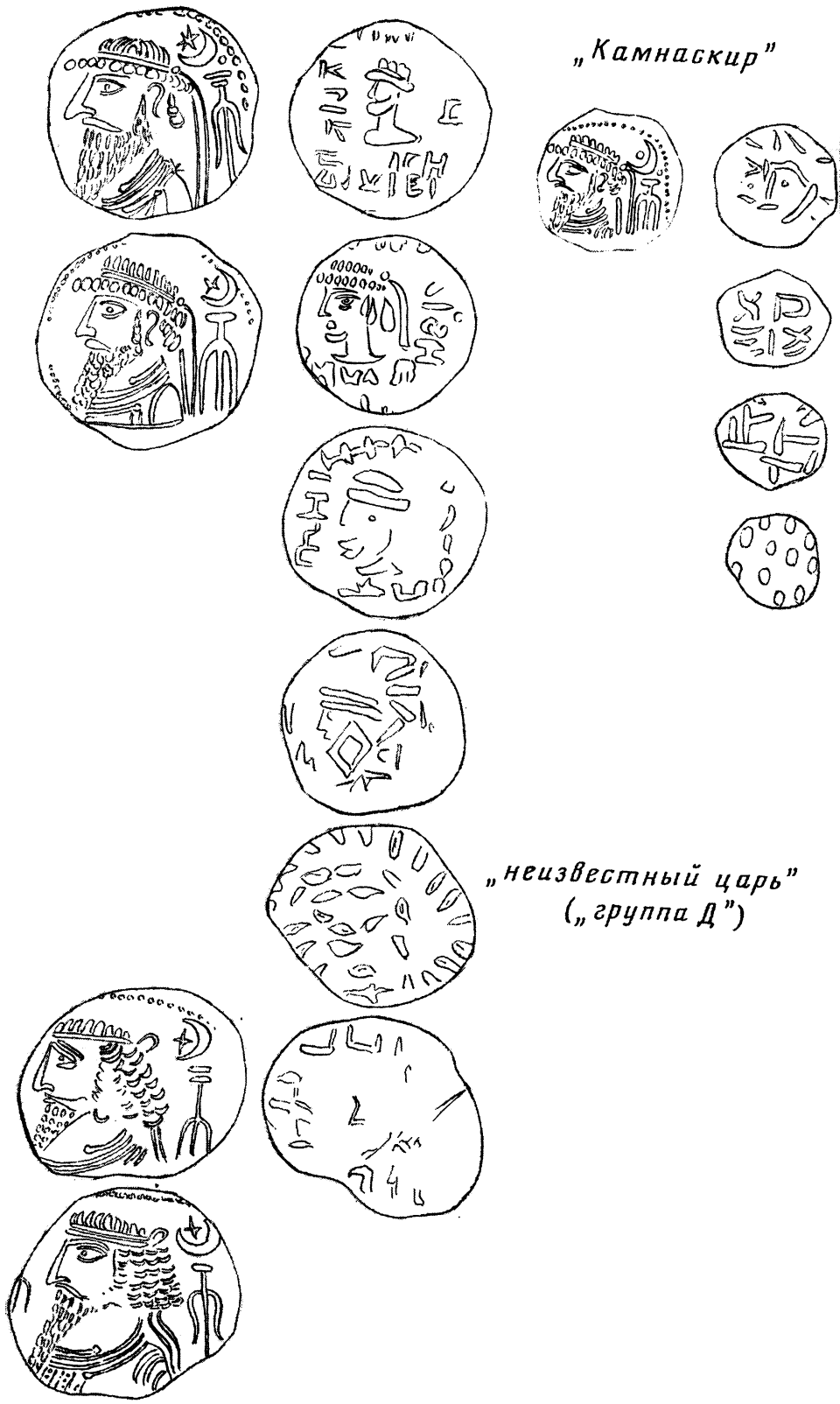


Рис. I

Камнаскир-Ород. Серия I.

Камнаскир-Ород. Серия II.

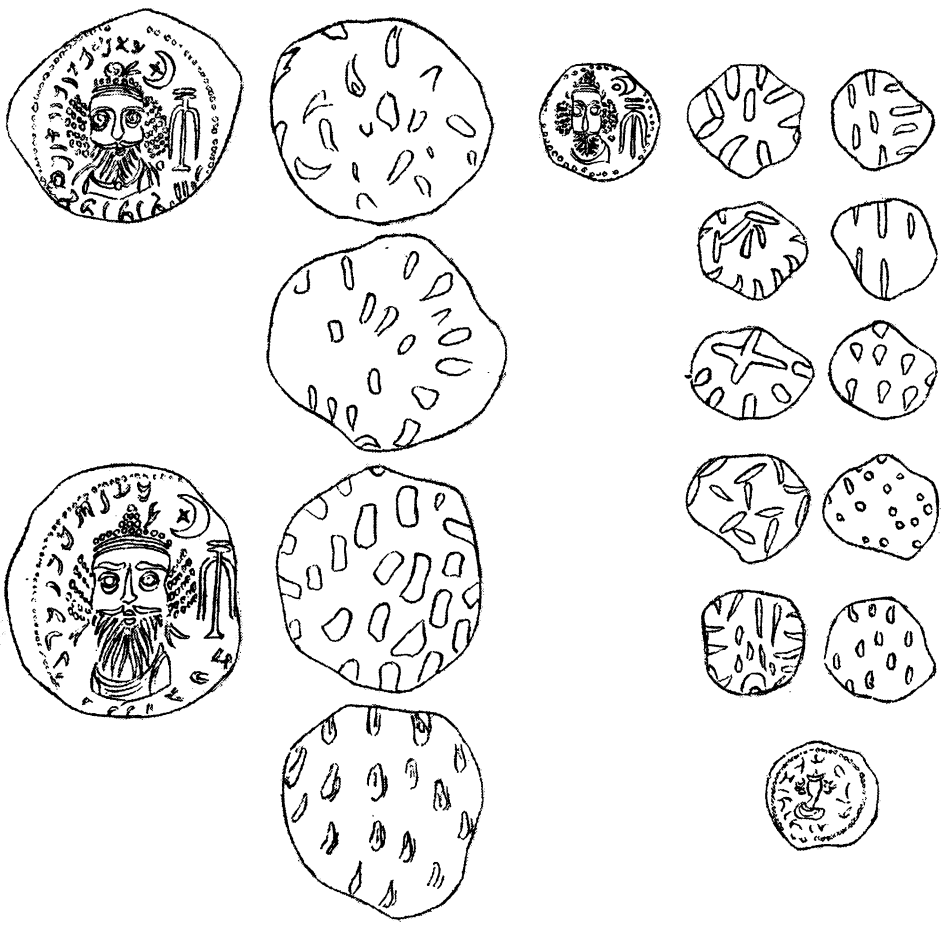


Рис. II

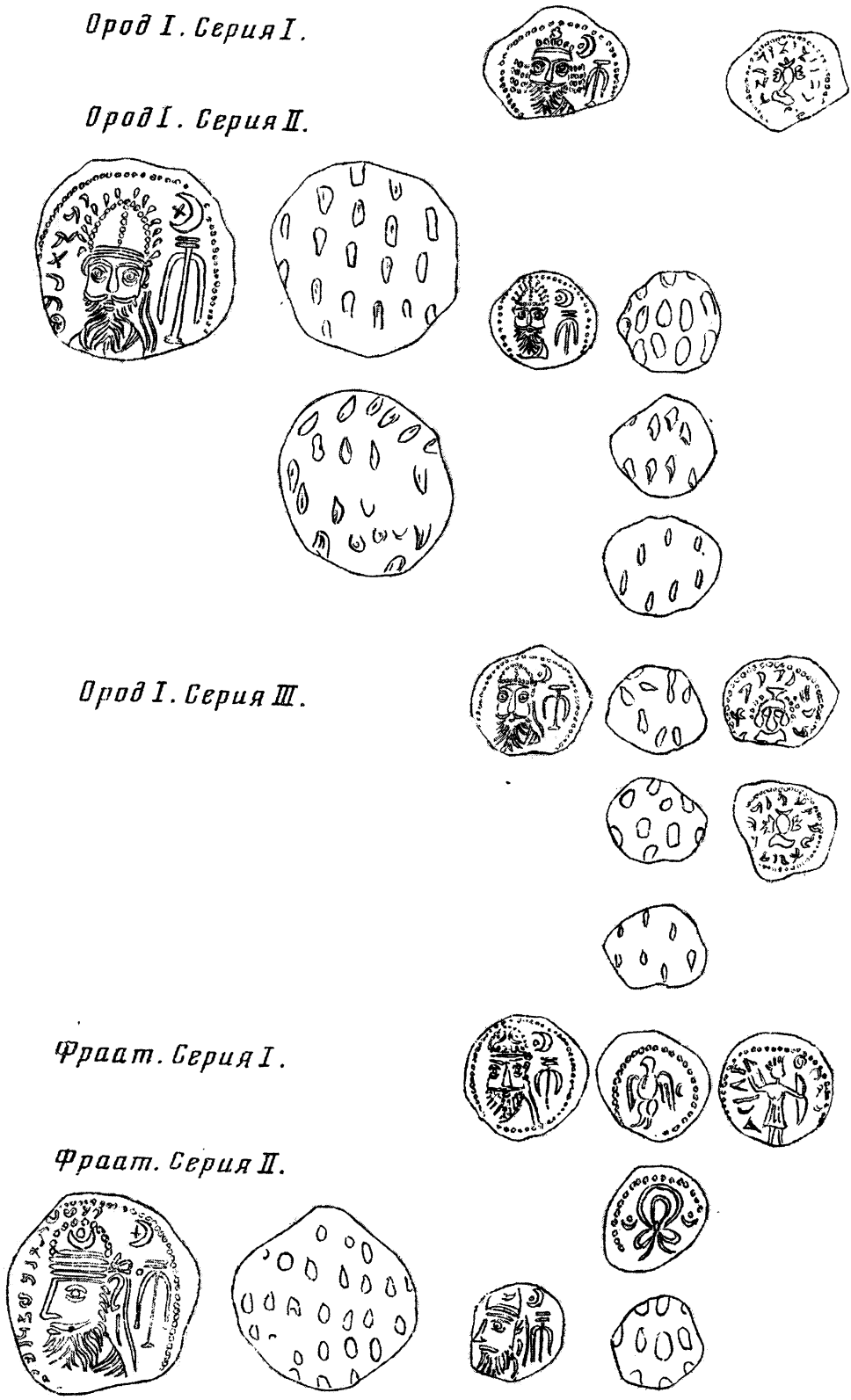
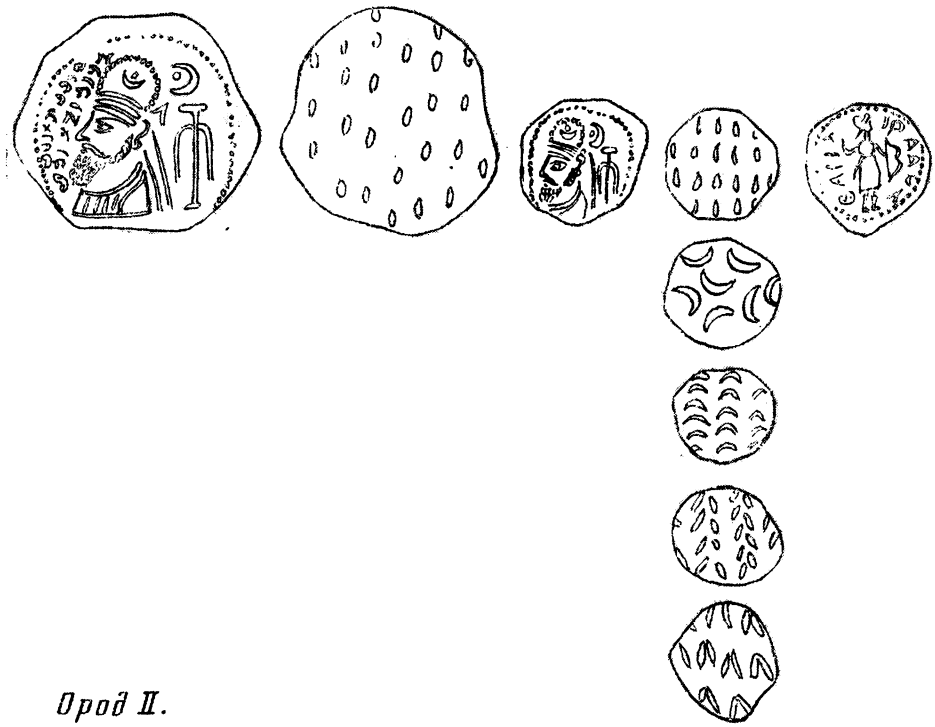

Ород I. Серия I.
Ород I. Серия II.
Ород I. Серия III.
Фраат. Серия I.
Фраат. Серия II.

Рис. III

Фраат. Серия III.



Ород II.

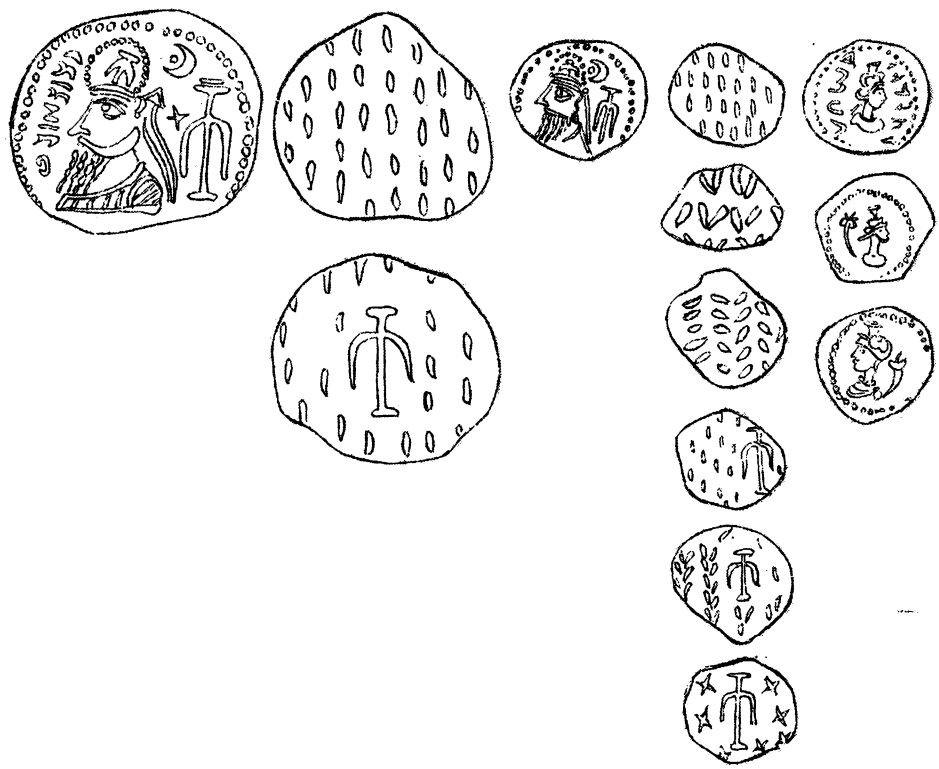


Рис.1V

Процесс типологических изменений на хараценских монетах и в особенности на переходном этапе от «греческой серии» к «арамейской» обнаруживает принципиальное сходство с процессом перехода от элимаидской «греческой серии» к «арамейской», иными словами, от монетного чекана «Камнаскиридов» к чекану «Ородидов». Аналогия, однако, заключается не в прямых иконографических параллелях, хотя в основных чертах связь между ними, несомненно, существует, а в «механизме», в характере этих изменений. Общая тенденция развития хараценского и элимаидского монетного чекана данного этапа может служить основанием для уточнения некоторых опорных дат в элимаидской абсолютной хронологии.

Последняя датированная монета хараценской «греческой серии» — тетрадрахма Теонесия IV, чеканенная в 111/112 г. н. э. В 116 г., согласно Диону Кассию, царем Месены (Харацены) был Атамбел — седьмой по счету, который выразил свою покорность Траяну [24]. Монет, которые могли бы быть приписаны этому царю [25], мы не знаем. Монеты «неизвестного царя», которые представляют первый переходный тип от «греческой серии» к «арамейской», должны быть чеканены после 112/113 г. н. э., вероятно, около середины второго десятилетия II в. н. э. — тогда не могут ли они быть отнесены к Атамбелу VII? Если считать правильным предположение о том, что так называемые «субхараценские» монеты являются собственно хараценскими [26], то для выпуска монет царя в тиаре (второй монетный тип Маги, сына Атабия?) — последних в относительной хронологической схеме «арамейской серии» — 142/143 г. н. э., год выпуска монет Мередата [27], является terminus ante quem. Более того, если Меередат, упомянутый в одной из греческих надписей пальмирской агоры, датированной 131 г. н. э. [28], и Мередат 142/143 г. — одно и то же лицо, то эту хронологическую границу «арамейской серии» надо отодвинуть до 131 г. Таким образом, монеты «неизвестного царя» с нечитаемой греческой легендой и вся «арамейская серия» чеканились приблизительно между 112/113 и 131—142/143 гг. н. э. Это может служить хронологическим ориентиром для определения времени чеканки элимаидской «арамейской серии».

Ж. Ле Ридер высказал предположение, что элимаидские тетрадрахмы и соответствующие им драхмы с деградировавшим типом об. с. («Камнаскир») нужно датировать около 75 г. н. э. К такому выводу он пришел на основании находки тетрадрахмы из последних выпусков «Камнаскира» в кладе хараценских монет, найденном в Телло [29]. Монеты этого клада датированы 53/54 — 111/112 гг. н. э. По состоянию сохранности монеты «Камнаскира» Ж. Ле Ридер счел возможным датировать ее и весь последний этап этой серии временем около 75 г. н. э. Такая точная датировка, основанная на сохранности лишь одной монеты, не может быть принята безоговорочно.

Последние датированные элимаидские тетрадрахмы с «головой мужчины» на об. с. относятся к 58/59 г. н. э. [30] Степень деградации изображения головы и греческой легенды на этой монете еще далека от того состояния, которое мы видим на более поздних выпусках этой серии. Значит, их чеканка продолжалась после 58/59 г. еще много лет. Тетрадрахмы «Камнаскира», найденные в Бард-е Нешанде и Масджид-и Солейман, представляют последнюю стадию чеканки этой серии, которая характеризуется полным разложением типа об. с. Именно на этой стадии появляются

---

[24] *Dio Cass.*, LXVIII, 28.
[25] *Le Rider.* Monnaies..., p. 252.
[26] *Seyrig.* Op. cit., p. 255; *Le Rider.* Suse..., p. 189.
[27] *Hill.* Op. cit., p. CCXI—CCXIV, 311—313, pl. XLVII, *5—15*.
[28] *Seyrig.* Op. cit., p. 253—255.
[29] *Le Rider.* Suse.., p. 426—429.
[30] *Allotte de la Fuÿe.* Les monnaies de l'Elymaïde. Modifications..., p. 59, pl. I, *1*; *Le Rider.* Suse..., p. 427, pl. LXXIII, *1*.

бронзовые драхмы, об. с. которых представляет беспорядочное скопление черточек.

И на хараценских и на элимаидских монетах переход выразился сперва в изменении иконографического типа царского портрета, а тип об. с. на тех и на других оставался прежним. Затем появилась арамейская легенда, исчез прежний тип об. с., уступив место новому. После этого цари обоих государств стали изображаться в полусферической тиаре. Очевидно, что при всем своеобразии местных стилей и традиций существовала и определенная общая тенденция развития хараценской и элимаидской монетной иконографии. Зависело ли это сходство в развитии монетного дела от общих причин? Можно ли допустить приблизительную одновременность данного этапа хараценского и элимаидского чекана? Последняя датированная монета хараценской «греческой» серии, тетрадрахма Теонесия IV, была чеканена в 111/112 г. н. э., после чего происходит постепенный переход к «арамейской» серии. Приблизительно к середине второго десятилетия II в. н. э., вероятно, нужно отнести и аналогичные изменения в элимаидской чеканке. Монеты Камнаскира-Орода скорее всего появились после 116 г. н. э.

Менее точно можно определить время прекращения чеканки монет Орода II («I»). Начало чеканки позднейших элимаидских эмиссий, основываясь на портретной иконографии, справедливо относят ко времени Валарша V (191—208 гг. н. э.) [31]. Однако этап бронзовых тетрадрахм, видимо, кончился намного раньше этого времени: существует большая разница между весами драхм Орода II и первого неизвестного царя позднеэлимаидского этапа (см. табл. весов), значительны и иконографические расхождения между этими двумя этапами. После 155/156 г. н. э. завершился выпуск монет хараценских царей [32]. К этому же времени, т. е. приблизительно к середине II в. н. э., можно отнести и прекращение выпуска элимаидских монет рассматриваемого этапа. После Орода II в Элимаиде больше не чеканили бронзовые тетрадрахмы.

Следует остановиться еще на одном вопросе абсолютной хронологии элимаидской истории. Многолетние раскопки в Сузах дали большое количество нумизматического материала селевкидской и парфянской эпох. Глубокое и всестороннее изучение этого материала дало возможность Ж. Ле Ридеру выявить в общих чертах политическую историю и историю денежного обращения города. Ле Ридер, в частности, установил, что Сузы и, следовательно, Сузиана в 140-х годах до н. э. входили в состав Элимаидского царства, так как первые «Камнаскириды» свои монеты чеканили в сузианском монетном дворе [33]. После завоевания этого царства парфянами около 139 г. до н. э. Сузиана была отделена от собственно Элимаиды и просуществовала в качестве парфянской сатрапии до 45 г. н. э. Это наблюдение Ле Ридера основано главным образом на нумизматических данных, которые показывают, что от Митридата I до Вардана I в Сузах осуществлялась чеканка собственно парфянских монет [34]. В это же время Элимаида была отдельным царством под протекторатом Парфии. Ле Ридер привел ряд доводов в пользу того, что элимаидские бронзовые драхмы чеканились в Сузах [35]. Их выпуск начался при «Камнаскире». Ле Ридер считает, что Сузы были завоеваны элимеями после 45 г. н. э., а около 75 г. н. э. там началась чеканка элимаидских драхм, возможно, по случаю провозглашения этого города столицей царства [36]. Даты этих событий не могут считаться достаточно обоснованными и не исключают альтернативного предположения. Если чеканка элимаидских бронзовых драхм действительно производилась только в Сузах и началась при «Камнаскире», то это могло про-

[31] *Le Rider*. Suse..., p. 430; *Augé*. Op. cit., p. 115.
[32] *Le Rider*. Suse..., p. 189, № 444, pl. XXXVII.
[33] Ibid., p. 350—358: *Augé*. Op. cit., p. 53—54.
[34] *Le Rider*. Suse..., p. 237—239, 357, 425—426.
[35] Ibid., p. 427—428.
[36] Ibid., p. 426, 428.

изойти сразу же (или почти сразу) после вхождения Суз в состав Элимаиды, а последнее событие следует датировать не 45 г. н. э., а концом I в. или началом II в. н. э., поскольку царствование «Камнаскира» приходится, вероятно, на это время. Но думается, что вопрос о месте чеканки элимаидских драхм не решен окончательно. Драхмы «Камнаскира» с черточками на об. с. могли чеканиться, так же как тетрадрахмы, на монетном дворе Селевкии-на-Гедифонте [37]. В дальнейшем, начиная с Камнаскира-Орода, драхмы с изображением богини и с легендой (сначала арамейской, затем греческой) и драхмы с изображениями орла и диадемы на об. с. чеканились в Сузах, а драхмы с черточками на об. с. продолжали выпускаться в Селевкии-на-Гедифонте. Тогда присоединение Суз к Элимаиде можно датировать серединой второго десятилетия II в. н. э. Вопрос о месте чеканки элимаидских драхм, конечно, может быть решен более основательно путем тщательного сличения штемпелей л. с. Этой работой еще предстоит заняться исследователям.

Между тем в пользу такой датировки подчинения Суз Элимаиде и начала чеканки элимаидских бронзовых драхм в этом городе говорят данные взаимного количественного соотношения находок парфянских, главным образом бронзовых, монет разных периодов (все исключительно селевкийской чеканки) в Сузах. Рассматривая денежное обращение в Сузах Ле Ридер приходит к выводу, что хотя город и перешел в руки элимеев после 45 г. н. э., его торговые связи с парфянской Селевкией-на-Тигре и Хараценой со второй половины I в. н. э. и вплоть до 107/108—111/112 гг. н. э., так же как и в последние десятилетия I в. до н. э. — первой половине I в. н. э., оставались довольно интенсивными. На это указывает значительное количество единичных находок селевкийских бронзовых монет, хараценских бронзовых тетрадрахм и свинцовых монет I в. н. э. — начала II в. н. э. Но монеты, чеканенные в Селевкии-на-Тигре после 107/108 г. н. э., очень редки в Сузах, а хараценские монеты «арамейской серии» и вовсе отсутствуют [38]. Ле Ридер эти факты объясняет падением торгово-экономической роли Суз начиная со второго десятилетия II в. н. э. Обильная собственная монетная чеканка в Элимаиде, особенно бронзовых драхм, которые чеканились также и в Сузах, не дает основания для такого вывода. Эти факты, на наш взгляд, свидетельствуют о другом, а именно, о выходе Суз из непосредственного экономического и политического подчинения Парфии во втором десятилетии II в. н. э.

Следует обратить внимание еще на одну сторону монетного обращения в Сузах в период между 45 г. н. э., когда прекратилась сузианская парфянская чеканка, и началом выпуска элимаидских бронзовых драхм — это использование хараценских свинцовых монет, чеканенных в течение I в. н. э. [39] Они (весом около 2—3 г) вместе с селевкийскими, возможно, как-то удовлетворяли нужды сузианского рынка в период, когда отсутствовала местная монетная чеканка. К сожалению, остаются не вполне ясными статус города и политическое положение Сузианы в этот промежуток времени. Не свидетельствуют ли эти монеты, предназначенные для обращения на ограниченной территории, и о политическом сближении двух соседних царств или даже о некоторой зависимости Сузианы от Харацены в этот период?

Дион Кассий, рассказывая о продвижении войск Траяна в направлении к столице парфян, замечает, что последние не оказывали серьезного

[37] Находка небольшого количества драхм «Камнаскира» в Сузах не противоречит этому предположению, так же как, скажем, находка большого числа драхм «Камнаскира» в Бард-е Нешанде не может быть доказательством того, что там находился монетный двор для чеканки этого номинала.

[38] *Le Rider*. Suse..., p. 430—431.

[39] Большое количество составляют одиночные находки, а также имеется клад (№ 13), состоящий из нескольких тысяч таких же монет. Они сильно изношены и плохо поддаются определению, но установлено, что все монеты относятся к «греческой серии» (*Le Rider*. Suse..., p. 188—189, 240, 254, pl. XXXVII, *436—443*).

сопротивления римским войскам, потому что их силы были ослаблены внутренними усобицами и восстаниями [40]. Парфянский царь Хосров, потерпев сокрушительное поражение, убежал из столицы Ктесифона. Учитывая это, можно предполагать, что нумизматические материалы, отражающие события второго десятилетия II в. н. э. в Сузиане — Элимаиде, свидетельствуют о переменах более глубоких, чем простой переход власти от одного элимаидского царя к другому. Хотя Дион Кассий не упоминает, какие именно области Парфянского государства были охвачены восстаниями, но, учитывая данные нумизматики, мы вправе полагать, что Сузиана, Элимаида, а также Харацена не остались в стороне от этих событий.

Нумизматические данные, рассмотренные в качестве историко-культурного источника, позволяют также выявить некоторые тенденции культурных и идеологических процессов в Элимаиде и Харацене, протекавших в этот период.

На парфянских драхмах процесс постепенного искажения букв греческого алфавита привел к появлению в I в. н. э. псевдогреческой легенды. Но даже в этих условиях явного «отмирания» греческого языка в областях чеканки и обращения драхм (греческая легенда на тетрадрахмах еще сохраняла свое декларативное значение) парфянская легенда, появившаяся в конце I в. н. э., не вытесняет греческую, а вставляется в ее «схему».

Греческая легенда хараценских и элимаидских монет в этот период деградировала приблизительно таким же образом: на элимаидских — до полного разложения, на хараценских — до превращения букв в бессмысленные знаки. В дальнейшем, однако, пути развития легенд на монетах аршакидской чеканки, с одной стороны, и хараценской и элимаидской — с другой, расходятся. В 110—120-х годах н. э. монеты правителей Харацены и Элимаиды отражают коренные изменения в культуре: происходит типологический переход от так называемых «греческих» серий к «арамейским». При этом надписи на потерявшем свое значение греческом языке заменяются местными вариантами письма на основе арамейского алфавита и иначе располагается легенда на монетах. Изменилась, однако, не только монетная легенда, но и весь облик хараценских и элимаидских монет. Иконографические типы л. с. и об. с., сложившиеся в I в. до н. э. и различным образом испытавшие влияние эллинистических иконографических форм, были заменены. Своеобразие подобного рода преобразований определяется степенью ориентализации этих культур Парфянского государства. Ориентализация как общая тенденция, присущая им, и особенно в этот период (арамейское письмо начинает конкурировать на официальном уровне с греческим уже не только в Парсе, но и в Элимаиде, Харацене и в самой Парфии), сочетающаяся с добровольным или вынужденным следованием общепарфянским нормам (парфянская тиара становится характерным элементом царской иконографии субаршакидских правителей в Парсе, Элимаиде, Харацене), сопровождалась заметным стремлением к культурной независимости и индивидуализации. Монеты, насколько они могут отражать культурно-идеологические процессы [41], показывают, что в Харацене и Элимаиде произошла заметно резкая ломка старых форм. Освобождение от эллинистического влияния, в свое время стимулировавшего подъем этих культур, но уже ставшего фактором, сковывавшим самостоятельное развитие, позволило более ярко проявиться их собственным формам.

Об этом свидетельствуют также и археологические памятники, в частности Элимаиды. Наскальные рельефы Танг- и Сарвака — памятник, отражающий расцвет местной культуры. Его следует относить именно к этому времени, а не ко второй половине II в. н. э. На это указывает ана-

---

[40] *Dio Cass.*, LXVIII, 26.

[41] *Варданян Р. Е.* Культура и идеология Парфянского царства по нумизматическим данным (Проблемы периодизации): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., 1985.

лиз последовательности рельефов, сопоставление их иконографии с царской иконографией на монетах с учетом уточненной последовательности бронзовых эмиссий. Это особая тема, выходящая за рамки настоящей статьи, но пока мы можем утверждать следующее: рельефы, представляющие царя в тиаре — AWc, а также BC, BN — появились позже всех остальных. Тиара служит датирующим признаком, не позволяющим отнести эти рельефы ко времени позднейших элимаидских царей (конец II в. — первая половина III в. н. э.); упомянутые в надписях Абар Баси и Ород — это цари, правившие до Орода I, первого элимаидского царя, изображенного на монетах в тиаре.

Таким образом, назревавшие в течение долгого времени изменения в культуре и идеологии Харацены и Элимаиды в очередной раз проявились в начале II в. н. э. и особенно во время и после римско-парфянской войны 114—116 гг., в условиях ослабления и децентрализации власти в Парфянской державе. Но уже в последние годы царствования Валарша III и особенно при Валарше IV снова заметны признаки усиления парфянского влияния на зависимые владения. Помимо отрывочных сведений письменных источников, свидетельствующих об активизации имперских тенденций в политике Аршакидов, об этом говорят и монеты. Очевидно, не случайно примерно одновременное появление — вслед за монетами Аршакидов — изображения царя в тиаре на монетах различных субаршакидских правителей, в том числе Харацены и Элимаиды.

Сильное проявление ориентализующей тенденции вызвало реакцию. Реставрация греческой легенды на элимаидских драхмах после Орода I и на хараценских бронзовых тетрадрахмах Мередата и Фобы (?), изображение Артемиды на элимаидских драхмах и Геракла на монетах Фобы (?), восстановление иконографического типа портрета «греческой серии» на его же монетах — свидетельства того, что греческая культура, которая с конца II в. до н. э. шаг за шагом отступала перед «возрождающимися» и усиливающимися местными культурными традициями, не была еще полностью побеждена.

Монеты аршакидских царей такой реакции не отражают. Это можно объяснить как неуклонным процессом ослабления проэллинских тенденций в культуре Парфянского государства в целом, так и установившейся со второй половины II в. н. э. сильной центральной властью. В масштабах всего государства проэллинская тенденция, видимо, уже потеряла свое политическое значение, тогда как в «субаршакидских» областях это значение могло сохраняться и — в условиях сильной центральной власти с ярко выраженной тенденцией к ориентализации — приобрести оппозиционный, антиаршакидский оттенок. Центральная власть не осталась равнодушной к проявлениям оппозиционности. Прекращение чеканки хараценских монет после 155/156 г. н. э. свидетельствует о полном подавлении самостоятельности этого царства. По всей вероятности, приблизительно в это же время был положен конец и элимаидской чеканке рассматриваемого этапа.

Р. Е. Варданян

ELYMAEAN COINS: A CHRONOLOGICAL SYSTEMATIZATION OF BRONZE EMISSIONS IN THE SECOND CENTURY A. D.

R. Ye. Vardanyan

Observation of the changes and development of the various components of a coin — iconographic, chronological, technical — unlike the mainly classificatory approach, enabled the author to set out with more precision the sequence of emissions by the Elymaeid kings of bronze tetradrachms and drachmas. The typological connection established by Ch. Augé between the emissions of Orodes I and Kamniskires-Orodes stands firm. How-

ever, after the coins of «Kamniskires» and an unknown king (portrait with long hair — «group D» according to G. F. Hill) should be put, not the coins of Orodes I, but those of Kamniskires-Orodes. With this correction the sequence of minting kings runs thus: Kamniskires-Orodes, Orodes I (II according to Augé), Phraates, Orodes II (I according to Augé). The similarity of typological changes when one passes from the «Greek» to the «Aramaic» series on both the Characenean and the Elymaean coins makes it possible to synchronise them and use them as support points for a more precise dating in the Elymaean absolute chronology: the minting of bronze drachmas, which began with «Kamniskires» can be dated at the end ‹of the 1st› or beginning of the 2nd century A. D., while the joining of Susa with Elymais took place perhaps in the second decade of the 2nd century; the coins of Kamniskires-Orodes appeared after 116 A. D.; the middle of the 2nd century is the approximate limit of the period of Elymaean minting discussed here. The numismatic data, considered as a historico-cultural source, enabled the author to detect traces of the cultural and ideological life in Elymais and Characene in this period.

ПАПИРУСНОЕ «СОДЕРЖАНИЕ» ТРАГЕДИИ «АЛЕКСАНДР» И ЕЕ МЕСТО В ТВОРЧЕСТВЕ ЕВРИПИДА *

Реконструкция содержания трагедии Еврипида «Александр» и определение того места, которое она занимает в его творчестве, представляет значительный интерес по ряду причин. Известно, что «Александр» составлял часть так называемой троянской трилогии Еврипида, показанной в 415 г. в составе «Александра», «Паламеда», «Троянок». Первое место тогда занял драматург Ксенокл, известный нам главным образом по насмешкам комедии, обращенным против него и его отца Каркина [1]. Еще много столетий спустя предпочтение, оказанное афинянами Ксеноклу, вызывало негодующий вопрос Элиана: «Разве не смешно, что Ксенокл победил, а Еврипид, представивший такие драмы, побежден?» (VH, II, 8). Причина этого, с нашей точки зрения, несправедливого приговора афинских судей коренилась, вероятно, в антивоенной направленности трилогии, менее всего созвучной тому воинственному настроению, которое царило в Афинах в преддверии Сицилийской экспедиции. Пацифистский характер «Троянок» — единственной дошедшей до нас трагедии из трилогии 415 г. — не вызывает никаких сомнений. Гораздо труднее ответить на вопрос: может ли распространяться эта характеристика на две предшествующие ей трагедии, были ли они так же полемически заострены против агрессивных планов афинской демократии, как «Троянки»? Составляли ли вообще три упомянутые трагедии трилогию в собственном смысле слова (так, чтобы в каждой следующей пьесе развивалась или трансформировалась идея, заложенная в предыдущих) или были объединены только одной принадлежностью к мифу о Троянской войне [2]? Наконец, всего лишь год отделяет «Александра» от «Ифигении в Тавриде», которую вместе с «Еленой» (412 г.), «Ионом» (411—408 гг.) и отчасти «Электрой» (413 г.) [3] принято объединять в группу

---

* Расширенный текст доклада, прочитанного в семинаре «Новые папирусные находки и новые проблемы античной культуры», действующем при Научном совете АН СССР по истории мировой культуры.

[1] Vesp. 1498—1532 cum sch.; Pac. 781—795 cum sch.; Thesm. 189, 440—443 cum sch.; Ran. 86 cum sch.

[2] Сатировская драма «Сизиф», представленная с указанными трагедиями, могла бы перекликаться с троянской темой только в случае, если как-нибудь касалась происхождения Одиссея, но свидетельств об этом мы не имеем.

[3] См. *Strohm H.* Euripides. Interpretation zur dramatisches Form. Münster, 1957, S. 64—92, 147—155. Существенные доводы против включения в эту группу «Электры» приводит Конэчер (*Conacher D. J.* Euripidean Drama. Myth, Theme and Structure, Toronto, 1967. p. 199 f.).

так называемых трагедий интриги Еврипида. Можно ли при существующем состоянии источников обнаружить предвестие этого жанра в «Александре»? Папирусный фрагмент так называемого гипотесиса (краткого содержания) «Александра», впервые опубликованный в 1974 г. [4], заставляет заново обратиться к указанным здесь вопросам [5].

Содержание Еврипидовой трагедии до опубликования упомянутого выше папируса в основных чертах было известно по данным мифографов. Гигин (Fab. 91, 105) рассказывает, что беременная жена Приама Гекуба, у которой уже было много детей, во сне увидела, что родила пылающий факел, из которого вышло много змей. Когда это сновидение было сообщено толкователям, они повелели убить того, кто родится, чтобы не было гибели отечеству. Родившегося отдали для убийства слугам, которые, пожалев ребенка, подбросили его. Пастухи, найдя младенца, воспитали его как сына и назвали Парисом. Когда он достиг зрелого возраста, прибыли слуги Приама, чтобы взять любимого быка Париса в качестве награды на играх, устроенных в его честь. (Как видно, эти игры Приам учредил в память о подброшенном сыне.) Парис их преследовал и узнал, куда они увели быка. Он вступил в борьбу и победил всех, что вызвало негодование Деифоба, который обнажил против него меч. Парис прибег к защите алтаря. Кассандра узнала в нем брата. Приам принял сына как царевича.

В изложении Аполлодора есть некоторые отличия от версии Гигина. Гекуба, беременная вторым после Гектора ребенком, увидела сон (здесь без всяких змей), что от рожденной ею головни занялся и сгорел весь город. Приам послал за сыном от первой жены Арисбы Эсаком, наделенным способностью толковать сны. Тот объяснил, что новорожденный — гибель для родины, и велел подкинуть его. Приам отдал новорожденного домашнему слуге по имени Агелай, который оставил его в горах. Пять дней ребенка кормила медведица. Обнаружив это, Агелай забрал ребенка к себе и воспитал его как собственного сына, назвав Парисом. Защитив стада овец от пиратов, Парис получил прозвище Александр. Вскоре он нашел своих родителей [6] (III, XII, 5). В соответствии с этими изложениями находилось место для цитат из трагедии, либо сохранившихся в основном у Стобея (фр. 43—59, 62 по Науку), либо ставших известными благодаря папирусному открытию (три больших фрагмента I в. н. э. из Страсбурга, дающие 150 стихов трагедии, относящихся в основном к одной сцене,— Pap. Strasb. 2342—2344 [7]). Дополнительным материалом служат также немногочисленные отрывки из «Александра» Энния и памятники изобразительного искусства, требующие, впрочем, к себе достаточно осторожного отношения, поскольку художники нередко изображали в одной картине все персонажи пьесы, занятые в действительности в разных ее частях [8].

Изданный Колзом гипотесис представляет собой найденный еще в 1905 г. папирусный фрагмент (размер 18 × 31 см) и принадлежит к папирусному свитку (Oxy. 2457) II в. н. э., содержащему также гипотесисы к «Алкести-

---

[4] *Coles R. A.* A New Oxyrhynchus: The Hypothesis of Euripides' Alexander.— Institute of Classical Studies. Bulletin Supplement. L., 1974, № 32. Перепечатан (with modifications in 11.14, 18) в P. Oxy. LII, 1984, № 3650. Hypotheses to Euripides, Alexandros and Andromache.

[5] Вопрос о характере трилогии в целом остается за пределами нашего исследования. По этому вопросу см.: *Koniaris G.* Alexander, Palamedes, Troades, Sisyphus — A Connected Tetralogy? A Connected Trilogy? — HSCPh, 1973, 77, p. 85—112; *Scodel R.* The Troian Trilogy of Euripides. Göttingen, 1980.

[6] Намеки на сновидение Гекубы и на судьбу младенца встречаются неоднократно в греческой литературе. См. *Lefke Ch.* De Euripidis Alexandro. Münster, 1936.

[7] Первое издание: *Crönert W.* Griechische literarische Papyri aus Strasburg.— Nachrichten der K. Gesellschaft der Wiss. zu Göttingen. Philol.-hist. Kl., 1922.

[8] На это справедливо указывает Ф. Жуан (*Jouan F.* Euripide et les légendes des chants cypriens. P., 1966, p. 115), а подробный разбор изображений на этрусских саркофагах, урнах и зеркалах, проведенный Ж. Давро (*Davreux J.* La légende de la prophetesse Cassandre d'après les textes et les monuments. P., 1942), наглядно подтверждает это мнение.

де», «Андромахе» и «Эолу». Жанр гипотесиса возводят к Дикеарху, написавшему сочинение под названием «О мифах, лежащих в основе трагедий Софокла и Еврипида», т. е. первоначально гипотесис — это критическое разыскание источников произведения. Однако наибольшее распространение получили гипотесисы того типа, родоначальником которого считается Аристофан Византийский. Эти гипотесисы строились по фиксированному плану. Начинался гипотесис с очень краткого, нередко в одно предложение, изложения содержания пьесы, затем следовали отсылка к мифу, указание на место действия, состав хора, иногда замечания о декорациях; заканчивался он краткой эстетической оценкой. Дошедшие до нас гипотесисы восходят, вероятно, к другому источнику I в. до н. э. [9], автор которого ограничивался кратким пересказом содержания трагедии по следующей схеме: название, первый стих трагедии, изложение содержания. В последние века античности подобные сухие сборники сюжетов имели, по-видимому, широкое хождение. Доказательством может служить значительное количество дошедших до нас гипотесисов к трагедиям Еврипида. Кроме гипотесисов к 12 из 17 сохранившихся трагедий нам известны в папирусных фрагментах подобные краткие содержания к 18 трагедиям, дошедшим в отрывках. Правда, сохранность их оставляет желать лучшего: лишь от гипотесисов к «Эолу», «Радаманфу», «Тену», «Фаэтону», «Филоктету», «Фриксу», «Скиросцам» дошло некоторое количество (от 5 до 19) целых строк, от остальных же мы имеем лишь отдельные слова [10]. Рассматриваемый гипотесис относится именно к этому типу и ограничивается лишь кратким пересказом трагедии. 32 относительно хорошо сохранившиеся строки гипотесиса к «Александру» Еврипида уцелели на обороте какого-то фискального документа. Утраты не очень существенны в начале гипотесиса, отсутствуют также несколько заключительных строк, которые находились в верхней, не сохранившейся части следующего столбца. Издатель, выполнивший работу очень доброкачественно, столь убедительно прочитал 22 строки текста, что лишил, по мнению В. Люппе [11], ученых возможности обсуждать их. В толковании тех мест текста, где повреждения значительны, издатель весьма осторожен,—давая свой вариант, он не отвергает возможности и другого понимания. В приводимом ниже тексте мы пользуемся как аппаратом editio princeps, так и предложениями, сделанными В. Люппе [12].

---

[9] См. об этом подробнее: RE, B. IX, Sp. 414—425; *Turner E. G.* Euripideen Hypotheses in a New Papyrus.— Proceedings of the IX International Congress of Papyrology. Oslo, 1961, p. 1—17.

[10] Папирусные фрагменты гипотесисов собраны Остином (*Austin C.* Nova Fragmenta Euripidea in papyris reperta. B., 1968). В последние годы исследованием еврипидовских гипотесисов интенсивно занимается В. Люппе (Luppe W.): Zur Reichenfolge der Titel in den Euripides Hypothesis P. Oxy. 2455 (Zur «Hypsipile»- und zur «Phaëton»-Hypothesis).— ZPE, 1983, 52, S. 43—44; Zu einigen kleinen Bruchstücken der Euripides-Hypotheseis P. Oxy. 2455.— ZPE, 1982, 49, S. 15—21; Die Hypothesis zu Euripides Elektra.— Philologus, 1981, 125, Ht. 2, S. 181—187; Die Hypotheseis «Alkestis» und «Aiolos», P. Oxy. 2425.— Philologus, 1982, 126, Ht. 1, S. 10—16; Patricos Keraunos in Phrixos' a des Euripides.— ZPE, 1983, 51, S. 26—28; Die Hypothesis zu Euripides «Hyppolytos».— Philologus, 1983, 127, Ht. 2, S. 155—162; Die Hypothesis zu Euripides «Phaeton» in P. Oxy. 2455.— Ibid., S. 135—142; Zur «Phoinissai» — Hypothesis in P. Oxy. 2455.— Philologus, 1982, 126, Ht. 3, S. 313—315; Der Temenos-Papyrus.— Philologus, 1978, 122, Ht. 1, S. 6—13; Zu drei Tragödien Hypotheseis auf Papyri.— ZPE, 1985, 60, S. 11—20.

[11] *Luppe W.* Die Hypothesis zu Euripides' Alexandros.— Philologus, 1977, 120, S. 12—20. На с. 12 он замечает: «Издатель во многих местах сделал чудо». Ф. Жуан указывает: «После этого труда, детального и прозорливого, кажется напрасным ожидать продвижения вперед и реконструкции „Александра", в отсутствие новых данных» (рец.: *Jouan F.* Coles. The Hypothesis of Euripides' Alexandros. — Gnomon, 1976, 48, p. 810).

[12] Среди известных нам откликов на публикацию Колза (*Bremer E. M.* — Mnemosyne, 1975, 28, p. 308—312; *Cadell E.*— RPh. NS, 1976, 50, p. 123—124; *Hamilton R.*— AJPh, 1976, 97, p. 65—70; *Jouan F.*— Gnomon, 1976, 48, p. 808—810; *Wilson N. G.*— ClR, NS, 1977, 27, p. 105) самым основательным является сделанный В. Люппе, который построчно разбирает приведенный Колзом текст.

[Ἀλέξαν]δρ[ος οὗ ἀρχή·]
+11]καὶ τὸ κλεινὸν [Ἴ]λιον
[ἡ δὲ ὑ]πόθεσις·
Πάριν διά τινας] Ἑκάβης καθ' ὕπνον ὄψεις
5 Πρίαμος νομεῖ ἔδ]ωκεν ἐκθεῖναι βρέφος.
ὁ δ' αὐτὸν ὡς ἴδιο]ν ἐξεθρεψεν υἱὸν Ἀλέ —
ξανδρο[ν Π]άριν προσαγορεύσας. Ἑκά —
βη δὲ τὴ[ν ἡ] μέραν ἐκείνην πενθοῦ —
σα ἅμα κ[αὶ] τιμῆς ἀξιοῦσα κατωδύ —
10 ρατο μὲν [τὸ]ν ἐκτεθέντα, Πρίαμον [δ(ὲ) ἔ —
πε[ι]σε [παντ]ελεῖς ἀγῶνας ἐπ' α[ὐ]τῶ⟨ι⟩ κα —
ταστήσ[ασ]θα[ι] διελθόντ[ων δὲ ἐτῶ]ν εἴ —
κοσι ὁ μὲν παῖς ἔδοξε [ἀμείνων τ]ὴν
φύσιν εἶναι βουκόλω[ι γεννηθέ]ντος,
15 οἱ δὲ ἄλλοι νομεῖς διὰ τὴν ὑπερήφανον
συμβίωσιν δήσαντες ἐπ[ὶ] Πρίαμον ἀνήγα —
γον αὐτόν. ἀπ[ολο]γηθεὶς [δ]ὲ ἐπὶ τοῦ δυνά —
στο[υ] τ[ι]μωρ[ίαν]π[α]ρεῖτο καὶ τοὺς δι —
αβάλλοντας ἑκάστ[ο]υς ἔλαβε καὶ τῶν
20 ἐπ'αὐτῶι τελ[ο]υμένν[ων]ἀγώνων εἰάθη
μετασχεῖν. δρόμον δὲ καὶ πένταθλον
ἔτι δὲ πὺξ ἐνίκησε, ἐφ' ὧ[ι ἀ]πεθηρίωσε
τοὺς περὶ Δηίφοβον. οἵτινες ἡττῆσθαι δια —
λαβ[ό]ντες ὑπὸ δούλου κατηξίωσαν τὴν
25 Ἑκάβην ὅπως ἂν αὐτὸν ἀποκτείνη⟨ι⟩. πα —
ραγενηθέντα δὲ τὸν Ἀλέξανδρον
Κασ[σάν]δρ[α] μὲν ἐμμανὴς ἐπέγνω
καὶ π[ερὶ τῶ]ν μελλόντων ἐθέπισεν,
Ἑκάβη [δὲ ἀπο]κτεῖναι θέλουσα διεκω —
30 λύθη. π[α]ρα[γενό]μενος δ' ὁ θρέφας αὐτὸν
διὰ τὸν κίνδυνον ἠναγκάσθη λέγειν τὴν
ἀλήθειαν. Ἑκάβη μὲν οὖν υἱὸν ἀνεῦρε

4 [Πρίαμος μέν] C;[Πάριν διά τινας] L. post C.
5 [ἰδούσης ἔδ] ωκεν C;[Πρίαμος νομεῖ ἔδ] ωκεν L.
6 [ὁ δὲ βουκόλος (νομεὺς) αὐτὸ]ν, [ὁ βουκόλοσ δ'αὐτὸν (νομεὺς δ') C.; ὁ δ' αὐτὸν ὡς ἴδιο]ν L.
11 [παντ]ελεῖς, [διατ]ελεῖς C; πο[λυτ] ελεῖς L.
1/3 [εὐγενὴς τ]ὴν. [ἀμείνων τ]ὴν C.; [κρείττων τ]ὴν L.
14 βουκόλο[υ τοῦ θρέφα]ντος, βουκόλο[υ τοῦ τρέφο]ντος C.; βουκόλω[ι γεννεθέ]ντος L.
17 ἐπερωτηθεὶς [δ]ὲ C.; ἀπ[ολο] γηθεὶς δ[ὲ] L.
18 [ῥαδίως ἐδημηγορ]εῖτο C.; τ[ι]μωρ[ίαν] π[α]ρεῖτο L.
21 δρόμον C.; παμμ[α[χὶ L.
22 ἡττήντο C.; ἐνίκησε L.

Как видно из аппарата, при некотором несогласии в предлагаемых дополнениях существенных различий в понимании стихов 4—10 между Колзом и Люппе нет.

В стк. 11 встает вопрос о характере учрежденных Приамом игр — были они задуманы как однократные для проведения их как раз в тот год, когда Парис узнал о них, или Приам рассчитывал периодически повторять их? Колз склонен считать их периодическими, Люппе — однократными.

Стк. 14. Изменение βουκόλου на βουκόλωι, сделанное Люппе, представляется обоснованным, поскольку вместо «лучше родившего его пастуха», по чтению Колза, дает более общее и более подходящее к данной ситуации «лучше рожденного от пастуха», т. е. лучшего среди своих братьев по происхождению.

Наиболее трудны для реконструкции строки 17—22. Некоторые слова читаются плохо, в других случаях возможны различные прочтения. В стк. 17 Люппе предложил ἀπολογηθείς, так как ему кажется более подходящей ситуация «защита перед царем», чем «допрос царя» (в последнем случае к тому же ожидался бы предлог ὑπο), важно также то, что ἀπολογηθείς содержит одновременно результат допроса и влечет события дальше. Этот глагол встречается также в гипотесисе к «Ресу» τοῦ δὲ Ἕκτορος ἀπολογουμένου. Пассивная форма аориста в активном и медиальном значении встречается неоднократно у Антифонта и Полибия. Эти доводы Люппе представляются вполне убедительными, тем более что и Колз, чувствуя необходимость иметь в данной ситуации этот глагол, сожалеет, что нельзя предположить его в стк. 18 из-за гаммы. Люппе в 18 стк. постулирует τιμωρίαν παρεῖτο, исходя из остатков глагола и содержания, поскольку раб мог мстить только с одобрения господина, и, следовательно, здесь подходит глагол παρίεμι в аористе, т. е. он «выпросил себе удовлетворения». Τιμωρία часто употребляется в гипотесисах к пьесам Еврипида: «Оресту», «Вакханкам», «Медее». Трудность представляет понимание ἑκάστους. Речь идет, по-видимому, о пробе сил, борьбе с каждым из пастухов, после чего Парис и был допущен к участию в играх.

Текст 22-й стк. испорчен настолько, что предположения Колза являются лишь поисками ясности. Очевидно лишь, что здесь должен быть глагол, обозначающий победу.

Перевод

«„Александр“, начало которого... и славный Илион. Содержание: из-за сновидений Гекубы Приам отдал Париса (как только он родился) пастуху, чтобы тот бросил ребенка. Он же воспитал его как собственного сына, назвав Парисом-Александром. Гекуба же, печалясь о том дне, оплакивала брошенного и, считая достойным почитания, убедила Приама учредить в его честь полные игры. К тому времени прошло 20 лет, и юноша оказался по природе доблестнее, чем мог быть рожденный пастухом. Остальные же пастухи из-за его высокомерного отношения к ним, связав, привели его к Приаму. Оправдавшись перед господином, он выпросил удовлетворения, одолел каждого из порицавших его и получил дозволение принять участие в играх, устроенных в его честь. Он победил в беге, пентатлоне и кулачном бою, чем привел в ярость людей Деифоба. Они, решив, что побеждены рабом, убедили Гекубу попытаться убить его. Кассандра в припадке безумия узнала появившегося Александра и пророчествовала о будущем. Гекуба же, желая убить (его), встретила препятствие. Вырастивший его (пастух), появившись, вынужден был из-за опасности сказать правду. Итак, Гекуба вновь нашла сына...».

Таким образом, при сравнении гипотесиса с изложенным у Гигина и Аполлодора становится ясно, что Аполлодор излагает события, в основном предшествующие по времени отраженным в трагедии. Гигин же рассказывает о тех же событиях, что и трагедия, но с некоторыми отличиями. Прежде всего это касается появления Париса перед дворцом Приама, которое Гигин объясняет стремлением Париса спасти своего любимого быка, а гипотесис — желанием пастухов наказать Париса за его высокомерное к ним отношение. Судя по изложению гипотесиса, центральная роль в покушении на Париса принадлежала Гекубе, а не Деифобу. Узнавание Париса, согласно Гигину, происходило через Кассандру [13], гипотесис же совершенно определенно говорит о пастухе, принужденном опасностью, грозящей его приемному сыну, сказать правду. Известно, что гипотесисы, как правило, дают схему развития действия. Однако делать выводы о строении трагедии только на основании гипотесисов рискованно, поскольку в них, по мнению некоторых ученых [14], пересказывается не сама драма, а миф, поэтому они не всегда надежно воспроизводят ход событий в драме.

[13] В гипотесисе Кассандра также узнала в Парисе брата, но ей не поверили.
[14] См. об этом *Hamilton*. Op. cit.; *Scodel*. Op. cit., p. 20 ff.

Вместе с тем гипотесис к «Александру» отвечает на некоторые вопросы, связанные с содержанием и построением трагедии: *1*) подтверждает наличие хора пастухов в трагедии [15], который не находился постоянно на сцене как основной, а участвовал в одном или нескольких эпизодах, подобно хору охотников в «Ипполите»; *2*) указывает на то, что речевой агон между Деифобом и Парисом предшествовал играм; *3*) помогает локализовать несколько фрагментов Страсбургского папируса (fr. 23 и 43 Sn); *4*) относит к концу трагедии сцену пророчества Кассандры; *5*) Гекубу, а не Деифоба изображает главным действующим лицом в покушении на убийство; *6*) указывает на участие в действии приемного отца Париса, хотя вопрос о его имени и остается без ответа, как и то, был ли он тем человеком, которому поручили бросить ребенка; узнавание происходило через него; *7*) deus ex machina в сцене узнавания роли не играл, но отсутствие последних строк гипотесиса не исключает его появления в конце пьесы, тем более что в дошедших до нас памятниках изобразительного искусства присутствует божество (Афродита?), удерживающее женский персонаж от убийства. Наряду с этим остаются вопросы, на которые и после открытия папирусного гипотесиса мы не получили ответа: *1*) кто произносил пролог; *2*) из кого состоял основной хор; *3*) как локализовать некоторые фрагменты, ранее известные по Науку; *4*) как относится по времени суд Париса к событиям, изображенным в пьесе; *5*) как соотносятся отрывки из одноименной трагедии Энния и текст трагедии Еврипида. Несмотря на то, что некоторые моменты и сейчас остаются неясными, открытие гипотесиса позволяет во многом более уверенно реконструировать трагедию Еврипида. В свете имеющихся в настоящее время в наших руках данных известные нам фрагменты могут быть распределены, скорее всего, следующим образом (нумерация дается по изданию Снелля [16]): фрагменты 1, 2, 17 — из пролога; 3 — 16, 13 (?) — из следующей за прологом сцены Гекубы и основного хора трагедии; 16, 27—39, 62, 63 (?), 24 — из сцены, предшествующей агону, и самого агона; 18—22, 42, 59, 65 (?) относятся к беседе Гекубы с вестником; 23, 25, 26, 43 — из сцены Деифоба, Гектора и Гекубы; 44, 66—68 — из сцены покушения на убийство; 7—12, 14, 15, 45 — из пророчества Кассандры; фр. 46—52 слишком малы, чтобы можно было определить их место в тексте.

Таким образом, можно предположить, что действие в трагедии развивалось следующим образом [17]. События развертываются перед дворцом Приама, рядом с алтарем Зевса. Действующие лица: Александр, вестник, Гектор, Гекуба, Деифоб, Кассандра, Приам, старый пастух, два хора. Основной хор — либо старцы, либо женщины. В пользу второго предположения говорит то, что в других трагедиях интриги хор состоит из женщин. В пользу второго — обращенная к хору реплика Гекубы: «Так сказать может кто-то из чужих, родившая (τεκουσα) не говорит такого». Второй хор — пастухи. Прологист пока еще остается неизвестным. На этот счет есть несколько предположений: Кассандра, божество (Афродита или Аполлон), Гекуба [18]. Наиболее убедительным представляется мнение Р. Скудель, не видящей необходимости в появлении божества, поскольку есть земной персонаж, который все знает и может ввести зрителей в курс дела,— старый пастух. За монологом этого персонажа следовала сцена, в которой хор успокаивал Гекубу, горюющую об участи сына. Сцена пред-

[15] О существовании в этой трагедии хора пастухов в дополнение к основному было известно из схолия к «Ипполиту» (58). Из этого же схолия мы знаем о существовании двух хоров в «Антиопе».

[16] *Snell B.* Euripides Alexandros.— Hermes, Einzelschrifften, 1937, 5.

[17] Свое мнение о развитии действия в трагедии высказывали практически все писавшие о ней, особенно подробно: *Hanson J. O.* Reconstruction of Euripides' Alexandros.— Hermes, 1964, 92, S. 171—181; *Jouan.* Euripide...; *Lefke.* Op. cit.; *Koniaris.* Op. cit.; *Scodel.* Op cit.; *Snell.* Op. cit.; *Stinton T.* Euripides and the Judgement of Paris.— Society for the Promotion of Hellenic Studies. Suppl. Paper 11, 1965.

[18] Подробнее об этом см. *Scodel.* Op. cit., p. 22—25.

ставляется особенно уместной, если хор состоял из женщин. На короткое время появлялась идущая к алтарю Зевса Кассандра, которая, может быть, пыталась пророчествовать, но ее прерывали. Затем появлялся вспомогательный хор и следовал агон, природа которого у Еврипида требует пары долгих формальных речей. Антагонистами, по-видимому, в присутствии Приама выступали Александр и Деифоб. Последний убежден, что рабы рождены, чтобы общаться только с себе подобными, и никогда не могут встать вровень со свободными. Его оппонент с этим не согласен. Агон заканчивался разрешением Приама Александру принять участие в играх. Возможно, хоры еще продолжали спор. Появлялся вестник с сообщением о победе Александра в состязаниях, с ним вступала в разговор Гекуба. Приходил Гектор с Деифобом, возмущенным тем. что раб одержал над ними победу. Гектор пытался его успокоить, но безуспешно. Деифоб с Гекубой замышляли убить Париса [19]. Как происходила сцена узнавания, не очень ясно. Гекуба нападала на Александра, вдруг почему-то здесь оказавшегося. Кассандра ее удерживала. Тут приходил старый пастух — почему, неизвестно [20] — и все объяснял. Теперь Кассандра, зная о роли Александра в судьбе Трои, нападала на него, но вынуждена была подчиниться Афродите (?), удерживающей ее от этого. Основанием для восстановления подобной сцены служат изображения на этрусских урнах и зеркалах.

Таким образом, несмотря на некоторые неясности, очевидно, что элемент интриги играл в «Александре» значительную роль, как, впрочем, и во многих других драмах Еврипида, не входящих в группу трагедий интриги (например, план мести и его осуществление в «Медее»). Мы будем говорить далее, однако, только о таких трагедиях, где интрига составляет основу сюжета. К перечисленным выше «Ифигении в Тавриде», «Иону», «Елене», содержание которых достаточно известно, мы добавим еще «Кресфонта», поставленного до 424 г. Изложение мифа у Аполлодора (II, 8, 5) и Гигина (Fab. 137, 184), равно как и незначительные сохранившиеся отрывки (фр. 449—459), дают возможность восстановить в основных чертах содержание и этой трагедии Еврипида. Полифонт убил царя Мессении Кресфонта и завладел его царством и женой Меропой. Меропа успела отправить младшего сына (тоже Кресфонта [21]) в Эолию. Когда тот возмужал и принял решение отомстить за отца и братьев, то пришел к царю, требуя награды, как будто бы он убил сына Меропы и Кресфонта. Меропа, поверив в это, пыталась убить его во время сна, однако старик, бывший вестником-посредником между Меропой и сыном, появившись, узнавал в спящем сына Меропы и тем самым удерживал ее от убийства. Затем Меропа с сыном убивали Полифонта.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу перечисленных трагедий, следует выяснить, что понимается в современном литературоведении под «интригой». «Краткая литературная энциклопедия» определяет интригу как «сложный и напряженный узел событий. Интрига возникает тогда, когда остро сталкиваются интересы ряда персонажей и они ведут продуманную, упорную, нередко тайную борьбу» (т. 3, с. 155). Такое определение не дает возможности отличить трагедию интриги от любой другой, поскольку почти в каждой трагедии существует сложный и напряженный

[19] Современному зрителю может показаться недостаточно обоснованным согласие Гекубы на предложение Деифоба убить незнакомого ей молодого человека только за то, что он победил в честном бою ее сыновей. Однако никаких определенных указаний на другие причины, побудившие Гекубу к этим действиям, ни в дошедших до нас фрагментах трагедии, ни в гипотесисе мы не имеем. Интересные предположения делает на этот счет Скудель (op. cit., p. 33—34). Д. Ковач считает, что Гекуба и Деифоб добивались от Приама осуждения Париса. Агон представляется ему как защита Александра от Деифоба и Гекубы (*Covace D.* On the Alexandros of Euripides.— HSCPh, 1984, 88, p. 55 f.).

[20] Скудель допускает два объяснения его появления: *1*) он услышал крики Париса и прибежал на помощь, *2*) может быть, за ним посылал Приам, начавший догадываться, кто скрывается под видом победившего пастуха (op. cit., p. 17).

[21] У Аполлодора его имя — Эпит.

узел событий, сталкиваются интересы ряда персонажей и они ведут между собой борьбу. Ученые, касающиеся проблемы интриги на античном материале [22], выделяют некоторые черты, присущие, на их взгляд, пьесам интриги. Интрига предполагает наличие осознанной цели, плана для ее достижения, преодоление возникающих препятствий. Должен быть также повод, толчок к интриге. В какой мере и в каком соотношении находятся эти элементы интриги в интересующих нас трагедиях Еврипида?

Прежде всего — ни в одной из них (кроме, может быть, «Кресфонта») интрига не является первотолчком к развитию действия. В «Елене» и «Ифигении в Тавриде» ее возникновению предшествует добрая треть пьесы, где изображается как раз безвыходное положение или одиночество персонажей, которые потом будут носителями интриги. Ифигения тоскует по дому и родным, Орест и Пилад находятся в плену и ждут смерти. Елена отвергает притязания Феоклимена и оплакивает свое одиночество, которое еще больше усиливается, когда Менелай отказывается ее признать. Толчок к возникновению интриги приходит извне — письмо Ифигении, исчезновение мнимой Елены. При этом интрига направлена не против кого-то, а на спасение самих себя. Несколько иначе в «Ионе», хотя и здесь у Креусы и Ксуфа нет поначалу никаких намерений обманывать кого-либо. Герои появляются с желанием узнать истину, и, только овладев этой мнимой истиной, они оказываются в разных лагерях, что приводит Креусу к поискам способов избавления от нежелательного ей приемного сына [23]. Что касается «Александра», то и здесь интрига появляется уже во второй половине трагедии, когда Гекуба и Деифоб замышляют мстить Александру за мнимое оскорбление дома Приама.

Цель интриги в трагедиях, как можно заметить, различна: в «Ифигении в Тавриде» и «Елене» герои стремятся вернуться на родину, в остальных трагедиях готовят убийство врага, истинного или мнимого. Причем в «Кресфонте», единственной трагедии, где одно из убийств осуществится, причиной и поводом к интриге является требующее отмщения преступление — также единственный случай в рассматриваемых трагедиях, совершенное еще до начала трагедии. В «Александре» или «Ионе» повод — невольное и мнимое оскорбление героем дома Гекубы или Креусы. В трагедиях, где цель интриги — возвращение героев на родину, побудительным мотивом служит распознавание героями истинного положения вещей и узнавание ими друг друга. Менелай и Елена узнают друг друга и понимают, что война велась всего лишь за призрак Елены. Ифигения узнает, что брат Орест жив, а Орест признает некогда погибшую сестру в жрице, собирающейся принести его в жертву.

Для достижения цели герои разрабатывают план действий, о существовании которого мы не знаем лишь относительно «Александра». План разрабатывается не в одиночестве, как это делает Медея, совместно с «сообщниками». Только Меропа в «Кресфонте» задумывает и пытается осуществить месть мнимому убийце сына одна, хотя не исключено, что слуга, в конце концов удержавший ее от убийства, первоначально должен был помочь Меропе в осуществлении ее планов.

---

[22] *Фрейденберг О. М.* Происхождение литературной интриги.— Труды по знаковым системам VI. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1973, вып. 308, с. 497—512; *Ярхо В. Н.* О трагедиях интриги Еврипида.— ВДИ, 1979, № 2, с. 218 сл.; *Conacher.* Op. cit.; *Howald E.* Untersuchungen zur Technik der Euripideischen Tragödien. Lpz, 1914; *Jäkel S.* Wahrheit und Trug in den Dramen des Euripides.— Arctos, 1977, XI, S. 15—40; *Matthissen K.* Elektra, Taurische Iphigenie und Helena. Göttingen, 1964; *Strohm.* Euripides...; *idem.* Trug und Tauschung in der Euripideischen Dramatik.— Würzburger für Altertumswissenschaft, 1949/50, 4, S. 140—156; *Webster T. B. L.* The Tragedies of Euripides. L., 1967.

[23] Следует отметить, что в этих трагедиях не идет речи о мести. Осознанное желание мстить с самого начала должно было присутствовать у Кресфонта, что само по себе еще не тождественно интриге, важно было бы знать, как он предполагал ее осуществить.

Препятствия, возникающие на пути к цели, преодолеваются с помощью хитрости, обмана. В «Елене» и «Ифигении в Тавриде» предполагается осуществить обряд очищения, в «Кресфонте» Меропа якобы примиряется с Полифонтом, в «Ионе» Креуса, не решаясь открыто убить Иона, склоняется к предложению старика-наставника отравить его на пиру. О применении хитрости в «Александре» нам ничего не известно, однако мы можем предположить, что Гекуба и Деифоб прибегают к ней, чтобы заманить Париса в ловушку и расправиться с ним. Такое предположение могло бы служить одним из объяснений вторичного появления Париса перед дворцом Приама уже после победы в играх. Применение героем хитрости для достижения своих личных целей является нововведением Еврипида. На это можно возразить, что и Клитеместра у Эсхила скрывает от Агамемнона свою истинную цель; следует, однако, помнить, что Клитеместра не относится к числу героинь, вызывающих сочувствие зрителя, в трагедиях же последнего из триады великих греческих трагиков обман, хитрость становятся оружием в руках героев, на стороне которых симпатии зрителей.

Итак, интрига, несомненно, является неотъемлемой частью трагедий интриги, однако само присутствие в пьесе этого компонента еще не дает оснований отнести ее к данному жанру, так как интригу можно обнаружить в совершенно различных трагедиях. Следовательно, нужно выделить какие-то элементы, которые свойственны только трагедиям этой группы или используются в них по-особенному.

Прежде всего укажем как на существеннейшую черту трагедий интриги на недоразумение, предшествующее интриге. Герои введены в заблуждение, причем не злой волей человека [24]: Ифигения — сном, Орест — жертвоприношением в Авлиде, Менелай — существованием призрака Елены, Гекуба — событиями двадцатилетней давности, Ион, Креуса и Ксуф — оракулом. Недоразумение выражается в том, что один персонаж принимают за другой: Париса-царевича за Париса-пастуха, Иона, сына Креусы и Аполлона, за Иона, сына Ксуфа, Елену за ее призрак и наоборот [25]. В «Александре» и в «Ионе» такая двойственность — причина развертывающихся событий; в «Кресфонте», «Ифигении в Тавриде» и «Елене» эта двойственность — еще и элемент хитрости героев. Правда, лишь в «Елене», где Менелай представлен Феоклимену как вестник гибели Менелая, это выдумка самих героев; в «Кресфонте» и в «Ифигении в Тавриде» герои, сами сначала не знавшие истинного положения вещей, узнав правду друг о друге, оставляют в неведении другие персонажи.

Переход от незнания к знанию, сцена узнавания есть в каждой трагедии, однако место и роль этой сцены в трагедиях различны и само узнавание происходит по-разному [26]. В «Александре» и «Кресфонте» героя опознает старик (связной между Меропой и сыном, воспитавший Александра пастух). Ифигения случайно, оглашая перед Пиладом свое послание Оресту, выясняет, что она обрекает на заклание брата. Елена и Менелай, Ион и Креуса признают друг друга, в конечном счете, с помощью богов. В критический момент, когда Менелай уже готов покинуть подлинную Елену, не признавая ее, приходит один из его спутников с вестью об исчезновении призрака Елены. Когда Ион собирается убить свою мать, из храма выходит Пифия с корзиной, в которой хранились вещи младенца Иона, по ним и происходит опознание. По роли и месту сцены узнавания трагедии можно разделить на две группы. В «Ифигении в Тавриде» и «Елене» опо-

---

[24] Исключением является Меропа, введенная в заблуждение собственным сыном, выдающим себя за убийцу Кресфонта.

[25] Лишь в этой трагедии двойники существуют реально, каждый имеет свое прошлое. Тевкр даже желает (Ел. 158—163) им разной судьбы: призраку, принимаемому за подлинную Елену,— погибнуть, а Елене, по его мнению, похожей на ненавистную губительницу Трои и эллинов внешним видом, но отличающейся от той душою,— вечного благополучия.

[26] Об особенностях изображения сцены узнавания в древнегреческой литературе см. *Matthissen*. Op. cit., S. 108—134.

знание дает толчок к осуществлению интриги,— узнав друг друга, Ифигения и Орест замышляют и осуществляют побег, Елена и Менелай спасаются от Феоклимена. В «Александре» узнавание есть неожиданный результат интриги, целью которой было убийство матерью неузнанного сына. Из-за скудности данных трудно судить о роли узнавания в «Кресфонте». Мы точно знаем, что, узнав сына, Меропа разрабатывает план мести Полифонту, т. е., как и в «Ифигении в Тавриде» и «Елене», опознание побуждает героев к активным действиям. Однако в «Кресфонте» мы можем предположить наличие интриги и до сцены узнавания: Меропа, веря, что пришедший юноша действительно убил ее сына, пытается убить его самого во время сна. Очевидно, эта интрига была не столь разработана, как вторая [27]. Следует отметить, что в «Ионе», где есть две сцены узнавания, как бы объединены обе схемы таких трагедий. Признание Ксуфом в молодом храмовом прислужнике сына служит поводом к интриге — Креуса, думая, что ей предстоит иметь в доме пасынка, оставаясь бездетной, решается убить Иона. Обретение (признание) Креусой сына в Ионе — концом этой интриги.

Сцены узнавания встречаются в других пьесах драматурга, да и у его предшественников, однако роль этой сцены в трагедиях весьма различна. У Эсхила и Софокла, как и в «Электре» самого Еврипида, эта сцена в главном ничего не меняет — Орест пришел мстить матери и сделает это. В трагедиях интриги Еврипида сцена узнавания одна из важнейших, она либо толкает героев к активным действиям, либо является неожиданным результатом их действий. Лишь Кресфонт в одноименной трагедии пришел с осознанным намерением убить Полифонта, и то, что мать его, наконец, узнала, этого намерения не меняет, а облегчает осуществление задуманного, так же, как и опознание Электрой Ореста. В остальных же случаях дело обстоит иначе: Елена, Ифигения, да и Меропа (в случае с Полифонтом) не предприняли бы своих действий, если бы не обрели вновь мужа, брата, сына. Следует иметь в виду, что узнавание всегда приводит героев к счастью, это касается даже Ксуфа, обманутого богом, но счастливо не ведающего об этом обмане.

В трех из пяти рассматриваемых трагедий указанная путаница, т. е. мнимая, а не объективная причина, вызывает цепь событий. В «Кресфонте» появление мнимого убийцы сына возбуждает стремление Меропы убить его, отсюда и все дальнейшие события. В «Александре» Парис принимает участие в играх, одерживает победу, но не сам этот факт побуждает Гекубу и Деифоба убить его, а то, что победу, как им представляется, одержал пастух. В «Ионе» Креуса покушается на жизнь неузнанного сына, поскольку как будто бы выясняется, что Ион — сын Ксуфа. Эти мнимые причины приводят к вполне реальным следствиям, к коренным изменениям в судьбах героев. Здесь переход от кажущегося к реальному, от незнания к знанию совершается уже после всех событий, как их результат, хотя никто не ставил себе задачу выяснения истины, как, например, Эдип. В «Ифигении в Тавриде» и «Елене», где цель интриги для героев — возвращение на родину, переход от мнимого к реальному, от незнания к знанию совершается до главных событий, являясь как бы сейчас возникшей причиной и поводом к дальнейшей цепи поступков. Герои даже пользуются этим своим теперешним знанием как орудием в борьбе с противниками, опираясь на незнание теми истинного положения дел.

Исход этих событий, даже если и не всегда является той целью, достижения которой добивались герои, однако всегда счастливый для них. И это благополучное завершение трагедии объединяет все трагедии интриги и противопоставляет их тем пьесам, которые, несмотря на присутствие в них интриги, отнести к этому типу трагедий нельзя. Цель, поставленная

[27] В этой трагедии можно было бы предположить три взаимопереплетающиеся интриги: сын является неузнанным мстить за отца; мать, желая отомстить за сына, покушается на его жизнь; мать и сын мстят за смерть отца и мужа.

перед собой Медеей, достигнута, но о каком счастливом конце можно здесь говорить? Интрига Федры в главном не достигла цели — ее тайна стала известна Тесею.

С благополучным концом тесно связана и еще одна особенность трагедий интриги, а именно: преображение героев из несчастливого в счастливца, чего никак нельзя сказать о носителях интриги в других трагедиях (Медея, Гекуба в одноименной трагедии). В этом преображении нередко есть нечто сказочное. Менелай из жалкого нищего превращается в храбреца, вызволяющего прекрасную царевну из плена. Парис — из бедного пастуха в царевича. Ион — из бездомного и безродного храмового прислужника в царевича. Кресфонт — из изгнанника в триумфатора и, в конечном счете, в царя. Такому преображению в значительной степени способствует случай, вмешивающийся в ход действия в те моменты, когда решается судьба героев. Когда Меропа пытается убить сына, то случайно появляется старик и предотвращает убийство. Пастух, воспитавший Париса, случайно придя, останавливает покушающуюся на жизнь сына Гекубу. Ифигения также случайно узнает в одном из чужестранцев брата.

Существенное отличие трагедий рассматриваемой группы в том, что зрительское внимание концентрируется на перипетиях сюжета, зрителя волнует, удастся или нет героям осуществить свой замысел. Нравственные вопросы, если и затрагиваются в трагедиях, ни в коей мере не являются их центром. В главном все уже определено: Феоклимен в своих притязаниях не прав, Фоант, требующий принесения в жертву чужестранцев,— тоже. Зритель понимает, что в «Александре», «Ионе» и «Кресфонте» мать, как только узнает сына, откажется от покушения, поскольку объективной причины убивать его у нее нет, кроме Гекубы, которая могла бы быть поставлена перед дилеммой — спасать сына или отечество, однако в данной трагедии поэта эта проблема не интересует. И зритель, подчиняясь драматургу, внимательно следит за тем, как и когда мать и сын узнают друг друга, чему, как уже указывалось, нередко способствует случай, кажущийся владыкой мира. На вопросы — за что страдает Гекуба, потерявшая младшего сына, за какие прегрешения расплачиваются Елена и Ифигения, оторванные на долгие годы от дома и родины, за что младенец Ион обречен расти без матери — герой эпоса ответил бы однозначно: такова воля богов. Герой рассматриваемых трагедий увидит в этом скорее игру случая, τύχη. Употребление самого этого слова Еврипидом красноречиво говорит об изменении в миропонимании персонажа трагедии интриги сравнительно с героем эпоса. В поэмах Гомера это слово вообще не засвидетельствовано. У Еврипида же только в рассматриваемых трагедиях оно встречается более 50 раз, из них в 14 (*Ел.* 412, 1143, 1195, 1374, 1636; *Ион* 368, 591, 1514, *И. Т.* 501, 511, 867, 909, 1209) обозначает нечто, с точки зрения людей, противоположное предопределенному. В «Елене» такое противопоставление дано в одном стихе (ἔδωκεν τύχη, τὸ δὲ χρεὼν ἀφείλετο — ст. 1636). Дважды при этом τύχη характеризуется как ἀνέλπιστος (*Ел.* 412, 1143). В трагедиях интриги нашла, таким образом, отражение эпоха начавшегося кризиса полиса, эпоха ломки экономических, политических и религиозных его устоев, время, когда люди теряют веру в то, что мир разумно устроен и подчиняется неким богами установленным законам. Поэтому даже персонажи, которым известна от богов их дальнейшая судьба, не очень этому божественному предопределению верят. Орест, получивший от бога предписание привести в Афины кумир богини, в критическую минуту негодует на бога, решив, что тот его предал. Елена еще в прологе сообщает со слов Гермеса о своем будущем возвращении в Спарту и о восстановлении своего доброго имени, однако затем как бы «забывает» об этом и ведет себя на протяжении всей трагедии так, как если бы ей ничего не было известно о благополучном исходе событий. От такого неверия в разумность миропорядка и исполнение предначертанного богами проистекает

стремление героев прежде всего устроить свое личное благополучие. Остался как будто бы шаг до отрицания божественного промысла и вмешательства богов в судьбы людей. Однако поэт этого шага не делает. Наоборот, он старается сохранить хотя бы видимость разумности мира, указывая на решающую роль богов в важные моменты жизни героев. Появившись в финале «Ифигении в Тавриде», Афина спасает героев, остановив спешащего в погоню царя Фоанта, которому удалось бы догнать беглецов, так как ветер и волны относили их корабль обратно к берегам Тавриды. В «Елене» вмешательство богов также существенно меняет ход событий, поскольку, уничтожив некогда созданный ими же призрак, боги заставляют Менелая поверить, что пред ним настоящая Елена. Появление Диоскуров в конце трагедии на судьбы главных героев не влияет, но спасает Феоною от гнева брата, как бы вознаграждая ее за благочестивый поступок. В «Ионе» Гермес с самого начала объявляет ход событий, которые и осуществляются; отклонение от предписанного имеет место только в одной детали — бог предсказал, что Креуса признает Иона в Афинах, в действительности все совершается в Дельфах. Вмешательство бога в лице Пифии происходит в момент, когда, казалось, Креусе уже не избежать смерти от руки сына. И Ион спасся от смерти, по-видимому, не случайно, поскольку усмотрел в словах одного из рабов дурное предзнаменование и выплеснул отравленное питье. Так что в какой-то степени прав Штром, увидевший в этой трагедии две интриги — царицы и бога [28]. Существенным моментом является также следующее: героев часто побуждает к попытке убийства ложная причина, однако действия, вызванные такой причиной, не достигают цели. Отсюда можно заключить, что случайность происходящего — кажущаяся и действия людей приводят к цели лишь в том случае, если эта цель соответствует предначертаниям богов [29].

Рассмотрев отдельные черты, характерные для трагедии интриги, попытаемся определить место среди них «Александра». Эти пьесы появились на сцене в годы: «Кресфонт» — до 424, «Александр» — в 415, «Ифигения в Тавриде» — в 414, «Елена» — в 412, «Ион» — в 411—408. Следовательно, ряд трагедий интриги открывается «Кресфонтом». Действительно, эта трагедия еще близка по духу предшествующей греческой трагедии, в которой мир представляется героям управляемым разумными законами; если же встречаются какие-то нарушения в этом миропорядке, то герою надлежит их устранить. В «Кресфонте» можно представить изначальную цель Меропы и Кресфонта — покарать убийцу мужа и отца — как задачу восстановить разумность и справедливость в мире. То, что Кресфонт появляется с осознанным намерением покарать убийцу и при этом выдает себя за другого, также роднит эту трагедию с предшествующими ей. Хотя обман и является неотъемлемой частью интриги, однако к использованию его как средства для достижения цели герои трагедий интриги приходят случайно, сами первоначально оказавшись жертвами недоразумения. С трагедиями интриги «Кресфонта» роднит другое — мать по незнанию едва не убивает сына, приняв его за убийцу или обидчика. Этот мотив покушения матери на сына найдет отражение в «Александре» и «Ионе». Во всех трагедиях действиями женщин руководит чувство мести. Однако для Меропы это чувство в значительной степени объективно обусловлено: ее муж убит, сын в изгнании, а убийца спокойно царствует, появление же мнимого убийцы сына лишает ее последней надежды восстановить справедливость. У Гекубы некая объективность причины тоже сохраняется — простой пастух, победив царевичей, косвенно оскорбил их, и мать вступает

[28] *Strohm.* Euripides..., S. 84.

[29] Мы не считаем возможным останавливаться здесь подробно на религиозных идеях Еврипида, которые, по справедливому замечанию Р. Аэлион, много внимания уделившей этому вопросу, представляются делом устрашающей сложности (*Aélion R.* Euripide. Héritier d'Eschyle. T. 2, P., 1983, p. 191—262, 350—402). Там же библиография по данной проблеме.

в борьбу за честь сыновей. У Креусы нет даже и видимости такой причины, поскольку Ион, если он — сын Ксуфа, имеет законное право стать царем. Решение Креусы возникает отнюдь не из-за стремления отомстить за совершенную несправедливость — Ион никого не оскорбил, а из-за страха перед обидами, которые она в будущем могла бы потерпеть от пасынка. Таким образом, в двух последних трагедиях уже не приходится говорить о стремлении героев восстановить миропорядок. Повод к серьезнейшим поступкам возникает сейчас, здесь, причем в основе всего лежит недоразумение. «Кресфонт» — единственная из рассматриваемых трегедий, где задуманное убийство осуществляется. В «Елене» никто о нем и не помышляет. В остальных трагедиях убийство не осуществляется из-за того, что тот, на кого покушались, и покушавшийся оказываются родственниками, а повод к мести ложным. Конечно, это трагедии, а не комедии, но какая-то игра, некое «понарошку» начинает чувствоваться [30]. Есть даже некоторое обыгрывание неудавшегося покушения. Интересно, что в трех трагедиях — «Кресфонте», «Александре», «Ионе» — предпринимаются даже две попытки убийства [31], но лишь в «Кресфонте» одна из них увенчивается успехом как месть истинному врагу и преступнику. В «Ионе» этот мотив двойного покушения обыгрывается по-особенному: здесь по очереди два героя пытаются убить друг друга, при этом Креуса, первой посягнувшая на жизнь молодого человека, сама чуть было не стала его жертвой. В этой трагедии последней по времени, мотив двойственности особенно подчеркнут: две попытки убийства, два узнавания, два отца у Иона (истинный, Аполлон, и названный, который обречен пребывать в уверенности, что он-то и есть истинный отец).

Следовательно, мы можем заключить, что тип трагедии интриги начинает складываться в «Кресфонте» и затем получает в творчестве Еврипида дальнейшее развитие. Собственно какие-то элементы интриги присутствуют у Еврипида и раньше, уже в «Медее», когда на смену σοφία героя приходит τέχνη «искусство хитрости», «искусство обмана» [32]. В «Кресфонте» намечаются черты, которые найдут потом развитие в трагедиях интриги: *1*) сын (муж, брат) приходит издалека под чужим именем, *2*) мотив покушения на его жизнь, *3*) второе покушение, *4*) сцена узнавания, *5*) важная роль случая, *6*) благополучный конец. В «Александре» Еврипид развивает эту линию, что делает эту пьесу важным этапом в становлении трагедии интриги. В этой трагедии утверждается причинность ad hoc, которая в «Кресфонте» лишь заявлена: Меропа приходит к мысли убить юношу, поверив, что это убийца ее сына. В «Александре» причина для мести возникает из-за недоразумения, что найдет дальнейшее развитие в «Ионе» [33]. В «Ифигении в Тавриде» и «Елене» причина и повод для действий возникают сейчас: Ифигения не помышляла бежать на родину; Елена если и надеялась на это, то без появившегося внезапно Менелая никогда бы не сделала попытки бежать домой. Следует отметить, что две последние трагедии имеют некоторые черты, делающие их особенно близкими друг другу: *1*) экзотическое место действия, *2*) хитрость с очистительным обрядом, *3*) цель интриги — возвращение на родину, *4*) в человеке, которого герои должны обмануть, они не видят личного врага, отсюда — *5*) отсутствие покушения на его жизнь. Все трагедии интриги объединяет противопоставление «истинного» и «ложного», «видимого» и «реального», причем это

---

[30] В. Фридрих прослеживает общую линию развития в трагедиях Еврипида и в комедии (*Friedrich W. H.* Euripides und Diphilos. München, 1953).

[31] В «Кресфонте» мотив убийства представляется даже несколько навязчивым: убийство отца Кресфонта, совершенное до начала трагедии; убийство, якобы совершенное Кресфонтом; неудавшаяся попытка Меропы убить сына; убийство Полифонта.

[32] См. об этом подробнее: *Strohm.* Trug..., S. 142.

[33] Эти две трагедии объединяются также мотивом обретения матерью подброшенного некогда сына.

противопоставление чисто зрительское, а не этическое. Все эти черты потом найдут развитие в греческом романе и в комедии, в том числе и в римской [34].

Н. Р. Шопина

[34] См. *Толстой И. И.* Трагедия Еврипида «Елена» и начало греческого романа.— УЗЛГУ, 1939, № 20; *Pippin A. N.* Euripides' Helen. A Comedy of Ideas.— ClPh, 1960, 55, 3, p. 151—163; *Friedrich.* Op. cit.

NEW LIGHT ON THE *ALEXANDER* OF EURIPIDES AND ITS PLACE IN EURIPIDEAN DRAMA

N. R. Shopina

In spite of its continuing unclarity, the papyrus containing a hypothesis to the *Alexander* (published by R. Coles) provides material for a more reliable reconstruction of the play than was previously possible, which in turn enables us to consider this play in the context of the Euripidean drama as a whole. In this article the author discusses the Euripidean tragedies of intrigue (*Cresphontes*, *Iphigeneia in Tauris*, *Helen*, *Ion*) and the place of the *Alexander* among them. Analysis of the characteristic features of this group — a present intrigue, a misunderstanding, a previous intrigue, a fortunate outcome, concentration of audience attention on *peripetiai*, the considerable role given to Chance, and the stabilization and development of these features — shows that the tragedy of intrigue began to form with the *Cresphontes*. In the *Alexander* Euripides makes use of the features adopted in the first play and adds new ones, which are further developed in the succeeding plays. Evidently the Alexander is a necessary link in this chain of development.

ОБ ОДНОМ ИНСТИТУТЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА. ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ

Последние десятилетия отмечены появлением ряда фундаментальных лингвистических исследований, посвященных реконструкции некоторых существенных компонентов древней индоевропейской культуры, в частности, правовых институтов в их языковом аспекте [1]. Почва для этого отчасти была подготовлена многочисленными работами историков права и этнографов, которые не только ввели в оборот большой материал по обычному праву, но и создали необходимые предпосылки для применения лингвистических процедур, в значительной мере осуществив историческую реконструкцию некоторых важных правовых понятий [2].

Изучение древнего индоевропейского права (или «предправа», если пользоваться терминологией Л. Жерне [3]), тем не менее, еще очень далеко от завершения во всех возможных своих аспектах — историческом, историко-культурном, этнологическом и тем более языковом. В настоящей ра-

[1] См. важнейшие работы: *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, société. P., 1969; *Watkins C.* Studies in the Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology.— In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970, p. 321—354; *Puhvel J.* (ed.) Myth and Law among the Indo-Europeans. Berkeley etc., 1970.

[2] Помимо основополагающих исследований по отдельным традициям (о них см. ниже) укажем недавно изданный обобщающий труд: Entstehung und Wandel rechtlicher Traditionen. Hrsg. von W. Fikentscher u. a. München, 1980. Одним из зачинателей в этой области был М. М. Ковалевский (см., например, *Ковалевский М.* Первобытное право. Вып. 1. Род. М., 1886, и другие работы того же автора).

[3] См. *Gernet L.* Anthropologie de la Grèce antique. III. Droit et prédroit. P., 1968, p. 173 ff.

боте мы хотели бы привлечь внимание к некоторым лингвистическим вопросам, возникающим в связи с анализом одного из наиболее интересных древних институтов обычного права — кровной мести.

Ограниченный объем наших заметок не позволяет нам подробно остановиться на описании кровной мести в том виде, как она засвидетельствована для отдельных индоевропейских традиций, и тем более привлечь всю совокупность существующих типологически близких данных неиндоевропейских культур. Взамен мы вынуждены дать лишь краткую сводку материала, что, однако, отчасти оправдывается тем, насколько сходства между отдельными индоевропейскими традициями в данном случае преобладают над различиями.

Кровная месть как феномен обычного права очень широко распространена у индоевропейских народов, хотя — в зависимости от конкретных обстоятельств правового развития той или иной культуры — это явление может представать как отживающее свой век и даже вступающее в противоречие с другими компонентами или общей структурой права (как, скажем, у хеттов [4] или у римлян) или, напротив, как один из основополагающих механизмов, обеспечивающих социальную и правовую стабильность, глубоко укоренившихся в правосознании и этических представлениях (как у германцев [5] или у некоторых иранских народов [6]).

Не подвергая сомнению значение древних индоевропейских свидетельств, подчеркнем, что нередко большей надежностью и информативностью обладают данные о менее удаленных от нас во времени традициях. Так, если говорить об иранском материале, данные осетинской этнографии и тем более осетинского нартовского эпоса (с многочисленными вариациями на тему кровной мести, ср. месть Батраза за смерть отца, месть старшего Тотраза Сослану за убийство сына и т. п.) [7] значительно показательнее и в историческом, и в языковом плане, чем то, что известно о кровной мести в предшествующую эпоху — у скифов, где мы вынуждены довольствоваться только не слишком надежной реконструкцией, основанной на известном свидетельстве Геродота (IV, 65) [8]. В общем так же обстоит дело и при анализе славянской традиции, в которой южнославянские данные, относящиеся к XIX в. [9], обширнее и представительнее того, что может быть извлечено из древних памятников (например из «Русской Правды»). Естественно, что только на современные данные мы можем опираться при исследовании кровной мести у албанцев (сохранявших этот институт до самого недавнего времени), поскольку более ранние свидетельства вообще отсутствуют [10].

---

[4] См. *Gurney O. R.* The Hittites. L., 1952, p. 95 ff.

[5] Из основных работ по кровной мести у германцев см.: *Heusler A.* Das Strafrecht der Isländersagas. Lpz, 1911; *Maurer K.* Altisländisches Strafrecht und Gerichtswesen. Lpz, 1910; *Planitz H.* Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. bearb. von K. A. Erckhardt. Graz — Köln, 1961. В более общем плане см. *van den Toorn M. G.* Ethics and Moral in Icelandic Saga Literature. Assen, 1955.

[6] См. *Ковалевский М. М.* Современный обычай и древний закон. Обычное право у осетин в историко-сравнительном освещении. Т. I—II. М., 1886.

[7] См., например, *Dumézil G.* Légendes sur les Nartes suivies de cinq notes mythologiques. P., 1930.

[8] См., в частности, *Семенов-Зусер С. А.* Родовая организация у скифов Геродота.— Известия Государственной академии истории материальной культуры, 1931, т. 9, вып. 1, с. 31 сл.; *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975, с. 102 сл. В последнее время предположение о том, что в этом отрывке из Геродота отражен институт кровной мести, подвергнуто обстоятельному разбору и заслуженной критике; см. *Грантовский Э. А.* О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья».— В кн.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1981, с. 59—79.

[9] См. *Miklosich F.* Die Blutrache bei den Slaven. Wien, 1887.

[10] Кровная месть у северных албанцев кодифицирована в «Кануне» Леки Дукаджина (*Gjeçov Sht.* Kanun i Lekë Dukagjinit. Shkodër, 1932). Из литературы см.: *Јелић И. М.* Крвна освета и умир у Црној Гори и Северној Арбанији. Историјско-правна студија. Београд, 1926; *Valentini G.* Il diritto della comunità nella tradizione giuridica albanese. Generalità. Firenze, 1956; *Traeger P.* Die Herkunft des nordalbanischen Ge-

Ввиду сказанного выше представляется методически вполне допустимым достаточно полно привлекать не только заведомо архаичные данные некоторых древних традиций, но и то, что известно об ареалах, длительное время сохранявших институт кровной мести (как это имело место в Албании и Осетии).

Действие кровной мести, что может считаться более или менее бесспорным, основано на родовой организации, а идеология кровной мести прямо зависит от того, как именно интерпретируется понятие рода, трактуемое прежде всего в духе внутриродовой спайки, солидарности в противовес совершенно иным межродовым отношениям [11]. С этим, в свою очередь, связано специфическое понимание таких общественно-правовых и этических категорий, как деликт, вина, ответственность, долг и т. п., многие из которых вносят уже в древности в сферу кровнородственных отношений существенный элемент трагического [12].

Во многих индоевропейских традициях при этом проводится строгое содержательное (а часто и терминологическое) разграничение убийства «оправданного» (т. е. не вступающего в противоречие с морально-правовой нормой и реализующего, например, кровную месть) и «неоправданного», «незаконного», ср., например, противопоставление др.исл. *víg* и *morðr* [13]. Если «неоправданное» убийство часто близко к современному представлению об убийстве из-за угла и т. п., то убийство «оправданное» всегда является сознательным исполнением некоторого этического императива, а потому несовместимо с состоянием аффекта и требует обязательной открытости и гласности совершаемого (ср. весьма показательные в этом плане свидетельства «Саги о Ньяле», а также своеобразную ситуацию, возникающую в «Саге о людях из Озерной Долины», когда после смерти Ингимунда его сыновья, готовясь к кровной мести, целую зиму не выходят из дома и соблюдают определенные предписания, налагающие на их поведение ряд существенных запретов [14]). В связи с этим находится и то обстоятельство, что кровная месть, как правило, не может последовать за случайным убийством, что видно, например, на материале «Беовульфа» [15]: Хадкюн убивает своего младшего брата Херебальда стрелой, сорвавшейся с лука, но их отец Хредель не мстит за убийство, так как причина его случайна.

---

wohnheitsrechtes des Kanun Lek Dukadžinit.— Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 1923, Bd. 40, S. 371—376; *Десницкая А. В.* К изучению языка памятников обычного права.— Вопросы языкознания, 1983, № 4, с. 64—74.

[11] Критика этой точки зрения и объяснение кровной мести как индивидуальной, а не родовой звучит неубедительно (ср. *Treston H. J.* Poiné. A Study in Ancient Greek Blood Vengeance. L., 1923). Современную трактовку понятия рода (на греческом материале, с литературой) см. *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos. Etude d'histoire sociale athenienne. T. I—II. P., 1976. О понятии родовой солидарности по данным различных традиций см.: *Glotz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminel en Gréce. P., 1904; *von Willamowitz-Moellendorff U.*, *Kromayer J.*, *Heisenberg A.* Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Bis zum Ausgang des Mittelalters. Heidelberg, 1926, S. 66; *Planitz.* Op. cit., S. 22—23; *Ellul J.* Histoire des institutions. 2me éd. T. I. P., 1958, passim; *Периханян А. Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983, с. 60 сл.

[12] Применительно к греческому праву и этике см.: *Weiss E.* Griechisches Privatrecht. Bd. I. Lpz, 1923; *Schmidt L.* Die Ethik der alten Griechen. Bd. I. B., 1882. В связи с другими традициями см.: *Gurney.* Op. cit., p. 99 (понятие вины у хеттов); *Иванов В. В.*, *Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов).— В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 239 (категория долга). Дальнейшие связи понятий этого круга приводят к необходимости анализировать такие этические категории, как греч. ὕβρις; см. *Топоров В. Н.* О структуре «Царя Эдипа» Софокла.— В кн.: Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 221 сл. (с литературой).

[13] См. *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Л., 1971, с. 84.

[14] См. Njálssaga. Halle, 1908; Vatnsdælasaga. Halle, 1921, 24.

[15] См. Beowulf and Judith. N. Y., 1953, p. 2435—2442.

Императив, о котором идет речь, было бы ошибочно понимать как «(родовую) честь» [16] хотя бы потому, что древнее правосознание вообще не располагало подобной категорией: «характерно, что в древнеисландском языке нет сколько-нибудь точного эквивалента современного слова „честь“, но есть множество слов, которые можно с большей или меньшей натяжкой перевести этим словом» [17].

Связь кровной мести с родовой организацией и идеологией выражается и в том, что даже при наличии в той или иной культуре развитой системы судебно-процессуальных норм и институтов, царской власти и т. п. кровная месть существует и реализуется помимо этих институтов, вне судебной системы, а урегулирование отношений между враждующими группами возлагается на старейшин тех самых родов, которые находятся в отношениях кровной мести, а не на «незаинтересованных лиц», как этого можно было бы ожидать. Такая практика до недавнего времени наблюдалась у албанцев и осетин.

В этом отношении весьма характерно известное место из клинописной таблицы царя Телепинуса, где говорится: *iš-ḫa-na-aš-ša ut-tar ki-iš-ša-an ku-iš e-eš-har i-e-iz-zi nu ku-it e-eš-ḫa-na-aš-pát iš-ḫa-a-aš te-iz-zi ták-ku te-iz-zi a-ku-wa-ra-aš na-aš a-ku ták-ku te-iz-zi-ma šar-ni-ik-du-wa nu šar-ni-ik-du* LUGAL-*i-ma-pa li-e ku-it-ki* (4.19—21) — «Дело крови таково: если кто-нибудь кровь проливает, то решает хозяин крови. Если решит: „Пусть он умрет“,— то умрет. Если же решит: „Пусть возместит“,— то возместит. Но царю ничего». Последнюю фразу В. В. Иванов интерпретирует следующим образом: «Но к царю никакого обращения быть не должно»,— что хорошо согласуется со сказанным выше [18].

В древнеирландской традиции урегулирование отношений между кровниками возлагалось на особого представителя той группы, к которой принадлежал убийца: этот представитель именовался *aire échta* ‘благородный кровной мести’ [19]; в древнеисландской традиции действовал тот же механизм — в форме тяжбы на тинге. У албанцев и осетин переговоры между кровниками велись только старейшинами соответствующих родов.

Для кровной мести была характерна определенная временная и пространственная приуроченность. Хотя в разных культурах мы находим, как правило, разные типы ограничений, общая тенденция просматривается достаточно ясно. Хронотопические пределы кровной мести устанавливаются, например, у древних германцев (достаточно красноречивый пример см. выше): кровная месть не должна была незамедлительно настичь убийцу родича — напротив, известная отсрочка воспринималась как нечто желательное. Сходные черты находим и в кельтском праве, где временные ограничения накладываются на период, в течение которого возможно урегулирование вражды. С другой стороны, ограничения могли иметь и пространственный характер, что в определенных условиях делало вполне осмысленным бегство или изгнание потенциальной жертвы кровной мести: например, у хеттов ответственность считалась действительной лишь в пределах фиксированной зоны вокруг данного города или поселения [20]; сходные явления обнаруживаются и в греческом обычном праве [21].

---

[16] Ср. *de Vries J.* Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. II. Religion der Nordermanen. B.— Lpz, 1937, S. 90.

[17] *Стеблин-Каменский.* Ук. соч., с. 85 (с литературой вопроса).

[18] См. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977, с. 100.

[19] См. Críth Gablach. Ed. by D. A. Binchy. Oxf., 1970, p. 70—72. Не вполне ясный древнеирландский текст дает некоторые основания для другого понимания функций *aire échta* (см. *Mac Neill E.* The Law of Status or Franchise.— Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C, 1923, v. 36, p. 281 ff.), при котором этот человек относится к роду убитого, что, однако, никак не влияет на предлагаемую нами точку зрения.

[20] См. *Gurney.* Op. cit., p. 97—98 (с указанием на параллели в древнееврейской традиции: Второзак. XXI, 1 сл.).

[21] См. *Cantarella E.* Norma e sanzione in Omero. Contributo alla protostoria del diritto greco. Milano, 1979, p. 224 ff.

Всем индоевропейским культурам, в той или иной форме знающим кровную месть, известна и композиция, позволяющая в каком-то звене прервать то, что в противном случае можно было бы назвать «цепью вендетт» [22]. Несмотря на то, что композиция выступает во множестве разновидностей, можно, по нашему мнению, предполагать, что наиболее архаичные ее формы выражаются не в денежном откупе (вире), а в компенсации людьми или скотом. Компенсация людьми засвидетельствована уже в хеттских законах: [*ták-ku* LÚ-*an n*]*a-aš-ma* SAL-*an š*[*u-u*]*l-l*[*a-a*]*n-n*[*a-a*]*z ku-iš-ki ku-en-zi* [*a-pu-un ar-nu-z*]*i* Ù 4 SAG. DU *pa-a-i* LÚ-*na-ku* SAL-*na-ku* [*pár-na-aš-še-e-a*] *šu-wa-a-iz-zi* (1.1—3) — «Если кто убьет мужчину или женщину в ссоре, то похоронит его и даст четырех человек, мужчин или женщин, и свою усадьбу как залог». Замечательно, что компенсация человеком обнаруживается и у осетин (правда, в трансформированном виде, связывающем компенсацию с брачными отношениями): осетинское обычное право предусматривает возможность выдачи замуж за кровного врага девушки, называемой *cyty ḱyzg* 'девушка чести'. Что касается компенсации скотом, то и она обнаруживается в осетинской традиции в «смещенном» виде — как связь кровной мести с угоном скота, занимающим видное место в осетинском быте XIX в. и в нартовском эпосе (угон скота у нартовской семьи Бората служит мотивом кровной мести). Мы находим компенсацию скотом и в более древних традициях, в частности у кельтов [23].

Обязательное наличие композиции в механизме кровной мести приближает нас к пониманию ключевых категорий этого института, поскольку именно композиция наиболее очевидным образом позволяет интерпретировать кровную месть в рамках представлений об о б м е н е, что уже давно отмечалось в этнологии в связи с анализом принципа реципрокности [24]. Действительно, кровная месть оказывается тесно соотнесенной с самыми различными формами универсального обмена, как они восстанавливаются сейчас при исследовании духовной и материальной культуры индоевропейцев на фоне многочисленных сопоставлений типологического характера с неиндоевропейскими фактами [25]. Можно указать при этом на связи кровной мести с жертвоприношением, браком, дарением, некоторыми видами речевого поведения и т. п. [26] Существенную общую черту кровной мести и универсального обмена несомненно составляет и отмечавшаяся выше временная и пространственная приуроченность [27].

Единые схемы обмена налагаются на обширную предметную область. Для нас в данном случае существенно то, что, по архаичным представлениям, объектом обмена при кровной мести является кровь. Кровь при этом предполагается одинаковой у всех членов рода (чем, собственно, и мотивировано представление о «кровном родстве») и, по-видимому, трактуется не как неотчуждаемая часть конкретного индивида, а скорее как общее достояние всего рода и постоянная его характеристика, отличающая один

---

[22] Ibid., p. 226.

[23] См. Crîth Gablach, p. 364 f.

[24] См. *Malinowski B.* Crime and Custom in Savage Society. 2nd ed. Paterson, 1959, p. 22—23, 68 и особенно 46—49; ср. *Schott R.* Afrikanische Rechtstradition der Bulsa in Nord-Ghana.— In: Enstehung und Wandel rechtlicher Traditionen. München, 1980, S. 277 (с литературой вопроса).

[25] См., в частности, *Benveniste E.* Don et échange dans le vocabulaire indo-européen.— In: Problèmes de linguistique générale. P., 1966, p. 315 ff.; *idem.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. Economie, parenté, société. P., 1969; *Lévi-Strauss C.* Les structures élémentaires de la parenté. Paris — La Haye. 1967.

[26] Количество примеров здесь таково, что оно лишает нас возможности подробного обзора. Помимо уже сказанного выше сошлемся на проницательный анализ единоборства Гектора с Аяксом (Il. VII. 299 ff.), за которым следует обмен дарами (*Фрейденберг О. М.* Из догомеровской семантики.— В кн.: XLV академику Н. Я. Марру. М.— Л., 1935, с. 383 сл.).

[27] См., например, *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* О ведийской загадке типа *brahmodya*.— В кн.: Паремиологические исследования. М., 1984, с. 30—31; *Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984, с. 189 сл.

род от другого, как то, что связывает членов рода воедино [28]. Этому ни в коей мере не противоречит то, что под кровью может пониматься и одна из основных стихий, составляющих индивид [29], ср. употребление греч. αἷμα в значении 'душа' (Arist., De Anima I, 2, 21) и характерную глоссу εἶαρ·αἷμα·ἡ ψυχή (Hes.).

Кровь, таким образом, мыслится как неуничтожимая, вечная во времени и постоянная в определенных пространственных границах субстанция, организующее начало, обеспечивающее целостность и связность родовой общности. Убийство, пролитие крови наносит ущерб этому родовому фонду и должно быть компенсировано за счет аналогичного фонда другого рода, что и приводит в движение всю систему кровной мести и композиции (в последнем случае кровь заменяется своими аналогами).

Сколь скрупулезно соблюдается при этом общий баланс убийств межжу враждующими родами и сколь малосущественно, чья именно кровь прольется — обидчика или его родича, хорошо видно на примере «саг об исландцах» [30] или при обращении к осетинскому материалу, где мы находим такие выражения *æci wæjug avd wæjugemæn se 'nsuvær ramardta ma si oj fudæj tog dardta* — «тот великан убил брата у семи великанов и в силу этого был им должен за кровь» [31], *kæræʒijæ dardtoj fæjnæ avd tuǵy* — «оба рода [Ахсартагката и Бората.— *В. О.*] задолжали друг другу по семь кровей» [32], *čysyl læǵy tūg æmæ styr læǵy tūg æmarǧ* — «кровь маленького человека и кровь большого человека равноценны», *ærvad tūgyl mælag ū* — «родич часто погибает при кровомщении» [33] и под.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что все перечисленные аспекты понимания крови как связующего начала, организующей (жизненной) силы, объекта обмена вводят кровь в круг представлений, связанных с человеческим началом и противопоставленных началу божественному (если такое противопоставление имеется), ср. в этом отношении показательную оппозицию αἷμα и ἰχώρ в Il. V. 339 ff. [34]

Все сказанное указывает на необходимость проанализировать с лингвистической точки зрения две проблемы: как связано такое представление о крови с ее наименованием у индоевропейцев и как это представление преломляется в соответствующих древних текстах. Рассмотрение этих проблем мы начнем с изучения названий крови.

Индоевропейские языки не сохранили общего названия крови: во многих диалектах старый термин был вытеснен (полностью или частично) различными инновациями. Эти инновации в нашем случае представляют вполне самостоятельный интерес, так как в них достаточно отчетливо выразились некоторые особенности индоевропейских воззрений на кровь, частично уже описанные нами по другим, неязыковым источникам. Поэтому, прежде чем обратиться к более архаичной лексике, мы остановимся на некоторых образованиях, связанных уже с историей отдельных индоевропейских языков.

Выше уже было отмечено, что кровь рассматривалась как материальный носитель родовой жизненной силы. В этом плане небезынтересно, например, указать на хетт. *tuwa*, служащее переводным эквивалентом аккад.

---

[28] Такое понимание в целом является общепринятым, ср. например: *Planitz.* Op. cit., passim.

[29] См. *Тахо-Годи А. А.* О древнегреческом понимании личности на материале термина *sōma.*— В кн.: Вопросы классической филологии. III—IV. М., 1971, с. 279.

[30] См. особенно: Hrafnkellssaga Freysgoða. Cambr., 1932.

[31] *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. Л., 1979, с. 310.

[32] *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976, с. 202.

[33] *Исаев М. И.* Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964, с. 27.

[34] См. *Güntert H.* Von der Sprache der Götter und Geister. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur Homerischen und Eddischen Göttersprache. Halle, 1921, S. 99 f.

bubu'du и эксплицируемое как 'Körpersaft [35] при других его значениях 'сила, жизненная сила, духовное начало (?)' [36]; производными от этой основы являются хетт. *muwattal(l)i-* 'сильный' (из лувийского?), лув. иер. *muwatali-* 'сильный, могущественный'. Внешние связи этой анатолийской основы также указывают на понятия 'силы, обилия' и т. п. [37]

Сходные семантические связи обнаруживаются и для германского названия крови **ƀlōđ-/*ƀlōÞ-*, если справедливо предположение о генетическом родстве последнего с герм. **ƀlōm-* 'цветок'. В этом случае и **ƀlōđ-/*ƀlōÞ-*, и **blōm-* (а также **ƀlađ-* 'лист') могут рассматриваться как девербативы от глагола, представленного, например, в д.в.н. *bluojen* 'цвести' и соотносимого с и.-е. **bhlō-* 'цвести, процветать' [38].

В конечном счете восходит к и.-е. **teuə-* с реконструируемым значением 'пухнуть, расти, увеличиваться' и т. п. [39] такое название крови, как осет. *tūg*, предполагающее более раннее **tauka-* [40]. В то время как значение 'силы' хорошо сохранилось у продолжений и.-е. **teuə-*, ср. хотя бы др.инд. *tavás* 'крепкий, сильный; сила', лид. *tavša* - 'большой, могучий' [41], другие производные этого корня обнаруживают не менее интересные, с нашей точки зрения, особенности семантической эволюции. Это выражается, в частности, в том, что само осет. *tūg* идентично др.инд. *toká-* 'ребенок, потомство, род', а в индоиранских производных на **-men* мы находим наряду с др. инд. *tokman-* 'молодой побег, росток', *tokma-* то же (ср. выше о герм. **ƀlōđ-* : **ƀlōm-*) также и авест. *taohman-* 'семя, зародыш', др.перс. *taumā* 'семя, род, зародыш', согд. *t̲ḫmy* 'семя, потомство' и т. п. [42] Наконец, в самом осетинском представляется бесспорной связь *tūg* с *tyx* 'сила, мощь' и производными последнего [43].

Рассмотренная выше группа лексем приобретает особый смысл ввиду предложенной В. Н. Топоровым на основе значительного числа данных гипотезы о связи «между обозначением „нити", „веревки", „шнура", „цепи", с одной стороны, и обозначением „потомства", „семени" и т. п. (как результата процесса рождения), с другой» [44]. В частности, приведенная нами индоиранская лексика сближается в этимологическом плане со слав. **tъkati*, ср. также др.инд. *tántu-* 'нить' : *tána-* 'потомство, дети', *yuj-* 'запрягать, сопрягать, связывать' : *yugá-* 'род, поколение', а также

---

[35] См. *Friedrich J.* Hethitisches Wörterbuch. Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter. Heidelberg, 1952, S. 145 f.

[36] См. *Friedrich.* Op. cit., S. 145; *idem.* Zu den kleinasiatische Personennamen mit dem Element *muwa.*— Kleinasiatische Forschungen, 1930, Bd. I, H. 3, S. 377; о лув. *muwa-* см. *Rosenkranz B.* Beiträge zur Erforschung des Luvischen, Wiesbaden, 1952, S. 23, 77. Особого внимания заслуживает значение лув. *muwa-* 'âme? race?'.

[37] См. *Heubeck A.* 'Digamma'. Probleme des mikenischen Dialekts.— Die Sprache, 1963, Bd. 9, S. 201—202; *Топоров В. Н.* К семантике четверичности (анатолийское **meu-* и др.).— В кн.: Этимология 1981. М., 1983, с. 113 сл. с различными интерпретациями на индоевропейском фоне. Об основе *muwa-* в ономастике см. *Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, с. 129 сл. (с литературой).

[38] См. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern — München, 1959, S. 122 (для **bhlō-*, resp. **bhelə-* предполагается связь с **bhel(ə)-* 'раздуваться').

[39] См. *Pokorny.* Op. cit., S. 1080.

[40] См. *Абаев.* Ук. соч., с. 310.

[41] См. *Gusmani R.* Lydisches Wörterbuch. Heidelberg, 1964, S. 211.

[42] Более подробно см. *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I. Heidelberg, 1956, S. 508, 527. В приведенных примерах привлекает внимание, с одной стороны, наличие значения 'семя' как альтернативной по отношению к крови субстанции, выступающей в качестве постоянного носителя того, чем объединяется род, с другой стороны,— собственно значения типа 'род', 'потомство'. Интересно, что тот же индоевропейский корень может быть обнаружен и в некоторых образованиях со значением 'тело' вроде греч. σῶμα или хетт. *twekka-* при том, что для понятий 'кровь' и 'тело' отмечаются существенные взаимосвязи; ср. *Тахо-Годи.* Ук. соч., passim.

[43] См. *Абаев.* Ук. соч., с. 310, 344 сл.

[44] *Топоров В. Н.* О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями.— В кн.: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973, с. 127.

тонкий семантико-этимологический анализ слав. *vьrvь [45]. Наблюдения В. Н. Топорова как нельзя лучше соответствуют тем архаичным представлениям, которые разбирались нами выше. Можно предполагать, что понимание крови как связующего начала может быть выявлено не только по косвенным данным, но и непосредственно, если обратиться к греческому названию крови αἷμα.

Ввиду всего сказанного выше представляется целесообразным отказаться от имеющих широкое хождение сопоставлений греч. αἷμα с д. в. н. *seim* 'ярый мед' или с др.инд. *íṣ-* 'сок, напиток' [46], тем более что они рассматриваются как совершенно неудовлетворительные [47], и предпочесть интерпретацию αἷμα как **səi-mn̥*, производного от и.-е. **se(H)i̯-* 'соединять, связывать' и относящегося сюда же **s(i̯)eu-* 'шить' [48]; ср. близкие в словообразовательном плане германские формы: др.исл. *saumr* 'шов', д.в.н. *soum* 'шов, кайма', др.англ. *sēam* то же (герм. **saumaz*). Достойно особого внимания то, что от того же индоевропейского корня образуются и некоторые обозначения силы, как слав. **sila*, и обозначения разного рода связок, как герм. **sailan/*sailaz* 'веревка' [49], что в предложенном выше контексте уже не может вызвать удивления.

Не претендуя на полноту охвата, мы исключаем здесь из рассмотрения некоторые другие, менее интересные названия крови (как, например, и.-е. **krū-*) и обращаемся к термину, который как обозначение крови может, по-видимому, претендовать на весьма значительную древность: хетт. *ešḫar*, *išḫar*, *eššar* [50], др.инд. *ásr̥j*, греч. ἔαρ, εἶαρ в глоссах также ἦαρ (Hes.), арм. *ariwn* (из **asri̯ōn*?), тох. A *ysār*, B *yasar*, латыш. *asins* [51]. Возможно, сюда же относится приводимое Фестом др.лат. *as(s)er*, *assarātum*. То об-

---

[45] См. там же, с. 118—133. Предлагаемая там же и основанная на идеях М. Элиаде (см. *Eliade M.* Spiritual Thread, *Sūtrātman*, *Catena aurea*.— In: Festgabe für H. Lömmel. Wiesbaden, 1960, S. 47 ff.) космологическая интерпретация нити, веревки или цепи как элементов, связующих небо и землю, не имеет, как нам представляется, прямого отношения к рассматриваемым здесь семантическим ассоциациям.

[46] См. *Sommer F.* Griechische Lautstudien. Strassburg, 1905, S. 29.

[47] См. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I—II. P., 1968, p. 34 («ces hypothèses ne s'appuient sur un commencement de démonstration»).

[48] См. *Pokorny*. Op. cit., S. 891 f., 912 ff.

[49] См. *Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939, S. 294, где предлагается отождествление славянского и германского слов. Непосредственно сюда же примыкают и примеры на семантическое развитие и.-е. **s(i̯)eu-*, о которых см. *Топоров*. О двух праславянских терминах..., с. 126 сл.

[50] Большинство исследователей считает хеттское слово источником греч. ἰχώρ, см.: *Kretschmer P.* Der Name der Lykier und andere Kleinasiatische Völkernamen.— Kleinasiatische Forschungen, 1927, Bd. 1, H. 1, S. 10; *Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, с. 13; *Heubeck A.* Praegraeca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat. Erlangen, 1961, S. 81; *Иванов В. В.* Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов.— В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 32 сл. Прочую литературу, в том числе и более раннюю, см. *Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar. Mit beitr. von G. Neumann. Bd. I. Innsbruck, 1983, S. 112 f. Эта точка зрения (о которой резко негативно см. *Asenova P. et al.* Bespr.: Балканский лингвистический сборник.— Linguistique Balkanique, 1978, v. 21, № 4, p. 56) может быть принята в настоящее время лишь с той существенной поправкой, что все фонетические особенности данной передачи указывают не на собственно хеттский, а на позднеанатолийский источник, в частности, по той причине, что греч. χ (как в некоторых других случаях κ и γ) отражает не «ларингальный», а его позднеанатолийские продолжения типа кар. χ и кар., лик. *k*; с гипотезой о позднеанатолийском источнике неплохо согласуются и другие фонетические особенности χ. Применительно к позднеанатолийской фонетике ср. *Королев А. А.* Хетто-лувийские языки.— В кн.: Языки Азии и Африки. Т. I. Индоевропейские языки. М., 1976, с. 50, 57. О передачах «ларингального» в ономастике см.: *Гиндин Л. А.* Некоторые ареальные характеристики хеттского. II.— В кн.: Этимология 1972. М., 1974, с. 150; *он же*. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981, с. 41 (с объяснением передач «ларингального» греческими заднеязычными, близким к предложенному выше).

[51] См. *Pokorny*. Op. cit., S. 343.

стоятельство, что это слово бесспорно относится к гетероклитическому типу на *r/n* [52], уже давно послужило поводом к пониманию лат. *sanguen*, *sanguis* как одного из рефлексов того же слова [53], хотя окончательной ясности здесь пока нет. Сохраняются и определенные трудности, связанные с реконструкцией индоевропейского прототипа для этого названия крови. Прежде всего, некоторые исследователи склонны на основе написаний типа *e-eš-ḫar* реконструировать в хеттском исконную долготу [54], сопоставление которой с формами косвенных падежей и с некоторыми родственными лексемами вне анатолийского материала потребовало бы реконструкции апофонического чередования **ē* : **ə* [55], чему, однако, противоречит уже начальное *a-* в др.инд. *ásr̥j*. В целом значительно более здравой представляется точка зрения, согласно которой в качестве корневого гласного следует реконструировать краткое **e*, как думал уже Соссюр, объяснявший отклонения вторичным развитием [56]. В том же направлении указывает, кстати, и греческий материал, в котором ранее за исходную принималась форма ἦαρ, в то время как εἶαρ считалось графическим вариантом, а ἔαρ — более поздним сокращением [57]. В настоящее время принята противоположная точка зрения, приписывающая вторичное происхождение как раз ἦαρ и εἶαρ или, по крайней мере, объясняющая их метрическим удлинением [58].

Не меньшие трудности возникают и в связи с тем, что в хеттологии преобладает мнение об исконно этимологическом характере *-ḫ-* в хетт. *ešḫar*. Исключение в этом смысле составлял Кронассер, защищавший гипотезу о первичности варианта *eššar* [59] (что, видимо, неверно) и считавший, что *-ḫ-* в *ešḫar* — неэтимологической природы. Вместе с тем бросается в глаза, что реконструкция номинатива **esHr̥* не только плохо согласуется с данными других индоевропейских языков (ср. окситонезу с род. пад. др. инд. asnáḥ в противовес баритонезе в двусложном áhnaḥ 'дня'), но и фонологически противоречива. В связи с этим привлекают внимание недавние хеттологические исследования, в которых было убедительно и на большом материале показано, что для значительного числа анатолийских слов, содержащих сочетание *-šḫ-*, целесообразно предполагать вторичное его развитие, так как этимологически тождественные формы из других индоевропейских языков не дают основания для реконструкции **-H-* в индоевропейском (ср., например, хетт. *išḫamāi-* 'петь' ~ др. инд. *sā́man-* 'песнь' и т. п.) [60]. Эти соображения приводят нас к восстановлению и.-е. **esr̥*, **esnos* без ларингального, что, кстати, позволяет подвергнуть сомнению и сопоставление последнего с картв. **sisxl̥* 'кровь' [61].

---

[52] См. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, с. 32.

[53] См. *де Соссюр Ф.* Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках.— В кн.: Труды по языкознанию. М., 1977, с. 328, 505; несколько иначе — *Бенвенист.* Ук. соч., с. 53.

[54] *Бенвенист.* Ук. соч., с. 32. Показания хеттской графики в данном случае представляются двусмысленными.

[55] См., например, *Stefanini R.* Itt. *ešḫar* (=sangue): problemi formali ed etimologici.— Archivio glottologico italiano, 1958, v. 43, fasc. 1, p. 35.

[56] См. *де Соссюр.* Ук. соч., с. 505.

[57] См. *Schulze W.* Quaestiones epicae. Gütersloh, 1892, p. 165.

[58] См. *Chantraine.* Op. cit., p. 308.

[59] См. *Kronasser H.* Etymologie der hethitischen Sprache. Lief. 1—2. Wiesbaden, 1962—1963, S. 99.

[60] Возможно, ḫ в ešḫar возникло не без влияния (в народно-этимологическом плане) со стороны хетт. išḫāi — 'с в я з ы в а т ь' (ср. *Rikov G.* On the distinction between Indo-European **H₂* and **H₃* in Hittite. — Linguistique Balkanique, 1980, v. 23, p. 78). См. далее относительно неэтимологического -ḫ-: *Jonsson H.* The Laryngeal Theory. A Critical Survey. Lund, 1978, p. 69 f., 83, 89; *Tischler.* Op. cit., S. 375 (s. v. *ešḫa-*). Иная точка зрения представлена в кн.: *Иванов В. В.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 16.

[61] Ср. *Климов Г. А.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, с. 87; *Иллич-Свитыч В. М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-

Опираясь на предложенную выше реконструкцию, мы можем теперь обратиться к поиску более глубоких этимологических связей и.-е. *esr̥, не забывая, разумеется, что всякое углубление реконструкции означает вместе с тем и снижение ее надежности.

Рассмотренные нами семантические и этимологические связи различных индоевропейских слов, обозначающих кровь, позволяют, как кажется, сопоставить и.-е. *esr̥ в этимологическом плане с и.-е. *esu- в том значении 'жизнь, жизненная сила', которое обнаруживается у этого слова в индоиранской традиции (др.инд. *asu-*, авест. *ahu-*). В реконструкции *esu- мы следуем при этом за Б. Шлератом [62], убедительно показавшим несостоятельность альтернативной этимологии др.инд. *asu-*, авест. *ahu-* (из и.-е. *n̥su-*) [63]. Предлагаемое сопоставление основывается не только на отмеченных нами семантических параллелях и внешнем подобии, но и на определенных фактах индоевропейского словообразования, поскольку взаимодействие *r/n-* и *u*-основ (выражающееся, в частности, в расширении *u*-основ посредством *r/n*) в настоящее время уже не вызывает сомнений. [64] Определенную доказательную силу следует признать и за тем фактом, что и в архаичных текстах индоиранской традиции можно встретить последовательности формульного типа, восходящие к и.-е. *esu-...esr̥; ср., например, др.инд. *bhūmyā ásur ásr̥g ātmā̆ kvà svit* «где земля *asu-*, кровь, само?» (RV 1, 164, 4).

Другие этимологические связи *esr̥ и *esu- в общем менее достоверны [65] и иногда, возможно, имеют народно-этимологический характер (как, скажем, в случае сопоставления с *esu-/*eso- 'gut, tüchtig') [65], что, впрочем, не должно мешать нам в оценке того, как эти связи организуют некоторые специфические виды текстов, ср. применительно к *esu-/*eso-хетт. *iš-ḫa-na-aš* ᴰUTU-[*u*]*š* ᴰIŠKUR-*aš* DINGIR. LÚ^{MEŠ} [-*i̯*]*a qa-a-ša-aš-ma-aš aš-šu-la-aš* NINDA. KUR$_4$. Ra$^{HI.A}$ *pár-ši-i̯a-nu-un nu i*[-*da-*]*a-l̥u̯ ḫar-ni-ik-te-en nu A-NA BE-LÍ A-NA* DAM-*ŠU* DUMU^{MEŠ}-*ŠU a-aš-šu nam-ma e-eš-t*[*u* —«О, Солнечный Бог крови, о, Бог Грозы, и мужские боги, смотрите. Я преломил для вас толстые хлеба благополучия. Вы должны уничтожить зло. Господин, его жена, его сыновья снова должны быть благополучны» [66], с повторением созвучных словоформ *išḫanaš*, *aššulaš*, *BE-LÍ* (-*išḫaš*?), *aššu* и *eštu* (см. также ниже). Особенно интересным представляется нам то направление этимологических поисков, которое включает в исследуемый здесь круг лексики и.-е. *esu-/*eso- как обозначение господина, хозяина (ср. хетт. *ešḫas*, *išḫas*, лат. *erus*, авест. *ahu-*), хотя единства мнений на этот счет нет [67]. По крайней мере, заслуживает обсуждения и вопрос о том, в каком отношении к этим лексемам находятся др. инд. *ásura-*, авест. *ahurō*, сближение с которыми, во всяком случае, оправдано не только словообразовательно, ввиду сказанного выше о расширении *u*-основ

хамитский).— В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 345 (индоевропейско-картвельская параллель под знаком вопроса).

[62] См. *Schlerath B.* Altindisch *asu-*, Awestisch *ahu-* und ähnlich klingende Wörter.— In: Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented to F. B. J. Kuiper. The Hague — Paris, 1968, p. 142—153.

[63] Ср. *Mayrhofer.* Op. cit., S. 65. Несколько иное мнение: *Иванов В. В.* Разыскания в области анатолийского языкознания. 17—19.— В кн.: Этимология 1978. М., 1980, с. 175 (др. инд. *asu-* ~ хетт. *ḫaššu-* 'царь' < и.-е. *Hn̥su-*).

[64] См. *Бенвенист.* Ук. соч., с. 61 сл.

[65] См. *Иванов В. В.* Древнеиндийское *aśram* 'слеза, кровь' и хеттское *ešḫaḫru* 'слезы'.— В кн.: Езиковедски изследования в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957, с. 477 сл. Заметим, что *esu имеет вариант *u̯esu (лув. wašu-); ср. в связи с *esu-/*eso- ('господин'), лув. wašḫa то же, см. ниже.

[66] *Szabó G.* Ein Hethitisches Entsühnungsritual für das Königspaar Tudḫaliia III./II. und Nikalmati. München, 1968, II. 32—34. Сходными примерами изобилует и индоиранская традиция.

[67] См.: *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 3me éd. T. I. P., 1951, s. v. *erus*; *Tischler.* Op. cit., S. 375; *Schlerath.* Op. cit., S. 142 ff.; *Pokorny.* Op. cit., S. 343.

с помощью *r/n*, но и семантически (ср. хотя бы связь осет. *tūg* с *dauæg* 'дух' < иран. **vi-tāva-ka*) [68]. Сознательно отказываясь здесь от подробного разбора этих проблем, подчеркнем, что признание этимологического тождества названных выше лексем приводит к реконструкции весьма любопытных figurae etymologicae, ср. хетт. *ešḫanaš išḫas* в клинописной таблице царя Телепинуса (см. также подробно ниже) [69], что, как мы увидим далее, находит соответствие и в некоторых других аргументах, подкрепляющих эти тавтологические последовательности семантически.

Рассмотренные нами инновационные термины для крови показывают, что им, как общее правило, свойственно образование от глаголов (resp. глагольных корней), обозначающих рост, становление, увеличение в размерах и т. п.[70], наряду с глаголами, указывающими на соединение, связывание и пр. Вместе с тем, обращаясь к и.-е. **esr̥*, заманчиво предположить, что и это название крови имеет девербативный характер и связано с глаголом одного из двух названных типов, тем более что обзор *r/n*-основ убеждает в преобладании среди них отглагольных образований [71].

К этим общим соображениям следует присоединить и те результаты, которые уже достигнуты в индоевропейской этимологии. В частности, следует принять во внимание тот факт, что название 'господина, хозяина' **esu-/*eso* относят обычно к гнезду и.-е. **es-* 'быть' [72]. С другой стороны, всесторонний анализ функционирования др. инд. *asu-*, авест. *ahu-* привел Б. Шлерата к аналогичному выводу относительно и.-е. **esu-* 'жизнь, жизненная сила' [73]. Взятые в совокупности, все эти аргументы как будто указывают на то, что и.-е. **esr̥*, **esnos* следует возводить к тому же и.-е. **es-* 'быть', что, кстати, находит и существенное дополнительное подтверждение в том, что имеются примеры отражения в древних текстах тавтологических последовательностей типа **es-r̥...es-* (ср. выше отрывок из хеттского искупительного ритуала) наряду с последовательностями вроде **es-u-...es-*, ср. хотя бы авест. *gaēmcā ajyāitīmcā yaϑācā aŋhaṯ apəmət aŋhuš* «изобилие и недостаток, и то, каким в конце концов будет *ahu-*» (Y. 30, 4).

Наше рассуждение может встретить то существенное возражение, что и.-е. **es-* как раз не относится к категории verba augescendi и лежит в сфере чистой экзистенциальности. Это, однако, неверно по существу, на что указывает не только материал внешнего сравнения, ценный сам по себе [74], но и, что существенно, анализ места и.-е. **es-* в лексико-грамматической системе индоевропейского. В этом смысле чрезвычайно существенно, что для большого числа индоевропейских языков реконструируется супплетивная парадигма глагола бытия, где глаголу первой серии **es-* в определенных ситуациях соответствует типичный verbum augescendi **bhū-* [75]. К этому следует добавить, что на основе **es-* свободно и издавна образуются лексемы, связанные с архаическим языком и древним правом,

---

[68] Существенные типологические параллели см. *Иванов*. Разыскания в области анатолийского языкознания..., с. 174 сл.

[69] Индоиранские параллели см. *Schlerath*. Op. cit. В методическом плане см. *Иванов В. В.* Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках.— В кн.: Этимология 1967. М., 1969, с. 40—56 (с литературой вопроса).

[70] За неимением лучшего эту семантическую группу глаголов можно было бы обозначить как verba augescendi, поскольку за другими, более удобными терминами закреплены совершенно иные значения (ср. inchoativa и под.).

[71] См. *Бенвенист*. Ук. соч., с. 29 сл. (глава I).

[72] См. *Pokorny*. Op. cit., S. 343.

[73] См. *Schlerath*. Op. cit., passim.

[74] См. *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (*b* — *ḳ*). М., 1971, с. 268 сл., s. v.?*esA* 'осесть на место, быть на месте'.

[75] См. *Иванов В. В.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981, с. 177 сл. (с литературой по отдельным языковым группам).

включая сюда обозначения виновного (невиновного, правого) неправого и т. п. [76].

Следует признать, что, будучи вполне удовлетворительной в словообразовательном и семантическом плане, связь с **esr̥* и **es-* наталкивается на некоторые трудности фонетического характера, поскольку в парадигме **es-* отмечается (как архаическая черта) специфическое чередование, ср. хетт. 3 л. ед. ч. *ešzi* при 3 л. мн. ч. *ašanzi*, др.инд. 3 л. ед. ч. *ásti* при 3 л. мн. ч. *sánti*. Заметим, однако, что сходные колебания в вокализме мы отмечали выше и для **esr̥*, ср. лат. *sanguen* с нулевой огласовкой и латыш. *asins*, где можно усматривать развитие того же типа, что и в хетт. *ašanzi*.

Исходя из предложенной здесь этимологии, мы можем теперь обратиться к исследованию некоторых древних формульных конструкций, связанных с семантикой крови, жизненной силы [77] и кровной мести. Это требует, однако, некоторых комментариев методического характера, поскольку процедурный аспект реконструкции древних формул пока не отвечает всей совокупности требований, которые обычно предъявляются при любых компаративистских операциях. Несомненной слабостью предлагаемых ниже реконструкций является то, что мы не располагаем средствами, чтобы исключить возможность вторичного параллельного развития, тем более что для некоторых из формул могут быть указаны неиндоевропейские аналоги. Естественно, ослабляют реконструкцию формулы и естественные в ряде случаев несовпадения в лексическом выражении тождественных понятий; далеко не всегда может быть гарантирована и достаточная полнота собранного материала. Вместе с тем сказанное не может рассматриваться как основа для нигилистического подхода (хотя скепсис здесь более чем уместен). Мы располагаем, к счастью, некоторыми косвенными свидетельствами, которые способны подтвердить или опровергнуть ту или иную реконструкцию: к таким свидетельствам безусловно относятся образования типа figura etymologica.

Именно исходя из этих соображений мы реконструируем в качестве одной из ключевых формул кровной мести и.-е. **esnos esos* 'господин крови', основываясь при этом прежде всего на хетт. *ešḫanaš išḫaš* (Procl. Tel. 4.19—21) [78], с любопытной параллелью в хетт. *iš-ḫa-na-aš* ^{D}UTU-[*u*]*š* применительно к Солнечному Богу (ср. выше). Та же формула как бы «свернута» в авест. *ahu-* 'господин' при основном значении последнего (иногда неверно трактуемом как омонимия) 'жизнь, жизненная сила' [79]. В данном случае идея «свертывания» формулы может оказаться продуктивной и в отношении некоторых других лексем типа *ahu-* в тех традициях, где данная формула осталась незасвидетельствованной. Разительную параллель к хетт. *ešḫanaš išḫaš* мы находим в албанском «Кануне» Леки Дукаджина, где аналогичное по функциям лицо (несущее ответственность за кровную месть) называется *i zot i gjakut* 'господин крови'. Хотя это тождество не распространяется на план выражения, следует, учитывая утрату албанским и старого названия крови, и соответствующего названия господина, считать его одним из основных аргументов в пользу нашей реконструкции. Вместе с формулой на индоевропейский уровень проецируется и соответствующее установление: после убийства право и ответственность кровомщения возлагались на родича (иногда — на ближайшего родственни-

---

[76] См.: *Порциг В.* Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 169; *Watkins C.* Latin *sōns*.— Studies in Historical Linguistics in Honor of G. S. Lane. Chapel Hill, 1967, p. 186—194; ср. еще *Иванов*, *Топоров*. Ук. соч.

[77] Видеть в этом однозначно понимаемом термине виталистическую ересь неправомерно; ср. тем не менее *Мурьянов М. Ф.* Сила (Понятие и слово).— В кн.: Этимология 1980. М., 1982, с. 52.

[78] См. *Иванов В. В.* Хеттский язык. М., 1963, с. 26; *Kronasser H.* Zu heth. *ešḫar iya-* = akkad. *dīmi epēšu*.— In: Festschrift J. Friedrich. Heidelberg, 1959, S. 273 ff.; *Gurney*. Op. cit. (функциональное сопоставление с др. евр. *gōʾel*).

[79] Любопытно, что в праве Авесты *ahu-* обозначает (светского) судью. См. *Периханян*. Ук. соч., с. 263.

ка) убитого, который и становился господином крови. Ср. в этом плане уже приводившееся выше др.ирл. *aire échita* 'благородный кровной мести'. Не может не обратить на себя внимания сходство описываемой здесь структуры с многочисленными индоевропейскими сложениями, исходящими из идеи власти над чем-либо материальным, ср. хотя бы древнеиндийские tatpuruṣa типа *gópati* — 'господин коров', *vásupati-* 'господин имущества' и даже *prajāpati* 'господин потомства' [80], а также индоевропейское сложение **dems-poti-* 'господин дома' (др.инд. *dámpati-*, греч. δεσπότης и под.) [81].

В ту же группу формульных выражений, так или иначе связанных с кровью как объектом владения и обмена, входит и конструкция 'дать кровь', resp. 'брать кровь', обнаруживаемая, в частности, в хеттском: в клинописной таблице царя Телепинуса читаем: *ka-rú-u-wa e-eš-ḫar* URU*Ḫa-at-tu-ši ma-ak-ki-eš-ta nu-wa-ra-ta-pa* DINGIR. MEŠ-*iš šal-la-i ḫa-aš-ša-an-na-i da-a-ir* (2.48—49) «В городе Хаттусасе крови становилось много. Это боги у царского рода [как возмездие] взяли». При этом последовательность **ešḫar dair* может быть понята однозначно как перифрастическое выражение значения 'отомстить'. Полное соответствие этому (в плане содержания) мы находим в иранских языках, ср.: перс. *xūn giriftan*, букв. 'брать кровь' ('мстить'), белудж. *hūnā girag* (то же), осет. *tug īsyn* (то же), *tūg rajsyn*, букв. 'взять кровь' ('отомстить'), *tūgīsæg*, букв. 'берущий кровь' ('кровомститель'). В точности та же формула обнаруживается и в обычном праве албанцев: алб. *me marrë gjak*, букв. 'брать кровь' ('мстить'), *marr nji gjak të vjetër*, букв. 'брать старую кровь' ('оживлять былую вражду'), *gjakmarrës*, букв. 'берущий кровь' ('убийца, кровомститель') [82]. У албанцев эта формула была калькирована их соседями, южными славянами, ср. с.-хорв. *узети крв* букв. 'взять кровь' ('совершить убийство) [83]. В более свободном контексте сочетание значений 'брать'/'взять' и 'кровь' наблюдается также и в древнеирландском, ср. *fer sóeras di chrú, fer sóeras di gabail* — «муж, освобождающий от крови, муж, освобождающий от взятия» [84].

Памятуя о том, какова была судьба **dō-* в анатолийском [85], мы приходим к предположительной реконструкции **esr̥... dō-* и **esr̥... em-*. Ввиду всего сказанного от **esr̥...dō-* и хетт. *ešḫar dair* трудно отделить индоиранские формулы, включающие **esu-* и **dō-*, ср. др. инд. *dātām ásum* 'податель *asu-*' (RV 10, 14, 12) и авест. *ahūm dadāṯ* '*ahu-* дал' (Y 46, 13). Достаточно близко стоят и индоиранские формулы типа др. инд. *ásum... ā́ bharāmi* (AV. 8, 2, 1), авест. *ahūm ā baraiti* (P 24).

Интересна также конструкция со значением 'искать кровь', которая обнаруживается в хеттском, ср.: *na-pa* DI [NGIR. MEŠ [^{I}P]*í-*[*š*]*e-ni-ya-aš iš-ḫar ša-an-ḫi-ir* (Procl. Tel. 1.66) — «И тогда боги искали крови Писениса»; *na-pa* DINGIR. MEŠ-*iš at-ta-aš-ša-aš* ^{I}*Zi-dan-taš e-eš-ḫar-še-it ša-an-ḫi-ir* (ibid., 1.69—70) — «И тогда боги искали крови его отца Цидантаса» с несомненно фонетически значимым комплексом *išḫar šanḫir*, на основе которого реконструируется и.-е. **esr̥... senə-*. Очень близкую конструкцию, предполагающую **esu-...senə-*, мы находим в Авесте: *ahmāi mīzdəm hanəntē parāhūm* (Y. 46, 19) — «заслуживает награды, содержащей высшее

---

[80] Ср. *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982, с. 181.

[81] В широком археологическом контексте о «господах (хозяевах) животных» см. *Антонова.* Ук. соч., с. 97 сл.

[82] Здесь и далее осетинский и албанский материал почерпнут из кн.: *Абаев.* Ук. соч.; *Leotti A.* Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937; *Mann S. E.* An Historical Albanian-English Dictionary. L. etc., 1948.

[83] См. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Кн. 10. Београд, 1978, с. 454 (с недвусмысленным указанием на албанскую традицию как источник).

[84] Crith Gablach, p. 578—579.

[85] См. *Benveniste.* Don et échange..., passim, *Friedridh.* Op. cit., S. 201; несколько иначе *Schmalstieg W. R.* A Note on da-aḫ-ḫi.— Linguistica, 1978, Knj. 17, p. 3 f.

ahu-», где также наличествует цементирующий фонетический фактор. Полный же смысловой эквивалент хеттской формулы мы обнаруживаем в осет. *tūgagūr*, букв. 'ищущий крови' ('кровомститель') [86].

Отсутствуют серьезные возражения против того, чтобы сходное звучание обеспечило также сохранность формулы 'кровь (и) кость', для которой реконструируется **esr̥...ost(h)-* [87]. К приводимому В. Н. Топоровым обширному материалу можно было бы присовокупить еще осет. *mæ tūg, me 'stæg* 'моя кровь, моя кость'. Заслуживает также пристального внимания наличие в индоиранском любопытного представления об *aγhuš astvå* 'костном *ahu-*' при более широко известных формулах, включающих кровь и кость [88].

На этом список возможных формул этого типа отнюдь не обрывается; кратко укажем хотя бы следующие: **es-...esr̥* 'быть...кровь' (ср. приводившийся выше отрывок из хеттского искупительного ритуала, а также соответствующие индоиранские последовательности [89], к которым можно прибавить алб. *jam me gjak*, букв. 'быть с кровью' ('находиться в состоянии вендетты'), *janë gjak*, букв. 'они — кровь' ('они состоят в родстве') и т. п.); **ǵenə-...esr̥* 'род'/'родить'...'кровь' (при греч. αἷμα τε καὶ γένος 'кровь и род' (Od. VIII, 583), αἵματα σύγγονα 'тела братьев' (Eur. Phoen. 1502) и т. п. наряду с индоиранской формулой **ǵan-...asu-* [90]); **esnos... k^w^oinā, alg^w^hā* 'цена крови' (ср. греч. ποινή, осет. *tūg arǧ* 'цена крови' и т. п., включая сюда и авест. *mīždəm...parāhūm*, ср. выше). В последнем случае некоторые дополнительные подтверждения мы получаем, обратившись к анализу греч. ἀλφάνω < **alg^w^h-* и роли этого термина в обмене материальными объектами [91].

В то время как этимологическая часть настоящей работы до известной степени дает представление о том, на чем могла строиться идеология кровной мести [91], раздел, посвященный формулам, как мы надеемся, достаточно надежно свидетельствует о том, что рассмотренные сегменты текстов вплотную связаны с базисной лексикой обмена [92]. В этом смысле формулы типа 'господин крови', 'брать кровь', 'давать кровь', 'цена крови' составляют элементы парадигм 'господин *X*', 'брать *X*' и т. п., где *X* приобретает самые различные значения из предметной области того, чем — в архаичном сознании — можно было обладать.

Достаточно точное соответствие приведенных нами языковых свидетельств реконструкциям историков и этнографов позволяет надеяться не только на то, что это соответствие может быть теперь подвергнуто более

---

[86] О **senə-* в древнеиндийском см. *Иванов*. Общеиндоевропейская..., с. 61.

[87] См.: *Топоров В. Н.* К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул.— В кн.: ΣΗΜΕΙΩΤΙΚΗ. Тарту, 1969, вып. 4, с. 18; *он же*. К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолитическая эпоха).— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 82 сл. См. еще прим. 93.

[88] См. *Топоров*. К реконструкции..., passim. Любопытно, что название кости способно выражать идею кровного родства, ср. буруш.— ltin, перш. tɛn 'кость', 'кровный родственник'.

[89] См. *Schlerath*. Op. cit.

[90] Ibid.

[91] От идеологии, разумеется, очень далеки истинные мотивы этого явления, связанные, вероятно, и с социально-экологической обстановкой.

[92] Близость лексики обмена к правовой уже неоднократно подчеркивалась исследователями; ср. *Watkins*. Op. cit., passim. Ввиду гомеровского гимна к Гермесу с описанием кражи аполлоновых быков заслуживает особого внимания гипотеза о Гермесе/Пушане как «божестве обмена и реципрокности». Относительно Пушана можно заметить, что его имя неоднократно встречается в одном контексте с продолжениями и.-е. **senə-*; ср. *radī pūṣéva naḥ sanim* «открой, подобно Пушану, нам прибыль» (RV 6, 61, 6), причем *sani-* (как и частое сочетание авест. *han-* с *mīžda-*) приоткрывает в рассмотренной нами формуле 'искать кровь' все тот же аспект обмена.

компетентному анализу, но и на то, что не замедлят появиться новые данные, говорящие в пользу предложенного выше истолкования кровной мести [93].

В. Э. Орел

CONCERNING AN INSTITUTE OF EARLY INDO-EUROPEAN LAW

V. E. Orel

The author discusses historical and linguistic aspects of one of the ancient institutes of Indo-European customary law — blood vengeance. In an environment where notions of exchange were universal, blood vengeance was perceived as an exchange of blood between kinship groups, or clans, blood being regarded as a special substance, a life-force, binding the members of a clan into one whole. These notions are reflected in the lexicon of different Indo-European peoples, where words used for «blood» are connected with concepts of strength, growth and the like and also of uniting and tying together (e.g. Hitt. *muwa-*, Germ. *blod-*, Oset. *tūg*, Gk. αἷμα). The author's reconstruction of the earliest Indo-European word for «blood», **esr̥*, is explained as a derivative of **es-* «be», and is connected with the Indo-European designation of life-force (Skt. *asu-*, Avest. *ahu-*). On the evidence of several Indo-European languages the author restores ancient legal formulas relating to blood and blood vengeance: «master of the blood» (**esnos esos*), «take/give blood», resp. «revenge» (**esr̥ dō-*), «seek blood» (**esr̥ senə-*), etc.

---

[93] Этой теме посвящен раздел в книге: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1985.

Пользуюсь случаем, чтобы сердечно поблагодарить С. В. Шкунаева за консультацию по кельтскому материалу. Я особенно признателен Т. В. Невской, которая взяла на себя труд прочесть первый вариант данной работы и внесла в нее существенные дополнения и улучшения. Когда настоящая работа была уже завершена, вышел в свет 11-й выпуск «Этимологического словаря славянских языков» (М., 1984), в котором О. Н. Трубачев предложил (s. v. **kostь*) новую этимологию и.-е. **ost-* 'кость', рассматривая его как производное от **es-* 'быть' и связывая последнее с хетт. *ḫas-* 'производить, рождать'. К сожалению, мы не могли учесть здесь ни тонкой семантической аргументации О. Н. Трубачева ('кость' как 'сущее, осуществленное' и 'бренное, преходящее', ср. др. инд. *astvant-*), ни его соображений фонетического порядка (отнесение ларингала в хетт. ḫastāi- 'кость' к явлениям фонетически вторичного порядка).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты. Перевод и примечания И. С. Перетерского. М., 1984

Римское право издавна привлекало к себе интерес и внимание многочисленных исследователей, поскольку его изучение имело не только теоретическое, но и большое практическое значение. К настоящему времени последнее в основном сошло на нет. Тем не менее интерес к римскому праву неуклонно растет. Если в 1932 г. во всем мире было четыре периодических издания, полностью или почти полностью посвященных римскому праву, то к 1972 г. их стало уже восемь или девять [1]. Этот интерес ознаменован новым подходом к изучаемому материалу. В настоящее время окончательно преодолен присущий пандектной литературе антиисторический подход к римскому праву, связанный со стремлением приспособить его к современной юридической практике. Римское право изучают теперь как составную часть римской культуры, а зарождение, развитие и функционирование его институтов стремятся рассматривать в конкретно-историческом контексте. Современные юристы, специализирующиеся в области римского права, основное внимание уделяют не столько юридическим, сколько историко-юридическим проблемам [2]. Историки в свою очередь все чаще обращаются к исследованию как отдельных институтов, так и всей системы римского права [3]. Плодотворность такого подхода может служить лишним доказательством того, что наиболее перспективна разработка проблем, располагающихся на стыке различных научных дисциплин.

Эти тенденции характерны как для зарубежной, так и для советской исторической науки. В 1949 г. Н. А. Машкин отмечал: «Без серьезного усвоения основ римского права невозможны углубленные занятия ни по истории древнего мира (особенно по римской истории), ни по истории средних веков» [4]. В последние десятилетия специалисты по истории древнего Рима стремятся не только широко использовать юридические памятники как источник конкретно-исторической информации, но и строить свои выводы на основе исследования отдельных институтов римского права. К этим институтам в поисках материала для сравнений и противопоставлений обращаются также советские востоковеды и медиевисты в работах, посвященных историко-юридической тематике.

В наше время назрела необходимость широкого освоения историками юридического материала, дальнейшей исторической разработки основ римского права, однако этому препятствуют как недостаточно близкое знакомство многих историков с институтами римского права, так и специфика таких сложных источников, как юридические сочинения и сборники императорских решений по отдельным вопросам.

---

[1] *Jolowicz H. F., Barry N.* Historical Introduction to the Study of Roman Law. Cambr., 1972, p. 11.

[2] Так, например, особенно активно разрабатывается история римской юриспруденции в связи с политической и социальной историей эпохи (*Schulz F.* Geschichte der römischen Rechtswissenschaft. Weimar, 1961; *Kunkel W.* Herkunft und soziale Stellung der römischen Juristen. Graz — Wien — Koln, 1967; *Honoré A. M.* Gaius. Oxf., 1962).

[3] Не случайно один из наиболее интересных в последнее время общих обзоров системы римского права и его роли в жизни римского общества написан не юристом, а историком (*Crook J.* Law and Life of Rome. L., 1967).

[4] *Машкин Н. А.*— Рец. на кн.: Римское частное право. Под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского.— ВДИ, 1949, № 2, с. 163.

Поэтому особое значение приобретают научные переводы памятников римского права, которые могут ориентировать историков в этом материале и служить пособием при работе с оригиналом. До последнего времени в распоряжении советских историков кроме выполненных еще в прошлом веке переводов «Институций» Гая имелись только переводы «Сентенций» Павла и «Фрагментов» Ульпиана [5], отдельных отрывков из Дигест и Кодексов, включенных в хрестоматии [6]. Переводы «Свода цивильного права» на французский, немецкий и английский языки [7] в наше время либо полностью, либо в значительной мере устарели.

В этих условиях особенно актуальным является издание перевода избранных фрагментов Дигест, выполненного около 30 лет тому назад профессором юридического факультета МГУ И. С. Перетерским (1889—1956). Этот полезный и нужный не только юристам, но и историкам труд был напечатан по инициативе ученика И. С. Перетерского проф. Е. А. Скрипилева, который стал ответственным редактором издания. В редакционную коллегию наряду с видными юристами вошла также Е. М. Штаерман.

Перевод И. С. Перетерского включает в себя фрагменты первых 26 книг из 50, а также извлечения из конституций Юстиниана о составлении Дигест, о их обнародовании и утверждении. Таким образом, читатель может получить конкретное представление о первой половине памятника.

Из 173 титулов, входящих в первые 26 книг Дигест, совершенно не переведены четыре [8], один титул переведен полностью [9], а остальные — с бо́льшими или меньшими пропусками. Иногда пропущены отдельные фрагменты, иногда — отдельные параграфы или предложения внутри фрагментов. И. С. Перетерский, очевидно, стремился сохранить наиболее яркие, содержательные с точки зрения юриста фрагменты, а в них самих оставить полностью то, что относится к юридическим правилам и принципам, то же, что касается ситуаций, иллюстрирующих эти правила, и принципы, и конкретные детали,— привести частично. Без сомнения, такие критерии отбора материала связаны с тем, что работа была адресована в первую очередь юристам, а не историкам. И. С. Перетерский выделял в тексте источника наиболее вероятные интерполяции, опираясь в основном на данные стереотипного издания Дигест Моммзена—Крюгера и реконструкции текста классических юристов О. Ленеля [10]. Краткие примечания (в постраничных сносках) дают возможность разобраться в юридических тонкостях или более конкретно представить себе ситуацию, о которой идет речь.

В приложениях помещен полный перевод титула «О военном деле» (D. 49, 16), выполненный профессором юридического факультета ЛГУ И. И. Яковкиным (1881 — 1949). В открывающем книгу очерке «Дигесты Юстиниана — основной источник познания римского права» Е. А. Скрипилев дал краткую, но очень емкую характеристику и самому памятнику, и римской юриспруденции в целом. В очерке говорится также о содержании остальных (непереведенных) 24 книг Дигест. Кроме того, в приложениях читатель может найти перечень титулов этих книг. Чрезвычайно полезным представляется нам также составленный Е. А. Скрипилевым «Перечень имен римских юристов, писателей, императоров и должностных лиц, цитируемых или упоминаемых в Дигестах». Следует с благодарностью отметить, что редколлегия сделала все, что от нее зависело, дабы помочь читателю разобраться в столь сложном и неоднородном памятнике, как Дигесты.

---

[5] *Юлий Павел.* Пять книг сентенций к сыну. Пер. Е. М. Штаерман.— ВДИ, 1971, № 1—2; *Домиций Ульпиан.* Фрагменты. Пер. Е. М. Штаерман.— ВДИ, 1971, № 2.

[6] См., например: Хрестоматия по истории древнего Рима. Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962; перевод двух титулов «Дигест» (D. 1.1 и D.1.3) дан в приложении к кн.: *Перетерский И. С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956.

[7] Corpus iuris civilis. P. 1—10. P., 1818—1823. Das Corpus iuris civilis. B. 1—7. Lpz, 1830—1833; *Scott S. P.* The Civil law, including the Twelwe Tables, the Institutes of Gaius, the Rules of Ulpian, the Opinions of Paulus, the Enactments of Justinian and the Constitutions of Leo, 17 vols, in 7. Cincinnati, 1932.

[8] D. 1.10 (О сенаторах); D. 1.17 (О должности августального префекта); D 1.20 (О должности окружного судьи); D. 2.9 Каким образом должно быть представлено обеспечение, если предъявлен ноксальный иск).

[9] D. 1.1 (О правосудии и праве).

[10] *Lenel O.* Palingenesia iuris civilis. V. 1—2. Lpz, 1889.

Из семи частей, на которые подразделялся памятник при Юстиниане[11], в переводе И. С. Перетерского представлены четыре: *1*) Ta prota (кн. 1—4) — общая характеристика права и судопроизводства; *2*) De iudiciis (кн. 5—11) — о защите права собственности и других прав на вещи с помощью вещных исков; *3*) De rebus или de rebus creditis (кн. 12—19) — обязательственное право и связанные с ним личные иски; *4*) Umbilicus (кн. 20—27) — разнородный раздел, в котором речь идет о кредитных отношениях, сделках, связанных с куплей-продажей, о судопроизводстве, семейном праве, а также об опеке и попечительстве (кн. 26—27). Перевод обрывается на середине раздела, посвященного опеке и попечительству. Смерть помешала И. С. Перетерскому дать перевод избранных фрагментов всего текста Дигест.

Однако и в дошедшем до нас виде перевод представляет очень большой интерес. Он знакомит читателя с историческим источником, значение которого трудно переоценить. Ведь Дигесты представляют собой нечто вроде автопортрета (хотя бы и приукрашенного) древнего Рима, в котором выделены главные характерные черты оригинала — зафиксированные в праве система производственных отношений и вся социальная структура в целом. В Дигестах можно найти богатую и подчас уникальную информацию об экономике древнего Рима, о классовой борьбе, о характере и деятельности государственного аппарата, о быте и социальной психологии различных категорий населения. Без этого памятника немыслимо и изучение римской культуры в целом, и особенно изучение римской юриспруденции — главного вклада древнего Рима в культурное наследие античности.

Даже при самом беглом чтении перевода И. С. Перетерского видно, насколько глубоко и многосторонне отражена в нем жизнь древнего Рима. Он позволяет, например, получить представление о различных аспектах римского рабства. Причем далеко не все данные, ставшие теперь доступными широкому читателю, введены у нас в научный оборот, хотя институт римского рабства широко исследован в советской историографии. С этой точки зрения особенно интересен титул, посвященный эдильскому эдикту (D. 21, 1), в котором регулируются отношения, связанные с продажей рабов. Рассуждая о том, какие рабы являются полноценными, а какие,— так сказать, недоброкачественными, римские юристы представляют читателю целую галерею социально-психологических типов. Здесь перечисляются провидцы, постоянно впадающие в экстаз, игроки в азартные игры, бродяги, пьяницы, обжоры, обманщики, сутяги, воришки, скандалисты, меланхолики, скопидомы. Им противостоит в тексте образ идеального раба, который честен, тверд, трудолюбив, расторопен, послушен, знаком с каким-либо ремеслом и имеет пекулий, приобретенный благодаря присущей ему бережливости. Лучше всего, однако, простоватый новичок, еще не изведавший рабской доли, поскольку хозяин может лепить из него что угодно по своему вкусу.

Читая многочисленные фрагменты, посвященные судопроизводству, можно получить представление о социальной иерархии внутри свободных. В этом отношении интересны рассуждения юристов о сравнительной ценности того или иного хранителя завещания или свидетеля. По их мнению (D. 22, 4, 6; 22, 5, 3), следует всегда предпочитать старшего младшему, человека, пользующегося почетом (amplioris honoris),— низшему (inferiori), мужчину — женщине, свободнорожденного —вольноотпущеннику, декуриона — плебею и богатого — бедному. При этом судья, исследуя достоверность тех или иных обстоятельств дела, должен принимать во внимание не только число свидетелей, но также их «достоинство и авторитет».

Завершающий перевод титул «О военном деле» (D. 49, 16) представляет собой нечто вроде краткой энциклопедии жизни римской армии, которая показана не с самой парадной стороны. Особенно интересны рассуждения, касающиеся самовольной отлучки и дезертирства (D. 49, 16, 4, 14), которые, по мнению юриста, следует различать так же, как различают бродяжничество и бегство раба. Здесь мы наглядно видим, и насколько глубоко укоренилась в сознании римлян традиционная дихотомия dominus — servus, и насколько несладкой была солдатская доля.

Перечисление находок, которые ждут читателя этой книги, можно продолжать до бесконечности, но, разумеется, ему будет интереснее сделать эти открытия самому.

Не следует забывать при этом, какие трудности пришлось преодолеть переводчи-

---

[11] См. *Скрипилев Е. А.* Дигесты Юстиниана.— В рец. кн., с. 15.

ку, чтобы познакомить нас со всем богатством оригинала. В Дигестах наряду с фрагментами, легко поддающимися переводу, встречаются и такие, которые еще в средние века приобрели печальную славу «cruces iurisconsultorum» и «leges damnatae» [12]. Это связано не только с состоянием самого дошедшего до нас текста, но и с тем, что для понимания правильного смысла того или иного места при многозначности римской юридической и иной терминологии необходимо хорошее знание контекста, а переводчику приходится иметь дело с отрывками из юридических сочинений, вырванными из контекста. Тут от переводчика требуются глубокие знания в области римского права и истории древнего Рима, начитанность в юридических текстах, исследовательский талант и чутье. Всеми этими качествами обладал И. С. Перетерский — автор единственной в нашей литературе монографии, посвященной Дигестам.

Для того чтобы показать, какую работу пришлось проделать переводчику, приведем в пример один далеко не самый сложный отрывок из трактата Ульпиана «Об обязанностях проконсула» (D. 2, 12, 9): «Божественный Траян в рескрипте к Миницию Наталу установил, что праздники освобождают (презида.— *А. С.*) лишь от судебных дел; то же, что относится к военной дисциплине, должно быть совершаемо и в праздничные дни; сюда относится и наблюдение за стражей (inter quae custodiarum quoque congitionem esse)». Последние слова можно с равным основанием перевести иначе: «Это относится и к расследованию дел о находящихся под стражей». В римских юридических текстах custodia обозначает и тюремных стражников, и людей, содержащихся под стражей. А поскольку тюремные стражники были в провинциях, как правило, муниципальными рабами и подчинялись непосредственно муниципальным властям, последнее значение термина может показаться в данном случае более предпочтительным [13]. Для того чтобы избрать правильный вариант, переводчик должен был учесть то, что, как сообщает Ульпиан в том же трактате (D. 1, 16, 6 pr.), проконсулы обычно поручали расследование дел о находящихся под стражей своим легатам, а, с другой стороны, судя по переписке Плиния с Траяном, наместники провинций держали городскую тюремную стражу под своим неусыпным контролем (Plin., Epist. X, 19 и 20).

Неудивительно, что перевод 30 печатных листов текста такого рода потребовал от переводчика более 10 лет поистине титанического труда [14]. Несмотря на то что эта работа была начата в пору военного лихолетья, в сложных условиях, а завершалась в годы тяжелой болезни автора, она выполнена на очень высоком научном уровне. Труд И. С. Перетерского можно по праву назвать одним из выдающихся достижений советской переводной литературы по истории древнего мира.

Разумеется, эта книга, как и любая иная, несвободна от отдельных спорных моментов и недочетов, на которых следует остановиться, чтобы наглядно показать, насколько неоднозначной является интерпретация римских юридических текстов. Кроме того, по нашему мнению, рецензия на серьезный и полезный труд должна быть тоже как можно более серьезной и полезной, т. е. полной, разносторонней и конкретной.

Обратимся сначала к знаменитому фрагменту из «Энхиридия» Помпония «О происхождении права...», перевод которого особенно труден из-за плохой сохранности дошедшего до нас текста.

D. 1, 2, 2, 18: «...так появились диктаторы, на которых нельзя было жаловаться» (itaque dictatores proditi sunt, a quibus nec provocandi ius fuit). Здесь, может быть, точнее было бы: «...в отношении которых право провокации (обжалования) не действовало...». То же самое касается и консулов (D. 1, 2, 2, 16).

D. 1, 2, 2, 19: «...их (начальников конницы.— *А. С.*) должность была почти такой же, как в настоящее время должность префекта претория; но имелись и законные магистраты» (magistratus tamen habebantur legitimi). Здесь, видимо, вернее: «...однако они считались законными магистратами (в отличие от префектов претория)».

D. 1, 2, 2, 32: «Потом Корнелий Сулла установил государственное расследование дел (quaestiones publicas constituit) о подлогах, об убийстве родичей, о бандитизме...». Очевидно, государственное расследование дел по этим преступлениям происходило и

---

[12] См. *Перетерский И. С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956, с. 49.

[13] Именно так переводит «custodia» в этом тексте Ф. Дыдынский (*Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава, 1896, s. v. *custodia*).

[14] *Богуславский М. М.* И. С. Перетерский.— В рец. кн., с. 445.

до Суллы, здесь же, видимо, имеется в виду установление Суллой новых судебных комиссий.

D. 1, 2, 41: «После них Квинт Муций, сын Публия, верховный жрец, первый обобщил цивильное право (ius civile primus constituit generatim)...». Здесь точнее было бы: «...первый систематизировал гражданское право, изложив его по родам».

Коснемся также рассуждений Павла о прерогативах магистратов в его «Комментариях к Сабину». D. 1, 7, 3 (а также D. 1, 14, 2): «Если сын семейства является консулом или презесом, то он может самого себя освободить из-под власти (отца семейства.— *А. С.*) или совершить усыновление себя». Чтобы не ввести в заблуждение неопытного читателя, стоило бы дать менее буквальный перевод: «...то он может утвердить свое освобождение из-под власти (произведенное отцом семейства) или усыновление себя самого (другим лицом)».

Большой интерес представляют фрагменты из сочинения Ульпиана «О должности префекта города».

D. 1, 12, 1, 11: «Забота о всяком мясе, чтобы оно поставлялось по справедливым ценам, относится к заботам префектуры; также свиной рынок находится под ее наблюдением, и другие рынки, на которых продаются иные животные или вьючные животные, в отношении поставок входят в круг ее забот» (et ideo et forum suarium sub ipsius cura est: sed et ceterorum pecorum sive armentorum quae ad huiusmodi praebitionem spectant ad ipsius curam pertinet). Нам представляется более предпочтительным другой вариант: «...а потому под его наблюдением находится как свиной рынок, так и другие рынки, связанные с какого-либо рода поставками прочего мелкого и крупного рогатого скота». Здесь, видимо, имеется в виду контроль префекта города над оптовыми мясоторговцами, определяющими цену на мясо.

D. 1, 12, 1, 12: «Также спокойствие жителей (quies quoque popularium) и порядок во время спектаклей, как кажется, относятся к заботам префекта города, и, конечно, он должен иметь воинов, расставленных по постам для охраны спокойствия жителей и для донесения о том, что произошло». Здесь, судя по контексту, речь идет не об охране спокойствия жителей, а об охране общественного покоя (или общественного порядка) от беспокойных жителей.

D. 1, 15, 5: «Императоры Север и Антонин дали префекту ночной стражи Юнию Руфину следующий рескрипт: „Нанимателей домов (insularios) и тех, кто небрежно обращается у себя с огнем, можно по твоему приказу наказывать розгами или бичами...“». В примечании сказано, что имеются в виду небольшие дома, нанимателями которых являлись лица низших сословий. Однако, как известно, снять в Риме отдельный дом мог только исключительно богатый человек, который вряд ли принадлежал к «сеченому» люду. Видимо, инсуларии в данном контексте — это не наниматели домов, а управляющие многоквартирными домами, которые, как правило, являлись рабами или вольноотпущенниками.

Спорным представляется перевод фрагмента из вышеупомянутого трактата Ульпиана «Об обязанностях проконсула».

D. 1, 6, 2: «Итак, произведи расследование по жалобам тех, кто из дома Юлия Сабина прибежал к статуе (императора), и, если ты установишь, что с ними обращались более жестоко, чем следует по справедливости, или что им причиняли постыдные обиды, то прикажи, чтобы они не были возвращены под власть хозяина (veniri iube ita, ut in potestate domini non revertantur)». Пропуск слова veniri привел к изменению смысла отрывка. Точнее было бы: «Прикажи их (рабов) п р о д а т ь так, чтобы они не вернулись под власть хозяина».

У того же Ульпиана в «Комментарии к эдикту» говорится о порядке вызова в суд (D. 2, 4, 4, 1): «Претор говорит: „Восходящих родственников патрона, детей патронов и восходящих патрона никто не должен вызывать в суд без моего приказания“». Более точный вариант: «Восходящего родственника, патрона, патрону, нисходящих и восходящих родственников патрона (или) патроны никто не должен вызывать в суд».

Не совсем понятен перевод одного фрагмента Павла (D. 12, 3, 11): «Нет обыкновения производить с легкостью расследование о принесении ложной присяги, кто дал присягу в силу вытекающей из права необходимости (De periurio eius qui ex necessitate iuris in litem iuravit, quaeri facile non solere)». Наш вариант: «Обычно нелегко

установить лживость того, кто принес перед судом присягу в силу вытекающей из права необходимости».

Спорным представляется нам перевод отрывка из Ульпиана об исках, вытекающих из поручения. D. 17, 1, 16: «Аврелий Квинт дал поручение своему гостю (hospiti suo) врачу устроить на свои средства в садах, которые тот имел в Равенне и в которые он имел обыкновение ежегодно удаляться, площадку для игры в мяч, и паровую баню, и другое нужное для его здоровья. За вычетом того, насколько его здания увеличились в своей стоимости, остаток произведенных им расходов может быть взыскан с него (Аврелия) путем иска, вытекающего из поручения». Можно думать, что в данном контексте hospes — это не гость, а хозяин-гостеприимец.

Не совсем точно переведен интересный фрагмент Ульпиана (D. 23, 2, 43, 9): «Если содержательница гостиницы имеет в ней продажных женщин, как многие это делают под тем предлогом, что они имеют проституток для обслуживания гостиницы (т. е. содержат проституток под видом служащих), то следует сказать что и эта женщина объемлется названием сводни...». «Sub praetextu instrumenti cauponii» стоило бы перевести: «под предлогом, что они входят в инвентарь гостиницы», чтобы читателю был ясен рабский статус такого «обслуживающего персонала».

Очень интересен фрагмент Павла, посвященный опекунам (D. 26, 2, 32): «Я спрашиваю: может ли кто-либо назначить в завещании опекунов не из той же общины (non eiusdem civitatis cives). Павел ответил: можно». Более точный перевод («...опекунов, которые не являются гражданами той же общины») дает представление о значении института местного гражданства в эпоху эдикта Каракаллы.

Вызывает возражение перевод некоторых конкретно-исторических терминов. Juridicus (D. 1, 20) — это не «окружной судья», а главный судья Александрии. Ministeria municipialia (D. 4, 6, 10) — это не «муниципальные должностные лица» (т. е. не магистраты), а «муниципальные служители» (городские рабы). Κοινὸν τῶν Θεσσάλων (D. 5, 1, 37) — это не «община фессалонийцев», а Фессалийский союз. Milites stationarii (D. 11, 4, 1, 2) — это не «муниципальные полицейские», а воины, несущие полицейскую службу. Curatores operum (D. 22, 1, 17, 7) лучше переводить не «чиновники муниципиев», а «кураторы построек».

Иногда пропущены такие словосочетания или отдельные слова внутри фрагментов, которые важны для уяснения смысла оригинала. Так, например, в разделе «Об эдильском эдикте....» (D. 21, 1, 1, 9) читаем: «...если раб (не всегда) болтает головой и сделал какое-либо порицание (очевидно, опечатка.— *А. С.*), то признается ли он тем не менее здоровым?» В оригинале же стоит: «...если раб (не всегда) болтает головой[15] среди (исступленных) фанатиков (inter fanaticos) и сделал какое-либо прорицание...».

Иногда не отмечены интерполяции, которые указаны в стереотипном издании и сами по себе вполне очевидны. Например, упоминание золотых, или солидов, которые не были в ходу в эпоху Ранней империи: D. 2, 1, 7 pr.; 9, 3, 1 pr.; 9, 3, 1, 5; 11, 4, 1, 2; 21, 1, 42; 24, 1, 66 pr.

Можно отметить также отдельные недочеты в переводе И. И. Яковкина. Так, вряд ли удачен перевод общего термина miles (воин) более узким термином «легионер». Невнимание к градациям внутри воинов приводит к неточностям в переводе. Автор тактует militiae mutatio как «перевод в другую часть» (D. 49, 16, 3; 13; 49, 16, 3, 16, 49, 16, 6, 7; 49, 16, 13, 4). Слова «in deteriorem militiam dandus» переведены «зачислен в штрафную часть» (D. 49, 16, 4, 11; 49, 16, 13, 6). На самом деле в обоих случаях идет речь об одном и том же наказании, которое заключалось не в переводе в другую часть, а в переводе в другой, менее привилегированный вид войск (например, из преторианской гвардии в легионы или из легионов во флот). В D. 49, 16, 40 вместо «Тот, кто дезертировал с поста во дворце» стоит: «Легионер, дезертировавший с поста во дворце». Однако легионеры службы во дворце не несли. Это было прерогативой преторианцев и equites singulares. В D. 49, 16, 8 перечисляются категории лиц, которым запрещена служба в армии: «Равным образом (не могут быть зачислены на военную службу) и те, которые, будучи свободными, добровольно находятся в услужении (qui ingenui bona fide serviunt)». Правильный перевод этого выражения: «...те, которые,

---

[15] Ср. *Пиотровский М. Б.* Пророческое движение в Аравии VII в.— В кн.:Ислам. Религия, общество, государство. М., 1984, с. 20.

будучи свободнорожденными, считаются рабами вследствие добросовестного заблуждения (хозяина или даже самого „раба“)». Именно так его переводит И. С. Перетерский (D. 4, 6, 11; 12, 4, 3, 5).

Нам представляется спорным (принадлежит ли это переводчику или издателям?) отказ давать в заголовках к фрагментам наряду с именем автора название соответствующего произведения. Конечно, это значительно экономит объем, но, с другой стороны, в ряде случаев препятствует правильному пониманию смысла фрагмента. См., например, D. 1, 21, 1; 2, 12, 9; 10, 4, 19; 22, 1, 33 [16].

Встречаются неточности при передаче отдельных имен и должностей, не устраненные при сверке перевода с оригиналом. Особенно досадный промах — D. 1, 2, 2, 44: «Из этих слушателей наибольший авторитет имели Альфен Вар и Авл Офилий, из которых Авл был консулом, а Офилий пребывал в сословии всадников» (вместо «Вар был консулом, а Офилий пребывал в сословии всадников») [17].

Не всегда отмечены троеточиями пропуски отдельных слов или словосочетаний внутри фрагментов [18]. Можно было бы пополнить перечень имен в приложениях, добавив туда юристов Юния Гракхана и Миниция Натала.

Заключая этот затянувшийся обзор спорных моментов и отдельных недочетов, следует отметить, что, учитывая огромный объем и сложность переведенного текста, их удельный вес в рецензируемом издании очень невелик. Касаясь по большей части конкретно-исторических реалий, а не сути юридических норм и постулатов, они не могут повлиять на общую высокую оценку этого труда и умалить благодарность читателя автору перевода и инициатору его издания. Эта книга должна значительно облегчить работу историков с оригиналом и стать основой для более прочного и широкого освоения римских правовых источников советским антиковедением.

---

[16] Сам И. С. Перетерский показал в своей монографии, насколько важно знать, откуда взят тот или иной фрагмент, для уяснения его истинного смысла (*Перетерский.* Дигесты..., с. 70—71).

[17] См. также D. 1,2,2,39; 1,2,2,44; 1,15,31; 1,16,6,3; 2,2,1; 2,8,2,14; 11, 4, 1, 8; 12,1,40; 12,4,3,5; 17,1,16; 22,5,3,1; 49, 16,4.

[18] D. 1,1,6; 1,2,2,7; 1,2,2,43; 1,2,2,10; 1,2,2,39; 1,2,2,45; 1,2,2,47; 1,3,31; 2,3,1 pr.; 2,6,1; 3,2,11,4; 3,4,7,1; 4,8,3,3; 12,2,5; 21,1,1,9; 22,5,3,5; 23,2,27; 23,12,42; 23,3,6,1; 24,1,3,1; 25,1,14; 26,2,32.

А. Л. Смышляев

Э. М. ЯНШИНА. Формирозание и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1984

Монография Э. М. Яншиной, первое в советской синологии специальное исследование, посвященное проблемам эволюции мифологических воззрений древних китайцев, представляет собой итог многолетних научных изысканий автора в данной области и как обобщающее исследование показывает широкую картину духовной жизни древнего Китая с оригинальной и смелой трактовкой ряда наиболее популярных и интересных сюжетов древнекитайской мифопоэтической традиции.

Автор прослеживает долгий путь эволюции мифологического сознания, рассматривая его не только в тесной связи с историко-социальными фактами, но и под углом зрения отражения мифопоэтической традиции в таких явлениях культуры, как изобразительное искусство и, насколько это оказывается возможным, фольклор. Комплексный подход и соединение столь трудных задач, как показ развития древнекитайской мифологии в контексте общего историко-культурного процесса и анализ образной системы мышления на ранних этапах истории, потребовал от автора внимательного изучения и освоения огромного и сложного материала широкого круга памятников древнекитайской письменности, привлечения большого изобразительного материала,

в особенности ханьских рельефов, которым автор уделяет особое внимание, и большой творческой работы по систематизации этого все еще недостаточно освоенного культурного массива.

Следует отметить, что монография Э. М. Яншиной своей фундаментальностью, обстоятельностью в решении сложных вопросов интерпретации китайской мифопоэтической традиции, убедительностью трактовок ряда известных сюжетов китайской мифологии свидетельствует не только о широкой эрудиции автора, позволившей ей успешно преодолеть многочисленные трудности, связанные с созданием обобщающего труда по древнекитайской мифологии, но и о плодотворности комплексно-междисциплинарного подхода, учитывающего достижения археологии, лингвистики, антропологии при реконструкции мировоззренческой системы «насельников» древнего Китая. Несомненно, и в данном случае немалым подспорьем для автора послужил не только собственный огромный опыт работы с китайскими текстами, результатом чего, в частности, была публикация одного из основных источников даосской традиции — «Каталога гор и морей» (Шань хай цзин) в переводе на русский язык [1], но и возможность ознакомиться с достижениями китайской археологии, так сказать, из первых рук (с. 24, 185).

Новая работа Э. М. Яншиной свидетельствует о преодолимости традиционных для исследователей китайской античности трудностей, связанных с отсутствием критической датировки материала, его фрагментарностью, многовековой традицией контаминации различных по происхождению и образному строю текстов в рамках одного «исторического» сюжета и многих других, о которых автор говорит во введении, где дается достаточно полный критический разбор трудов и концепций предшественников наряду с критической оценкой источников: письменных памятников древности нарративного и эпиграфического характера и археологических материалов, важнейшими из которых являются погребальные рельефы, скульптура и пластика.

Можно согласиться с автором в том, что на современном уровне знаний о древнейшей истории населявших территорию Китая этнокультурных общностей пока не представляется даже возможным, за некоторыми исключениями, «выделить из общекитайской традиции мифы отдельных племен» (с. 3). В действительности этому условному понятию соответствует обширный конгломерат социокультурных, религиозных и художественных идей, восходящих в своих истоках к творчеству различных этнокультурных групп, в течение тысячелетий осваивавших территорию древнего востока Азии. И хотя наши знания о древних китайцах усилиями археологов, антропологов, этнографов и лингвистов постоянно расширяются, все же основным источником сведений о древнекитайской мифопоэтической традиции продолжают оставаться письменные памятники, время оформления которых на много веков отстоит от времени «активного мифотворчества, когда оно было формообразующим в духовной жизни насельников Китая» (с. 21).

При этом, как указывает далее автор, следует иметь в виду, что в письменных памятниках фиксируется преимущественно та часть мифологии, которая попадает (чаще всего) в генеалогии знатных родов, возводящих себя к предкам-родоначальникам, причем по отбору авторитетов резко противостоят две основные древнекитайские традиции — даосская и конфуцианская. Противостоят они и по отношению к наследию эпохи активного мифотворчества: если школа Конфуция последовательно борется с мифологией методом ее историзации и рационализации, то даосы, сохраняя в течение веков все богатство форм народной фантазии (вследствие чего именно даосским памятникам мы обязаны сохранением основного массива мифологического материала), все больше переходят от попыток инкорпорации мифа в натурфилософские системы типа иньян-усин к его трансформации в чисто литературный прием.

Круг памятников, привлекаемых Э. М. Яншиной, достаточно широк, чтобы охватить обе традиции: в монографии представлены практически все наиболее известные своды, оформившиеся накануне первого объединения Китая Цинь Шихуаном или в начале эпохи Хань (преимущественно III — начало II в. до н. э.). В собственно хань-

---

[1] Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. М.: Наука, 1977.

скую эпоху материал этих памятников, по традиции именуемых иногда «чжоускими», подвергся существенному пересмотру в рамках переосмысления всего культурного наследия в ходе процесса, который автор удачно называет «первой реставрацией древности». В это время происходит резкое расширение границ империи, сопровождающееся, с одной стороны, вовлечением в орбиту «общекитайской» традиции местных общинных культов, верований, мифов и преданий, с другой — распространением ханьского конфуцианства, выступающего как «направление, формирующее официальную, государственную религию» (с. 23).

О конфуцианстве можно сказать, что оно было не только и даже не столько государственной религией, сколько мировоззренческой системой, в которой сама государственность сделалась предметом религиозного почитания. В связи с этим особую важность приобретает исследование автором насыщенности конфуцианства архаическими элементами, сохраняющими свое значение в качестве протоосновы самой сути конфуцианства — культа предков — не только в древности, но и в средние века. Именно эта конфуцианская тенденция к консервации архаических элементов делает возможным привлечение автором в ряде случаев средневековых китайских памятников, сохраняющих под видом «предания» древнейшую мифологическую традицию.

Долгое бытование сюжетов в «предании», полистадиальность и многовариантность их развития делают обоснованным тематический принцип рассмотрения и изложения материала, положенный автором в основу композиции монографии. Основные сюжеты древнекитайской мифологии группируются автором в трех главах: «Ранний этап древнекитайской мифологии», «Мифы культа природы» и «Мифы о героях». Содержание намеченных тем раскрывается затем в разделах с подзаголовками «Архаика китайской мифологии», «Культ дракона. Женские божества», «Культ плодородия», «Солярные мифы», «Мифы о сотворении мира», «Мифы о богах Великом (Чжуне) и Черном (Ли)», «Мифы о потопе», «Мифы о подвигах Охотника (Хоуи)».

В разделе «Архаика китайской мифологии» Э. М. Яншина предпринимает попытку реконструкции древнейшего пласта мифологического сознания, для которого характерно представление о «живом» мире, действующем по законам человеческой воли, и одновременно о человеке как вещи, хотя и стоящей в одном ряду с объектами природного мира, но тем не менее способной «вступать в личные (= коллективные) отношения со всеми объектами природы, воздействовать на них, быть с ними в „человеческих“ отношениях (родство, дружба, вражда, договор и т. д.)» (с. 26). Этой эпохе нерасчлененности, взаимопроникаемости всех форм природы, всякого рода «оборотничества» соответствуют такие формы верований, как фетишизм, тотемизм, анимизм, которые рассматриваются исследовательницей в применении к мифологическому материалу, что позволяет ей прийти к некоторым существенным выводам. Это прежде всего вывод о существовании в древнем Китае фетишистского культа камней (= столбов), помещавшихся в историческое время в святилищах божества земли — покровителя общины (*шэ*), а также аналогичного атрибута святилища божества плодородия — богини-свахи (с. 34). Заслуживают также внимания сведения о предках-тотемах и тотемических центрах, расположенных на территории поселений родоплеменных коллективов (груды камней, горы, холмы, водоемы), и особенно — о роли культа такого рода объектов в конфуцианстве.

Действительно, вопреки стереотипному образу конфуцианства как «религии ученых» оно поражает исследователя, по мнению автора, обилием архаики в главном — культе предков, под которыми в соответствии с указываемыми Э. М. Яншиной фактами могли пониматься практически любые объекты тотемического типа. Как подчеркивает автор, говоря о получивших отражение в памятниках IV—III вв. до н. э. культовых действиях чжоуского царя (приносящего в качестве ритуального главы древнекитайских «средних» царств жертвы священным горам), в этом случае «объектом культа оказываются сами горы, а не их боги» (с. 36). По всей вероятности, на ранней стадии формирования религиозных представлений «боги» гор и не могли мыслиться в отрыве от собственного, так сказать, субстрата. Будучи равноправным членом того телесно-психического семейства, которое в китайской религиозной традиции обозначалось термином «ваньу» (‘тьма вещей’ = ‘тьма существ’), гора, по-видимому, обладала еще и особым статусом в связи с ролью, которая отводилась ей в космогенезе. В связи с этим весьма интересным представляется сопоставление культа гор в китайской

мифопоэтической и художественной традиции с образом Первогоры как основы всего последующего миростановления в других мифологиях, например ведийской [2].

Другой интересной и перспективной темой является анализ религиозных представлений, реконструируемых автором в ходе изучения такого важнейшего для древнего Китая культового комплекса, как «Большое изгнание». Э. М. Яншина дает оригинальную трактовку этого сложного обрядового действа, не получившего однозначной оценки в синологических работах (с. 49, 212). К сказанному здесь автором по поводу зооморфных божеств и их роли в культовом действе ряженых в этом древнейшем обряде можно лишь добавить, что в последние годы все большее распространение приобретают концепции, возводящие религиозные воззрения древних китайцев к «классическому» шаманизму, весьма сходному с шаманизмом сибирских народов. К этому мнению склоняется, в частности, Чжан Гуанчжи, предлагающий рассматривать в данном контексте зооморфные божества-тотемы в качестве помощников и посредников при установлении контактов между шаманом (главным из которых и был чжоуский «сын неба») и предками доминирующего рода [3]. Шаманистские аспекты древнекитайского религиозного культа подчеркивает уже применительно к ханьскому времени М. Леве [4]. На шаманизм как на источник философского и религиозного даосизма указывает Т. Идзуцу [5].

Связь древнекитайской религиозной традиции с шаманизмом косвенно признает и Э. М. Яншина, когда говорит далее в разделе «Культ драконов. Женские божества» об обряде «Большое изгнание» как о «восходящем, безусловно, к ритуальным пляскам эпохи охотничьего хозяйства» (с. 57). Здесь главное внимание автора привлекает, действительно, чрезвычайно колоритный образ дракона. Как справедливо указывает Э. М. Яншина, ни один из тотемов не стал в китайской традиции таким универсальным образом, воплощающим богов природы, как дракон. Связывая особый статус дракона в китайской мифопоэтической традиции с культом змей, хтонизмом, культом земли и плодородия, автор подробно анализирует материал, относящийся к этой необъятной теме. Следует отметить, что выводы, к которым приходит Э. М. Яншина в связи с культом божества земли-воды — дракона, отождествления, которые она предлагает для традиционных героев культа, а также параллели с образами египетской и греческой мифологий, скифо-иранской традиции, культур аборигенов Австралии, Америки, Африки, народов Центральной и Средней Азии, Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, выглядят весьма убедительно (с. 57, 58, 61, 62). Особенно интересно указание автора на связь между представлениями о чудесных рождениях предков-тотемов и образом Змеи-Радуги, которым автор находит близкие аналогии в культурах дальневосточного ареала, древнего Египта, африканских народов.

К несомненным удачам Э. М. Яншиной следует отнести создание ею оригинальной концепции в связи с культом женских божеств в древнем Китае. Так, установление автором типологического сходства образа так называемого Государя-Просо (Хоуцзи), входящего в мифологический комплекс, связанный с «родословием» чжоусцев, с многочисленными сходными фигурами в истории мифологии и верований других народов — матери хлеба, матери зерна, старухи зерна или хлеба, житной бабы и т. д.— позволили Э. М. Яншиной сделать вывод о неправомерности традиционного понимания имени Хоуцзи. В результате нового прочтения многочисленных источников, содержащих сведения о Хоуцзи, и критического рассмотрения широкого спектра мнений исследователей по указанному вопросу автор предлагает трактовку образа Хоуцзи как женского божества и толкование его имени как «Владычествующей над Просом» (с. 76). Правомерность такого толкования подтверждается историей мифологии второго «хоу» — божества земли Хоуту, которая дает типологически близкую истории мифологии Хоуцзи картину. Как отмечает Э. М. Яншина, «в древнейших

---

[2] См., например, *Kuiper F. B. J.* Cosmogony and Conception.— A Query.— In: *Kuiper F. B. J.* Ancient Indian Cosmogony. New Delhi, 1983, p. 120.

[3] *Chang K. C.* Art, Myth and Ritual. The Path to Political Authority in Ancient China. Harvard University Press, Cambridge Massachusetts and London, 1983, p. 44.

[4] *Loewe M.* Chinese Ideas of Life and Death. Faith, Myth and Reason in the Han Period (202 BC — AD 220). L., 1982, p. 107.

[5] *Izutsu T.* The Key Philosophical Concepts in Sufism and Taoism. Tokyo: Keio Institute, 1967. Цит. по: *Girardot N. J.* Myth and Meaning in Eearly Taoism. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1983, p. 82.

мифологических представлениях почти у всех народов земля, как и зерно, олицетворялась в женских божествах, связывалась с представлениями о матери-земле» (с. 77). Представления о матери-земле были, конечно же, свойственны и древним китайцам. Более того, в китайской религиозной традиции отношения между небом и землей, как известно, рассматривались как отношения между мужем и женой, а сами они мыслились, по приводимому автором выражению Ван Чуна (27 — ок. 100), подобными «отцу и матери у людей» (там же).

На широком культурологическом фоне рассматриваются Э. М. Яншиной и мифы, связываемые автором с культом плодородия. Так, в соответствующем разделе главы «Мифы культа природы» автор указывает на широкие параллели, возникающие в ходе анализа обрядовых действий древних китайцев, связанных с поклонением горам, водоемам и священным рощам (и сопровождавшихся типичными для культов плодородия оргиастическими «празднествами»), с многочисленными мифологемами уходящих/возвращающихся «богов» растительности/плодородия в других культурах. Интересно выглядит и гипотеза о существовании в древнем Китае аналога древнеегипетскому обряду хеб-сед, что получило отражение в широко известном сюжете «передачи престола» от Яо к Шуню и от Шуня к Юю, в котором автор видит рудименты традиции ритуального умерщвления вождя. Нетрадиционна предлагаемая автором реконструкция круга мифов, связываемых с именем Отца Цветущего (Куафу), указывающая на возможность существования в древнем Китае его культа как предка, связанного с плодородием. Здесь особенно характерна такая подчеркиваемая автором деталь, как почитание в архаическую эпоху посоха Куафу (с. 97).

Несколько менее убедительной выглядит предпринимаемая автором в следующем разделе «Солярные мифы» попытка реконструкции круга мифов, связываемых с именем мифического героя (героини?) Сихэ. Вопрос этот настолько осложнен многослойностью и неясностью источников (с. 219), что едва ли возможно на современном уровне наших знаний о «солярных» мифах древнего Китая сделать какие-либо безусловные выводы о самом ядре этого круга, связываемом с именем (именами?) Сихэ (Си и Хэ?). Э. М. Яншина систематизирует известные в традиции варианты олицетворений солнца: Мать солнц Сихэ, трехлапый (вар.: колченогий) ворон, дерево Жо (вар.: его цветы), возница солнца Сихэ, Владыка Востока Сихэ, вариант четырех «братьев-астрономов» (с. 113—114, 117) и т. д.— и приходит к выводу о стадиальном характере «солярных» сюжетов. «Со временем,— полагает автор,— все функции, связанные с круговоротом солнца, сосредоточивались в одном божестве — Сихэ, которая делается обобщенным божеством солнца, заменяя собой многочисленных богов, так или иначе связанных с солнцем» (с. 120). Такой процесс, осуществлявшийся усилиями «систематизаторов»-конфуцианцев, отражал, по мнению автора, «общую тенденцию к историзации, связанной с формированием монотеистических элементов в складывающейся религии рабовладельческого общества и централистской идеей в представлениях о прошлом» (с. 121).

Поскольку речь здесь заходит о древнекитайской религиозной традиции в целом, можно указать, что в ней мы сталкиваемся с классическим политеизмом, структура которого, как и во всех подобных системах, определяется противостоянием в качестве равноправных партнеров коллективов людей и человекоподобных «богов-предков». Взаимопроникаемость и взаимозависимость этих коллективов обусловлены их пребыванием в рамках одной «вселенной» и их подчиненность— общему для всех «космическому» закону эволюции. Само их существование зависит от взаимной поддержки, так как они в равной степени бессильны перед внешним и безразличным по отношению к ним общекосмическим процессом. В этом безначальном процессе («котле» даосской мифопоэтической традиции) отдельные божества первоначально могут пользоваться относительной автономией и даже временно становиться доминирующими в культе отдельного рода или иной общности в качестве тотема-«предка», но это не может вести к монотеизму вследствие отсутствия самого понятия о трансцендентном относительно феноменального мира личном божестве [6]. Напротив, ввиду натуралистичности и деперсо-

---

[6] В частности, и самый абсолют — дао — мыслится в древнекитайской религиозной традиции не предшествующим пространству — времени (юй-чжоу, или «космосу»), но заключенным в них. См., например, «Хуайнаньцзы», гл. 11; Собр. Чжуцзы цзичэн.

нализации этих божеств они с легкостью могут сливаться и действительно сливаются, как мы и видим в случае Сихэ, в гомогенный природный феномен.

Такого рода природным феноменом является, например, «небо» раннедаосской традиции. Не случайно поэтому в свое время предлагался для даосских текстов перевод термина «небо» (тянь) словом «природа» [7]. Нельзя не отметить, что такой перевод в подавляющем большинстве случаев нисколько не нарушал смысловой ткани текста и не выглядел натянутым. И это не удивительно,— ведь, по замечанию Э. М. Яншиной, «в древнейшем Китае не существовало специальных терминов для обозначения богов» (с. 201) ввиду, как уже говорилось, отсутствия самого этого понятия. В дальнейшем, по мере «этизации» древнекитайской мифопоэтической традиции вообще, и «даосского» ее сегмента в частности, конфуцианцами действительно предпринимались попытки контаминации представлений о небе как об одном из «шести предков» (лю-цзун) человека (среди которых оно выступало на равных с такими природными феноменами, как парная ему «земля» и «четыре сезона» сы-ши) с представлениями о собственно божествах — предках человека. Однако и этот процесс неизменно замыкался либо на представлении о «небе» как первом среди «ста духов предков» («бай-шэнь», или «все духи»; ср. греч. παν — в словах «пантеон», «пантеизм»), либо на отождествлении его с «первопредком» (шан-ди). Последний в свою очередь отождествлялся то с «пятью ди» (у-ди), то вновь с различными «духами» (шань-шэнь, тянь-шэнь, среди которых мог выдвигаться на первое место и «черный дракон» цин-лун), не только не обретая самостоятельного статуса, но, напротив, постоянно демонстрируя, как и в случае Сихэ, тенденцию к растворению в природном феномене — чувственно данном небе.

В связи с этими, казалось бы, частными, терминологическими проблемами приходится вновь возвращаться к вопросу о применимости терминологии библейско-христианской традиции к диаметрально противоположному феномену политеизма. Еще в прошлом веке русские синологи, и среди них такие авторитеты в области китайской мифологии и религии, как С. М. Георгиевский, В. П. Васильев и др., указывали, что, в частности, нет никаких оснований отождествлять «небо» китайской религии с «личным творцом» западного теизма, как это по примеру миссионеров XVI—XVIII вв. делали и некоторые современные им китаеведы. Однако замечания патриархов нашего китаеведения относительно необходимости верификации понятийного аппарата синологического религиеведения не утратили своей актуальности и по сей день. В частности, и в рецензируемой работе предпринимается попытка сближения «идеала конфуцианской религии», каковым является Небо — «единое, абстрактное божество, носитель социально-этических принципов, верховный творец, высший судья, блюститель общественных устоев» (с. 203),— с концепцией монотеизма.

Между тем совершенно очевидно, что «небо» конфуцианской традиции не может быть ни носителем каких-либо принципов, ни высшим судьей, ни блюстителем, поскольку, как мы видели, оно не является личностным божеством, к которому могли бы быть приложимы указанные атрибуты. Не предшествуя феноменальному миру, конфуцианское «небо» не может быть и его творцом. Ни в конфуцианской, ни в даосской традиции вообще нет места креационизму, поскольку в конструируемых ими моделях мира, как и в других аналогичных системах, существование определенных вещей рассматривается как конечный, не требующий объяснения факт, исключающий необходимость какого-либо творения [8]. Как отмечает в отношении таких систем Ф. Кейпер, в них «первообразный мир был сакрален сам по себе, и для того, чтобы осуществился

Т. 7. Пекин, 1956, с. 178; а также: *Needham J.* Time and Eastern Man. Glasgow: University Press, 1965, p. 1.

[7] См. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Вступ. ст., пер. и комм. Л. Д. Позднеевой. М., 1967, с. 13.

[8] На неправомерность сближения некоторыми западными синологами специфически китайских терминов (цзао у, цхаоучжэ) с «Создателем», или «Богом», ветхозаветной традиции указывала Л. Д. Позднеева, см. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая, с. 9. Между тем свободное обращение с религиеведческой терминологией продолжает оставаться типичным для западных синологических работ; в частности, явно злоупотребляет в применении к раннедаосской традиции такими терминами, как «творение», «падение» и т. д., в своем фундаментальном исследовании, посвященном древнекитайской мифологии, Н. Дж. Жирардо (op. cit., passim.).

процесс этого генезиса, творец был не нужен» [9]. Поэтому для любого божества китайской традиции, претендующего на роль «творца», справедливо все сказанное относительно аналогичного ему по функции ведийского Индры, который, создавая дуалистический мир из уже готового и бытийно первичного по отношению к нему материала (ср. Паньгу китайской традиции), не может быть сопоставим с Творцом религии Ветхого Завета, но может быть назван только демиургом, действующим не как сознательное и абсолютное начало жизни, а как своего рода «магнетическая сила», воздействующая на первоматерию мира.

В полном соответствии с такими общетеоретическими установками находятся и все рассматриваемые Э. М. Яншиной образы «предков-демиургов». В древнекитайской мифопоэтической традиции космогонические мотивы, как указывает автор, можно считать установленными для мифов о Нюйва, женском божестве-предке и демиурге, и героях-демиургах Великом и Черном. При этом в круге мифов о Нюйва наряду с такими чертами ее образа, как змеевидность, способность выступать в функции хранительницы могил и божества плодородия, наличествует либо мотив прародительницы, формующей людей из земли (парадигма демиурга-ремесленника), либо мотив так называемых «семидесяти превращений» (парадигма упорядочения хаоса), в результате которых сама Нюйва превращается в «тьму вещей» (с. 126) [10]. Та же роль демиурга отводится Нюйва и во всем цикле мироустроительных сюжетов, связанных либо с починкой ею поврежденного мироздания, либо с сюжетом наведения «космического» (или, точнее, «косметического», по Н. Дж. Жирардо) [11] порядка в стихийном хаосе, примыкающем к сюжету потопа. Сюда же может быть отнесен и цикл сюжетов о порождении Нюйва Черным Драконом, олицетворяющим первобытный потоп-хаос, борьбе с ним порожденной им матери-земли (Нюйва) и победе над ним, завершающей мироустроение (с. 133).

Функции демиургов, но уже не как самостоятельных предков-божеств, а в качестве героев, выполняющих повеление «высшего предка», принадлежат и упомянутым выше Великому и Черному, отсекающим небо от земли и тем самым прекращающим неформальные коммуникации между коллективом людей и коллективом предков-богов. И хотя в соответствующем разделе главы «Мифы о героях» автор предпринимает попытку рассмотреть их деятельность на более широком мифологическом фоне, предполагающем какую-то «более обширную космогонию» (с. 137), в целом и данный сюжет не выходит за рамки наведения порядка в первоначально не расчлененном единстве-хаосе, где небо и земля уже присутствовали в потенции и, стало быть, уже существовали. Интересная гипотеза Э. М. Яншиной о «близнечном» характере мифа о Великом и Черном также вписывается в концепцию демиургической пары. Подтверждает все вышесказанное и вывод автора о том, что «по сюжету миф об отделении неба от земли Великим и Черным абсолютно отличается от мифа о прекращении ими сообщения между небом и землей» (с. 149). Действительно, первый строится по парадигме упорядочения хаоса, второй — по парадигме демиурга-ремесленника.

Типологически сходные сюжеты рассматриваются и в разделе «Мифы о потопе», посвященном преимущественно деяниям Великого Юя, популярнейшего героя-демиурга, победителя водного хаоса и в этом качестве одной из главных фигур наряду с Яо и Шунем в конфуцианско-моистском пантеоне. Рассматриваемые Э. М. Яншиной варианты сюжета, вероятно, действительно относятся к разным историческим эпохам, хотя интерпретация одного из них (из «Каталога гор и морей») в качестве богоборческого представляется все же излишне социологичной, поскольку «богоборчество» Гуня здесь сводится к обычному в коллективе политеистических божеств ритуальному похищению саморастущей земли (сижан).

Вообще мотивы войны или вражды богов, как прекрасно показано на многих примерах Э. М. Яншиной, так же характерны для китайской мифопоэтической традиции, как, например, для типологически сходных политеистических коллективов древней Греции или Индии, где также чрезвычайно типичны мотивы, характеризующие бытовую, «человеческую» сторону взаимоотношений божеств. И здесь, как и всюду в поли-

---

[9] *Kuiper F. B. J.* The Basic Concept of Vedic Religion.— In: *Kuiper.* Ancient Indian Cosmogony, p. 10.

[10] Этот мотив повторяется и в предположительно позднем круге сюжетов о Паньгу.

[11] *Girardot.* Op. cit., p. 5.

теистических традициях, божества-предки не только не противостоят миру людей-потомков, но с легкостью трансформируются в героев-демиургов, а затем и в культурных и просто героев эпических сказаний, таких, как Охотник (Хоуи), круг преданий о котором блестяще реконструируется автором в заключительном разделе монографии.

Как отмечает здесь Э. М. Яншина, «занимательность сюжетных мотивов об Охотнике привела к тому, что его мифология являлась большей частью объектом беллетристических „реконструкций", а не научного анализа» (с. 162). Со своей стороны отметим, что строгая научность изложения материала в этом разделе монографии не лишает читателя возможности воспринять и художественную сторону сюжетов мифов об Охотнике. Автором дан здесь, пожалуй, исчерпывающий анализ тем и мотивов, относящихся к кругу «охотничьих» мифов, и предложены такие способы интерпретации материала, которые позволяют увидеть в Охотнике не только культурного героя, но и «покровителя охоты и охотников» (с. 165). Весьма интересны и предлагаемые Э. М. Яншиной на основании анализа имени Охотника (графики знаков) гипотеза о существовании в древнем Китае культа лука и стрел и интерпретация мифологемы лука и стрелы, включающая широкие параллели с подобными архаическими мотивами в других культурах, в частности грузинской (автор привлекает здесь работу Е. Б. Вирсаладзе) [12]. Действительно, универсальный характер мифологии богини-охотницы, хозяйки зверей, целый ряд косвенных деталей в мифах об Охотнике, начиная с его имени — «третьего хоу» в ряду Хоуцзи и Хоуту (см. выше), убеждают в правомерности утверждения автора, что «имя божества охоты, понятое как «Владычествующая над Охотой (Стрельбой из Лука)», прекрасно согласуется с характером подобного божества» (с. 168). Убедительно выглядит и выстраиваемая Э. М. Яншиной концепция перехода от раннегероических мотивов мифологии Охотника, когда еще очевидно господство представлений о нем как о стихийно-хтоническом боге-Охотнике, благостном и злобном одновременно, к утверждению его образа уже в качестве героя, миссией которого является принесение людям культурных благ. В этом направлении развиваются сюжетные линии борьбы Охотника с чудовищами и освобождения от них земли и людей, что понимается как мироустроительная функция героя-демиурга, а также всего обширного комплекса сказаний о борьбе Охотника с солнцами, где он приобретает черты культурного героя. Следующий этап развития мифологии Охотника — сказания о странствии Охотника на Запад, получении им там эликсира бессмертия, похищении эликсира его женой и ее бегстве на луну — свидетельствует, как отмечает автор, о «перерастании мифа об Охотнике — культурном герое в повествование о нем как о богатыре» (с. 183).

Наиболее интересным наблюдением автора во всем этом мифологическом комплексе представляется попытка отождествления Хозяйки Запада, к которой отправляется Охотник в поисках эликсира бессмертия, с образами хозяек зверей, известными по мифам об охотниках. И здесь автор находит убедительные параллели, указывающие на типологическое сходство мифов об Охотнике с аналогичными преданиями охотничьих народов Севера, древнего Египта (Тефнут-Хатор-Онурис), Греции (Аполлон— Артемида), Индии. Следует отметить, что именно круг мифов об Охотнике, содержащий мотивы получения дара (эликсира бессмертия) от Хозяйки Запада, его утраты по вине жены, путешествия на Запад, сексуального избранничества (что, как подчеркивает автор, вообще является единственным случаем сохранения подобного мотива в китайских письменных памятниках), наиболее «открыт» для широких мифологических параллелей благодаря как сюжетному разнообразию, так и художественности формы. Следует отметить, что Э. М. Яншина удачно использует все эти преимущества, и в ее изложении перипетии отношений героев подтверждают вывод о том, что позднегероические сказания об Охотнике уже содержат в себе элементы эпоса (с. 149).

Подводя итог, следует сказать, что несомненной заслугой книги Э. М. Яншиной «Формирование и развитие древнекитайской мифологии» является вскрытие всего многообразия связей в образной структуре древнекитайского мифологического комплекса. Эта первая на русском языке монография по китайской мифологии как религиозно-культурному целому, бесспорно, серьезный вклад в отечественную синологию. В этом, мы полагаем, смогут убедиться все читатели, интересующиеся культурой древнего мира.

Г. А. Ткаченко

---

[12] *Вирсаладзе Е. Б.* Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.

S. HODJASH, O. BERLEV. The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1982. 311 p. with ill.

Прекрасное собрание древнеегипетских памятников Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, основу которого составляет коллекция В. С. Голенищева, до недавнего времени было известно широкому кругу исследователей лишь по публикациям отдельных вещей. Новая книга С. И. Ходжаш и О. Д. Берлева, в которой опубликованы *все* хранящиеся в ГМИИ рельефы и стелы, а также некоторые другие категории памятников (жертвенники, формы, модели скульпторов и т. д.), восполняет этот серьезный пробел. Всего в книге издано 218 памятников Старого, Среднего, Нового царств, Позднего периода, птолемеевского и римского времени; в самостоятельные разделы выделены магические стелы, мероитские памятники и стелы из Египта с греческими надписями.

Коллекция ГМИИ занимает весьма важное место среди подобных собраний, в чем огромная заслуга В. С. Голенищева, собравшего ряд первоклассных памятников, и под стать этому и публикация. Издательство «Аврора» выпустило книгу высокого качества с отличными фотографическими воспроизведениями всех вещей; немного найдется в египтологии подобных изданий — большинство каталогов музейных собраний древнеегипетских памятников менее совершенно.

Большая часть памятников воспроизведена на черно-белых фотографиях, однако немало и цветных воспроизведений. Все они сделаны четко и имеют удобные для работы размеры. Качество воспроизведений позволяет видеть в ряде памятников, того заслуживающих, не просто исторические источники, но и произведения искусства (а таких памятников в коллекции немало).

Отступлением от программы-максимум издателя-эпиграфиста является полное отсутствие в книге прорисовок рельефов и надписей. Однако, качество фотографий и степень сохранности памятников практически всегда позволяют обходиться без прорисовок (они желательны лишь для нескольких памятников, например, № 50 и 122). В целом же исполнение книги производит в высшей степени благоприятное впечатление; все свидетельствует о вкусе художника, работавшего над ней. Отметим только одну и, пожалуй, единственную ошибку, допущенную при монтаже книги: фрагмент росписи № 51 оказался на фотографии повернутым на 90° от своего нормального положения. Все надписи помимо фотографий воспроизведены также в четкой рукописной передаче. К сожалению, полностью отсутствуют транслитерации, что объясняется, видимо, сложностью набора.

В выходных данных на последней странице книга названа альбомом. Большое количество фотографий высокого качества дает основание для такого наименования, но только формальное: воспроизведения составляют, конечно, важнейшую, но лишь исходную часть всякого издания, за ними должны следовать комментарии и (в идеале) теоретические выводы. Все эти требования к публикации соблюдены в книге, так что она представляет собой нечто гораздо более значительное, чем просто альбом.

Описания памятников построены по следующему образцу: 1) инвентарный номер, 2) размеры, 3) материал, 4) датировка, 5) происхождение, 6) раскраска (если сохранилась), 7) библиография, 8) рукописная передача текстов, 9) перевод текстов, 10) комментарии к текстам [1].

Музейная, «вещеведческая» часть этой работы проделана с большой точностью и тщательностью; впервые появилась сводная библиография по этой части собрания ГМИИ, впервые же выяснено и происхождение ряда памятников, что немаловажно для их интерпретации. Благодаря проделанной работе удалось, например, предпринять реконструкцию рельефа из часовни V династии, принадлежавшей Tp(.j)-m-ʿnḫ [2],

---

[1] Описания мероитских памятников и стел с греческими надписями содержат только пункты 1—7; таким образом, все, о чем мы будем говорить в дальнейшем, касается только собственно египетских вещей.

[2] На наш взгляд это имя лучше читать D̲ʾd̲ʾ (.j)-m-ʿnḫ, основываясь на фонетическом написании папируса Весткар: *Erman A.* Die Märchen des Papyrus Westkar. B., 1890, Taf. IV —20, V—1, VI—1, 8, 17, 21.

фрагменты которого в результате распродажи оказались разбросанными по музеям Каира, Брюсселя, Лондона и Москвы, но вновь соединились на рисунке на с. 39. В результате из обломков сложилась одна из очень малочисленных, а потому чрезвычайно важных для изучения хозяйства Старого царства рыночных сцен.

Не будем останавливать внимание на проделанном в комментариях анализе конкретных вещей — он точен и надежен. Обратимся лучше к очень важным теоретическим выкладкам, в первую очередь к касающимся мировоззренческих вопросов.

Для авторов несомненно, что невозможно изучать древнеегипетские памятники не выяснив, чем они были для древнего египтянина, какое место они занимали в его жизни. Поэтому во введении, с которого начинается книга, помимо традиционного для таких изданий изложения истории коллекции, принципов публикации и т. д. имеется нетрадиционный и важный раздел, касающийся именно этих вопросов; называется он «Искусство как средство обеспечения бессмертия» и посвящен египетскому представлению о природе человека, а если брать шире, то и всего мира. Это прежде всего представление о Ка человека, о его Двойнике. О. Д. Берлев уже высказывал мнение, что зачастую то, что мы называем загробным миром, сводилось египтянами к миру изображений в гробницах [3]. В настоящем разделе эта мысль четко формулируется: изображение есть Ка человека, его Ка есть изображение. Таким образом, Ка представляет собой ту «часть человеческой личности, которую можно изобразить средствами искусства» (с. 14). На наш взгляд, проблема сложнее и ставить знак равенства между Ка и изображением можно не всегда: изображение действительно есть Ка, но только к изображению Ка не сводится [4]. Однако в рецензируемой книге практически впервые в египтологии связаны воедино Ка и изображение, изображение и загробный мир, т. е. сделано то, без чего к проблеме Ка вообще невозможно подойти, и тем самым указана та категория источников, с которой следует начинать изучение проблемы. И хотя возможны и оправданы различные интерпретации Ка, настолько разностороння эта проблема, нельзя не согласиться, что такой подход к проблеме является единственно возможным. Интересна и новая трактовка знака k', обычно понимаемого как символ охвата, защиты, что связывается с традиционным, хотя явно несовершенным пониманием Ка как гения-защитника (Schutzgeist). В этом знаке предлагается теперь видеть отражение идеи абсолютного сходства человека и его Двойника, похожих «как две руки» (подобно нашему «как две капли воды») (с. 14).

Другая важная мысль, содержащаяся в этом разделе,— о сосуществовании в египетских представлениях нескольких «загробных миров» одновременно; они названы «миром изображений» и «миром трупа». Оба эти мира создаются человеком, но они принципиально отличны. Первый не содержит ничего трансцендентного и необычного, поэтому его можно изобразить (он помимо культа мало связан с религией); второй же нельзя изобразить в силу его сверхъестественности, поэтому он описывается заупокойными текстами [5]. Существовавшие в Старом царстве строго раздельно, эти два мира начинают позднее переплетаться, что приводит к возникновению запутанной картины загробной жизни в представлениях Среднего и Нового царства, непонятой до сих пор именно из-за того, что генезисом ее занимались недостаточно [6]. Очень важна также и мысль о том, что оба эти мира начинают действовать не после смерти человека, а сразу же после создания изображения или текста для этого человека, т. е. что они в действительности не были загробными (с. 15).

В силу недостатка места многие важнейшие положения остаются только постулированными, но не раскрытыми. Уточним поэтому содержащееся во введении утвержде-

---

[3] *Берлев О. Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1978, с. 17—34.

[4] См. об этом: *Большаков А. О.* Роль изображений в мировоззрении египтян Старого царства: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук, Л., 1985.

[5] Вопрос о том, создаются ли «загробные миры» человеком или же существуют независимо от него, один из наиболее сложных среди стоящих перед исследователем этой проблемы. Думается, что здесь возможны иные решения, что нисколько не умаляет заслуг авторов в новом понимании изобразительных памятников.

[6] О локализации двух «загробных миров» см. *Большаков А. О.* Из истории египетской идеологии Старого царства.— ВДИ, 1982, № 2, с. 97—101. На наш взгляд смешение этих двух миров происходит раньше, чем полагают авторы: первым признаком такого смешения является проникновение настенных изображений из наземной части гробницы в погребальную камеру на рубеже V—VI династий.

ние о том, что в представлении египтян изображение было слепым, но обладающим слухом (с. 15). Это утверждение, если воспринимать его буквально, может вызвать недоумение: ведь именно для изображения хозяина создавались изображения его хозяйства, помещавшиеся на стенах гробницы, и, более того, в специальных формулах совершенно ясно говорилось, что хозяин (т. е. его изображение) смотрит на изображенное перед ним. Здесь мы имеем дело с восходящей еще к Г. Юнкеру концепцией слепоты египетского божества, а равно и изображений. Со слепотой этой борются при помощи отверзания глаз, обряда, совершавшегося над изображениями, однако обретаемое таким путем зрение имеет специфический характер; вообще же зрение стараются заменить слухом, который, как полагали египтяне, у изображения есть, и поэтому заупокойный культ в значительной степени основывается на чтении жертвенных формул. Таким образом, слепота, о которой идет речь, очень своеобразна — она сочетается с возможностью видеть «внутренним зрением» все то, что изображается, и то, чье название произносится вслух. К сожалению, эта концепция до сих пор не изложена нигде, кроме приведенных в рецензируемой книге кратких замечаний. Будем надеяться, что появится и подробная публикация — она необходима.

Изложенный во введении подход позволяет в комментариях добиться больших успехов в интерпретации надписей, затронуть многие теоретические вопросы, далеко выходящие за рамки публикационной работы. Среди них следует отметить новые трактовки терминов pr.t-ḫrw, mꜣʿ-ḫrw, ꜣḫ, jmꜣḫ.w.

Новое понимание заупокойной формулы (pr.t-ḫrw — «выхождение голоса») основывается на том, что когда во время заупокойной службы произносятся названия перечисляемых в формуле продуктов, слепой мертвый слышит эти названия и «видит» эти продукты «внутренним зрением», т. е. представляет себе их, и продукты эти становятся для него реальными, насыщающими его [7] (с. 25, комментарий j). С этим же связан и эпитет mꜣʿ-ḫrw — «правый голосом», прилагавшийся к имени умершего начиная со Среднего царства (само выражение появилось раньше). Он означает «правильно, хорошо слышащий», «имеющий слух», т. е. утверждает, что мертвый получает все те жертвы, названия которых перечислены в жертвенной формуле. При этом, видимо, следует учитывать, что умерший в представлении египтян мог слышать не только текст, произнесенный вслух, но и просто записанный, но никем не прочитанный. Таким образом, старую трактовку mꜣʿ-ḫrw как «оправданный» (на загробном судне Осириса) следует отвергнуть, хотя возможности того, что слух мертвый получал благодаря решению суда, отвергать нельзя (разумеется, это будет лишь новоегипетской интерпретацией более раннего представления) (с. 77, комментарий d).

Отсюда вытекает и новое понимание категории ꜣḫ, которая до сих пор остается неясной. Традиционно этот термин принято переводить в соответствии со значением исходного корня ꜣḫ — «быть светлым» — как «светлый дух», «одухотворенный мертвец», «привидение». Однако какой смысл следует вкладывать в эти переводы, чем ꜣḫ отличается от Ка, Ба, Имени, непонятно; не помогло и появление нового, специально посвященного ꜣḫ исследования [8]. В комментарии ꜣḫ на с. 72 предлагается совершенно новая трактовка, исходящая из буквального перевода ꜣḫ как «светлый», т. е. «способный видеть», «зрячий» (приводится интересный русский антоним: «темный» в значении «слепой», — например Василий Темный). Становится понятным, почему термин ꜣḫ прилагается только к мертвым, но не к живым: живой зряч сам по себе, мертвому же «внутреннее зрение» обеспечивают искусственно, поэтому его зрячесть необходимо всячески подчеркивать; ꜣḫ оказывается не сущностью человека, подобной Ка, Имени, Ба, в один ряд с которыми его принято ставить, а лишь обозначением мертвого, похороненного должным образом, для которого установлен заупокойный культ.

Термин jmꜣ ḫ.w/jmꜣ ḫ.wt, постоянно сопровождающий имена умерших, до сих пор также не был понят и переводился совершенно условно как «блаженный», «почтенный» и т. д. Предлагаемая трактовка возводит его к jmꜣ ḫ — «спинной мозг» и основывается

---

[7] «Внутреннее зрение», на наш взгляд, теснейшим образом связано с Ка, с представлением об идентичности Ка (образа предмета) и его Имени (названия).

[8] *Englund G.* Akh — une notion religieuse dans l'Égypte pharaonique. Uppsala, 1978.

на совершенно буквальном переводе производного слова — «обладающий спинным мозгом», т. е. «не мертвый до конца», «активный» [9] (с. 25, комментарий е).

Подобно тому как новые трактовки этих терминов подводят к египетским представлениям о сущности человека, новая трактовка терминов nṯrʿ, прилагаемого к солнечному богу, и nṯr nfr, относящегося к царю, приближает нас к пониманию египетского представления об устройстве мира и о связи египетского государства с мирозданием. Оценка этих терминов, традиционно переводимых как «бог великий» и «бог прекрасный (или добрый)» как противопоставленных терминам «бог старший» и «бог младший» («прекрасный» — эвфемизм для «молодой») — позволяет понять взаимоотношения между солнцем и царем как родственные, как отношения между отцом и сыном [10]. Поскольку эти отношения лежат в самом центре египетской картины мироздания, роль полученных выводов трудно переоценить.

В книге содержится также немало наблюдений мифологического плана; в основном они собраны в разделе, посвященном магическим стелам Позднего периода, очень своеобразной группе памятников. Здесь и интерпретация изображений Хора и Бэса как молодого и старого солнца (с. 249, комментарий 1), и объяснение того, почему именно антилопа бейза была излюбленной жертвой Хору (с. 249, комментарий у), и замечание о том, по какой причине Амон никогда не изображался на магических стелах (с. 267, комментарий е), и многое другое.

Каждое из этих наблюдений интересно и полезно само по себе, вся же совокупность их значительно расширяет границы книги и превращает ее в весьма полезный справочник, который может ответить на многие вопросы или во всяком случае дать информацию к размышлению, что не менее важно. К тому же обсуждение проблем сопровождается достаточно полной библиографией, учитывающей новейшие работы и являющейся добрым подспорьем каждому, кого эти проблемы заинтересуют. Разумеется, в рамках комментариев эти наблюдения вынужденно кратки, и остается только надеяться на появление более обширных этюдов, но это ни в коем случае не может ставить под вопрос их ценность и обоснованность.

Такая разносторонность рецензируемой книги не позволяет назвать ее просто музейным каталогом — это было бы преуменьшением ее роли. Ее следует относить к очень редкому, к сожалению, жанру издания-исследования, сочетающему тесно переплетенные публикационную и исследовательскую части, что позволяет высказать по поводу отдельного памятника соображения гораздо большего порядка.

Книга опубликована большим для подобных изданий тиражом, так что несомненно она станет широко известна и употребительна, тем более что изданные памятники необходимы специалистам практически во всех областях египтологии. Будет способствовать этому и то, что она вышла на английском языке в хорошем переводе одного из авторов, О. Д. Берлева [11]. Книга эта должным образом будет представлять советскую египтологию на мировом уровне. ГМИИ имеет теперь превосходную публикацию своих египетских коллекций, которой может позавидовать любой другой музей.

* * *

[9] По-видимому, такие буквальные переводы вообще оказываются в этой области наиболее плодотворными, так как позволяют приблизиться к мышлению древнего человека.

[10] На основании изучения «солнечных имен» времени Эхнатона к сходным выводам пришел Ю. Я. Перепелкин: *Перепелкин Ю. Я.* Кэйе и Семнех-ке-ре. М., 1979, с. 258—271.

[11] Ради удобства иностранного читателя ссылки на русскую литературу даются с переводом названий на английский, так что в сокращении BCIPA трудно узнать «Краткие сообщения Института народов Азии», а в WHA — «Всеобщую историю искусства», однако с этим небольшим неудобством следует примириться ради общей пользы.

F. W. HINKEL. Exodus from Nubia. Berlin: Akademie-Verlag, 1978, 90 p. with ill. (Subsided by UNESCO)

Сооружение высотной Асуанской плотины было причиной, вызвавшей крупнейшую археологическую акцию ЮНЕСКО — кампанию по исследованию зоны затопления и спасению важнейших находящихся в ней памятников древности (1960—1980 гг.). В суданской Нубии были разобраны и реконструированы четыре храма — Акша (время Рамсеса II, перенесен частично), Бухен (время Хатшепсут — Тутмоса III), Западная Семна (время Тутмоса III), и Восточная Семна (время Тутмоса II — Аменхотепа II), а также гробница царевича Ḏḥwtj-ḥtp(.w) в Дебейре (время Хатшепсут). Каждый из этих памятников по-своему интересен, а работы по их реконструкции достаточно своеобразны: в отличие от своих египетских соседей, собранных поблизости от их первоначального местонахождения, они были перевезены за тысячу километров в Хартум, в специально созданный для этого музей. Реконструкции этих памятников и посвящена книга Фридриха Хинкеля, архитектора из ГДР, ныне главного архитектора Службы древностей Судана. Вышедшая из-под пера участника и одного из руководителей проекта реконструкции, она не может не вызвать интереса у широкого круга читателей, тем более что написана она очень популярно и доступно. Тем не менее несмотря на свою популярность (а рассматривать ее следует в рамках именно популярного жанра) книга весьма корректно рассказывает о многих малоизвестных фактах.

Автор начинает с очень краткого географического и исторического обзора, в котором рассказывается о Ниле, его характере и причинах поведения и о той культуре, которая существовала в древности в Северной Нубии, на территории, которая должна была полностью исчезнуть под водой. В историческом очерке автору удалось избежать неточностей, которыми, к сожалению, изобилуют очень многие подобные обзоры, написанные не египтологами. Несмотря на свою вынужденную краткость, рассказ об истории Нубии служит неплохим предисловием к основной части книги.

Ф. Хинкель руководил работами по спасению всех памятников на суданской территории, намеченных к переносу. Хотя эти храмы и не очень велики, возникло множество проблем, наиболее серьезной из которых было отсутствие необходимых технических средств как для разборки сооружений, так и для транспортировки снятых блоков,— работать приходилось преимущественно вручную. Легче всего было с храмом Акша — в нем рельефы сохранились лишь на одной стене, и было решено демонтировать и перевезти в Хартум только ее. Впрочем, даже эта «небольшая» работа означала разборку 50 блоков, закрепление камня раствором шеллака и перевозку монолитов к Нилу.

Гораздо большим был объем работ в храме крепости Бухен, имеющем площадь около 600 м². Из-за отсутствия оборудования приходилось пользоваться примерно теми же приемами, что и при строительстве храма в древности. Он был полностью, внутри и снаружи, засыпан песком, из песка же была сделана и 60-метровая насыпь, по которой снятые и упакованные блоки на волокушах транспортировали к Нилу. Современным рабочим на своем опыте пришлось убедиться в целесообразности приемов тысячелетней давности,— например, для уменьшения трения они смачивали полозья водой точно так же, как это изображалось в египетских гробницах. Опыт приобретался с работой, через некоторое время производительность труда достигла 10 блоков в день — и уже через 59 дней был снят, закреплен, упакован и доставлен к Нилу последний камень. Несколько раньше была распилена и подготовлена к транспортировке скальная гробница Ḏḥwtj-ḥtp(.w) в Дебейре. В апреле 1963 г. четыреста камней из Акши, Дебейры и Бухена общим весом в 800 т были перевезены в Хартум.

Имея уже достаточный опыт, в марте 1963 г. спасатели перешли к работам в Западной Семне. Хотя храм этой крепости и невелик, именно здесь возникли наибольшие трудности. Для дальнейшей транспортировки блоки следовало доставить на восточный берег Нила, но судов, способных перевозить груз весом более 4 т (именно таков вес блоков), в округе не было. Пришлось сооружать плот из железных бочек, натягивать поперек реки стальной трос и пользоваться этим самодельным паромом. На нем и было перевезено около 200 т груза.

В конце апреля работы переместились в Восточную Семну, где они продолжались два месяца. Обычно ни одна экспедиция не работает в это время, однако приходилось

спешить и работать в условиях невыносимой жары, к которой добавлялись трудности со снабжением. Наконец, в конце июня все демонтированные блоки были вывезены в Хартум. Следует отметить, что несмотря на сложную перевозку с несколькими перегрузками хорошо упакованный груз прибыл на место назначения без повреждений. Упаковочные ящики на полозьях, спроектированные Ф. Хинкелем, изготовлялись на месте работ и обеспечивали надежную фиксацию и защиту камней.

Здесь следует остановиться на следующем моменте, который сам автор никак не выделяет. Поскольку Служба древностей Судана была стеснена в средствах, ей приходилось ограничиваться простейшими техническими приспособлениями, пользуясь в основном древнейшими приемами работы, спасение памятников древности оказалось одновременно и грандиозным технологическим экспериментом, имеющим масштабы, которые, как правило, недоступны экспериментаторам по причинам дороговизны. Перед небольшим коллективом людей, не имеющих специальных навыков подобной работы, стояла задача разобрать мегалитические монументальные сооружения и перевезти камни на расстояние в сотни метров, что по затратам труда почти равно постройке этих сооружений. Ф. Хинкель имел возможность практически безгранично увеличивать число рабочих — возможность дополнительного заработка, столь редкая в этих краях, приводила к нему массу желающих,— однако это оказалось совершенно ненужным. 50—70 человек при четкой организации вполне справлялись с работой.

Разборка храма в Бухене (около 600 м^2) заняла 3 месяца, разборка храма в Западной Семне — 1 месяц и еще 3 недели транспортировка блоков через Нил, разборка храма в Восточной Семне — 2 месяца, причем в самое неблагоприятное время года. К сожалению, Ф. Хинкель не привел никаких расчетов затрат труда, что для него, руководителя работ, было бы несложно — расчеты эти были бы интересны широкому читателю и важны для специалистов. Справедливости ради отметим, что таких расчетов не опубликовали, кажется, и другие экспедиции.

Когда разобранные памятники были доставлены в Хартум, началась заключительная стадия работ — их реконструкция в саду Суданского национального музея. Разумеется, эта работа требовала гораздо большей точности, чем разборка (блоки следовало устанавливать с точностью до миллиметра), но и она вынужденно выполнялась с применением минимума технических средств. Тем не менее храмы были собраны за очень короткое время, например храм Западная Семна 40 рабочих собрали за 70 дней.

Климат Хартума, где в отличие от абсолютно сухой Нубии есть сезон дождей, потребовал возведения над храмами каких-то защитных сооружений. Защитные функции лучше всего выполняли бы закрытые павильоны, однако они ухудшили бы обзор и лишили бы памятники значительной доли привлекательности. Поэтому было найдено компромиссное решение. Ф. Хинкель спроектировал легкие застекленные павильоны на колесах. В сухое время они стоят за храмами, не портя их вида, а в сезон дождей по рельсам накатываются на них и защищают от воды. Для самого большого храма из Бухена была спроектирована более сложная крыша из трех телескопически выдвигающихся частей. Особо следует отметить, что эти конструкции были разработаны Ф. Хинкелем оперативно, без участия проектных организаций, которые, как хорошо известно нашим музейным работникам, способны невыносимо затянуть любую работу. Также очень быстро шло и строительство павильонов, хотя сам Ф. Хинкель и жалуется, что подрядчики задержали строительство колпака для Бухенского храма.

Вообще оперативность была характерной чертой организации Суданского национального музея. Как только вокруг музейного здания были реконструированы храмы и гробница, установлены привезенные из Нубии статуи и вырезанные из скал наскальные изображения, был разбит сад, создавший для этих памятников достойное обрамление, а сама экспозиция музея была сделана за несколько месяцев. Наконец, 28 мая 1971 г. музей был открыт, что означало окончание работ по спасению памятников в зоне затопления.

Обо всем этом Ф. Хинкель рассказывает профессионально и интересно. Книга стала бы еще интересней, если бы в нее был включен рассказ о работах других экспедиций на территории Судана. Поскольку одних иностранных экспедиций было девятнадцать [1], подробного рассказа, разумеется не могло получиться, но все-таки приве-

[1] См., например, *Шериф Негм-эд-Дин Мохаммед.* Памятники Нубии спасены: Судан.— Курьер ЮНЕСКО, март-апрель 1980, с. 17.

денные в книге сообщения о них слишком кратки, например Польской экспедиции в Фарасе, открывшей уникальнейшие памятники, посвящено лишь несколько строк.

В заключение следует сказать еще об одной важной части книги — об иллюстрациях. Она богато иллюстрирована 172 цветными и черно-белыми фотографиями, сделанными самим автором. В значительной степени именно они определяют лицо издания. Здесь множество пейзажей Нубии, бытовые сцены из жизни ее жителей, рабочие моменты демонтажа храмов и, наконец, виды нового музея в Хартуме. Кроме того, имеется ряд графических рисунков — планы памятников, прорисовки рельефов и т. д. Таким образом, иллюстрации полностью соответствуют той задаче, которую ставил перед собой автор, и вместе с текстом превращают книгу в широкий и разносторонний рассказ о жизни Нубии 60-х гг. и о спасении ее монументов. Впрочем, в подборе фотографий автор несколько увлекся экзотикой, но в популярном издании это не столько недостаток, сколько одна из черт жанра.

В целом можно сказать, что книга Ф. Хинкеля как популярное издание выполнена безукоризненно и несомненно уже вызвала интерес у широкого круга читателей.

А. О. Большаков

G. M. A. HANFMANN. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958—1975. G. M. A. Hanfmann assisted by W. E. Mierse. With contributions by C. Foss, J. Spier, A. Ramage, S. M. Goldstein, R. V. Russin, L. Robert, F. K Yegül, J. S. Crawford, A. R. Seager, A. T. Kraabel, H. Buchwald. Cambridge, 1983, XXXV+466 p.

Лидия занимает важную и пока недостаточно изученную страницу истории Малой Азии начала I тыс. до н. э. Лидийская цивилизация, возникшая в зоне непосредственного взаимодействия греческого полисного мира с древневосточным, представляет собой своеобразный вариант анатолийского рабовладельческого общества развитой древности [1].

История Лидийского государства дошла до нас в полулегендарном отражении античной литературной традиции [2] и фрагментарной информации восточных, в первую очередь ассирийских текстов. Но перспективы научной реконструкции лидийской истории связаны преимущественно с прогрессом археологических раскопок, которые наиболее систематически и результативно проводятся с 1958 г. до настоящего момента на месте столицы Лидийского царства — города Сард — экспедицией [3], возглавляемой известным исследователем в области малоазийской археологии и истории Г. М. А. Ханфманом [4]. Поэтому выход в свет публикации, впервые дающей обобщающее представление о материалах 18 раскопочных сезонов в Сардах, в результате которых был открыт многослойный памятник, сохранивший следы обитания от позднего каменного века до современности, является значительным событием в археологическом изучении Западной Анатолии.

---

[1] *Дьяконов И. М.* Урарту, Фригия, Лидия.— В кн.: История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1982, с. 67—69.

[2] *Pedley J. G.* Ancient Literary Sources on Sardis. Archaeological Exploration of Sardis. Monogr. 2. Cambr., 1972.

[3] Отчеты об археологических раскопках в Сардах публикуются в «Bulletin of the American School of Oriental Research» (1959—1973 гг.); «Türk Arkeoloji Dergisi» (1959—1977 гг.); информация об исследованиях в Сардах систематически дается также в «American Journal of Archaeology» и «Anatolian Studies». С 1967 г. в соответствии с планом завершающего издания результатов археологического исследования Сард выходят серии «The Reports» и «The Monographs». Их перечень см. в «Библиографии Сард» в рецензируемом издании (см. XVII—XXVI).

[4] См., в частности: *Hanfmann G. M. A.* Letters from Sardis. Cambr., 1972; *idem.* From Croesus to Constantin. Michigan, 1975; *idem.* On Lidian Sardis.— In: From Athens to Gordion. Philadelphia, 1980, p. 99—132 и др.

Авторы этой публикации справедливо считают, что она поможет ученым, изучающим историю Малой Азии, ориентироваться в разнообразных материалах раскопок, частью освещенных в многочисленных и труднодоступных изданиях, частью остающихся неизданными (с. IX). Другая цель рассматриваемого труда, в значительной степени ими реализованная,— показать значение полученных археологических источников для реконструкции истории Сард, в которой выделяют (с. 17): период неолита и медного века (5000—3000 гг. до н. э.), бронзовый век (3000—1000 гг. до н. э.), периоды: лидийский (1000—547 г. до н. э.), персидский (547—334 гг. до н. э.), раннеэллинистический (334—213 гг. до н. э.), средне- и позднеэллинистический и раннеримский (213 г. до н. э. — 17 г. н. э.), Римской империи и поздней античности (17—616 гг. н. э.), византийский (616—1300 гг. н. э.) и турецкий (с 1300 г.).

Указанными выше задачами и периодизацией определена структура рецензируемого издания. В его первой главе [5] дана характеристика топографии и экологии того района, где были расположены Сарды, и сделана попытка выявить природно-географическую обусловленность основных черт хозяйственной и социальной жизни населения этого региона. Вторая глава [6] знакомит с археологическими материалами раннего бронзового века, обнаруженными в непосредственной близости от Сард на южном побережье Гигейского озера, и с памятниками эпохи поздней бронзы, происходящими из раскопок жилого квартала Сард на восточном берегу Пактола. Третья глава [7] посвящена характеристике основных археологических комплексов, открытых на территории Сард и относящихся к лидийскому времени. Это — торгово-ремесленный квартал, условно именуемый «Lydian Market»; район, где были обнаружены свидетельства организованной в значительном масштабе разработки месторождения золота на севере Пактола («Pactolus North»); жилые кварталы в долине Пактола («Pactolus Cliff» и «Northeast Wadi»); комплекс сооружений на акрополе с остатками здания, идентифицируемого как дворец лидийских царей; участок с алтарем Артемиды и др. Четвертая глава [8] содержит описание некрополя Сард, в состав которого входят курганное кладбище Бин-тепе, расположенное к северу от городища, а также вырезанные в скалах погребальные камеры на западе и юге от лидийской столицы.

Особый интерес представляет пятая глава [9], в которой сделана попытка на основе сопоставления полученных археологических данных со сведениями античных авторов реконструировать основные черты лидийского общества и его культуры, в частности производство и торговлю, уровень развития городской жизни и архитектуру, язык и письменность, религию и др. В шестой главе [10] рассматриваются археологические материалы, проливающие новый свет на историю населения Сард в эпоху персидского владычества. Главы седьмая и восьмая [11] соответственно посвящены эллинистическому и римскому периодам истории Сард, а главы девятая и десятая [12] содержат характеристику археологического комплекса синагоги и христианских памятников. Рассматриваемый труд завершается содержательным заключением (с. 211—216), снабжен обширной библиографией (с. XVII—XXXV), указателями и прекрасно иллюстрирован (с. 292—456).

Столь широкий хронологический диапазон содержания рецензируемой публикации не позволяет даже в самой общей форме коснуться всех ее разделов. Мы остановимся лишь на некоторых материалах, относящихся к долидийскому и лидийскому времени.

Одним из важнейших результатов археологического изучения Сард является возможность воссоздать, пусть пока во многом и гипотетично, основные черты развития

---

[5] Ch. I: The City and its Environment (G. M. A. Hanfmann, Clive Foss), p. 1—16.

[6] Ch. II: Prehistoric and Protohistoric Periods (J. Spier), p. 17—25.

[7] Ch. III: Lydian Excavation Sectors (A. Ramage, S. M. Goldstein, W. E. Mierse), p. 26—52.

[8] Ch. IV: Lydian Graves and Cemeteries (R. V. Russin, G. M. A. Hanfmann), p. 53—66.

[9] Ch. V: Lydian Society and Culture (G. M. A. Hanfmann), p. 67—99.

[10] Ch. VI: The Persian Period (W. E. Mierse), p. 100—108.

[11] Ch. VII: The Hellenistic Period (G. M. A. Hanfmann, L. Robert, W. E. Mierse), p. 109—138; ch. VIII: The Roman and Late Antique Period (G. M. A. Hanfmann, F. K. Yegül, J. C. Crawford), p. 139—167.

[12] Ch. IX: The Synagogue and the Jewish Community (A. R. Seager, A. Th. Kraabel), p. 168—190; ch. X: Christianity: Churches and Cemeteries (G. M. A Hanfmann, H. Buchwald), p. 191—210.

населения данного региона Западной Анатолии в период, предшествующий возникновению могущественного Лидийского царства, блестящий расцвет которого в 687—552 гг. до н. э. причудливо, но прочно запечатлелся в памяти греков. В частности, есть основание говорить о существовании поселения раннего бронзового века (около 2500 г. до н. э.) в Ахлатли Тепесик, Эски Баликхан и других пунктах на южном побережье Гигейского озера, где были обнаружены захоронения в пифосах и каменных ящиках, сопровождаемые сосудами, в основном монохромными и изготовленными без гончарного круга (среди которых имеются экземпляры йортанского типа), а также бронзовыми булавками, медными кинжалами, роликами веретен (с. 17—18). Примечательны встречающиеся среди погребального инвентаря украшения из золота и серебра (с. 8). По мнению Г. Ханфмана, в материальной культуре этого района уже в III тыс. до н. э. сочетаются культурные традиции из Центральной Анатолии и из Эгеиды (с. 212).

Непосредственно на городище Сард найдены остатки жилищ и кремационные захоронения, датируемые поздним бронзовым веком (около 1400 г. до н. э.). Но отсутствие монументальных остатков дворцовых сооружений и письменной традиции позволяет, по мнению исследователей Сард, предполагать здесь в конце II тыс. до н. э. в лучшем случае лишь весьма периферийный вариант общества «дворцового типа» (с. 97) и не дает основания для ассоциации Сард этого периода с Ассувой или другим крупным западноанатолийским государством, упоминаемым в анналах хеттских царей.

Как отмечает Г. Ханфман, хеттское влияние в Сардах археологически прослеживается слабо (с. 68). Но интересен факт существования здесь кремаций, которые, как известно, на территории Малой Азии во II тыс. до н. э. зафиксированы в Трое VI (1325—1275 гг. до н. э.) и Хаттусе в период от Древнего до Нового царства. Для понимания происхождения кремационного обряда в Сардах небезынтересно, что кремации не встречаются во II тыс. до н. э. в соседнем Гордионе [13].

Археологические материалы, представленные в рецензируемом издании, проливают свет на сложнейшую проблему генезиса лидийского этноса, лидийской государственности и культуры. Анализ антропологических материалов из Сард показал, как установил Д. Финкель, что физический тип обитателей лидийской столицы оставался неизменным в период с 2600 г. до н. э. до начала нашей эры (с. 83—84). Это позволяет предполагать, что зафиксированные письменными источниками или гипотетично постулируемые миграции не оказали существенного воздействия на развитие местной культуры, или допустить, что пришельцы принадлежали к биологически близкому типу (с. 96). Нам представляется, что в данном случае необходимо, как убедительно обосновал И. М. Дьяконов [14], учитывать несовпадение антропологической, лингвистической и культурно-исторической преемственности, которое, очевидно, имело место и в истории этноса, населявшего Сарды.

Археологические данные показывают, что, хотя в Сардах конца II тыс. до н. э. установлено присутствие микенской керамики (с. 23) и обнаружены следы пожара, датируемые около 1200 г. до н. э. и ассоциируемые Г. Ханфманом с сообщением античной традиции о начале правления династии Гераклидов за 505 лет до Кандавла (т. е. около 1200—1190 гг. до н. э.), микенская керамика здесь, постепенно развивающаяся в субмикенскую и протогеометрическую, составляет лишь незначительный процент от общего количества обнаруженного керамического материала местного анатолийского происхождения. При этом отмечено, что в развитии анатолийской керамики Сард на рубеже II—I тыс. до н. э. не отмечается существенных изменений, а «микенская» керамика является в основном копиями местного производства, что также имеет место в Трое VII А и Б и в Тарсе. Все это побуждает Г. Ханфмана признать, что, хотя греки, очевидно, поселились в Сардах в период «темных веков», культура раннего железного века здесь оставалась в своей основе местной, западноанатолийской (с. 25).

Полученные результаты археологических исследований позволили авторам рецензируемого труда представить генезис лидийской цивилизации как сложный процесс, в котором западноанатолийский субстрат, восходящий к доиндоевропейским земледельческим культурам, подвергся эгейско-греческому и ближневосточному влиянию (с. 97). Устойчивые контакты с греческим миром явствуют из того факта, что микенская (конец XIII—XI вв. до н. э.) и протогеометрическая (XI—X вв. до н. э.) керами-

[13] *Mellink M. J.* A Hittite Cemetery at Gordion. Philadelphia, 1956, p. 45, 57.
[14] *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 7—9.

ка в Сардах непосредственно продолжаются греческой геометрической и лидийскими копиями последней. Серединой VIII в. до н. э. датируется появление керамического импорта из Коринфа. Но для освещения связей с ближневосточными культурами I тыс. до н. э. археологические данные в Сардах минимальны, хотя контакты с государствами Передней Азии убедительно реконструируются на основе восточных письменных свидетельств и обнаруживаются в фактах культурного взаимодействия (с. 98).

Что касается вопроса о фригийском влиянии в Лидии, то он пока в значительной степени остается открытым и требует дальнейших исследований. Предполагаемая политическая зависимость Лидии от Фригии в VIII в. до н. э. археологически фиксируется слабо. Правда, можно говорить об общих чертах фригийской и лидийской керамики в период «темных веков» (с. 75), о фригийском воздействии на монументальную архитектуру Сард (с. 75). Но самым убедительным свидетельством фригийского влияния, очевидно, следует считать возникновение курганного обряда погребений у лидийцев, который представлен некрополем в Бин-тепе. Аэрофотосъемка и фотограмметрические исследования позволили установить здесь существование около 90 курганных погребений. Свыше 20 из них было раскопано в 1958—1975 годах. Среди курганных захоронений Сард выделяют так называемые «царские», высота курганных насыпей которых варьируется от 1 до 15 м, а диаметр — от 10 до 40 м. Самое раннее курганное захоронение датируется временем не ранее Гигеса (680—645 гг. до н. э.). Подкурганные сооружения в большинстве своем представлены погребальными камерами. Но в отличие от Гордиона, где погребальные камеры были выстроены из дерева и изобиловали фрагментами деревянной мебели, погребальные сооружения в лидийской столице сооружались из местного известняка, а иногда (захоронение Алиатта) из блоков белого мрамора и имеют дромосы. По мнению авторов рецензируемой публикации, собственно лидийским и, возможно, восходящим к анатолийской традиции II тыс. до н. э. типом погребальных сооружений были вырезанные в скалах погребальные камеры (с. 59).

Важно подчеркнуть, что у лидийцев, как и у фригийцев, курганный обряд выступает в функции не столько этнического, сколько социального признака и ассоциируется с представителями верхушки социальной иерархии, носителями царской власти. Примечательно, что наиболее крупные курганные погребения в Сардах строятся именно в период, когда Лидия претендует на роль преемника фригийской гегемонии в Анатолии (с. 75). В целом же, как подчеркивает Г. Ханфман, Фригия представляла собой иную по сравнению с Лидией амальгаму анатолийского, восточного и эгейского компонентов (с. 98).

Причиной внезапного и блистательного подъема лидийского могущества Г. Ханфман считает начало разработки золотоносных месторождений на Пактоле (с. 76). Оставляя открытым вопрос о возможности получения местного золота уже при Мидасе, исследователь отмечает, что пока не обнаружено свидетельств получения золота на Пактоле ранее времени Гигеса. Уникальная система золотодобывающих сооружений в Сардах возникает или при Ардисе, или, что более вероятно, при Алиатте. Археологические исследования в Сардах дали возможность уточнить наши знания о технике изготовления первых в истории человечества монет, уточнить датировку их появления. При этом развитие техники чеканки электровой и золотой монеты и ювелирного дела в Сардах Ханфман склонен связывать с приходом на службу к лидийским царям месопотамских мастеров. По его мнению, весовой стандарт лидийских монет воспроизводит вавилонский, и изображение львиной головы на ранних лидийских монетах может отражать ассиро-вавилонское влияние (с. 77). Все это представляется вероятным в контексте того, что известно о контактах Гигеса и его преемников с Ассирией и Вавилоном. Но не следует игнорировать и тот факт, что в самой Анатолии, как на востоке (Алака-Гуюк, Махматлар, Хороз-тепе), так и на западе (Троя, Дорак), зафиксированы традиции ювелирного дела, восходящие к III тыс. до н. э. Поэтому не исключено, что лидийцы могли опираться и на местный анатолийский опыт в обработке драгоценных металлов. Интересно в этой связи и предположение Де Вриза о том, что обнаруженные в Мегароне 3 докиммерийского Гордиона золотые шарики без штампа, но определенного веса могли выполнять функцию протомонеты [15].

[15] *De Vries K.* Greek and Phrygians in the Early Iron Age.— In: From Athens to Gordion. The Papers of a Memorial Symposium for R. S. Young. Philadelphia, 1980, p. 34.

Находка царского монетного штампа позволяет предположить, что в Сардах была монополия царя на производство монет (с. 76—77). По мнению Г. Ханфмана, лидийским царям принадлежали установки для получения золота, располагавшиеся вдоль Пактола, каждую из которых обслуживали от 20 до 50 человек (с. 77). Находки монет в раскопанном торгово-ремесленном районе Сард очень редки, поэтому 30 золотых статеров Креза, обнаруженные в богатом погребении, датируемом 547 г. до н. э., косвенно свидетельствуют о том, что деньги концентрировались в руках царя и богатых торговцев. Но археологически засвидетельствованное производство ювелирных изделий в торгово-ремесленных кварталах Сард (НоВ и Р) указывает, как считает Г. Ханфман, на то, что изготовление и продажа предметов из драгоценных металлов могли осуществляться и вне дворца (с. 78).

Одним из самых важных результатов археологического изучения Сард исследователи считают возможность конкретизировать оставшуюся во многом теоретической модель традиционного дворцово-храмового города Анатолии (с. 69). Уточнены планировка и архитектурный ансамбль города VII—VI вв. до н. э., в котором различаются оборонительные сооружения, дворцовый район на акрополе, жилые и производственные кварталы нижнего города, некрополь. Однако далеко не вся площадь Сард лидийского времени исследована археологами: размеры лидийского города сейчас определяются приблизительно протяженностью с севера на юг в 2650 м, с востока на запад — 1000 м.

Интересна попытка Г. Ханфмана проследить на основе полученных археологических данных постепенный рост и изменение архитектурного ансамбля Сард как отражение прогрессирующего развития Лидийского государства в период от Гигеса к Крезу (с. 74—75). Рассматривая Сарды как закономерный этап развития анатолийской урбанистики, Г. Ханфман подчеркивает роль лидийской столицы как центра ремесла и «свободной» торговли и отмечает, что типологически Сарды были ближе к торговым городам Греции и Восточного Средиземноморья, чем к Гордиону, в котором, по мнению исследователя, преобладал «дух мощной феодальной власти и патриархальной гомеровской жизни» [16].

В рецензируемой публикации содержится ценнейший археологический материал, проливающий новый свет на многие стороны экономической и социально-политической жизни Лидийского царства эпохи его расцвета.

Большой интерес представляет и попытка Г. Ханфмана дать историческую интерпретацию этому материалу. При этом, сознавая естественную ограниченность познавательных возможностей археологических источников, исследователь при выяснении ряда вопросов опирается на сведения античной традиции. В частности, пытаясь воссоздать социальную структуру лидийского общества (с. 83—86), Г. Ханфман основывается на сообщении Геродота (I, 93) и других античных авторов и реконструирует состав лидийского общества следующим образом: царь, аристократия, жрецы, «девушки, занимающиеся своим ремеслом на дому», купцы, ремесленники, «свободные люди», рабы. Исследователь акцентирует внимание на моментах совпадения и разногласия данных археологии и письменной традиции. Так, он отмечает отсутствие археологических материалов, позволяющих судить об административном аппарате лидийских царей, о лидийских храмах и жречестве и др. (с. 73—74).

Но существенные ограничения на полноту и достоверность интерпретации социально-экономического и политического развития Лидии, предлагаемой в рецензируемом исследовании, накладывает то обстоятельство, что его авторы оперируют взятыми априори терминологией и понятиями, относящимися к феодальному обществу. В частности, курганные погребения на некрополе Сард рассматриваются как захоронения «феодальных семей, владевших и управлявших значительными земледельческими районами и, по-видимому, признававших верховную власть правителя Сард» (с. 55), как «выражение стремления царя и класса феодалов продемонстрировать военное могущество и богатство» (с. 56). Основную тенденцию социально-экономического развития Лидии Г. Ханфман понимает как «внезапный» переход, вызванный началом разработки месторождения золота на Пактоле, от натуральной дворцовой экономики феодальной военнической аристократии, «накладывавшейся» на «сельско-пастушечье

[16] *Hanfmann G. M. A.* On Lydian Sardis.— In: From Athens to Gordion..., p. 107.

хозяйство пастухов и крестьян» (с. 80), к городской экономике, в которой определяющими явлениями считаются государственная чеканка электровой и золотой монеты и система «свободной» торговли (с. 83). Обращает на себя внимание и замечание о том, что в Сардах «ничего не найдено, что ясно указывало бы на рабов и рабство» (с. 86).

Но археологические данные, как известно, не могут дать прямую информацию о существовании конкретных форм зависимости. И поэтому важно, с каких историко-теоретических позиций эти данные интерпретируются. В этом плане рассмотрение советскими учеными истории Лидийского царства VII—VI вв. до н. э. как закономерного этапа развития рабовладельческого общества на территории Малой Азии представляется несомненно научно более обоснованным и перспективным [17].

Мы коснулись только некоторых вопросов, нашедших отражение на страницах рецензируемого издания. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что оно существенно расширяет источниковые возможности изучения анатолийской государственности начала I тыс. до н. э. и должно привлечь интерес советских ученых.

Т. А. Моисеева

[17] См., в частности, *Соловьева С. С.* Лидия при Гигесе и ее взаимоотношения с Ассирией.— В кн.: Древний Восток. Вып. I. М., 1975, с. 246—261.

Essays on Gupta Culture. Ed. by B. L. Smith. Motilal Banarsidass, Delhi etc., 1983, XVII+360 p.

Сборник статей «Очерки по гуптской культуре» объединяет публикации крупных историков, религиеведов, литературоведов, искусствоведов и культурологов европейской и индийской школ индологии, посвященные важнейшему этапу развития древнеиндийской государственности и эпохе расцвета классической древнеиндийской культуры — Индии периода Гуптской империи (ок. 320—550 гг. н. э.). Издание состоит из введения, статей, включенных в три раздела — «Политическая власть и ее узаконение», «Религиозный плюрализм», «Литературное и художественное выражение эпохи», и двух историографических обзоров — «Гуптская история и литература» Э. Зеллиот и «Религия и искусство в век Гуптов» Б. Смита (издателя сборника). Поскольку, таким образом, монография содержит наряду с конкретными исследованиями ретроспективный анализ предшествующих работ, представляется целесообразным характеристике каждого из ее разделов предпосылать основные выводы историографии.

Гуптская эпоха в истории древней Индии, считает известный историк А. Бэшем [1], сопоставима по своему значению с очень немногими яркими страницами мировой цивилизации, которые мы видим, например, в Перикловой Греции или Танском Китае. «Золотой век» индийской культуры нельзя, однако, рассматривать в отрыве от реальных предпосылок догуптской истории — прежде всего послемаурийской (II в. до н. э.— III в. н. э.). Среди факторов, определивших «гуптский расцвет», автор выделяет, в частности, значительное расширение контактов древней Индии с внешним миром начиная с греко-бактрийского периода (II в. до н. э.), за которым следовали такие плодотворные в этом отношении эпохи, как шакская (I в. до н. э.), парфянская (I в. н. э.) и, наконец, кушанская (I—III вв. н. э.). С другой стороны, духовный климат гуптской эпохи невозможно понять вне рассмотрения тех аспектов древнеиндийской культуры и «идейных процессов», которые были связаны, например, с развитием индуистского пантеона и соответствующего ему «нового» культа, появлением «Бхагавадгиты» и других дидактических разделов эпоса, развитием традиции дхармашастр, санскритской драмы и кавьи, а также гандхарской синкретической школы изобразительного искусства. Основные же вехи периодизации самой гуптской эпохи восстанавливаются (при отсутствии в Индии местной реалистичной исторической традиции) на основании си-

[1] См. его характеристику классической древнеиндийской культуры в кн.: *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. М., 1977.

стематизации данных эпиграфики, беллетристики и сообщений китайских путешественников.

Работы, посвященные государственной политике Гуптской империи, делятся в историографическом обзоре сборника на три основные категории: исследования, в которых гуптский период рассматривается в контексте общей истории древней Индии, собственно гуптские штудии и публикации по биографиям отдельных гуптских правителей. Среди разделов по гуптской истории в общих исследованиях по истории Индии по своему значению выделяются соответствующие главы в книгах В. Смита [2] (который впервые, несмотря на некоторые модернизирующие аналогии типа героизации Самудра Гупты как индийского Наполеона, обратился к надежным материалам нумизматики и других источников), Х. Райчоудхури [3], Р. Тхапар [4]. К работам второго типа относятся: книга Р. С. Маджумдара и А. С. Алтекара [5], посвященная вакатако-гуптской истории, монография С. Р. Гойяла [6], отличающаяся аналитическим подходом (по принципу «почему это случилось?», а не «что случилось?», а именно лишь последняя постановка вопроса характерна для многих работ указанной тематики) и образцово критической оценкой основных принципов его предшественников как европейской, так и индийской школы, отличающееся строгостью источниковедческого подхода исследование Парамешвари Лал Гупты [7], ряд работ, посвященных нашествию гуннов-эфталитов — основной внешней причине падения Гуптской империи. Попытки выявления малоизвестных гуптских царей определили ряд работ А. С. Алтекара [8], выдвинувшего идею о существовании некоего Рама Гупты — преемника Самудра Гупты (в новейших статьях эта точка зрения отвергается), а самому Самудра Гупте посвящена монография Б. Г. Гокхале [9]. Несмотря на большие возможности гуптской источниковедческой базы, этот знаменитый полководец остается единственной фигурой, биография которого является предметом специальных штудий.

Представленные в сборнике статьи по проблеме государственной политики Гуптов посвящены единой теме: выявлению основных принципов идеологии гуптских правителей. Так, в работе крупного индийского историка А. К. Нарайна «Религиозная политика и толерантность в древней Индии с особым обращением к гуптской эпохе» (с. 17—52) подвергается сомнению распространенный взгляд, согласно которому индуизм характеризуется особой толерантностью, что к тому же (с легкой руки М. Вебера, Д. Смита, С. Радхакришнана и многих других авторов) объявляется чисто «духовным феноменом» индийского этоса. Хотя гуптская эпоха действительно характеризуется большей толерантностью, чем, например, период шунгской «брахманистской реакции» (II—I вв. до н. э.),— причина того, что Гупты-вишнуиты носили шиваитские имена и покровительствовали буддизму и джайнизму, заключается в интересах политического характера и связана со стремлением удовлетворить все влиятельные слои империи и всячески препятствовать таким образом ее центробежным тенденциям (сходная практика наблюдалась у современных им южноиндийских правителей — Вакатаков, Паллавов, Кадамбов, ранних Чалукьев). С другой стороны, Нарайн указывает, что сам термин «толерантный» может применяться к древнеиндийской религиозной политике достаточно условно: он предполагает терпимое отношение к верованиям и обрядам религиозных меньшинств со стороны официальной религии — а ее-то в Индии как раз никогда и не было. Значительной европеизацией является и представление об общей «религиозной политике» индуизма, если вспомнить, что речь идет о религии, в которой не обнаруживается никаких аналогов христианской церкви и

---

[2] *Smith V. A.* Early History of India: from 600 B. C. to the Muhammadan Conquest. Oxf., 1906.

[3] *Raychaudhuri H. C.* Political History of Ancient India. 2nd ed. N. Y., 1973.

[4] *Thapar Romila.* A History of India. V. 1. Baltimore, 1966.

[5] *Majumdar R. C., Altekar A. S.* The Vākāṭataka-Gupta Age (ca. 220—550 A. D.). 2nd ed. Delhi etc., 1960.

[6] *Goyal S.* History of the Imperial Guptas. Allahabad, 1967.

[7] *Parameçvari Lal Gupta.* The Imperial Guptas: Sources, Historiography and Political History. V. 1. Varanasi, 1974.

[8] *Altekar A. S.* A New Gupta King.— Journal of the Bihar and Orissa Research Society, Patna, 1928, v. XIV, p. 223—253; *idem.* Further Discussion about Ramagupta.— Ibid., 1929, v. XV, p. 134—141.

[9] *Gokhale B. G.* Samudra Gupta. Bombay, 1962.

ее иерархии. Поэтому можно говорить только о религиозных аспектах государственной политики, преследовавшей цели сохранения имперского единства и равновесия основных социальных сил страны. В «Исторической и политической аллегории в гуптском искусстве» Ф. Ашера (с. 53—66) выявляются государственно-прагматические аспекты, казалось бы, чисто религиозных мотивов гуптской скульптуры и барельефов. Метафорическое значение этих мотивов — божество символизирует аспект монархии — прослеживается на материале изобразительных средств вишнуитской мифологии. Вишну в виде вепря (вараха), поднимающего с океана землю, соответствует объединительным успехам Чандра Гупты II Викрамадитьи, мелкие фигурки на его фоне — покоренным северным царькам (см. мотивы Варахи в южноиндийских изображениях Чалукьев), сходный смысл имели изображения Вишну в виде карлика, тремя шагами отвоевывавшего землю у демона Бали.

В статье Б. Стейна «Маханавами: средневековый и современный царский ритуал Южной Индии» (с. 67—90) выявляется значение ашвамедхи, раджасуи и ваджапеи — ведийских обрядов, сохранивших в гуптскую эпоху свои регенеративные функции — медиаторов, опосредующих восстановление сил царя для управления подданными через «перелив энергии» от богов. Гуптская концепция царской власти сохраняется в мировоззрении средневековых южноиндийских моделей царского ритуала.

Историографический обзор публикаций по древнеиндийской религии гуптского периода позволяет прежде всего выделить соответствующие разделы общих работ по гуптской истории, таких, как вышеназванные монографии Парамешвари Лал Гупты или С. Р. Гойяла. Общерелигиеведческая проблематика представлена в очень содержательной книге Х. Чакраборти [10], отражающей основные реалии религиозной жизни по данным эпиграфии, и в вышедшей годом раньше работе Б. Чаттопадьяйи [11], основывающегося на данных нумизматики и изобразительного искусства. Среди штудий по дхармашастрам выделяется пятитомное источниковедческое исследование П. В. Кане [12], а также работы Р. Линга разных лет [13]. По данным другой категории текстов — эпико-пуранических, индуизм описывается во множестве работ, среди которых составитель сборника выделяет публикации Р. Хазры [14], Л. Д. Пусалькера [15], а также отдельные переводы текстов с введениями и примечаниями. Хотя из работ четвертой категории, посвященных мифологии и отдельным течениям индуизма, большой популярностью пользуются «Индуистский политеизм» А. Даниэлу и «Эпос, мифы и легенды Индии» П. Томаса, эти работы вследствие своего субъективизма требуют критического подхода. Среди наиболее фундаментальных работ выделяются две монографии В. Д. О'Флаэрти [16], посвященные центральным системам представлений индуистской мифологии, исследование С. Бхаттачарджи по эволюции древнеиндийской теогонии [17], книга С. Чаттопадхьяйи по истории «сект» [18], специальные исследования по вишнуизму С. Джаясвал [19] и Я. Гонды [20]. Штудии по буддизму гуптской эпохи затрагивали преимущественно проблемы развития махаянских течений, из них выделяются своей систематичностью книги А. Уордера [21] и Налинакши Датта [22].

---

[10] *Chakraborti H.* India as Reflected in the Inscriptions of the Gupta Period. New Delhi, 1978.

[11] *Chattopadhyaya B.* Coins and Icons: a Study of Myths and Symbols in Indian Numismatic Art. Calcutta, 1977.

[12] *Kane P. V.* History of Dharmaçastra: Ancient and Medieval Religious and Civil Law in India. V. 1—5. Poona, 1930—1962.

[13] *Lingat R.* The Classical Law of India. Transl. with add. by J. Ducan M. Derett. Berkeley, 1973.

[14] *Hazra R. C.* Studies in the Puranic Records on Hindu Rites and Customs. 2nd ed. Delhi etc., 1975.

[15] *Pusalker A. D.* Studies in the Epics and Puranas of India. Bombay, 1955.

[16] *O'Flaherty W. D.* Asceticism and Eroticism in the Mythology of Siva. L., 1973; *idem.* The Origins of Evil in Hindu Mythology. L., 1976.

[17] *Bhattacharji S.* The Indian Theogony: A comparative Study of Indian Mythology from the Vedas to the Puranas. Cambr., 1970.

[18] *Chattopadhyaya S.* Evolution of Hindu Sects. New Delhi, 1970.

[19] *Jayasval Suvira.* The Origin and Development of Vaisnavism. Delhi, 1967.

[20] *Gonda J.* Aspects of Early Visnuism. Delhi, 1969.

[21] *Warder A. K.* Indian Buddhism. Delhi, 1970.

[22] *Dutt N.* Mahayana Buddhism. Delhi, 1979.

Открывающий статьи религиеведческого раздела сборника очерк А. Бэшема посвящен комментированию надписи V в. (перевод приводится в статье), которую составил брахман Ватсабхатти по поручению ткачей Мандасора с тем, чтобы почтить высокой поэзией бога Сурью, которому они приносят в дар храм (с. 93—106).

Хотя известная исследовательница индуистских текстов и мифологии В. Д. О'Флаэрти признает, что государственная гуптская политика по отношению к «неортодоксальным» религиозным течениям характеризовалась достаточной терпимостью, ее исследование «Образ еретика в гуптскую эпоху» (с. 107—127), основанное преимущественно на материале пуран, показывает, что на уровне «общественного мнения» индуизм демонстрирует самое решительное неприятие «еретиков». Но для того, чтобы понять эту позицию, необходимо, по ее мнению, прежде всего выяснить само значение термина «еретик» в применении к древнеиндийской религии. Термин «ересь» (производный от греческого αἱρέομαι «выбирать» означает в породившей его культурной традиции доктринальное отклонение от учения церкви, когда тот или иной ее догмат отвергается по сознательной воле того или иного теолога. В индийских же традициях — как индуистских, так и буддийских — отсутствует, по наблюдению исследовательницы, само понимание ложного учения как результата ложного выбора. С одной стороны, теоретики этих религий видят зло не в злом выборе, а в «неведении» (авидья), с другой — само представление о возможности сознательного выбора индивидом той или иной позиции серьезно ограничивается детерминистическими аспектами учения о карме, благодаря чему даже в бхактистских течениях, во многих аспектах нетрадиционных, «выбор обусловлен прошлой кармой, и бог также должен выбрать почитателя, как и сам — быть выбранным» (с. 110). Термин pāṣaṇḍa, который, как правило, неосторожно считается эквивалентом «еретика», означает прежде всего неприятие авторитетности Веды: индийский еретик, в отличие от европейского, покушается не на доктрину, а на ритуал (в чем он близок даже такому понятию, как nāstika, означающему отрицателя более умозрительных положений, например атеиста). Прослеживая историческую эволюцию термина pāṣaṇḍa, О'Флаэрти обнаруживает, что он постепенно все чаще означает просто того, кто отличается по своим как «теоретическим», так и «практическим» воззрениям от употребляющего это слово: «для всех индуистов еретики — буддисты и джайны, для вишнуитов — шиваиты, а для шиваитов — вишнуиты, для многих северных индуистов — южные» (с. 116). Мифологические тексты классического индуизма рисуют совсем не ту картину межрелигиозных отношений в древней Индии, которая складывается из данных гуптской эпиграфики. Знаменитый патрон ученых и поэтов Чандрагупта II Викрамадитья превращается в пуранах в «жестокого праведника», царя лунной династии Прамати, которому приписывается «спасение мира» путем истребления злодеев, еретиков, южных аборигенов, иноземцев-варваров (млечихов) и рожденных от смешанных межварновых браков, которые должны взять верх в эпоху кали-юги («Лингапурана» 40.50—63а; «Матсьяпурана» 144.50—65).

Проблема взаимоотношения различных религиозных направлений в гуптскую эпоху решается Б. Г. Гокхале в статье «Буддизм в гуптский период» (с. 129—153), где ставится вопрос о причинах упадка буддизма в Индии. Если «буддизм еще сохранял нечто от прежнего философского „напора“, то как религия он был вынужден занять явно оборонительные позиции» (с. 129). Причины этого автор видит в слабости социальной базы буддизма, становившегося все более зависимым от царского патронажа (гуптский период фиксирует значительное углубление государственного контроля над снабжением и управлением монастырями-вихарами) и в консолидации индуистской ориентации при дворе (всегда сохранявшей связи с древними корнями народных верований). Одновременно индуизм оказывал косвенное влияние на буддизм, который, в частности, вынужден для сохранения своих шатких позиций постепенно развивать элементы ритуализма и «конкурентоспособную» систему эмоционального богопочитания — бхакти (с. 143).

Гуптский период развития литературы — классический этап санскритской кавьи — основательно представлен в общих историях древнеиндийской словесности, прежде всего А. Мак-Донелла [23], затем А. Кита [24], и в сборнике под редакцией Э. Димока [25].

[23] *MacDonell A. A.* A History of Sanskrit Literature. Oxf., 1899.
[24] *Keith A. B.* History of Sanskrit Literature. 2nd ed. L., 1966.
[25] The Literature of India: An Introduction by E. C. Dimock. Chicago, 1974.

Этапы научного осмысления санскритской драмы различимы по трактовкам эстетики древнеиндийского театра в монографиях С. Леви [26], А. Кита [27], Г. Уэллса [28], а также индийских театроведов, нередко подчеркивающих отличие санскритской пьесы от греческой (прежде всего благодаря концепции раса). Среди работ по высокой кавье и самой древнеиндийской поэтике в историографии выделяются трехтомник А. Уордера [29] и недавно изданный на английском языке в Индии очерк Ф. И. Щербатского «Теория поэзии в древней Индии» [30]. Рассматривая основные достижения искусствоведов-индологов, составитель сборника констатирует отсутствие авторитетной обобщающей работы, выделяя среди отдельных попыток приближения к решению этой задачи книгу Г. Циммера, включающую обзор не только «эмпирики», но и теории древнеиндийского искусства классического периода [31]. Подобная работа становится все более необходимой ввиду лавинообразного роста публикаций по конкретным областям искусства.

Участники сборника ставили перед собой задачу осмысления конкретных жанров гуптской литературы и изобразительной техники в контексте основных моделей древнеиндийской духовной культуры. Так, Б. С. Миллер в статье «Микрокосмос составного мира: классическая драма гуптской эпохи» (с. 157—177) касается вопроса о социальном значении санскритской пьесы, которое представляется ей в виде задачи снятия «конфликта ценностей» традиционного древнеиндийского общества. Речь идет о гармонизации идеалов артхи (деловой успех), камы (чувственные удовольствия), дхармы (ритуально-поведенческий долг) и мокши (освобождение от трансмиграции и достижение высшего блага). Наглядный пример дает творчество Калидасы и Шудраки, когда герой отвлекается любовным увлечением от жесткого следования своей роли — «воплощать дхарму», а назревающий конфликт между долгом и эросом разрешается через увлечение героя изящным искусством и не менее изящными поэтическими ассоциациями между героиней и явлениями макрокосма. Статья А. К. Рамануджана и Н. Катлера «От классицизма к бхакти» (с. 177—214) посвящена истории трансформации классических жанров тамильской кавьи в жанры литературы вишнуитской бхакти, которая закономерно приходится на гуптскую эпоху — период классического развития бхакти. Эта трансформация осуществилась путем аллегоризации основных элементов древнетамильской «героической литературы» (пурам), в развертывании сложных соотношений по принципу: «определяющее» (атрибуты царя) — «определяемое» (атрибуты божества), которые завершаются в средневековой комментаторской традиции (где, например, мать влюбленной девушки выступает в функции внутренней убежденности души, а появление царя инкогнито среди подданных сравнивается с «тайным» пребыванием божества во всех существах, что соответствует пантеистической трактовке мира). Проблема единства южноиндийской культурной традиции в архитектуре ставится в статье Иоанны Вилльямс «Искусство Вакатаков и основное направление гуптской традиции» (с. 215—234), где предлагается точная датировка пещерных комплексов Аджанты (465—505 гг. н. э.) и выявляется характер их связей с гуптским стилем. В заключающей раздел публикации В. Спинка «Великая пещера Элефанты — изучение источников» (с. 235—284) предлагается считать элефантинскую пещеру кульминацией гуптского искусства и показано, как исследование литературных источников — прежде всего «Жизни десяти принцев» Дандина — позволяет пополнить данные эпиграфики и произведений искусства и дать ключ к пониманию основных связей между махаянистскими и шиваитскими скальными пещерами.

Обзор содержания сборника показывает, что он представляет собой не случайное собрание работ отдельных, пусть и крупных ученых, лишь формально объединяемых общностью тематики: составители «Очерков по гуптской культуре» смогли рассмотреть многообразные аспекты жизни древнеиндийского общества на завершающих стадиях

---

[26] *Levi S.* Le Théâtre Indien. P., 1890.

[27] *Keith A. B.* The Sanskrit Drama in its Origin, Development Theory and Practice. L., 1924.

[28] *Wells H. W.* The Classical Drama of India. Bombay, 1963.

[29] *Warder A. K.* Indian Kāvya Literature. Delhi, 1972—1977.

[30] *Stcherbatsky Th.* Theory of Poetry in India.— Indian Studies. Past and Present, 1969, v. X, p. 289—314.

[31] *Zimmer H.* The Art of Indian Asia: Its Mythology and Transformations. V. 1—2. N. Y., 1955.

формирования его нормативных социально-культурных ценностей и вместе с тем руководствоваться единым научным подходом. Этот подход заключается в том, что все статьи сборника (в реальном соответствии с его названием) решают частные задачи не «эмпирического», но общекультурологического характера, и именно этой методологической установкой определяются основные достижения издания.

О новаторском характере сборника свидетельствует уже то, на что при характеристике гуптской эпохи обращают внимание авторы очерков. Нельзя, например, не отметить значимости аспекта связей с иными культурами, который подчеркивает в своем введении А. Бэшем: речь идет не столько о прямых влияниях эллинистического мира, сколько о возможностях культурной авторефлексии древнего индийца при встрече с яванами и шаками. Как видно даже из краткого историографического обзора, о государственном устройстве Гуптской империи было написано очень много, но преимущественно в ракурсе историко-политическом, династийном,— статьи же первого раздела сборника представляют этот вопрос в другом контексте — идеологическом, исследуя не механизмы управления, а их связь с определенными установками сознания древнего общества. Именно поэтому Б. Стейн находит основные идеологические принципы древнеиндийской монархии в глубинных моделях политеистического мышления, исходящего из идеи особого взаимодополняющего сотрудничества богов и людей. Показательно, что социорелигиозные представления средневековой Южной Индии обнаруживают сходство с «монархической» интерпретацией индуистских культов (прежде всего шиваитских) в Юго-Восточной Азии еще в период древности. Важное культурологическое значение имеет исследование Ф. Ашера, демонстрирующее «политическое» прочтение индуистской мифологической символики. О том, насколько политический смысл мифологического образа становится «самодельным», свидетельствует концепция чакравартина как «идеального царя», которая восходит к образу колеса Вишну, колеса времени и закона (ср. буддийскую символику). Важное культурологическое значение исследования Б. Гокхале связано с очень плодотворной попыткой различения элитарного и «низового» уровней буддизма (последний включает также тантрическую практику, важные элементы «буддийской бхакти», восходящие, по мнению автора, к общему с индуизмом субстрату культа якшей). Особую ценность исследования индийского ученого следует видеть в том, что он не останавливается на типологическом различении этих двух уровней одной религиозной системы, но выявляет их историческую, динамическую дивергенцию: если «университетско-академический» буддизм сохраняет в гуптскую эпоху свои позиции, то буддийская религия в целом все более их уступает. Заслуга автора статьи Б. Миллер прежде всего в том, что здесь она рассматривает ядро индуистской аксиологии — учение о «четырех ценностях», причем рассматривает не просто на уровне отвлеченных понятий, но в своем конкретно-историческом преломлении — в классической санскритской драме. Наконец, в отличие от бесчисленных чисто описательских работ по древнеиндийскому искусству, которые, согласно историографическому обзору, определяют преобладающую массу публикаций по этой тематике, в статье И. Вилльямс ставится вопрос о преломлении в искусстве общих культурных закономерностей гуптской эпохи. Заслугой составителей сборника следует считать и то, что исследования объединяются и выявлением общих моделей древнеиндийской культуры. Так, авторы статьи А. К. Рамануджан и Н. Катлер рассматривают уже известную нам по работе Ашера модель «царь — божество», но уже не в политической ее интерпретации, а в мистико-поэтической (атрибуты царя символизируют атрибуты божества). В другом аспекте статья этих авторов обнаруживает сходство с работой И. Вилльямс, так как в ней ставится вопрос о соотношении «генерального» и «провинциального» стилей гуптской эпохи.

Общность тематики — выявление основных закономерностей во взаимоотношениях двух основных религиозных блоков древнеиндийской культуры — индуизма и настиков — объединяет и две наиболее «теоретичные» статьи сборника. Речь идет о работах А. Нарайна и В. Д. О'Флаэрти, в которых ставится вопрос не только о верификации многих устоявшихся штампов индологии, но и о возможности применения к древнеиндийской реальности ряда ключевых понятий европейской религиозной культуры. Прежде всего, обе статьи связаны с задачей актуальной критики представления о толерантности индуизма как особой черте этой религии, якобы отличающей ее от европейской и исламской традиций (характеризуемых сторонниками этого представ-

ления нетолерантностью). Хотя эта точка зрения, имеющая не столько научное, сколько популяризаторско-апологетическое происхождение и выражающая не реальность древнего индуизма, а лишь его модернизирующую интерпретацию в неоиндуизме, уже стала объектом критики ряда ведущих индийских ученых (в частности, такого серьезного историка, как Ромила Тхапар [32]), авторы сборника по гуптской культуре существенно уточняют решение этой проблемы. Если Нарайн требует исторического подхода к ней, различая более и менее «толерантные» периоды древнеиндийской истории и ставя вопрос о связи отношения к «неортодоксальным» религиям с общими тенденциями внутренней политики индуистских монархов, то О'Флаэрти проводит очень важное различение религиозной политики в официальной эпиграфике и неофициальном, но зато значительно более влиятельном и популярном индуистском «предании», поднимая вопрос о «двумирии» в древнеиндийской религиозно-культурной традиции. Хотя индуизм до новейшего времени не знал общинных войн (в значительной мере и по причине отсутствия организации в этой религии) и известны сравнительно немногочисленные случаи активных действий по отношению к представителям других традиций в древности, предания об антибуддийских акциях отдельных Шунгов, бенгальского царя Шашанки, мимансака Кумарилы Бхатты (ср. предания о мерах Ашоки по отношению к адживикам) или история целой религиозной войны на юге страны в эпоху наянаров (VII—VIII вв.) убеждают в том, что межрелигиозная ситуация в древней Индии была значительно сложнее, чем это представляется неоиндуистам. Гораздо важнее, однако, для типологической характеристики индуизма его «теоретическое» отношение к настикам и млеччхам. Легенда о Прамати находит соответствие в строгом предупреждении пуран, что Вишну придет в мир, чтобы истребить всех млеччхов («Махабхарата» III, 190, 93 и др.). Что же касается буддистов, джайнов и прочих течений настиков, то их последователи, отвергавшие традиционные ценности индуистского общества, в глазах последнего имели статус неприкасаемости. Традиция смрити рекомендует избегать всякого общения с ними как с «нечистыми» (подобно людям непрестижных профессий, низкокастовым и антисоциальным элементам) делом, словом и даже взглядом («Законы Ману» II.11, IV.30,61, IX.225; «Майтри-упанишада» VII. 8—10; «Курма-пурана» II.37.146—147 и др.), в то время как в пуранах была популярна легенда о царе Шатадхану, который, однажды поговорив с кем-то из них, стал в будущих рождениях перевоплощаться в животных («Вишну-пурана» III.18.52 и сл.) [33]. Проблема отношения индуистов к представителям других религий выводит авторов на более широкую и важную культурологическо-религиеведческую тематику — о типологическом соотношении индуистской и европейской религиозной традиций. И это закономерно: проблема «толерантности» связана с глубинными организационными аспектами религии, а последние — с ее мировоззренческой структурой. Следует отметить, что исследователи справились с этой традиционно для индологии трудной задачей вполне успешно и их выводы нуждаются только в кратком суммировании и самых частных уточнениях. Так, работа Нарайна не позволяет уже сомневаться в том, что толерантность в собственном смысле слова возможна только в той религии, в которой есть канонизированная ортодоксальность, соответствующая единству догматического предания, и невозможна в той, последователи которой организуются самими ритуально-социальными делениями, восходящими к несложным структурам архаического общества (типа системы варн или замкнутых эндогамных групп). Другими словами, возможность религиозной толерантности обусловливается наличием вероучительного единства и исключается, сколь бы это ни казалось парадоксальным, отсутствием последнего (за толерантность ошибочно принимается сама конгломератность индуизма). Отсутствие же вероучительного единства предопределяется самой внутренней плюралистичной структурой политеистической религии. Важное значение имеет и централь-

---

[32] Сторонники этой «устоявшейся аксиомы» создают, по ее мнению, историю древней Индии, не имеющую ничего общего с действительностью древней Индии, характеризуемой самым широким «межсектантским соперничеством, принимавшим подчас и резкую форму» (*Thapar Romila.* Dissent and Protest in the Early Indian Tradition.— Studies in History, 1979, v. 1, № 2, p. 177—195).

[33] Пашанды как одна из категорий «неприкасаемых» в древнеиндийском обществе рассматриваются в источниковедческих исследованиях ряда индийских историков. См., например, *Dayal Thakur Harendra.* The Viṣṇu Purāṇa. Delhi, 1983, p. 70—71.

ная для политеизма модель обмена благами между взаимозависимыми и взаимозаинтересованными «коллективами» богов и людей (невозможная в монотеистической религии, в которой присутствует и вероучительное единство). Эта модель с необходимостью ставит в центр религиозной жизни индивида исполнение «положенных» обрядов, характер которых определяется в соответствии с принадлежностью к «природным» социально-ритуальным делениям, в то время как личная вера является фактором факультативным, зависимым от «эмоциональных склонностей» (которые соотносятся с незначительными различиями единообразных «природных», человекоподобных богов). Невозможность вероучительного единства (осуществляемого через трансляцию «откровения» и «завета») и священства, являющегося прямым отрицанием «естественного» характера жречества, определяемого самим рождением в брахманстве, исключает какие-либо аналоги церкви. При этом концепция церкви опирается также на антропологию, исходящую из особого онтологического единства людей, преодолевающего теих «плотские» различия, которые абсолютизируются в варново-кастовой системе. Поэтому ритуалистический аспект образа индуистского «еретика», совершенно справедливо подчеркиваемый О'Флаэрти, требует только двух уточнений. Во-первых, об индуистском «еретике» можно говорить лишь в той мере, в какой можно говорить о более чем условной индуистской «ортодоксальности». Во-вторых, точное наблюдение исследовательницы, согласно которому для каждого индуиста пашандой является просто тот, кто отличен от него по своим воззрениям, позволяет выявить еще одно различие между индуизмом и христианством, существенно важное для понимания структуры древнеиндийской религии. Если в индуизме, представляющем собой с доктринальной точки зрения конгломерат учений, никакие взаимные дивергенции течений не нарушают его единства (которое как раз и определяется сосуществованием взаимоальтернативных школ, хорошим примером которого является знаменитая система шести классических даршан), то экклезиологический принцип христианства [34] ставит еретика, строго говоря, за пределы этой религии. Это различие позволяет существенно корректировать те ошибочные словосочетания, которые нередко встречаются в научной литературе, когда, например, говорится о христианстве арианского, савеллианского или монофизитского направления или, наоборот, о неортодоксальности буддистов, джайнов или отдельных индуистов по отношению к брахманизму. Связывая религиеведческие проблемы ереси и свободы воли, исследовательница затрагивает важные аспекты двух религиозных антропологий, значение которых подчеркивается в ее точном типологическом сопоставлении понятий «грех» в обеих традициях. Это сопоставление выявляет несостоятельность еще одного неоиндуистского штампа, ставшего популярным в индологии,— характеристики индуизма как «универсальной» мировой религии, заключающей в себе «мистическое ядро» всех других традиций [35]. Следовало бы только подчеркнуть, что основные факторы заблуждения и зла в индуистском мировоззрении — карма и авидья — находятся в тесной взаимосвязи, близкой философскому логическому кругу (авидья обусловливает карму, карма — авидью). Эта тесная взаимосвязь делает их скорее двумя аспектами единой реальности индуистского мира, представляющего собой своеобразный «антимир» по отношению к христианскому. С одной стороны, в карма-авидье элиминируются два основных элемента личностной антропологии последнего (аспект свободы личности ограничивается детерминизмом трансмиграции, аспект ее уникальности редуцируется монистическим гносисом), с другой — отсутствие «исторической» точки деградации человека делает индуистский (как и буддийский) «грех» безначальным, а зло органичным самому телесному существованию индивида. Именно такое понимание зла (необходимо связанное с деперсонализаторской трактовкой человека) не позволяет видеть в нем тот отрицательный личностный выбор, который лежит в основе семантики и этимологии европейского понятия «ересь».

---

[34] Данный принцип засвидетельствован уже в новозаветной письменности, где церковь выступает синонимом христианства.

[35] Санскритские термины, рассматриваемые как эквиваленты «греха», не включают основного аспекта этого понятия — отвержения заповеди и означают преимущественно «заблуждение», интеллектуальное отклонение (которое, согласно библейско-христианской традиции, выступает лишь аспектом глубинно-личностного состояния — «гордости»). Об этом свидетельствует буквальное совпадение семантики древнеиндийских слов bhrānti и vimārga (ср. pāṣaṇḍamārga) с греческим ἁμαρτία.

Отдельные недостатки сборника связаны с некоторыми неточностями композиционного характера. Так, второй его раздел посвящен практически не столько принципам «религиозного плюрализма», как предполагает его название, сколько отдельным идеологемам пуран и социологии гуптского буддизма (при достаточно неорганичной связи с этими темами очерк Бэшема). Вызывают сомнения и отдельные попытки точной датировки больших комплексов гуптского изобразительного искусства типа Аджанты [36], которые по своей многослойности напоминает индийский эпос и пураны. Более существенным представляется определенная концептуальная неточность некоторых трактовок сборника. Так, интересное осмысление Б. Миллер места системы «человеческих целей» (чатушпурушартха) в санскритской драме требует явного уточнения. А именно: та гармонизация ценностей жизни, которую исследовательница видит в древнеиндийских пьесах, уже независимо от драматургов была изначально заложена в модели четырех целей, разработанной индуистскими шастрами. Поэтому литературный образ царя, одинаково «законно» пользующегося плодами маккиавеллистской политики хрестоматийно коварных министров, услаждающегося с очередной возлюбленной по детально разработанным правилам «Кама-сутры» и аккуратно исполняющего домашние обряды и пуджу (все три вида деятельности не должны «пересекаться» или, тем более, мешать друг другу), есть лишь адекватная реализация концепции, которая разделяет духовное и религиозное, а также религиозное и «житейское», отделяя в значительной мере все эти аспекты от нравственного [37]. Поскольку в традиционной европейской религиозной аксиологии такая автономизация основных аспектов человеческой жизни невозможна, чатушпурушартха часто расценивается многими как индийскими, так и западными культурологами как свидетельство «широты духа» или «интегрального характера» индуизма (к такой трактовке склоняется и Б. Миллер). Однако при такой трактовке забываются (помимо вышеуказанных трансэтических аспектов данной концепции) прагматические установки индуистских идеологов, нашедших очень удобный способ бесконфликтного включения в единую религиозную систему интересов предпринимателя эстетствующего искателя чувственных удовольствий, добросовестного ритуалиста и освободившегося от «пелены Майи» (в которой, по его мировоззрениям, в одинакой мере запутались первые трое) отшельника-мистика. Поэтому неудивительно, что концепция «четырех целей», сыгравшая немаловажную роль в победоносном религиозном соперничестве индуизма с другими религиями в Индии, нашла популярность и далеко за ее пределами — у тех, кто хочет найти в религии исключительно духовно-психологический комфорт и избавиться от неудобного груза экзистенциального выбора (сторонники неоориенталистской духовности всегда подчеркивают, что они — «не догматики») [38]. «Четыре цели» не являются единственной мо-

---

[36] Исследовательница опирается на датировку В.Спинка, который, однако, в более поздних работах сдвигает ее до 460—485 гг. Более правильным представляется осторожный подход к датировке комплекса, представленный, например, в кн.: *Моде Х.* Искусство Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1978, с. 344. В целом отдельные хронологически «крайние» элементы комплекса располагаются на временно́м пространстве более чем шести веков.

[37] На уровне первых трех ценностей (триварга) релятивизация этики осуществляется самой взаимной дополнительностью артхи, камы и драхмы. Так, в текстах всех трех традиций прямо утверждается, что благо заключается в их сбалансированности («Артхашастра» III. 6. 3, ср. «Законы Ману» II. 224 и «Кама-сутра» VI. 6). На уровне же мокши имеет место трансэтическая модель сознания, согласно которой «совершенный» в конечном счете находится за пределами как зла, так и добра («Бхагавадгита» XII. 17, ср. II. 50). Причина этого воззрения в том, что находящийся в измерении «четвертой ценности» уже, согласно воззрениям индуистского религиозного элитаризма, преодолел как «ограниченные» параметры «третьей ценности» (дхармы) — уровень этического сознания, определяемый прагматическими установками на достижение хорошего будущего рождения, так и общечеловеческие, с его точки зрения «профаническое», представления. Не случайно поэтому «продвинутый» гностик (для которого в Веде столько же пользы, «как в колодце во время наводнения») одинаково относится со своей олимпийской точки отсчета к праведникам и злодеям (там же, VI. 9), к благочестивому брахману, слону и собаке (V. 18).

[38] Так, известный публицист ориенталистского направления А. Дж. Бам различает четыре ценности — начиная с чувственных и кончая спиритуальным «анандизмом». Еще больше сходства с чатушартхой у В. Урбана, четко разграничивающего биологические, эстетические, моральные, религиозные и духовные ценности. См. *Gupta Shanti Nath.* The Indian Concept of Values. Manohar, 1978, p. 28—29.

делью «гармонизации» в древнеиндийской религиозной идеологии. Наиболее яркий из ее аналогов можно видеть в одной из индуистских доктрин, связанных с отношением брахманической традиции к другим религиозным комплексам, которая также не нашла отражения в столь важной для сборника тематике межрелигиозных отношений в гуптской Индии. Речь идет о том, что помимо политики признания или непризнания законности других религиозных традиций в индуизме получила широкое распространение особая стратегия инклузивизма (термин введен крупным современным индологом-религиеведом П. Хакером): начала «чужих» традиций объявляются теоретиками религиозной абсорбции ограниченным уровнем «своей» [39]. Эта стратегия связана с многими удобствами как для абсорбирующей традиции, так и для абсорбируемой: первая получает возможность включать в себя все, что ее устраивает во второй, а последователи второй могут включиться в новое без болезненного отказа от старого. Поскольку инклузивизм является лишь «религиеведческим» вариантом абсолютного метафизического монизма, неудивительно, что он стал особо популярен в веданте, рассматривающей различные типы мировоззрения (типа политеизма, допущения существования демиурга — Ишвары и т. д.) как «стадии» приближения к своему собственному. Подобно тому как в концепции «четырех целей» различение добра и зла преодолевается идеей только различных уровней добра, так и в инклузивизме (который в большинстве работ смешивают все с той же «индийской толерантностью») «узкий путь» различения истины и лжи очень «практично» снимается разграничением только разных уровней истины (ср. ведантийскую дифференциацию pāramārthika и vyavahārika).

Названные частные упрощения никоим образом не подвергают сомнению значимость исключительно удачного и во многом новаторского сборника «Очерки по гуптской культуре», который в определенном смысле — прежде всего методологическом — подводит итоги достижений всей предшествующей исторической культурологии индологов как европейской, так и индийской школ. Хотелось бы только отметить некоторые перспективы исследования тематики сборника. Одни из них связаны с очень важной и здесь только намеченной темой о месте религии в государственной идеологии древней Индии (например, закономерности политической утилизации вишнуитской символики могут прослеживаться и на материале шиваитской мифологии). Значительного внимания заслуживают и типологические параллели индуистского религиозного сознания в других традициях. Таковы, например, параллели отношения гуптского индуизма к чужим религиозным образованиям, которые, с одной стороны, очевидны в ритуалистической «исключительности» иудаизма (ср. сходство земных успехов и «эмпирических», видимых побед «счастливого мессии» и индуистского «освободителя мира», близкого буддийскому Майтрее), с другой — в синкретических моделях эллинизма (ср. высказывания Плутарха о том, что греческие и «варварские» боги суть лишь «имена» единого божества, и практические инклузивистские опыты императоров Александра Севера и Юлиана). Существенно важной представляется и проблема интерпретации исторических связей древнеиндийского общества с периферией эллинистической культуры. Не менее актуальной представляется проблематика, связанная с трансляцией «санскритской» культуры за пределы Индии на Востоке — прежде всего ярких достижений древнеиндийской культуры в области логико-дискурсивного знания и разработки жанров классической кавьи. Самая, однако, фундаментальная перспектива связана с общекультурологическим изучением регионов древнего Востока в контексте комплексного исследования их государственной идеологии, религиозной структуры и эстетических традиций.

В. К. Шохин

---

[39] Наглядное выражение принципов инклузивизма обнаруживается в «Бхагавадгите», где Кришна утверждает, что почитатель любого божества на самом деле служит ему (IX. 23, ср. VII, 21—22). Сходную идею выражает вишнуитская «Ахирбудханьясамхита», утверждающая, что служение любому божеству есть косвенное служение богу панчаратриков (13.16—24).

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ФРАГМЕНТОВ ГИППОНАКТА

Рецензируемое собрание фрагментов Гиппонакта [1] является вторым по времени появления томом из новой серии, предпринятой тойбнеровским издательством с целью замены трех первых выпусков из широко известной антологии Э. Диля [2]. Первым томом в этой серии были фрагменты древних элегиков [3].

Новое издание Гиппонакта построено по тому же плану, что и упомянутая работа Джентили — Прато. После обширной библиографии (с. VII—XXIV), объяснения принятых знаков и сокращений (с. XXV—XXVI) и сжатого компендиума по языку, грамматике, просодии и метрике фрагментов Гиппонакта (с. XXVII—XXIX) следуют древние свидетельства о нем (с. 1—22), а затем и сами фрагменты, среди которых издатель выделяет dubia (с. 163—177), так называемые «Hipponactia» (с. 178—181 — отрывки, написанные холиямбом, но без прямого указания на авторство Гиппонакта) и spuria (с. 182—186). В конце книги даны таблица для сравнения номеров издания Дегани с изданиями его предшественников, указатели источников и греческих слов, а также addenda ко всем ее разделам (с. 187—225). Остановимся теперь несколько подробнее на важнейших из них.

Библиографию издатель делит на две части. В первой описаны важнейшие издания, включавшие тексты Гиппонакта или посвященные ему целиком, начиная от Велькера (1817 г.) и кончая собранием избранных текстов греческих элегиков и ямбографов, выпущенным в 1980 г. Вестом [4] на основании его более полного издания 1971—1972 гг. Во вторую часть, насчитывающую около 600 названий, входят издания, имеющие менее капитальный характер (например, Эдмондса, Марцулло, Гербера), а также многочисленные работы, касающиеся непосредственно Гиппонакта или охватывающие широкий круг историко-литературных, культурных и лингвистических вопросов, с которыми приходится иметь дело издателю этого весьма нелегкого автора. Очень полезным является включение в библиографию рецензий на различные издания Гиппонакта: они не только позволяют составить представление об истории текста, но часто содержат предложения по его улучшению, а также различные его толкования. Отметим, наконец, что в списке литературы достойное место занимают и работы самого нынешнего издателя, профессора Энцо Дегани, отдавшего изучению Гиппонакта более двух десятилетий напряженного труда. Наряду с отдельными исследованиями, часть которых в переработанном и расширенном виде вошла сейчас в книгу Дегани «Studi su Ipponatte» (Bari, 1984), им были уже дважды изданы с обстоятельным комментарием наиболее значительные отрывки Гиппонакта [5]. Эта работа не только во многом послужила подготовкой к рецензируемому полному изданию, но и помогла установить те принципы, которые были положены в его основу.

В издании античных свидетельств о жизни и творчестве Гиппонакта у Дегани, естественно, были предшественники. Сравнительно обширный свод составил впервые уже Велькер; в изданиях последнего времени наиболее полное собрание свидетельств было представлено у Медейроса [6]. Используя результаты его работы, Дегани предлагает теперь нечто большее, а именно — критическое издание свидетельств, сопровождаемое основательным аппаратом и к тому же значительно расширенное, главным образом за счет позднеантичных грамматиков, схоластов и лексикографов. В итоге собрание свидетельств у Дегани почти на 40 единиц превосходит аналогичный свод у Медейроса. Разумеется, далеко не все они равноценны; встречаются среди них и очевидные несообразности, вроде попыток соединить вместе биографические данные о Гиппонакте и Архилохе, так что Ликамб становится зятем Гиппонакта и накладывает на себя

---

[1] Hipponactis testimonia et fragmenta. Ed. H. Degani. Lpz. 1983.

[2] Anthologia Lyrica Graeca. Ed. E. Diehl. Fasc. 1—3. Ed. stereotypa. Lpz, 1954—1955.

[3] Poetarum elegiacorum testimonia et fragmenta. Ed. B. Gentili et C. Prato. Pars 1. Lpz, 1979. См. рец.: *Ярхо В. Н.*— ВДИ, 1981, № 4, с. 174—176.

[4] Delectus ex iambis et elegis Graecis. Ed. M. L. West. Oxf., 1980.

[5] Poeti greci giambici ed elegiaci, a cura di E. Degani. Milano, 1977; Lirici Greci. Antologia, a cura di E. Degani e G. Burzacchini. Firenze, 1977; [2] 1980.

[6] *Medeiros, W. de Sousa.* Hipónax de Éfeso. 1. Fragmentos dos Iambos. Coimbra, 1961.

руки, будучи не в силах вынести его издевательств; или Архилох оказывается соперником Гиппонакта, оспаривая у него руку дочери Ликамба (testim, 11, 12a). Следует, однако, заметить, что эти хронологические несуразности по характеру своему ничуть не хуже и не лучше, чем рассказы о самоубийстве других жертв насмешек Гиппонакта — скульпторов Бупала и Афинида.

При оценке основной части издания — самих фрагментов Гиппонакта — следует рассмотреть три вопроса: состав материала, его расположение и характер аппарата.

В своде известных к середине нашего века текстов Гиппонакта за последние 30 лет (после опубликования в 1954 г. P. Oxy. 2323 = фр. 98 Дегани) никаких приращений не произошло. Поэтому объем собрания Дегани в общем тот же, что у его непосредственных предшественников — Медейроса, Массона, Веста [7]. Наряду с этим перед ним, как перед всяким издателем Гиппонакта, встал снова вопрос об атрибуции так называемых «Страсбургских эподов» — двух папирусных фрагментов, впервые опубликованных в 1899 г. Рейценштейном (третий фрагмент, содержащий по несколько букв из трех стихов, малоинформативен). Первый издатель счел их автором Архилоха, и, хотя тогда же было высказано предположение, что автором обоих эподов или хотя бы одного из них может быть Гиппонакт, мысль эта особого сочувствия у издателей не встретила: Диль поместил оба текста в своей антологии под № 79a и 80 среди фрагментов Архилоха и оставался верен этому во всех трех изданиях. Между тем дискуссия продолжалась, и высказывалось даже мнение, что в обоих случаях перед нами творчество не самих древних ямбографов, а их поздних подражателей [8].

Новую ноту в многолетние споры внесло обследование рукописи, заново произведенное Ж. Шварцем, который установил, что оба отрывка принадлежат к одному и тому же свитку и, стало быть, должны считаться произведениями одного автора [9]. На этот раз симпатии издателей склонились к Гиппонакту: первым включил оба эпода в собрание его текстов Адрадос [10], за которым последовали все три упомянутых выше предшественника Дегани. Правда, все они, кроме Массона, сопровождают эти тексты звездочкой, обозначающей отсутствие прямых указаний на авторство Гиппонакта. Сам Дегани в собрании избранных греческих лириков (1977 г.) отдал первый эпод Архилоху.

Вопрос остается до сих пор открытым. Стиль первого эпода очень напоминает Архилоха; во втором, напротив, сам Гиппонакт упоминается в качестве действующего лица. Поэтому по-прежнему остается соблазнительной атрибуция их двум *разным* поэтам [11]. Что же касается принадлежности обоих отрывков к одному папирусному свитку, то возникает вопрос, не захотел ли его владелец составить для домашнего употребления некую хрестоматию из ранних ямбографов. Так или иначе, имея в виду длительную дискуссию по всем этим вопросам, Дегани поступил правильно, включив оба отрывка в раздел dubia (фр. 194 и 196).

Что касается расположения фрагментов, дошедших от древнегреческих элегиков и ямбографов, то обычно их подбирают по ритмико-жанровому признаку. Так, например, издавая Архилоха, помещают сначала отрывки в элегических дистихах, потом триметры, тетраметры, эподы и, наконец, фрагменты, жанровая принадлежность которых не вполне ясна. Тот же принцип Массон и Вест применили к Гиппонакту, причем Весту не удалось выдержать его до конца: отдельные триметры оказались между эподами и тетраметрами или между отрывками неизвестных жанров. Еще хуже, что, следуя в основном за Массоном [12], Вест некоторые номера выпустил, для других фрагментов ввел не всегда объяснимые дополнительные обозначения (2a, 3a и т. п.). При этом фрагменты, которые, по сообщениям античных грамматиков, принадлежали в алек-

---

[7] Отличие по составу от издания Веста состоит лишь в том, что три фрагмента, относимых им к категории adespota, включены Дегани в его издание среди dubia (фр. 191, 192, 197), и еще три, автором которых Вест считает Анания, помещены Дегани среди spuria (фр. 217—219).

[8] Историю вопроса см. в статье: *Masson O.* Les «Épodes de Strasbourg»: Archiloque ou Hipponax? — REG, 1946/47, v. 59/60, p. 8—19.

[9] *Masson O.* Encore les «Épodes de Strasbourg».— REG, 1951, v. 64, p. 427—442.

[10] Liricos Griegos. Elegiacos u Yambógrafos arcaicos. Texto... por F. R. Adrados. 2. Barcelona, 1959.

[11] Не слишком убедительную попытку объединить оба фрагмента в одно произведение Гиппонакта предпринял недавно Кенен: *Koenen L.* Horaz, Catull und Hipponax.— ZPE, 1977, B. 26, S. 73—93.

[12] *Masson O.* Les fragments du poète Hipponax. P., 1962.

сандрийском издании к одной из двух книг ямбов Гиппонакта, оказались без всякой последовательности разбросанными по всему корпусу. Дегани, напротив, вернулся к расположению, принятому в основном еще Дилем: сначала он поместил цитаты из первой книги, потом — единственную из второй, далее — стихи, относительно принадлежности которых к определенной книге нет никаких сведений (понадобилась, естественно, и новая нумерация). Принцип этот, как и всякий другой, имеет свою обратную сторону: около десятка отрывков, содержащих имя Бупала — постоянного объекта насмешек Гиппонакта, оказались отделенными от фр. 1—6 из первой книги, имеющих дело с тем же персонажем. Имея в виду это обстоятельство, Дегани уже перед фр. 1 перечисляет и другие, в которых встречается имя Бупала, и это приходится признать единственным возможным выходом из противоречия между желанием представить отрывки древнего ямбографа в некоем жанрово-тематическом единстве и вместе с тем сохранить античное деление на книги.

В то же время, я думаю, нелишним было бы ввести перед фр. 121 подзаголовок «Тетраметры», перед фр. 126 — «Гексаметры». По поводу последнего фрагмента когда-то было высказано маловероятное мнение, что только эти четыре стиха, являющихся зачином к пародийной поэме, были написаны в гексаметрах, а все остальное выдержано в обычных для Гиппонакта холиямбах [13]. Современные исследователи, и Дегани в их числе, этого мнения не разделяют, и тем более целесообразно было бы выделить фр. 126 и 127 как немногие образцы гексаметров в творчестве Гиппонакта.

Сколь ни велика в собрании древних авторов роль продуманной композиции их фрагментов, главными все же остаются характер и содержание критического аппарата. В этом смысле труд Дегани заслуживает самой высокой оценки. Аппарат к Гиппонакту составлен настолько обстоятельно и тщательно, что новое издание, не являясь по своему назначению комментированным, в то же время дает в руки читателя все необходимое для всестороннего понимания каждого фрагмента.

Само собой разумеется, что в аппарате приводятся источники, причем количество их обычно значительно превышает число использованных в предыдущих изданиях. Учтены все, имеющие хоть какое-нибудь право на существование, разночтения и коньектуры. Наряду с этим каждый фрагмент получает у Дегани, насколько это возможно, полное освещение в метрическом, лексическом, историко-литературном и реально-бытовом плане. Покажем это на примере фр. 35, представляющего собой всего лишь один стих: ἀπό σ' ὀλέσειεν Ἄρτεμις.— σὲ δὲ κὠπόλλων — «Да погубит тебя Артемида.— А тебя — Аполлон».

Судя по всему, строка эта заимствована Цецом (он цитирует ее трижды) из стихотворения бытового характера, содержавшего перебранку мужчины и женщины, причем каждый из них желал другому гибели, которая находилась в ведении соответствующих богов: жизнью женщин распоряжалась Артемида, жизнью мужчин — Аполлон. Издатель, естественно, указывает на возможность такого контекста, но вместе с этим обращает внимание и на формальные особенности данного стиха. Сюда относится прежде всего употребление в первой строке трибраха и эмфатического тмесиса, с помощью чего ἀπό выносится на первое место в стихе,— такого рода техника отмечается у Геронда (12 случаев) и Каллимаха (2 случая), вероятно, испытывавших в этом отношении влияние Гиппонакта. Обсуждаются красис и псилоза в сочетании κὠπόλλων (из καὶ ὁ Ἀπόλλων) — если красис принят всеми издателями, то в вопросе о псилозе мнения разошлись, и издатель дает сводку, позволяющую проследить историю вопроса. Стих этот отличается еще одной метрической особенностью: в нем впервые в греческой поэзии представлена так называемая ἀντιλαβή, т. е. деление триметра на реплики двух персонажей, которое впоследствии будет широко использоваться аттической комедией и — в особо важных случаях — трагедией. На приоритет Гиппонакта в употреблении этого приема также указывается в аппарате.

Исключительное значение для историко-литературной характеристики каждого фрагмента имеют широко привлекаемые в издании Дегани параллельные места из греческой поэзии. В свое время Диль приводил их, хотя и недостаточно систематически, при фрагментах элегиков; в издании ямбографов ссылки эти носили совершенно эпизодический и случайный характер. Дегани, напротив, снабжает каждый фрагмент па-

[13] См. Corpusculum poesis epicae Graecae ludibundae. Pars 1. Ed. P. Brandt. Lipsiae, 1888, p. 32.

раллельными местами, охватывающими греческую поэзию от Гомера и лириков до поздней эпиграммы. В частности, в связи с фр. 35 цитируются Ил. XXIV, 605—609 (Ахилл напоминает Приаму о судьбе Ниобы, у которой Аполлон погубил сыновей, а Артемида — дочерей); Од. XVII, 494 (Пенелопа выражает пожелание, чтобы Аполлон сразил надменного Антиноя); Архилох, фр. 26, 5—6 Вест («владыка Аполлон, покарай виновных и погуби их»); Геронд, 4, 3 (где красис κώπόλλων также занимает позицию в исходе холиямба). В аппарате к указанным цитатам добавляются новые ссылки (Од. XV, 410 сл.; XVIII, 202; XXII, 6 сл.; Пал. Ант. VII, 743, 3—7), и, взятые вместе, они позволяют проследить полемическое переосмысление ионийским ямбографом предшествующей ему литературной традиции. Так, привлечение гомеровских стихов о трагедии Ниобы (Ил. XXIV, 605—609) в качестве параллельного текста к фр. 35 выдает его пародийный характер: перебранка двух персонажей, взывающих к богам-мстителям, снижает мифологическую парадигму божественной мести до чисто бытового уровня.

Наряду с этим Дегани вводит фр. 35 и в ритуальный контекст, напоминая, что в честь Аполлона и Артемиды справлялись в Ионии Фаргелии,— изображение вместе божественных близнецов засвидетельствовано на монетах из Эфеса и Клазомен, двух городов, с которыми была связана жизнь Гиппонакта. Наконец, имя Аполлона греки сближали с глаголом (ἀπ)όλλυμι — связь эта прослеживается и в фр. 35, и у Архилоха (фр. 26, приведенный в параллельных местах: Ἄπολλον... ὄλλυ' ὥσπερ ὀλλύεις). В аппарате прибавляются ссылки на ст. 1086 из «Агамемнона» Эсхила и на еврипидовский фр. 781, ст. 11—13, из «Фаэтона», где специально разъясняется связь, существующая между именем бога — целителя и губителя одновременно — и глаголом ἀπόλλυμι.

Мы позволили себе столь подробное изложение аппарата Дегани к одному лишь фрагменту Гиппонакта, чтобы показать на этом примере метод, которым пользуется издатель,— благодаря широкому привлечению самого разностороннего материала каждый стих древнего поэта выступает на широком культурно-историческом фоне. Можно указать в этой связи и на аппарат к знаменитым гексаметрам (фр. 126), в которых осмеивается неумеренный аппетит кого-то из представителей знатного рода Евримедонтиадов, и средством для этого служат гомеровские формулы и целые полустишия, приобретающие несвойственное им пародийное звучание. Широкое привлечение параллельных мест — несомненно, одно из очень ценных качеств нового издания.

Попутно укажу на два замеченных мною пропуска: при фр. 33,1 и 105,6, где даются многочисленные образования со второй частью —πλήξ, можно было добавить ἀκανθοπλήξ — «сраженный аканфовым шипом» (из названия трагедии Софокла об Одиссее, погибшем в бою с не узнавшим его Телегоном, чье копье завершалось шипом аканфа); при фр. 107,21 издатель приводит в качестве параллельного текста только один стих Семонида, в то время как для существительного βάκκαρις («притирание») имеется множество свидетельств в сатировской драме, начиная от Эсхила (фр. 132 Метте), и в комедии V—IV вв.[14]

В целом же новое издание фрагментов Гиппонакта выполнено на самом высоком научном уровне и долгие годы будет служить незаменимым подспорьем для каждого, кому приходится и еще придется заниматься историей ранней греческой лирики, местом Гиппонакта в развитии ямбографии, его влиянием на эллинистических и римских поэтов и грамматиков. Впрочем, уже сейчас благодаря прекрасному аппарату работа Дегани заставляет задуматься над справедливостью тех оценок, которые до сих пор давались Гиппонакту в истории греческой литературы.

«Низменный» характер его поэзии, откровенность описаний и выражений, доходящая до непристойностей, несомненная пародийная направленность многих фрагментов заставляли почти всех исследователей, включая и автора настоящей рецензии, видеть в Гиппонакте представителя низших слоев античного демоса. Между тем изгнание Гиппонакта из родного Эфеса тиранами (testim. 7), как и само его имя, говорит скорее о его благородном происхождении и участии в политической борьбе, чем о принадлежности к низам общества. Какую опасность для тиранов мог представлять безвестный бедняк и попрошайка? С другой стороны, отрывки, обычно считавшиеся своеобразным кредо Гиппонакта-нищего (фр. 42—44, 48 и аппарат к ним), выдают такой высокий уро-

---

[14] См. *Ярхо В. Н.* Лексика сатировских драм Эсхила.— Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1963, т. 22, с. 504 сл.

вень художественной и общекультурной подготовки, который трудно предположить в человеке, получившем только начатки знаний: чтобы так переосмыслять и пародировать Гомера и Гесиода, надо прежде всего их очень хорошо знать. Наконец, в последнее время в исследованиях ранней античной лирики все настойчивее пробивается мысль о несводимости поэтического «я» в творчестве Архилоха и Гиппонакта к личности автора. В ряде случаев речь может идти, очевидно, о фиктивных ситуациях или даже о некоем подобии маски, которой пользуется поэт для выражения своего мироощущения [15].

Объективный смысл поэзии обоих классиков древнегреческой ямбографии этим не снимается: предметом их критики, конечно, остаются нормы аристократического мировоззрения и аристократической этики, но исходит эта критика не из низов общества, а от представителей того же высшего класса, по каким-то причинам оказавшихся к нему в оппозиции. Высокое общественное положение Архилоха представляется мне фактом, не вызывающим сомнений [16]. С Гиппонактом — при существующем положении источников — дело обстоит сложнее, но и здесь внимательное изучение стиля его отрывков, их очевидной близости к ритуалу и ритуальному обличению заставляет видеть его личность более многогранной, чем это до сих пор делалось. Для такого исследования творчества Гиппонакта заново великолепный аппарат, составленный Дегани, вооружает всем необходимым. В этом еще одно, и притом далеко не маловажное, достоинство его издания.

В. Н. Ярхо

---

[15] Ср. *Ярхо В. Н.* Новый эпод Архилоха.— ВДИ, 1982, № 1, с. 72—78; *Мущинина Л. Н.* Пародия и инвектива в раннегреческой поэзии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1984, с. 8—10.

[16] Ср. *Jarcho V.* Noch einmal zur sozialen Position des Archilochos.— Klio, 1982, B. 64, S. 313—327.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ЧЕТВЕРТЫЕ СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

28—30 января 1985 г. на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ состоялись «Четвертые Сергеевские чтения», в которых приняли участие преподаватели университетов и пединститутов из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Белгорода, Беслана, Горького, Даугавпилса, Днепропетровска, Донецка, Ивано-Франковска, Казани, Калинина, Калуги, Караганды, Киева, Львова, Минска, Одессы, Омска, Орджоникидзе, Свердловска, Севастополя, Сыктывкара, Уфы, Фрунзе, Харькова, Черновцов, Элисты, сотрудники академических институтов Москвы и Лениграда и других научных учреждений. На пленарном заседании присутствовал сын В. С. Сергеева акад. Ю. В. Бромлей. Чтения открыл заведующий кафедрой истории древнего мира В. И. Кузищин. За время работы состоялось 18 заседаний шести секций.

На пленарном заседании выступили 11 докладчиков. В докладе *Г. М. Бонгард-Левина* (Москва) «Индия в античной традиции» была показана эволюция образа этой страны у греческих и римских авторов: у греков сложились отчасти верные этнические и социальные представления об Индии; позднее в поисках ответов на вопросы, вставшие перед духовной культурой в эпоху кризиса античного мира, христианские авторы — современники обожествления Будды, борясь с язычеством, впервые глубоко заинтересовались буддизмом махаяны. *У. Э. Эрдниев* (Элиста) в докладе «Проблема формирования древнегреческой народности» высказал мнение, что в классическую эпоху политическая раздробленность тормозила ее формирование и лишь борьба с Македонией объединила греков, стимулируя экономические и культурные контакты между различными греческими полисами. *Э. Д. Фролов* (Ленинград) в своем докладе коснулся института эсимнетии (выборной тирании), подтвержденного эпиграфикой и известного в классическое и эллинистическое время, но имевшего древние исторические корни. В докладе *Г. А. Федорова-Давыдова* и *В. В. Дворниченко* (Москва) «Находки вещей греческого производства в Нижнем Поволжье» было отмечено, что следы греческого импорта в сарматских курганах заметны на фоне влияния разных культурных центров в конце I тыс. до н. э. Докладчики сообщили о находках Поволжской археологической экспедицией чернолаковой керамики, амфор с клеймами, об открытом в 1984 г. интересном погребении I в. н. э. у с. Косики с золотыми пектораллю и браслетом, сделанными на заказ еще для скифской знати и затем многократно переходившими из рук в руки среди сарматской аристократии. *В. Ф. Генинг* (Киев) в своем докладе говорил о закономерности влияния научно-технической революции на гуманитарные науки — историю и археологию: он проследил развитие археологии от ее зарождения до 70—80-х годов XX в., когда на основе использования методов естественных наук стали глубоко изучаться и разрабатываться проблемы хозяйства, этнической структуры древних обществ, методологии. *А. И. Немировский* (Москва) поделился с присутствующими воспоминаниями о В. С. Сергееве. *А. С. Шофман* (Казань) в докладе «Историография и историографический источник в антиковедческой науке» выделил аспекты историографии как истории науки, научной критики и обобщения знаний. Использование не только опубликованных научных трудов, прошедших общественный фильтр, но и архивных материалов, переписки, рецензий, обзоров позволяет более действенно вести идеологическую борьбу с немарксистской историографией. Доклад *П. О. Карыш-*

ковского (Одесса) «Новые данные о политической истории Боспора во II в. до н. э.» был посвящен установлению личности правителей Боспора этого времени по нумизматическим данным. Монеты упоминают двух Спартоков (один из которых был отцом царицы Камасарии), а также Перисада — мужа Камасарии, его сына Перисада и еще одного Перисада, воспитавшего Савмака. В докладе *И. П. Вейнберга* (Даугавпилс) «„Царство" в представлении древневосточного человека середины I тыс. до н. э.» было отмечено, что хронист VI—V вв. до н. э. в отличие от девтерономиста VI в. до н. э., описывающего царства первой половины I тыс. как территориально-политические образования, определяет эти же царства преимущественно как этнополитические (и религиозные) образования, соответственно структуре и самооценке гражданско-храмовой общины, в которой он жил и творил. *А. М. Ременников* (Казань) в докладе «Причины войн племен Подунавья с Римской империей III—IV вв.» отметил, что десятки вторжений варваров были вызваны нехваткой земли из-за роста населения, стремлением захватить рабов и богатства и вернуть захваченные римлянами области, особенно Дакию. *В. М. Строгецкий* (Горький) в докладе «Деятельность Фемистокла и внутриполитическая борьба в Афинах в 490—460-х годах до н. э.» конфликт между Фемистоклом и его противниками предложил объяснять следствием борьбы полисной и городской структур на фоне таких черт полисного строя, как корпоративность гражданского коллектива и подчинение меньшинства большинству.

На секции истории древнего Востока было заслушано и обсуждено 19 докладов. В докладе *В. А. Головиной* (Москва) «Некоторые аспекты развития додинастического Египта» было показано, что последний преддинастический (герзейский) период демонстрирует ряд явлений в изобразительном искусстве, ремесле, архитектуре и т. п., роднящих его с культурными традициями Месопотамии, причем археологические находки и наскальные изображения допускают возможность контактов через район Красного моря. *С. В. Архипова* (Москва) в докладе «Египет и оазисы Ливийской пустыни в период Древнего царства: становление контактов» пришла к выводу, что в эту эпоху и в первый переходный период контакты с оазисами Харга, Фарафра и Вади Натрун включали торговый обмен продуктов скотоводства оазисов на египетское зерно. Египет был в мирных отношениях с оазисом Харга, через который шел удобный и безопасный путь в Нубию, а при V династии имел административный контроль над оазисом Фарафра. В докладе *Р. А. Гимадеева* (Ленинград) «О некоторых преимущественно восточных фольклорных параллелях к Herodotus II, 141» были приведены параллели (корейские, славянские, германские, малоазийско-греческие и др.), позволяющие утверждать, что в рассказе о нашествии мышей на лагерь ассирийцев Геродот записал бродячий сказочный сюжет, детали которого бытовали в египетской среде, рациональное же зерно надо искать в элементах, которые не сводимы к сказочному сюжету. *А. Н. Темерев* (Москва) в докладе «Аграрные отношения в Египте в эпоху персидского господства (По арамейским текстам V в. до н. э.)» высказал мысль, что Ахемениды существенно не изменили структуру местных аграрных отношений: земли делились на «царские» и «отпущенные», причем источники не позволяют говорить о широком распространении частного земледелия. В докладе *С. Я. Берзиной* (Москва) «Восточноафриканская политика Мероэ и мероитская дипломатия в I—VIII вв. н. э.» основное внимание было сосредоточено на борьбе мероитской кандаки Аманирены с римской администрацией Египта в 25/24—21/20 гг. до н. э. и успехах мероитской дипломатии: договор с Августом сохранил целостность мероитской территории, Додекасхойн управлялся совместно, Август отказался от податей из Мероэ, а мероитские цари — от титула «Владыки Верхнего и Нижнего Египта», заключенное с Римом торговое соглашение расширило товарообмен между Мероэ и Египтом. В докладе *О. В. Томашевич* (Москва) «Трансформация образа Исиды в греко-римскую эпоху» подчеркивалось, что культ этой богини был одним из каналов проникновения египетских верований в античную, христианскую и европейскую культуру, причем выделяются этапы трансформации образа Исиды: VII в. до н. э., когда с культом познакомились греки; III в. до н. э., когда святилище Исиды появляется в Александрии; максимальное развитие ее культа наблюдается во II—III вв. н. э. *С. И. Грицай* (Ленинград) в докладе «Об интерпретации двух фрагментов коптских гностических сочинений: „Ипостась архонтов" и „Трактат без названия" (из Наг-Хаммади)» пришла к выводу о гностическом переосмыслении библейских сюжетов, придавших рассказу об искушении в раю противоположный смысл, так как образ змея-

носителя гносиса получил положительную окраску. Изображение гностической «духовной Евы» не характерно для других текстов Наг-Хаммади (ее слияние со змеем, ареталогическое сходство с Исидой), что автор объясняет влиянием известного в греко-римском Египте представления об Исиде как универсальном женском божестве Средиземноморья. В докладе *Е. В. Кухтиной* (Москва) «Знаки Таро как игровая система» у 22 знаков, связанных с элементами древнеегипетских эзотерических учений, христианства и гностицизма, функционировавших в качестве игры (в Европе с XIII в.), имеющих латинские и греческие названия, были отмечены древнеегипетские параллели. Поскольку в них встроена система знаков Зодиака, выдвинута гипотеза, что и происхождение зодиакальных названий следует искать в данной системе, которая, по мнению докладчика, была ребусно-анаграммным текстом с элементами космологического учения. В докладе *Ю. Б. Юсифова* (Баку) «Локализация страны Аратта шумерских эпических сказаний» на основе летописей Саргона II (где упоминается «река Аратая»), Аргишти I (совершившего поход в «горную страну Алатейе») и шумеро-аккадских силлабариев (дающих слову «Аратта» значение «гора») было предложено локализовать эту страну, откуда шумеры получали лазурит и драгоценные металлы, юго-восточнее оз. Урмия, на позднейшей территории Манны, где также добывали лазурит (документ HABZ № 1240 и сведения Хамдаллаха Казвини). В докладе *В. Г. Ардзинба* (Москва) «Из наблюдений над § 168 таблицы II Хеттских законов» на основе нового перевода упоминание необходимости «очищения поля» трактовано как возмещение ответчиком материального и ритуального урона, ибо состав возмещения (овца, 10 хлебов, кувшин пива) имел жертвенный характер. Связь ритуального и материального возмещения органична, так как поле, по древним представлениям, было «частью тела владельца». Автор нашел аналогии с хеттскими законами в обычном праве ингушей, а в образе весов их хеттского судебного ритуала усмотрел сходство с весами Осириса, Зевса и Фемиды. *Д. Г. Редер* (Москва) в докладе «Экономическая структура Муцацирского храма» отметил, что захваченные Саргоном II в Муцацире богатства (714 г. до н. э.) не соответствовали местным экономическим ресурсам, ибо этот храмовый город лежал в горной местности, малопригодной для интенсивного сельского хозяйства. Богатства были накоплены в основном благодаря пожертвованиям, особенно урартских царей. На экономическую отсталость Муцацира указывает малое число железных изделий во дворце и их отсутствие в храме, хотя в последнем могло действовать и «табу» на железо. В докладе *С. С. Соловьевой* (Москва) «Государственные договоры в позднеассирийской дипломатической практике» были рассмотрены договоры Шамши-адада V, Адад-нерари III с Вавилоном, упоминавшиеся в «Синхронистической истории», договоры Ашшур-нерари V с Матиилу (царем Бит-Агусти), Ассархаддона с Ваалом (царем Тира), с семью мидийскими князьями, Ашшурбанапала — с египетскими правителями, царями восточносредиземноморского побережья, юго-восточных областей Малой Азии, Лидии, с правителями Элама и арабскими шейхами, а также договоры с древними великими городами Ашшуром, Вавилоном, Ниневией, Ниппуром, подтверждавшие их привилегии и вольности, освещена протокольная сторона договоров и их гарантирование. В докладе *Н. М. Никулиной* (Москва) «Эгейская печать из коллекции В. В. Павлова» анализировалась не изданная, не атрибутированная сердоликовая печать с изображением оленя, которую докладчик предлагает датировать классическим этапом эгейской глиптики (период $ПМ_{II}$). Параллели связывают изображение с памятниками монументальных и малых форм, продолжавших в $ПМ_{II}$ традиции классического этапа ($СМ_{III}$ и $ПМ_{I}$). Доклад *В. А. Гаибова* и *С. В. Новикова* (Москва) был посвящен стационарным работам Среднеазиатской экспедиции ИА АН СССР, МГУ и ТГУ под руководством Г. А. Кошеленко на памятниках Чильбурдж и Гёбеклы. Обследования показали, что Чильбурдж не был типичной парфянской крепостью; хотя ранние слои Гёбеклы датируются парфянским временем, не исключено, поскольку раскопки не завершены, что памятник относится к более раннему времени. На парфянских прямоугольных башнях и стенах возведены сасанидские укрепления, поздние слои памятника относятся к V—VII вв., а не к III в., как считалось раньше. В докладе *А. Б. Никитина* (Москва) и *А. Ю. Согомонова* (Владимир) «Итоги археологических разведок в Мервском оазисе» были сообщены результаты исследований 1980—1984 гг. в его северной части (Чаган-Депе, Дурнали, Гёбеклы и др.), выявивших парфянские, сасанидские и средневековые слои. Доклад *С. П. Полякова* (Москва) и *У. П. Пулатова* (Душанбе)

«Зороастрийский комплекс в Северном Таджикистане» был посвящен результатам первых исследований в Дахкатском ущелье Туркестанского хребта 1983—1984 гг.: в кишлаках Метк и Расравут обнаружены могильники древнее VI в. н. э., керамика I в. до н. э.—V в. н. э. и более поздняя; массовость материала говорит о крупном поселении. В докладе *Е. М. Медведева* (Москва) «Община и государство в древней Индии» было отмечено сходство организации и функций раннего государства-общины и возникающей специфической «индийской» сельской кастовой общины. Их господствующие слои представляли собой клановую организацию, нижние социальные подразделения находились в неполноправном и просто бесправном положении, подвергаясь разного вида эксплуатации. Деревенская и областная сельская община в какой-то мере осуществляли экономические, политические, судебные и идеологические функции государства. Возвышение клановых общинных вождей включало их в политически господствующий слой, возникновение которого (а также податного слоя из общинников) формировало собственность-суверенитет, реализовавшуюся в сборе земельного налога и других податей, и податную собственность, связанную с непосредственным трудовым или эксплуататорским хозяйствованием. По мнению автора, эти порядки соотносимы с феодальными. В докладе *А. Н. Бадера* (Москва) «О некоторых аспектах древнеиндийской классической драмы по „Натьяшастре“» был рассмотрен стихотворный трактат первых веков нашей эры (авторство которого традиция приписывает Бхарате), содержащий обзор театрального искусства. В его основе лежало учение об эмоции (раса) и сценическом ее воплощении (бхава). Композиция, как и в Греции, предусматривала пролог и деление на акты (до 14). Доклад *А. О. Наглера* и *Л. А. Чипировой* (Орджоникидзе) «К вопросу о взаимодействии хозяйственных типов в древнем мире» был посвящен взаимодействию земледельческого и скотоводческого укладов. Авторы пришли к выводу, что в результате нашествий кочевых орд, временами захлестывавших оседлый мир, насильственно осуществлялся синтез двух форм хозяйства, объединявший производительные силы, обеспечивая их новый уровень и новый этап производственных отношений, а также изменения общественно-политических структур.

На секции истории древней Греции были прослушаны выступления по проблемам предполисной, архаической, классической и эллинистической эпох. *В. В. Горовой* (Караганда) в докладе «К вопросу о своеобразии социальной ситуации в архаической Греции» рассмотрел вопрос о возможной лингвистической связи между греческими числительными и терминами, отражающими социальную иерархию. *В. В. Федотов* (Москва) в докладе «Вероятность сохранения преданий эгейской эпохи в античной Троаде» показал, что на местном историко-географическом фоне локальная традиция бывает достовернее канонизированной общегреческой, так как каналом культурной преемственности II и I тыс. до н. э. могли быть и немногие потомки прежних жителей. Возможно, они сохранили рассказы о разрушениях врагами Трои III и V в период около 2050 и 1800 гг. до н. э. в форме преданий о потомках Дардана и нападении Геракла до Троянской войны. В докладе *В. Л. Цымбурского* (Москва) «Греческие легенды о Приаме и Парисе в контексте истории Илиона (Вилусы) XIII в. до н.э.» обоснована реконструкция двух первоначально независимых сказаний (о Приаме и Александре-Парисе), представляющих отражение истории царя Вилусы Алаксандуса, оформленное по двум различным фольклорным схемам: «младший сын, торжествуя над братьями, получает престол» и «воспитанный на стороне царевич узнается отцом-царем» (отголоски истории усыновления Алаксандуса и занятия им престола в ущемление законных претендентов — его «братьев»). *Г. Я. Веллас* (Воронеж) в докладе «Из истории археологических раскопок оракула Зевса в Додоне» рассказал о первых исследованиях этого святилища, раскопках Афинского археологического общества 1880-х годов, работах Г. Сотириадиса в 1913—1921 гг., об изучении Додоны — древнейшего оракула в Греции — в 1929—1945 гг. и с 1952 г. до настоящего времени Д. Евангелидисом и С. Дикарисом. В докладе *Г. Т. Залюбовиной* (Москва) «Пантеизм в ранней греческой философии» была отмечена тенденция отказа от политеизма и антропоморфизма олимпийской религии уже в эпоху архаики (Анаксимандр, Ксенофан, элеаты, Гераклит), затем у Анаксагора и Сократа, а также у орфиков. По мнению *А. В. Стрелкова* (Москва), прочитавшего доклад «Монетная политика Афин эпохи Первого морского союза», в стоимость афинских монет включались издержки на чеканку, а также косвенный налог, при уровне переоценки в 5%, установленном еще в период реформ Солона. В V в.

качество монеты сохранялось даже при финансовых кризисах, что было связано с задачами социальной политики полиса и с зависимостью Афин от международной торговли. *Т. Ф. Теперик* (Москва) в докладе «Антропоцентризм в гномических высказываниях Софокла» сгруппировала сентенции полностью сохранившихся трагедий по принципу синонимической лексики, что позволило выделить в них тему антропоцентризма как следствие отражения тенденций эпохи. *К. А. Семина* (Москва) в своем докладе остановилась на вопросе о месте Деметры в официальном пантеоне Аттики. В докладе *Л. Л. Селивановой* (Москва) «Значение культа Аполлона и Артемиды в Аттике» был поставлен вопрос о роли Аполлона как прародителя ионийцев и покровителя Аттики и Артемиды — хранительницы дома и обращено внимание на праздники в честь этих божеств с хтоническими и солярными функциями. *В. Д. Жигунин* (Казань) посвятил доклад «Морское соперничество Македонии и Египта в середине III в. до н. э.» борьбе Антигонидов с Птолемеями за преобладание в Эгейском море и на его островах. Докладчик предположил, что было не два морских сражения — при Андросе и Косе, а одно — в водах между этими островами в промежутке от падения Афин в Хремонидовой войне (262 г.) до смерти Деметрия Красивого (258 г.), в котором македонский флот одержал крупную, хотя и недолговременную победу. В докладе *В. И. Перовой* (Петрозаводск) «Тирания Набиса в Спарте» было отмечено, что при Набисе наблюдалось преобладание в государстве монархических институтов над полисными. *Л. С. Давыдова* (Москва) в докладе «Кризис спартанского полиса» показала, что этот кризис проявился в серьезных изменениях экономической, социальной и политической структуры спартанского общества, коснувшись всех его слоев — от спартиатов до периэков. *О. Б. Лопухова* (Москва) в докладе «Гиеропеи — должностные лица Делосского храма (314—166/5 гг. до н. э.)» указала на эволюцию этой древней культовой должности до полисной магистратуры, второй по значению после архонтов. В докладе *А. В. Подосинова* (Москва) «Советское антиковедение в оценке современной западногерманской историографии» было подчеркнуто, что последние 20 лет изменилось господствовавшее некогда враждебное и скептическое отношение к работам советских ученых, появились переводы их статей и рецензии на их труды.

Секция истории древнего Рима была самой представительной, объединявшей доклады по внутренней и внешней политике республики и империи, идеологии, Поздней империи и источниковедению. *Я. Ю. Заборовский* (Ивано-Франковск) в докладе «Великие восстания рабов в Римской республике 139—71 гг. до н. э. (Некоторые вопросы теории)» подчеркнул, что рабские восстания, носившие массовый характер, начинались без подготовки и руководителей; при трудностях снабжения, с которыми они сталкивались, ощущалась помощь сельского населения тех областей, где происходили военные действия, соответственно в идеологии восставших нашли отражение настроения крестьянства. *К. А. Ревяко* (Минск) в докладе «Битва при Каннах (К 2200-летию со дня сражения)», касаясь причин победы карфагенян, обратил внимание не только на их тактическое преимущество, но и на поведение римлян и союзников на поле боя, вражду консулов и несогласованность командования. В докладе *В. В. Смирновой* (Москва) «Римская политика в Каппадокии в 90-е годы I в до н.э.» было отмечено, что причиной завоевательной политики этого времени, ставившей целью овладеть всей Малой Азией, было стремление к экономической эксплуатации богатств полуострова. *И. А. Гвоздева* (Москва) в докладе «Ранние типы межевания земельных площадей в Риме» рассказала о «лацинах» и «прецизурах», появившихся до римского завоевания еще в VI—V вв. до н. э., на основании которых римляне создали системы скамнации. *Н. Г. Фомичева* (Москва) в докладе «Об истоках легенды о Горациях и Куриациях» предположила, что предания этих родов были известны Ливию и Дионисию, чем объясняется наличие двух версий событий, которые можно считать историческими. В докладе *Л. П. Кучеренко* (Сыктывкар) «Роль цензоров в идеологической жизни Римской республики» подчеркивалось, что с уменьшением патрицианского контроля над членами родов в государстве усиливалось влияние цензоров на личную жизнь граждан. *Д. В. Дождев* (Москва) в докладе «Conscripti в римской традиции» отметил, что эти лица из плебейских родов, вошедшие в сенат в 509 г. до н. э., получили тогда патрицианское достоинство, повторив опыт patres minorum gentium и полностью порвав со своим сословием. *И. Н. Свиридова* (Москва) в докладе «Римские города Далмации I—II вв.» рассмотрела сведения о развитии колоний и муниципиев, показала роль вете-

ранов, отпущенников, рабов в инфраструктуре городов. В докладе *Б. С. Ляпустина* (Москва) «Металлообрабатывающее ремесло в Помпеях» была прослежена связь городских торговцев с капуанскими и путеоланскими родами. Объем помпейского производства уступал количеству товаров, импортируемых из соседних крупных металлообрабатывающих центров. *А. В. Шмалько* (Харьков) в докладе «К вопросу о восточном походе Нерона» счел Эфиопию или Аравию наиболее вероятным направлением этой кампании, имевшей целью упрочение престижа императора и демонстрацию сил перед Парфией. В докладе *А. П. Вассоевича* (Ленинград) «Тацит о морской нефтедобыче» было высказано мнение, что в сообщении о нефтепромысле в Мертвом море описано разрушающееся месторождение нефти и содержится намек на какой-то древний способ ее сгущения, напоминающий современную коагуляцию вылившейся на морскую поверхность нефти. В докладе *Т. А. Лапиной* (Москва) «Источниковедческие проблемы III книги Плиния Старшего» было отмечено, что описание Бетики в источнике отличается от рассказа о Тарраконской провинции. Возможно, первый текст был дополнительно отредактирован и являет образец планировавшегося окончательного варианта географической части труда Плиния. *А. Г. Бандровский* (Львов) в докладе «Античные авторы об этнической ситуации в Карпатском регионе в I—III вв.» рассмотрел генезис местных племен, выделив западный (германцев), северо-восточный (бастарнов, костобоков, вандалов и др.) и восточный (гето-даков) районы, из которых первый и последний имели моно-, а северо-восточный — полиэтническую карту. *А. Б. Егоров* (Ленинград) в докладе «Добродетели щита Августа» предложил считать надпись на золотом щите, дарованном от имени сената в 27 г. до н. э., лозунгом идеологии Принципата, отражавшим свершившиеся завоевания (virtus), предстоящую политику «залечивания ран» (clementia, iustitia), уважение к религии, верность обязательствам и преемственность власти Цезаря (pietas). *Я. Ю. Межерицкий* (Калуга) в докладе «Сенека и res publica» рассмотрел на примере сочинений Сенеки отношение части правящего класса к общественной деятельности, все более превращавшейся в государственную службу. В докладе *А. А. Елагиной* (Омск) «Curriculum vitae римского историка Тацита» было обращено внимание на социальное происхождение Тацита, его воспитание, образование, ораторскую деятельность до начала занятий историей. В докладе *Н. И. Григорьевой* (Москва) «Платоновская мифологема „псюхе“ как структурообразующая основа романа Апулея „Метаморфозы“» три компонента души по учению платоников (низшая, «пылкая» и «разумная») были сопоставлены с поэтикой трех частей романа, ключевым образом которых является Душа (героиня сказки об Амуре и Психее), содержащего «милетский рассказ» в сюжетной части, вставную сказку и заключительную XI книгу. В докладе *Т. П. Емельяновой* (Москва) и *Л. Е. Семенова* (Калинин) «К вопросу об изучении античного христианства в свете исторической социальной психологии» были поставлены вопросы об особенностях групповой динамики христианских общин, детерминированности социального поведения христиан свойствами их референтной группы, чертах их психического склада и элементах эмоциональной сферы. *Н. И. Соловьянов* (Москва) в докладе «О роли римской армии в религиозной жизни Нижней Мёзии и Фракии» отметил, что эпиграфика свидетельствует о доминирующей роли религиозной политики императоров и местных традиций, определявших характер культов, соблюдавшихся населением и армией. *В. А. Федосик* (Минск) в докладе «Гонения Деция и Валериана в Северной Африке» подчеркнул, что антихристианские репрессии Валериана были в основном направлены против клира, в отличие от гонений Деция, имевших частный характер. По его мнению, в Карфагене возникло не две, а три группировки христиан (ортодоксы Киприана, новатиане и сторонники Фортуната). В докладе *Н. Н. Трухиной* (Москва) «Социальная роль претуры во II—I вв. до н. э.» говорилось, что преторские династии всадников играли видную роль в сенате. За время управления провинциями их представители приобретали состояния, позволявшие стремиться к консулату, и нередко объединялись в сенатскую оппозицию. *Ф. А. Михайловский* (Москва) в докладе «Роль трибунских полномочий при передаче власти в период первых принцепсов» высказал мнение, что преемник становился соправителем лишь с получением прерогатив трибуна по постановлению сената, после же смерти принцепса трибунская власть позволяла созвать сенат для оформления нового принципата с последующим утверждением его власти комициями. *С. А. Лазарев* (Москва) в докладе «Социальный характер римской армии после диоклетиано-константиновской военной реформы» подчеркнул уси-

ление ее полицейских функций и стимулирование императорами корпоративности для предотвращения союза со свободными и закрепощаемыми земледельцами. *В. Н. Дрях-лов* (Москва) в докладе «Из истории экономических контактов рейнской армии с германцами в IV в. н. э.» обратил внимание на тот факт, что римляне планировали снабжать свою армию германским зерном, однако оно не могло стать основой снабжения из-за упадка сельского хозяйства на Рейне в 50-е годы IV в. В докладе *С. А. Ромашова* (Москва) «Завоевание римлянами Цизальпийской Галлии» рассматривались историко-географические аспекты этих кампаний. Этапы проникновения римлян с 238 по 221 г. до н. э. докладчик проиллюстрировал оригинальной картой. *О. Н. Мамина* (Свердловск) в докладе «Сидоний Аполлинарий о римлянах, кельтах и варварах» отметила, что в основе отношения Сидония к различным народам лежит позднеримская система ценностей, а не уважение к культуре кельтов. Главным долгом своих знатных соотечественников в эпоху «варваризации» он считал сохранение римской культуры, которое сами римляне обеспечить уже не могли. *А. П. Мартемьянов* (Харьков) в докладе «Римская villa rustica в экономике восточнобалканских земель в первые века н. э. (По материалам раскопок на территории НРБ)» пришел к выводу, что к северу и югу от Балкан во II в. и первой половине III в. н. э. преобладали средние рабовладельческие поместья с привлечением труда арендаторов и наемных работников; их экономика была многоотраслевой с частичным товарным производством. В докладе *С. В. Пивоварова* (Черновцы) «Римские древности на территории Северной Буковины» были рассмотрены связи местного населения с позднеантичными центрами Северного Причерноморья, Дакии и Мезии по материалам черняховской культуры и культуры карпатских курганов. Римский импорт поступал в эти области по Днестру и Пруту и через карпатские перевалы. *Е. В. Ляпустина* (Москва) в докладе «К вопросу о натурализации хозяйства в западных провинциях Римской империи в поздней античности» отметила, что образование крупных внегородских замкнутых доменов могло сопровождаться интенсивным развитием хозяйственных организмов на фоне не слишком высокого местного уровня товарного производства в эпоху Принципата. В докладе *А. В. Коптева* (Москва) «О прикреплении к земле римских колонов в IV в.» было обращено внимание на тот факт, что «Дигесты» обычно выражают абстрактные (возможные) типы правовых отношений, тогда как императорские «Кодексы»— реальные отношения. Докладчик предположил, что законы, фиксировавшие прикрепление к земле колонов, связанных с землей традиционно, могли отражать скорее перенесение акцента с права юристов на право императоров.

В секции истории Северного Причерноморья были прослушаны доклады о Танаисе, Приазовье, Боспоре, специальное заседание было посвящено Херсонесу. *Д. В. Деопик* (Москва) в докладе «Западный квартал Танаиса римского времени» на основе материалов раскопок 1962—1982 гг. осветил проблему «сарматизации» города. Находки в полностью раскопанном квартале IIIС, дома которого погибли в период около 250 г., стандартны для городов европейского Боспора и не говорят о «варваризации». В докладе «К вопросу о римском импорте в античном Приазовье» *Л. Г. Шепко* (Донецк) сообщил о результатах исследования в 1984 г. кургана в Шахтерском р-не Донецкой обл. с двумя погребениями сарматского времени. В богатом инвентаре женской могилы преобладали вещи I—III вв. из италийских и галльских мастерских, в частности бронзовая посуда. В Приазовье, в отличие от Прикубанья, Подонья и Поволжья, подобный набор встречен впервые. *И. В. Яценко* (Москва) в докладе «Сообщение Страбона (VII, 4, 6) о „номадах“ и „георгах“ в связи с современными данными археологического изучения Крыма» указанные сведения предложила вслед за М. И. Ростовцевым и Б. Н. Граковым относить к IV—III вв. до н. э., а не к I в. до н. э., как это нередко делается в современной литературе. По ее мнению, «георгами» называли не скифов, а земледельческое население без учета его этнической характеристики, в частности на территории Боспора и хоры Херсонеса. В докладе *Е. А. Молева* (Белгород) «Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта» было высказано мнение, что скифы, прежде чем разбить Диофанта, поддерживали Боспор, а меоты в борьбе с ним при поддержке сираков обрели независимость, что подорвало экономику Боспорского царства. *С. В. Дьячков* (Харьков) в докладе «К вопросу о вольноотпущенниках в составе населения Боспорского царства в I—III вв.», используя данные ономастики, отметил, что царские отпущенники были опорой внутренней политики царей,

служили в охране дворца и в низшем и среднем звеньях администрации, большинство отпущенников частных лиц вливалось в низшие слои общества. В докладе *А. А. Завойкина* (Москва) «О формировании хоры европейского Боспора в VI — первой трети III в. до н. э.» на основе картографирования сельских памятников были выявлены два этапа освоения Восточного Крыма: от начала колонизации до конца VI в. (ближайшие земли и сельские центры) и до 380-х годов, когда завершился рост хоры. В докладе *А. Г. Авдеева* (Москва) «О времени и причинах прекращения регулярного клеймения керамической тары в Гераклее Понтийской» был сделан вывод, что клеймение закончилось в 284—281 гг. до н. э. с установлением протектората Лисимаха и восстановлением демократии, падением внешнеполитического престижа полиса, упадком его торговли с припонтийскими странами, сокращением хоры и переориентацией экономики на внутренний рынок. *А. Н. Щеглов* (Ленинград) в докладе «Херсонес и Ольвия в V—II вв. до н. э.: проблемы взаимоотношений» отметил обилие херсонесских монет в Ольвии. Поселение Панское I в окрестностях Керкинитиды до пожара в середине IV в. было ольвийским, а после восстановления стало херсонесским в связи с отвоеванием у Ольвии Северо-Западного Крыма и межеванием на Тарханкуте. В первой трети III в. скифо-сарматы опустошили сельские поселения Ольвии и Северо-Западного Крыма. *А. Б. Колесников* (Москва) в докладе «Из истории взаимоотношений Керкинитиды и Херсонеса» на основе нумизматики высказал предположение, что около середины IV в. до н. э. города заключили союз, при котором граждане Керкинитиды имели автономию в херсонесском государстве до ее потери в начале III в. до н. э., отразившейся в херсонесской присяге и сопровождавшейся прекращением чеканки местной монеты. *А. А. Седгенидзе* (Севастополь) в докладе «О структуре хоры Херсонеса в IV в. до н. э.» выдвинула предположение об одновременности эксплуатации ближайших окрестностей Херсонеса и Маячного полуострова, который сначала был местом дальних наделов у западной границы государства. «Этапы освоения городской хоры Херсонеса в конце V—IV вв. до н. э.» — тема доклада *В. В. Бацалева* (Москва), рассмотревшего вопросы возникновения города и ближайшей хоры, датировки межевания Маячного и Гераклейского полуострова. В докладе *В. М. Зубаря* (Киев) и *С. Б. Сорочана* (Харьков) «Новый погребальный комплекс и некоторые вопросы внешних связей Херсонеса в первые века н. э.» использованы материалы склепа № 1 II—IV вв., открытого в 1982 г. в западном некрополе города, свидетельствующие о торговле с Малой Азией и западным берегом Понта. Доклачики предполагают, что в городе во второй половине IV в. присутствовали римские чиновники из дунайских провинций. *В. Ф. Мещеряков* (Харьков) в докладе «О переходе от „язычества" к христианству в Херсонесе Таврическом» указал на недостоверность житийной традиции об особой роли Херсонеса в христианском мире и его христианизации с I в. и отнес появление христианства там к концу IV в. Автор отметил, что язычество преобладало в Херсонесе и в V в., а массовая насильственная христианизация началась лишь в VI—VII вв. В докладе *М. И. Горбатовской* (Москва) «К вопросу о романизации Херсонеса в I—II вв.» вопреки существующему мнению предполагалось, что романизация города все же происходила, но более поздняя и смягченная провинциальной культурой. *А. И. Иванчик* (Москва) в докладе «О хронологии херсонесских амфор» на основе анализа 53 комплексов с амфорами и клеймами датировал верхнюю границу производства амфор и клеймения в эллинистическом Херсонесе концом III в. до н. э.

Секция историографии объединила 15 докладов о работах зарубежных и советских ученых. *А. П. Норден* (Казань) докладе «К вопросу о мировоззрении Э. Фримана» отметил, что либерально-радикальная концепция ученого, ставшего одним из основателей оксфордской школы всеобщей истории, легла в основу политического направления в антиковедении и медиевистике.

«А. Круазе как историк афинской демократии» — тема доклада *Е. А. Чиглинцева* (Казань), подчеркнувшего его позитивистскую методологию, акцент на интуицию и художественное осмысление исторических фактов. *Н. Н. Чернова* (Уфа) в докладе «Политическая организация античности в трактовке Фюстель де Куланжа» обратила внимание на ведущую роль этого ученого в позитивистской историографии Франции второй половины XIX в. В докладе *Ю. А. Окуня* (Казань) «Категория „мир" в творчестве М. И. Ростовцева» было подчеркнуто, что преимущества мира историк видел не только в отсутствии разрушений военного времени, но и в относительном невмешатель-

стве государства в экономику. Весь цивилизованный мир в его представлении состоял из ряда миров, сменяющих друг друга и названных ученым по господствовавшему этносу. *Л. Р. Ротермель* (Казань) в докладе «Эллинистическая утопия в трактовке западногерманской историографии» остановилась на работах Ф. Альтхейма и Х. Браунерта. *А. А. Розовский* (Казань) в докладе «Понятие „эллинизма в современной французской историографии» охарактеризовал труды Л. Омо, А. Эймара, П. Левека, П. Клоше, П. Пти, К. Прео, Ф. Девисме, Э. Виля, П. Бриана. Докладчик отметил, что французская историография прошла прогрессивный путь вплоть до попыток объяснить историческое развитие через базисные явления. *Е. И. Светилова* (Москва) в докладе «Проблемы истории Халкидского союза в современной историографии» остановилась на датировке его формирования, относимого и к эпохе колонизации, и к 479 г. до н. э., и к концу V — началу IV в. до н. э. (работы А. Уэста, Л. де Сальво, У. Каршхедта, Ф. Хампля, Г. Глотца, Д. Ларсена, М. Гьюд, Н. Царнта). В докладе «Великий Октябрь и рождение советской науки об античности» *К. П. Коржева* (Алма-Ата) охарактеризовала научную деятельность в 20-е годы В. С. Сергеева, С. И. Ковалева, А. И. Пиотровского, А. И. Тюменева, В. П. Волгина, издательства Сабашниковых, созданной в 1919 г. ГАИМК. *А. К. Арнгольдт* (Караганда) выступил с докладом «А. И. Тюменев и марксистская концепция рабства». *Н. М. Галкина* (Фрунзе) в докладе «Об источниках наших сведений о В. С. Сергееве» поставила вопрос о необходимости записи воспоминаний о нем. *И. А. Лисовой* (Львов) в докладе «Проблемы античного рабства и классовой борьбы в историографии ЧССР (1945—1980 гг.)» выделил работы П. Оливы, Я. Печирки, Б. Борецкого, Я. Буриана, Л. Варцла, В. Вавржинека, Ю. Новакова, И. Чешки, Л. Видмана, З. Златушки, М. Бартошека, И. Кинцла о возникновении и сущности рабства, сфере рабского труда, классовой борьбе и юридическом статусе рабов и вольноотпущенников в Риме, об эпиграфических сведениях о рабстве и кризисе рабовладения. *С. М. Рубцов* (Москва) в докладе «Римская армия в Мезии в I—III вв. в советско-болгарской историографии» отметил направление по изучению легионов и вспомогательных частей, нижнедунайского лимеса и мезийского флота. *И. П. Сергеев* (Харьков) в докладе «Советская историография кризиса III в. в Римской империи» охарактеризовал точки зрения И. И. Тюменева, В. С. Сергеева, А. Г. Бокщанина, Е. М. Штаерман на причины и характер этого кризиса, социальную опору претендентов на власть, сепаратистские движения в провинциях, отношение государства к христианству, борьбу с вторжениями, роль армии и последствия кризиса. В сообщении *А. Н. Кащеева* (Казань) «Взаимоотношения Рима и эллинистических государств в конце III в. до н. э.» была показана роль в изучении этой проблемы французского историка М. Алло, одного из создателей концепции «оборонительного римского империализма», и поддержавшего его Г. Гриффита.

На заключительном пленарном заседании участники прослушали четыре доклада. *И. Л. Маяк* (Москва) в докладе «К вопросу о характере римского общества V в. до н. э.» отметила, что признание достоверности античной традиции об этом обществе позволяет уточнить социальный статус патрициев и плебеев, обладавших различными правами, трудившихся в разных сферах хозяйства. Патриции пользовались трудом клиентов на своих и общественных землях, а плебеи сами обрабатывали свои наделы. Патрициат эксплуатировал плебс в основном в качестве воинов и плательщиков трибута, из чего вытекает характеристика плебеев и патрициев как классов-сословий. В докладе «Ближневосточная цивилизация в отражении античной историографии» *И. Ш. Шифмана* (Ленинград) было отмечено взаимовлияние культур Передней Азии и Средиземноморья, сочетание вплоть до поздней античности тенденций космополитизма со стереотипным образом «восточных варваров». *А. Г. Лундин* (Ленинград) в докладе «Еще раз о дешифровке протосинайского письма» показал недопустимость сравнения форм знаков без учета их значения, подтвердив свое определение этого письма как лапидарного почерка финикийского алфавита XIII—XI вв. до н. э. чтением двух полностью сохранившихся кратких надписей: на кинжале из Лахиша и текста из Серабит-ал-кадем № 357а. *Ю. Б. Циркин* (Ленинград) в докладе «Два типа романизации Испании» отметил, что интенсивная иммиграция из Италии была направлена на юг и восток Испании, а колонизация остальной территории была слабой (в основном военной). Горные районы севера романизация почти не затронула.

Кафедра истории древнего мира
исторического факультета МГУ

ПРИЛОЖЕНИЕ

DOMITII ULPIANI
DE OFFICIO PROCONSULIS
LIBRI X

ДОМИЦИЙ УЛЬПИАН
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ПРОКОНСУЛА

(Сохранившиеся фрагменты по Palingenesia iuris civilis О. Ленеля)

Перевод с латинского, вступительная статья и примечания *А. Л. Смышляева*

Книга VII

(Об общественном порядке)[35]

2181 (1.18.13 pr.) Хорошему и достойному президу надлежит заботиться о том, чтобы провинция, которой он управляет, была мирной и спокойной. Этого нетрудно будет добиться, если он постарается очистить провинцию от злонамеренных лиц и примет меры к их розыску. Ведь он должен разыскивать святотатцев, разбойников, похитителей людей[36], воров и карать их сообразно с виной каждого. Следует наказывать и укрывателей, без которых разбойник не может долго скрываться.

[35] О. Ленель отметил, что его реконструкция порядка изложения материала в этой и последующих книгах — не очень надежна. Возможно, в книге VII после первой главы, заканчивающейся разделом (об умалишенных), шли главы, посвященные государственным и экстраординарным преступлениям.

[36] Похитители людей — плагиарии — те, кто занимался кражей свободных людей (и чужих рабов) с целью продажи их в рабство. См. *Coll.*, 14.2.1.

(о беглых рабах)

2182 (11.4.3) По рескрипту божественного Пия желающий произвести розыск (своего) беглого (раба) в чужих имениях может обратиться к президу для получения письма, а если дело этого потребует, и аппаритора [37], чтобы тем самым иметь разрешение туда входить и производить там розыск. И президу должен установить наказание для того, кто не позволяет производить розыск (в своем имении). А божественный Марк [38] речью, прочитанной в сенате, предоставил желающим разыскивать (своих) беглых (рабов) возможность вступать на территорию имений и Цезаря, и сенаторов, и сельских жителей (paganorum), чтобы отыскивать убежища и следы скрывающихся.

(об умалишенных)

2183 (1.18.13.1) Если умалишенных уже не способны обуздать их родственники, то президу должен принять против них соответствующие меры, а именно заключить их в тюрьму. Таков рескрипт божественного Пия. По мнению божественных братьев, в случае отцеубийства (parricidium) надо внимательно рассмотреть личность преступника: симулировал ли он безумие в момент убийства или и в самом деле не был в здравом уме. И в случае притворства он должен быть покаран, а в случае настоящего безумия содержаться в тюрьме.

(Об обвинениях и письменных жалобах)

2184 (48.2.7 pr.— 3) Если кому-нибудь предъявляется обвинение в преступлении, то этому должна предшествовать письменная жалоба. Это введено с той целью, чтобы к обвинению прибегали с меньшей легкостью, зная, что клеветническое обвинение не останется безнаказанным. (1) Таким образом, отдельные лица будут соблюдать осмотрительность в предъявлении обвинения и придерживаться его вплоть до вынесения приговора. (2) Президу не должен допускать повторного предъявления обвинения лицу, уже оправданному по тому же делу, как и ответил божественный Пий в рескрипте Сальвию Валенту, но нужно разобраться в том, запрещено ли (повторное) обвинение (только) тому же самому (обвинителю) или также и другому. Я тоже полагал бы, что поскольку решение судебного спора между двумя лицами не может приносить вред третьему лицу, постольку, если тот, кто в данный момент выступает обвинителем, движим собственной печалью, и если он докажет, что ему не известно обвинение, ранее представленное другим, то в случае важности (его) дела он должен быть допущен к обвинению. (3) Наконец, если лицо, выступившее с клеветническим обвинением, (затем) обвиняет того же самого человека в другом преступлении, то, по моему мнению, едва ли может быть допущен к обвинению тот, кто однажды (уже) оказался клеветником. Хотя, как божественный Пий постановил в рескрипте Юлию Кандиду, сын обвинителя должен быть допущен, если он выдвигает другое обвинение против того, кого когда-то (безуспешно) обвинял его отец.

2185 (48.16.14) Божественный Адриан в рескрипте проконсулу Крита Сальвию Кару ответил, что если опекун предъявил обвинение от имени малолетнего, то в случае кончины подопечного не следует принуждать опекуна доводить это дело до конца.

2186 (48.2.7.4—5) По рескрипту того же императора [39] наказывать рабов следует там, где они были уличены в преступлении, и если их господин захочет их защищать, то он не имеет права возвратить их в свою провинцию, но должен защищать их там, где они совершили преступление. (5) Когда в одной провинции совершено святотатство, а затем в другой (тем же лицом) — более мелкое преступление, то, как предписал божественный Пий в рескрипте Понтию Прокулу, нужно, чтобы он, произведя следствие о преступлении, совершенном в его провинции, отослал обвиняемого в ту провинцию, где было совершено святотатство.

---

[37] Аппариторы — находившиеся в распоряжении магистратов и промагистратов государственные служащие (ликторы, посыльные, писцы и т. д.). Это были свободные люди, получавшие жалованье от государства. См. *Jones A. H. M.* Studies in Roman government and law. N. Y., 1968, p. 153—158.

[38] Имеется в виду Марк Аврелий. Ср. 11.4.1.

[39] Имеется в виду Антонин Пий.

(О содержании обвиняемых под стражей)

2187 (48.3.3) Божественный Пий, отвечая по-гречески на письмо антиохийцев, написал, что не следует заключать в оковы того, кто изъявил готовность представить поручителей, разве только о нем известно, что он совершил тягчайшее преступление, не позволяющее вверить его ни поручителям, ни воинам, и он должен перед (установленной приговором) карой претерпеть само наказание тюрьмой.

2188 (2.12.9) Божественный Траян в рескрипте к Миницию Наталу постановил, что праздники освобождают (презида) только от судебных разбирательств на форуме, что же касается дел, имеющих отношение к военной дисциплине, то они должны разбираться даже и в праздничные дни. Это относится и к судебному следствию по делам тюремных стражников.

(Об отсутствующих)

2189 (48.19.5 pr.— 1) Как постановил божественный Траян в рескрипте к Юлию Фронтону, нельзя выносить приговор за преступления в отсутствие обвиняемого. И не следует осуждать кого бы то ни было на основании подозрений, как постановил божественный Траян в рескрипте Адсидию Северу: «Ибо лучше, чтобы остался без наказания виновный в совершении преступления, чем был бы осужден невиновный». Однако, что касается упорствующих, которые не повинуются ни вызовам в суд, ни эдиктам президов, то в отношении их можно выносить приговор даже в их отсутствие сообразно обычаю, существующему в гражданском судопроизводстве. Кто-нибудь может утверждать, что в этом случае отсутствуют аргументы противной стороны. Что из этого следует? Для отсутствующих лучше устанавливать наказания, заключающиеся в каких-либо денежных штрафах или касающиеся гражданской чести. В случае упорного неповиновения и отсутствия на суде после повторных вызовов можно установить наказание, доходящее вплоть до высылки, однако если речь идет о более тяжелом наказании, например о рудниках или о смертной казни, то (такой приговор) не нужно выносить отсутствующим. (1) Следует, однако, сказать, что в отношении отсутствующего обвинителя иногда можно установить более тяжелое наказание, чем то, которое предусмотрено Турпиллианским сенатусконсультом [40].

(О святотатствах)

2190 (48.13.7) Строже или мягче карать за святотатство [41] — это проконсул должен решать, сообразуясь с личностью (преступника), с обстоятельствами дела и времени, (а также) с возрастом и полом (преступника). Я знаю, что многих приговаривают к бою со зверями на арене, некоторых даже к сожжению живьем, а иных к распятию на кресте. Однако следует свести наказание к бою со зверями на арене тем, кто ночью совершает в храме кражу со взломом и уносит (оттуда) приношения божеству. А если кто-нибудь днем из храма вынес что-то не очень значительное, то его следует карать, приговорив к рудникам, если же он по происхождению принадлежит к почтенным, то его следует сослать на остров.

(о христианах)

2191 (Lactant. Div. Inst. 5.11) *Домиций в VII книге (трактата) «Об обязанностях проконсула» собрал нечестивые рескрипты принцепсов, чтобы научить тому, какие наказания следует претерпеть признающим себя почитателем бога.*

об астрологах и пророках

2192 (Coll. 15.2) (1) Кроме того, запрещены изощренный обман астрологов и их упрямая приверженность к распространению этой мнимой науки. Впервые было решено запретить это не в наше время, а (еще) в старину. Так, например, имеется се-

---

[40] Турпиллианский сенатусконсульт (61 г. н. э.) предусматривал наказания для обвинителей, которые, получив взятку, отказывались от предъявленного обвинения.

[41] Святотатством считалась кража из уже освященного храма.

натусконсульт, принятый в консульство Помпония и Руфа [42], где указывается, что астрологи, маги, ворожеи и прочие, занимающиеся подобными вещами, если они являются римскими гражданами, приговариваются к изгнанию из отечества и к конфискации всего имущества, если же они — чужеземцы, то к смертной казни. (2) Однако возникал вопрос, что подлежит наказанию — знания людей такого рода или их занятия и ремесло. Древние (юристы) считали, что запрет должен налагаться на ремесло, а не на знания. Впоследствии же этот вопрос трактовался по-разному. Не следует смотреть сквозь пальцы на то, что иногда (эти люди) ухитряются практиковать (свое ремесло) и даже делают (его) своей профессией и публично демонстрируют свои знания. Это происходит не потому, что это разрешено, а скорее из-за упорства и легкомыслия лиц, желающих вопрошать (астрологов) и пользоваться (их советами). (3) Однако почти все принцепсы многократно запрещали заниматься такими нелепостями и тех, кто это делал, карали в зависимости от характера вопроса. Так, если вопрос был о здоровье принцепса, то приговаривали к смерти или к иному тяжелейшему наказанию, а если о собственном здоровье или о здоровье кого-либо из близких, то наказание было конечно более мягкое. (3а) Бывает, что объявляются и лжепророки, их также следует наказывать, потому что их заслуживающие запрещения плутни порой направлены против общественного спокойствия и власти римского народа. (4) Как раз (по этому поводу) имеется постановление божественного Пия к легату Лугдунской провинции Пакату. Этот рескрипт пространен, и поэтому я вместо того, (чтобы его цитировать), сказал здесь вкратце о его цели. Наконец, и божественный Марк выслал на остров Сирос того, кто во время Кассиева мятежа [43] пророчествовал и говорил многое как бы по наущению богов. Безусловно, не должны оставаться безнаказанными подобные люди, которые под предлогом передачи указания богов распускают слухи, сеют беспокойство или притворяются знающими что-либо (о воле) богов [44].

(К Юлиеву закону об (оскорблении) величия)

2193 (48.4.1) Ближе всего к святотатству стоит преступление, которое называют (оскорблением) величия. (1) (Оскорбление) величия имеет место тогда, когда совершается что-либо против народа римского или против его безопасности. К ответственности за это преступление привлекаются (в следующих случаях): когда чьи-либо действия становятся побуждением или началом для злого умысла, когда без приказа принцепса убивают заложников, когда в городе вооружаются камнями и дротиками, собираются для действий против государства и занимают общественные места или храмы, когда созывается собрание или сходка, чтобы призвать людей к мятежу. По этому же закону привлекается к суду всякий, чьи действия станут побуждением или началом преступного заговора с целью убийства магистрата народа римского, облеченного высшей военной и гражданской властью, всякий, кто поднимет оружие против государства, кто врагам народа римского пошлет весть или письмо, либо злоумышленно подаст условный знак или поможет врагам народа римского советом против государства, всякий, кто возбуждает и подстрекает воинов и кто готовит мятеж или бунт против государства.

(К Корнелиеву закону) об убийцах и отравителях[45]

2194 (Coll. 1.3) В первой главе Корнелиева закона об убийцах предусматривается, чтобы претор или замещающее его лицо, которому по жребию достанется судебная комиссия по делам об убийствах, совершенных в Риме или не далее мили от него, рассматривал бы вместе с судьями, каковых согласно закону предоставит ему жребий, уголовное дело того, кто ходил, имея при себе оружие ради человекоубийства и грабежа, или совершил убийство, или по чьему злому умыслу оно было совершено *и так далее. О смысле этого закона Ульпиан говорит в следующих словах*: Этот закон карает не всякого, кто ходит с оружием, но лишь того, кто носил оружие ради человекоубийства

[42] В 17 г. н. э.
[43] Имеется в виду мятеж Авидия Кассия в 175 г. н. э.
[44] Ср. 48.19.30; *Paul.*, Sent. V, 21, 1—4; *Dio*, LII, 36, 2—3.
[45] Имеется в виду закон Корнелия Суллы, принятый в 81 г. до н. э. См. 48.8.1.

и грабежа. Этот закон карает и того, кто убил человека, но не добавляет, о человеке какого положения идет речь, так что этот закон, видимо, относится и к (убийству) раба и к (убийству) перегрина [46].

2195 (48.8.4 pr) По Корнелиеву закону об убийцах несет ответственность всякий, кто, занимая пост магистрата, допустил бы в отношении умерщвления людей что-либо не дозволенное законами.

2196 (Coll. 1.6) (1) В рескрипте Адриана утверждается, что в случае убийства устанавливают различие между несчастным случаем и намеренным преступлением. (2) Слова рескрипта: «И того, кто совершил человекоубийство, бывает, оправдывают, разумеется если он сделал это без намерения убить, и, (напротив), тот, кто не совершил человекоубийства, но хотел убить, осуждается как убийца. (3) Стало быть, необходимо установить — каким именно железным орудием воспользовался для убийства Эпафродит. Так, если он использовал меч или дротик, то можно ли усомниться в наличии намерения убить? Если же он действовал засовом или котлом в пылу сильной ссоры, то хотя он совершил убийство и железным орудием, но без умысла. (4) Итак, исследуйте это, и если намерение убить было — прикажите распять его на кресте как раба-убийцу».

2197 (Coll. 1.11.1 = 48.8.4.1) (1) Для случая, когда кто-либо по шалости окажется виновником (чьей-нибудь) смерти, существует одобренное божественным Адрианом решение проконсула Бетики Тавриния Эгнация, который приговорил такого (убийцу) к высылке на пять лет. (2) Вот дословно содержание запроса и рескрипта. (Запрос:) «Лучший император, я провел следствие по делу Клавдия и Эвариста (которое заключается в том), что Клавдия, сына Лупа, во время пира подбрасывали на плаще и по вине Мария Эвариста его так плохо поймали, что спустя четыре дня он умер. Ясно было, что у Эвариста не было с ним никакой вражды, но я полагал, что заслуживает наказания провинность, заключающаяся в пристрастии (к опасной игре), дабы это послужило к исправлению других юношей такого же возраста. И по этой причине я запретил Эваристу на пять лет пребывание в Городе, Италии (и) провинции Бетике и постановил, чтобы он заплатил в возмещение издержек 2 тыс. сестерциев отцу (умершего), потому что бедность его была (всем) очевидна. Не соизволишь ли ответить». (3) (И вот) дословное содержание рескрипта: «Наказание Марию Эваристу ты, Таврин, определил правильно в соответствии с характером его вины (= 48.19.5.2). Ведь также и при более серьезных преступлениях имеет значение, совершено ли что-нибудь (противозаконное) преднамеренно или случайно». (4) И в самом деле, (при рассмотрении) всех преступлений всегда следует отделять (преднамеренные от непреднамеренных) и (одни) карать по всей справедливости, а в отношении других проявлять умеренность.

2198 (48.8.4.2) Божественный Адриан предписал в своем рескрипте: «Оскопление людей запрещено императорскими постановлениями, и более того — виновные в этом преступлении должны нести ответственность по Корнелиеву закону с изъятием их имущества в пользу моего фиска. К рабам, участвовавшим в оскоплении другого человека, должно применить высшее наказание. В случае отсутствия обвиняемых в этом преступлении на суде приговор следует вынести и отсутствующим, так же как если бы Корнелиев закон соблюдался полностью [47]. Конечно, если те, кто претерпел такое надругательство, сами предъявили претензии, то презид провинции должен выслушать потерпевших, ведь никто не должен оскоплять свободного или раба против ли их воли или с разрешения их самих, и никто не должен добровольно допускать (свое) оскопление. И если кто-либо нарушит мой эдикт, то подлежит уголовному наказанию и врач, и само лицо, добровольно подвергшееся этой операции».

2199 (48.6.6) Похититель свободнорожденного мальчика должен нести наказание, как постановил в рескрипте (Гемину) божественный Пий в следующих словах: «Я приказал, чтобы (тебе) передали копию жалобы, врученной мне Домицием Сильваном от

---

[46] Возможно, это более позднее толкование Корнелиева закона.

[47] На основании императорских постановлений президы вершили суд в экстраординарном порядке и могли выносить приговор в отсутствие обвиняемых. На основании законов (leges) президы вершили суд в качестве председателей судебных комиссий вместе с присяжными заседателями. В этом случае приговор нельзя было вынести в отсутствие обвиняемых.

имени его дяди Домиция Сильвана. Он утверждает, что его свободнорожденного сына, совсем юного, похитили, заточили и довели до гибели побоями и истязаниями. Я потрясен этой жалобой и желал бы, чтобы ты, дражайший Гемин, выслушал (этого человека) и, если все подтвердится, сурово покарал за это преступление».

(К Юлиеву закону о казнокрадстве)[48]

2200 (48.13.8) Если те, кто работает в государственном монетном дворе, чеканят для себя монету вынесенным оттуда государственным штемпелем или крадут отчеканенную монету, то считается, что они совершили не подделку монеты, а кражу государственных денег. Это преступление приравнивается к казнокрадству [49]. Лица, совершившие кражу золота или серебра из императорских рудников, караются на основании эдикта божественного Пия изгнанием или рудниками в зависимости от их ранга. Лицо, предоставляющее убежище вору, также считается вором и карается бесчестьем как и при осуждении за явную кражу [50]. К четырехкратному штрафу приговаривается лицо, выплавившее золото из противозаконно присвоенной породы.

2201 (48.10.8) За обрезывание и подделку золотых монет следует приговаривать свободного — к бою на арене со зверями, а раба — к смерти.

Книга VIII

К Юлиеву закону о публичном и частном насилии[51]

2202 (48.6.7) Всякий, кто, обладая высшей военной или гражданской властью, нарушит право провокации [52] и убьет, станет бичевать римского гражданина или прикажет сделать такое, или наденет ему что-либо на шею, чтобы подвергнуть пытке, несет ответственность по Юлиеву закону о публичном насилии. То же относится к его легатам, посланцам и комитам; если кто-нибудь из них учинит избиение или совершит противоправную обиду, он подлежит обвинению.

2203 (Coll. 9.2) В главах 87 и 88 того же закона запрещается привлекать в качестве свидетелей некоторых в любом случае, а некоторых против их воли. (2) Дословное содержание (главы 88): «В силу этого закона не могут привлекаться в качестве свидетелей против обвиняемого следующие лица: получивший [воль]ную от обвиняемого или его отца, либо от их отпущенника [или] отпущенницы; малолетний; осужденный [за уголовное преступление] и не восстановленный (затем) в прежнем состоянии; пребывающий в оковах или в государственной тюрьме, завербовавшийся в гладиаторы или подрядившийся или подряжающийся для участия в травле зверей на арене [53], за исключением того, кто послан или будет послан в Город метать копье (на травле зверей); женщина, открыто промышляющая или промышлявшая своим телом [54]; осужденный вследствие того, что он за плату давал свидетельские показания [или отказывался признавать себя свидетелем на суде]. Никто из вышеперечисленных лиц в силу этого закона не может давать свидетельские показания против обвиняемого. (3) В главе 87 (говорится): «Не должны привлекаться против своей воли свиде-

---

[48] Имеется в виду закон, изданный Октавианом Августом.

[49] При Севере и Каракалле государственные монетные дворы определенно засвидетельствованы только в императорских провинциях (см. *Mattingly H. and Sydenham E.* The Roman imperial coinage. V. 4, pt. 1. L., 1968, p. 56—59, 85).

[50] Воров, застигнутых на месте преступления, судили за «явное воровство (furtum manifectum)» и карали строже, чем других воров.

[51] Имеется в виду закон, изданный Октавианом Августом.

[52] Право провокации — право римского гражданина опротестовать перед народным собранием (а позднее — перед императором) приговор к смертной казни или к телесному наказанию. См. *Lintott A. W.* Provocatio: from the Struggle of the Orders to the Principate.— ANRW. Teil I. B. 2. N. Y., 1972, p. 226 f.

[53] Завербовавшийся в гладиаторы заключал особый договор (auctoramentum gladiatorium), в силу которого фактически лишался свободы, и его отныне можно было «жечь, связывать, сечь и убивать». Подрядившийся для участия в травле зверей на арене заключал обычный договор найма (locatio conductio operarum).

[54] См. 23.2.43.

телями обвинения следующие лица: двоюродный брат обвиняемого; (человек), связанный с ним близким кровным родством, (а также) его тесть, зять, отчим или пасынок». *И так далее.*

(К закону Помпея об отцеубийцах[55])

2204 (48.9.6) Может возникнуть вопрос, только ли отцеубийцы несут наказание за умерщвление родителей или также и их соучастники. По мнению Мециана[56], должно карать одинаково и отцеубийц, и (их) соучастников. Следовательно, соучастники, даже посторонние, должны быть подвергнуты тому же наказанию.

О наказании по Корнелиеву закону о (подлоге) завещаний[57]

2205 (48.10.9 pr.— 2) По Корнелиеву закону (о подлогах) несут ответственность те, кто портит золото добавками и чеканит фальшивые серебряные монеты. (1) Той же каре подвергается даже лицо, которое не воспрепятствовало подобному поступку, имея возможность это сделать. (2) Этот же закон обуздывает того, кто захочет со злым умыслом покупать или продавать монеты, сделанные из свинца и покрытые (золотым или серебряным) сплавом.

2206 (Coll. 8.7.1) Сверх того, в консульство Статилия Тавра [и Скрибония Либона][58] был издан сенатусконсульт, предусматривающий наказание по Корнелиеву закону для тех (= 48.10.9.3), кто сознательно и злоумышленно подписал лично (в качестве свидетеля) или содействовал подписанию какого-либо подложного документа, даже и не являющегося завещанием, а также для тех, кто по злому умыслу вступил в сговор для подделывания документов, удостоверяемых свидетелями, либо для дачи или подписания фальшивых свидетельских показаний. (2)На основании сенатусконсульта, принятого в консульство Котты и Мессаллы[59], караются также и лица, которые за плату подстраивают решения гражданских дел с помощью судебной защиты или свидетельских показаний, либо (с той же целью) вступают в сговор, находят себе соучастников или дают подобного рода обязательства. (3) В консульство обоих Геминов[60] был издан сенатусконсульт, предусматривающий наказание по закону Корнелия и для тех, кто за плату дал свидетельские показания, либо уклонился от дачи их, либо отказался от данных ранее показаний. *И так далее.*

2207 (48.10.9.4) Лицо, (тайно) подославшее обвинителя в денежном деле, наказывается так же, как и эти (обвинители), берущие деньги за возбуждение тяжб.

(О свидетелях)

2208 (22.5.19) Публиканов, а также того, кто уедет не с целью уклониться от дачи свидетельских показаний, а по государственной надобности, и того, кто возьмет какой-либо подряд для армии, не заставляют давать свидетельские показания (на суде) против их воли. (1) Малолетнего также нельзя вызвать в суд в качестве свидетеля.

(О пыточных допросах)[61]

2209 (48.18.1 pr.— 20) При расследовании преступлений обычно полагаются на пыточный допрос. Рассмотрим, однако,— когда и в какой мере так следует поступать. Божественный Август постановил, что не нужно ни начинать следствие с пыток, ни

---

[55] Имеется в виду закон Гнея Помпея (55 или 52 г. до н. э.), по которому отцеубийством признавалось убийство любого близкого родственника, а не только домовладыки (pater familias), как раньше (см. *Paul.*, Sent. V, 24, 1).

[56] Имеется в виду Волузий Мециан — видный юрист середины II в. н. э.

[57] Имеется в виду закон Корнелия Суллы (81 г. до н. э.), действие которого позднее было распространено на другие виды подлогов.

[58] В 16 г. н. э.

[59] В 20 г. н. э.

[60] 29 г. н. э.

[61] По мнению О. Ленеля, этот раздел связан с трактовкой какого-либо конкретного закона (возможно, закона Августа о прелюбодеяниях (Lex Julia de adulteriis), изданного в 18 г. до н. э.).

слишком на них полагаться [62]. Об этом же говорится и в письме божественного Адриана. (1) Содержание рескрипта таково: «К пыткам рабов следует приступать лишь тогда, когда обвиняемый внушает подозрение и прочие доказательства в такой степени уличают его в преступлении, что недостающим представляется только признание рабов». (2) Сходным образом божественный Адриан постановил в рескрипте Клавдию Квартину предписывающем, чтобы следствие начиналось бы с лица наиболее подозрительного, от которого, по мнению судьи, легче добиться показаний. (3) В рескрипте божественных братьев, адресованном Луцию Тибериану, объявлено, что не следует вызывать на пыточный допрос тех, кого привел из своего дома обвинитель, и не надо чересчур доверять (показаниям) привлеченной (им женщины), которая, как говорят, была любимой дочерью для обоих родителей [63]. (4) Они также ответили Корнелию Прокулу, что не нужно относиться с доверием к обвиняемому на основании пыточного допроса одного-единственного раба, а надо исследовать все доказательства по делу. (5) Божественный Антонин и божественный Адриан постановили в рескрипте к Сеннию Сабину, что в случае поступления доноса на рабов, похищавших золото и серебро вместе с господином, нельзя допрашивать рабов о господине. И даже если они донесут (на господина) что-нибудь еще, это не должно ему повредить. (6) В рескрипте Лелиану Лонгину божественные братья написали, что при расследовании дел о наследстве не следует подвергать пыточному допросу раба наследников даже в случае (какого-нибудь) подозрения, поскольку считается, что наследник в силу акта воображаемой продажи [64] (уже) приобрел собственность на этого раба. (7) (В рескриптах принцепсов) неоднократно указывалось, что в деле о гражданах муниципия можно подвергать муниципального раба пыткам, поскольку он принадлежит не этим (гражданам), а городской общине. То же следует сказать и о рабах (любой) корпорации, поскольку они являются не рабами ее многочисленных членов, а ее самой. (8) Если раб принадлежит мне вследствие добросовестного заблуждения и, стало быть, у меня нет на него права собственности, то можно сказать, что не следует такого раба подвергать пытке по моему делу. То же касается и свободного человека, который пребывает в рабстве вследствие добросовестного заблуждения. (9) (В постановлениях принцепсов) было указано, что отпущенника [65] нельзя пытать по делу его патрона. (10) Наш император со своим божественным отцом указали в рескрипте, что нельзя привлекать к пытке брата против брата, добавив, что не следует применять пытку против тех, кого нельзя вопреки их воле заставить давать свидетельские показания (на суде). (11) Божественный Траян в рескрипте Сернию Кварту указал, что раба мужа можно подвергать пытке по делу его жены. (12) Также в рескрипте Муммию Лолиану он постановил, что рабов осужденного можно подвергнуть пытке по его делу, поскольку они ему уже не принадлежат. (13) Божественный Пий постановил, что если раб был отпущен на волю для того, чтобы его нельзя было пытать по делу хозяина, его можно подвергнуть пыткам (по этому делу) [66]. (14) Божественные братья постановили, что можно по делу хозяина пытать раба, который был отчужден на время дознания, хотя бы потом он и был к нему обратно возвращен. (15) Если будет сказано, что покупка (раба) не имеет законной силы, его можно подвергнуть пытке по делу хозяина не прежде, чем будет доказано, что продажа (этого раба) не имела законной силы. Так постановили наш император со своим божественным отцом. (16) Север также предписал в своем рескрипте Спицию Антигону следующее: «Нельзя применять пыточный допрос рабов (для получения показаний) против господ, а если это все же случилось, эти показания не должны воздействовать на решение того, кто выносит приговор. Стало быть, доносы рабов на господ и подавно не следует принимать. (17) Божественный Север рескриптом постановил, что не стоит доверять обвиняемым, признающимся в совершении расследуемых преступлений, если в распоряжении добросовестного судьи нет никаких (иных) подтверждений (их вины). (18) Когда некто был готов заплатить цену раба, чтобы того пытали против (его) хозяина, наш император со

---

[62] Ср. 48.18.8.

[63] Не ясно, кто здесь имеется в виду. Может быть дочь обвинителя, прижитая его рабыни?

[64] Имеется в виду манципаторное завещание. См. *Ulp.*, Fragm. XX, 1—2, 9.

[65] Возможно, имеются в виду категории латинов-юнианов или перегринов-дедитициев, не обладавших правами римского гражданства. См. *Gaius*, Inst. I, 12—24; III, 56—58.

[66] Ср. *Paul.*, Sent. V. 16, 9; Coll. 4. 12.8.

своим отцом не допустили этого. (19) Божественный Траян постановил в своем рескрипте, что если рабов подвергли пыткам как соучастников преступления и среди их показаний оказалось что-либо против (их) господина, то приговор ему следует вынести в зависимости от характера дела. Из этого рескрипта следует, что показания рабов могут причинять вред (их) господам. Однако более поздние постановления демонстрируют отход от (положений) этого рескрипта. (20) В деле, касающемся (поступления) налогов, которые, несомненно, являются становой жилой государства, пусть осознание опасности (своего положения) также определяет показание раба; ведь рабу, соучастнику обмана (казны), угрожает серьезное уголовное наказание.

2210 (48.18.1.21—22) Тот, кому доведется проводить пыточный допрос, не должен спрашивать прямо, не Луций ли Тиций совершил убийство. Нужно спрашивать в общей форме, кто это сделал. Ведь ясно, что в противном случае (допрашивающий) скорее подсказывает (ответ), чем выясняет (истину). Так постановил в своем рескрипте божественный Траян. (22) Божественный Адриан в рескрипте Кальпурию Целериану постановил дословно следующее: «Можно допрашивать раба Помпея Валента Агриколу о том, что совершено им самим; если же во время пыточного допроса раб скажет больше, чем его спрашивают, то это будет уже донос обвиняемого, а не оплошность ведущего допрос».

2211 (48.18.1.23—26) В (императорских) постановлениях указывается, что не всегда нужно принимать, хотя и не всегда отвергать, данные пыточного допроса. Ведь дело это ненадежное, опасное и могущее ввести в заблуждение. В самом деле, многие благодаря терпеливости или стойкости к пыткам так их презирают, что добиться правды от таких людей невозможно. Другие же настолько не способны владеть собой, что предпочитают солгать что угодно, лишь бы не терпеть пыток, и, бывает, дают любые признания, обвиняя не только себя, но еще и других. (24) Кроме того, не следует полагаться на пыточный допрос врагов (обвиняемого), поскольку они легко возводят поклеп. Однако надо не просто отказываться — под предлогом вражды (между замешанными) — от доверия к пыточному допросу, (25) но только завершив расследование дела, полагаться или не полагаться (на полученные показания). (26) В некоторых рескриптах говорится, что когда кто-либо выдает разбойников, не следует доверять показаниям последних против тех, кто их выдал. Но в других, более полных, указано, что не безоговорочно следует отказывать им в доверии, как принято по отношению к прочим (оговаривающим своих врагов), но надо, завершив расследование дела, определить, заслуживают ли эти показания доверия или нет. Ведь многие, страшась, как бы их не назвали пойманные (сообщники), нередко сами (заранее) их выдают, разумеется, стремясь обеспечить себе безнаказанность, потому что нет большого доверия к показаниям тех, кто доносит на выдавшего. Однако не следует ни предоставлять безнаказанность всем подряд за предательства такого рода, ни пренебрегать объяснениями тех, кто говорит, что обвинение на них возведено в отместку за собственный их донос [67]. Ибо нельзя (заранее) считать несостоятельным их утверждение, что они оболганы и оклеветаны.

2212 (48.18.1.27) Если кто-либо без всякого принуждения признается в преступлении, ему не всегда следует верить. Ведь бывает, что на себя доносят из страха или по иной причине. Существует письмо божественных братьев к Воконию Саксе, в котором было указано, что следует освобождать признавшего себя виновным, если после осуждения выяснилось, что он не виноват. Дословное содержание письма таково: «Дражайший Сакса, в отношении осужденного тобою раба Примитива, который был заподозрен в том, что он наговорил на себя, придумав убийство, из страха, как бы его не вернули господину, и (по той же причине) упорствовал в (этих) ложных показаниях, ты поступил благоразумно и исключительно гуманно, решив допросить его под пыткой насчет его сообщников, также вымышленных, чтобы добиться от него более правдивых показаний, чем данные им против себя самого. Твое столь разумное решение принято не напрасно, поскольку благодаря пыткам установлено, что у него не было тех сообщников и сам он зря возвел на себя поклеп. Вследствие этого ты можешь отменить (свой) приговор и приказать через (своих) служащих продать (Примитива) с условием никогда не возвращать под власть (бывшего) господина. Мы не сомневаемся, что последний,

[67] Ср. *Paul.*, Sent. V. 16.10.

получив покупную цену, охотно расстанется с таким рабом». В этом письме указывается, что если осужденный раб был бы восстановлен (в прежнем состоянии), он принадлежал бы тому, кому принадлежал прежде, чем был осужден. Но презид провинции не может восстановить (в прежнем состоянии) того, кто им осужден, так как он не имеет права отменить свой приговор (даже) в денежной тяжбе. Что же из этого следует? Следует, что в случае установления невиновности лица, считавшегося виноватым, презид должен написать принцепсу.

О жестокости господ [68]

2213(1.6.2 = Coll. 3.3.1—4) Если господин жесток с рабом или принуждает его к постыдному и позорному, то что должен предпринять презид? (Это) ясно из рескрипта божественного Пия Аврелию Марциану, проконсулу Бетики. Рескрипт этот гласит: «Власть господ над их рабами должна быть непоколебима, и ни у кого нельзя отнимать его права. Но для господ полезно, чтобы не было отказано в защите против жестокости, голода, непереносимых несправедливостей тем (рабам), которые просят (о ней) по закону. Поэтому проведи следствие по жалобе тех, кто из фамилии Юлия Сабина прибегли под защиту статуй. И если ты установишь, что они были в более тяжелом положении, чем это справедливо, или подвергались бесчеловечным обидам, прикажи их продать так, чтобы они не вернулись под власть Сабина. Если кто-либо нарушит мое постановление, пусть знает, что я накажу более сурово». Божественный же Адриан некую матрону Умбру выслал на пять лет потому, что она чрезвычайно жестоко наказывала рабынь за легчайшие провинности.

2214(Coll.3.3.5). А также божественный Пий к прошению Альфия Юлия приписал так: «Повиновение рабов следует обеспечивать не только властью, но и умеренностью, и достаточным содержанием, и справедливыми (требованиями) работы. Следовательно, ты сам должен (об этом) заботиться и обходиться с рабами справедливо и умеренно, чтобы тебе легче было и от них требовать (должного). Если же окажется, что тебе не под силу расходы (на их содержание) или что ты господствуешь над ними с жестокостью, то светлейший муж проконсул обязан предупредить, чтобы против тебя не было учинено чего-либо мятежного, и принудить тебя моим именем продать их. (Написано) в консульство Глабриона и Омулла» [69].

О (грабеже при) кораблекрушениях и (о поджигателях)

2215 (47.9.12 pr.) Известно, что кораблекрушение позволяет каждому в отдельности безнаказанно собирать свое (добро). Это постановили в рескрипте император Антонин с его божественным отцом.

2216 (Coll. 12.5). Хотя закон Корнелия повелевает карать поджигателей изгнанием из отечества, наказания к ним применяются различные. (=47.9.12.1) Если совершившие преднамеренный поджог в городе принадлежат к низшим, то их обычно приговаривают к бою на арене. Если поджигатели — другого ранга и сделали они это в Риме, то им следует смертная казнь или по меньше мере ссылка на остров. Но того, кто вызвал пожар непреднамеренно, чаще всего прощают, кроме случаев особой неосторожности или озорства.

(О дарданариях [70] и т. д.)

2217 (47.11.6) Дарданарии обычно чрезвычайно взвинчивают цену на хлеб. (Императорские) мандаты и постановления противодействуют их алчности. В мандатах указывается буквально следующее: «Кроме того, ты должен следить, чтобы у дарданариев не имелось какого-либо товара и чтобы не поднимали цену на продовольствие ни те, кто утаивает скупленные товары, ни богачи, не желающие продавать урожай своих имений по справедливым ценам, поскольку (они) дожидаются недорода. Нака-

[68] Фрагменты 2213 и 2214 переведены Е. М. Штаерман (Хрестоматия по истории древнего Рима. Под ред. Утченко С. Л. М., 1962, с. 437).

[69] В 152 г. н. э.

[70] Так называли оптовых спекулянтов продовольствием и особенно хлебом.

зания за это устанавливаются различные: чаще всего, если (провинившиеся) — оптовые торговцы, им только запрещается заниматься торговлей; бывает, что их приговаривают к высылке, а низших присуждают к каторжным работам. (1) Цену на продовольствие поднимают также (имеющие) фальшивые весы. Относительно этих (людей) божественный Траян издал эдикт, в котором установил для них наказание по Корнелиеву закону о (подлоге) завещания, приравняв их к тем, кто был осужден за то, что составлял, подписывал и публично зачитывал подложное завещание. (2) Божественный Адриан (человека), пользовавшегося фальшивыми мерами (для измерения продовольствия), сослал на остров.

О похитителях скота

2218 (Coll. 11.7 pr. = 47.14.1) Относительно наказаний для похитителей скота божественный Адриан в рескрипте (провинциальному) собранию Бетики предписал следующее: «Так как похитителей скота наказывают строжайшим образом, их обычно приговаривают к мечу (ad gladium), однако строжайшим образом их наказывают не везде, а там, где этот род преступлений встречается чаще; в противном случае их приговаривают к каторжным работам, (причем) иногда только к временным. (2) Поэтому я считаю, что вашему суду достаточно (назначать) тот род наказания, который обычно является наиболее тяжелым за такое преступление,— то есть приговаривать похитителя скота к мечу или даже, если кто-либо был столь известным и столь закоренелым похитителем скота, что его уже прежде подвергли какому-либо наказанию за это преступление, то его следует (за повторное преступление) приговорить к рудникам». (3) Рескрипт божественного Адриана гласит, что наиболее тяжелым наказанием (в таких случаях) являются рудники, если только божественный Адриан, говоря о приговоре к мечу, не подразумевает под этим приговор к бою на арене [71]. (4) Но существует различие между теми, кто приговорен к мечу, и приговоренными к бою на арене. Ведь приговоренные к мечу должны гибнуть немедленно или, по крайней мере, в течение года, ведь именно так говорится в (императорских) мандатах. А приговоренные к бою на арене в действительности не только не погибают непременно, но могут даже спустя определенное время получить вольную и освобождение от службы гладиатора. Поскольку их разрешено через пять лет отпускать на волю, через три же года (после этого) освобождать от службы гладиатора [72]. (5) В этом же рескрипте божественного Адриана тщательнейшим образом определено, что не во всех случаях похитителей скота подвергают одинаковым наказаниям.

2219 (Coll. 11.8.1—2 = 47.14.1.1—2) Похитителями скота, в собственном смысле слова, считаются те, кто уличен каким-либо образом в угоне скота с пастбищ или из табунов, (находящихся в загонах), и в том, что они практикуют это занятие как свое ремесло, уводя коней из табунов и быков из стад. Впрочем, если кто-либо уведет отбившегося (от стада) быка или оставленных в безлюдном месте коней, то является скорее вором, чем похитителем скота. (2) Также и тех, кто увел свинью или козу или барана, не следует наказывать столь же сурово, как похитителей более крупных животных.

2220 (Coll. 11.8.3—4 = 47.14.1.3) Хотя Адриан и назначил в качестве наказания (для похитителей скота) рудники или каторжные работы и даже приговор к мечу, однако лица, по происхождению принадлежащие к почтенным, не должны подвергаться такому наказанию. К ним применяется высылка либо исключение из (привилегированного) сословия. (4) Наконец, мы знаем, что в Риме похитителей скота заставляют также биться со зверями на арене. В самом деле, вполне справедливо присудить к этому наказанию того, кто, похищая скот, использует оружие.

2221 (47.14.1.4) Угнавших скот, собственность на который является предметом судебной тяжбы, следует направлять в суд по гражданским делам, как пишет по этому поводу Сатурнин [73]. Но при этом только следует проверить, не искал ли (обвиняемый,

[71] Не ясно, что предлагает Адриан — то ли приговаривать даже рецидивистов более мягкому наказанию, чем смертная казнь, то ли, наоборот, приговаривать рецидивистов даже к более суровому наказанию, чем бой на арене. О градации уголовных наказаний см. *Paul.*, Sent. V. 17.3.

[72] Ср., однако, *Paul.*, Sent. V. 17.3.

[73] По мнению О. Ленеля, Ульпиан ссылается здесь на трактат Венулея Сатурнина «Об обязанностях проконсула».

заводя судебную тяжбу,) повода для похищения скота, или он на самом деле считал (этот скот) своим, руководствуясь справедливыми основаниями.

О ворах

2222 (Coll. 7.4 = 47.17.1) Дневных воров следует доставлять на форум[74], ночных же нужно допросить в экстраординарном порядке и после судебного разбирательства наказать; приговаривая их к временным каторжным работам, не следует превышать меру. То же относится и к ворам в банях. В случае если воры или взломщики или им подобные станут защищаться, используя оружие, но никого при этом не убьют, следует приговорить низших к рудникам, а почтенных — к высылке.

(О взломщиках и грабителях)

2223 (47.18.1) Божественные братья предписали в (своем) рескрипте Эмилию Тирону, что следует казнить тех, кто бежал после взлома тюрьмы. Сатурнин же полагает, что следует казнить (лишь) тех, кто бежал, либо выломав двери (тюрьмы), либо вступив в заговор с остальными (заключенными), находившимися в той же тюрьме, поскольку если побег совершен из-за нерадивости стражников, наказание должно быть мягче. (1) Грабители — это более опасные воры (таково значение слова «грабители»). Их обычно приговаривают к бессрочным или временным каторжным работам, а почтенных (в этом случае) обычно исключают на время из (привилегированного) сословия или заставляют покинуть пределы отечества. Поскольку для них в императорских рескриптах не установлено особое наказание, тот, кто вершит суд, разобрав дело, может назначить наказание по своему усмотрению. (2) Подобным образом следует назначать наказания охотникам за кошельками и деректариям[75], так же как и взломщикам. Однако божественный Марк приговорил римского всадника, который совершал кражу денег со взломом, продырявив стену, к пятилетнему изгнанию из провинции Африки, откуда тот был родом, запретив ему также пребывание в Риме и Италии. По рассмотрении дела (президу) следует наказывать взломщиков и прочих вышеупомянутых (преступников) точно так же, в зависимости от тяжести содеянного, лишь бы плебею не было назначено более тяжелое наказание, чем каторжные работы, а почтенному — чем высылка.

(О мошенничестве)

2224 (47.20.3) Обвинение в мошенничестве разбирается в суде презида. (1) Необходимо иметь в виду, что в мошенничестве можно обвинять тех, кто совершит что-либо с целью обмана, разумеется, если это не вызывает обвинения в чем-либо ином. Ведь то, что в частном судопроизводстве вызывает иск по поводу обмана, в случае (совершения) преступлений влечет судебное преследование по обвинению в мошенничестве. Итак, в том случае, если (совершенное) преступление не подходит под категорию (уже существующих преступлений), мы всегда предъявляем обвинение в мошенничестве. Однако чаще всего (это преступление) имеет место, когда (кто-либо), отдав однажды (свою) вещь в залог одному (лицу), нарушив с помощью хитрости (принятое) обязательство, продаст (ее) другому (лицу) или отдаст в обмен, либо в уплату (долга). Все такие (поступки) представляют собой разновидности мошенничества. Обвинять в мошенничестве следует и того, кто подменит товары или похитит (товары), отданные в залог, или испортит их. Также, если кто-либо совершит обман или заключит тайное соглашение во вред другому (лицу), то (обманщик) может быть обвинен в мошенничестве. И так как незачем перечислять все разновидности (мошенничества), я дал бы (такое) общее определение: «Это преступление имеет место (в тех случаях), когда оно не подходит под категорию (уже существующих преступлений)». (2) В законах не установлено наказание за мошенничество, поскольку нет закона, посвященного этому преступлению. Таким образом, наказание за это (преступление) назначают в экстраординарном порядке.

[74] То есть в суд по гражданским делам.
[75] См. фр. 2226.

Не следует только, чтобы для плебеев это наказание было более тяжелым, чем работа в рудниках. Тех же, кто принадлежит к почтенным, надо приговаривать (не более чем) к временной высылке или к исключению из (привилегированного) сословия. (3) В особенности подлежит обвинению в этом преступлении тот, кто похитит (отданные в залог) товары.

Книга IX

(О наказаниях отпущенников)

2225 (37.14.1) Президы должны выслушивать жалобы патронов на отпущенников и тщательно разбирать их, поскольку недопустимо оставлять безнаказанной неблагодарность (по отношению к патрону). Если окажется, что отпущенник не исполняет своих обязанностей по отношению к патрону, патроне и их детям, то (президу) следует подвергнуть его только телесному наказанию и отпустить, пригрозив наказать его более строго, если он снова даст основание для жалобы. А если отпущенник причинит им обиду или нанесет словесное оскорбление, его должно присудить даже к временному изгнанию; если же он нанесет оскорбление действием, его следует приговорить к рудникам. То же самое, если он (патронов) оклевещет или натравит на них доносчика, или попытается возбудить против них какое-нибудь судебное дело.

(Об охотниках за кошельками)

2226 (47.11.7) Следует строже, чем (простых) воров, наказывать охотников за кошельками, которые, пользуясь своим запрещенным искусством, выкрадывают или утаскивают кошельки, а также так называемых деректариев, то есть тех, кто отправляется в чужие жилища с намерением красть [76]. Поэтому их или приговаривают к временной каторге, или наказывают палками и отпускают, или присуждают к временной высылке.

(О преварикаторах [77])

2227 (47.15.2) (Следует знать, что) в настоящее время те, кто занимается преварикацией, подвергаются экстраординарным наказаниям.

(О расхищенном наследстве)

2228 (47.19.2) Если предъявлено обвинение в расхищении наследства, (то это дело) президу провинции должен разбирать самолично, ибо всякий раз, когда (в этом случае) нельзя вчинить иск о воровстве, только президу может оказать защиту (пострадавшим). (1) Ведь ясно, что обвинение в расхищении наследства может быть предъявлено (только) в том случае, когда нельзя вчинить иск по поводу воровства, то есть до принятия наследства или же после того как наследство уже принято, но наследник еще не вступил во владение им. Ибо, как всем известно, в этом случае (пострадавший) не имеет права на иск по поводу воровства, хотя известно, что он может вчинить иск о предъявлении (вещи), если тот, кто намеревается востребовать по суду свою вещь, желает, чтобы она была (сначала) предъявлена.

О перемещении межевого знака

2229 (Coll. 13.3) Божественный Адриан в рескрипте Теренцию Генциану, (написанном) в его третье консульство за 17 дней до сентябрьских календ[78], постановил, что нельзя безнаказанно перемещать межевые знаки, и определил различные виды наказаний

[76] Видимо, деректарии — это квартирные воры.
[77] Преварикацией называлось тайное пособничество на суде одной из сторон представителями противной стороны. См. 47.15.1.
[78] 16 августа 119 г. н. э.

(за это преступление). Дословное содержание рескрипта таково: «Несомненно, самым злонамеренным образом поступили те, кто унес межевые знаки, поставленные для обозначения границ (между полями). Однако мера наказания должна устанавливаться в первую очередь исходя из личности (обвиняемого) и его намерений. Ведь если в этом уличены высокопоставленные [79], то я не сомневаюсь, что они совершили это для захвата чужих владений. Этих лиц можно наказать временной высылкой, при условии, что это позволяет их возраст. *Если же (уличено) лицо, которое ведет имущественные дела другого (человека) или состоит (у него) в услужении, то можно наказывать* и (иначе), например назначая им каторжные работы на два или три года. А если межевые знаки были сдвинуты вследствие невежества или же камни украдены были случайно, чтобы их использовать, то достаточно назначить (виновникам) телесное наказание».

(О снабжении хлебом)

2230 (48.12.2) Юлиев закон о хлебе [80] устанавливает наказание для тех, кто причиняет вред снабжению хлебом или входит в товарищество с целью повысить цену на хлеб. Этот же закон запрещает задерживать корабль (с зерном) или корабельщика или злоумышленно учинять что-либо для того, чтобы задержать (их) подольше. В наказание закон устанавливает штраф в [20 золотых] [81].

К Фабиеву закону (о похищении людей [82])

2231 (Coll. 14.3) В судах президов часто происходит разбирательство дел на основании Фабиева закона, хотя некоторые прокураторы Цезаря самолично выносят приговоры по этим делам как в Риме, так и в провинциях [83]. (2) Однако в Риме в силу конституций (принцепсов) судебное разбирательство на основании этого закона должен проводить только префект Города, если (преступление) совершено в Италии в пределах 100 миль (от Рима), а если за пределами 100 миль, то — префекты претория. В провинциях же (соответствующее) судебное разбирательство проводят (именно) президы. Так что в обязанности прокуратора Цезаря оно входит только в том случае, (если) он выполняет в провинции обязанности презида [84]. Стало быть, обязанности прокуратора начинаются уже после вынесения приговора по (закону Фабия). (3) Хотя обычно прокуратору, управляющему определенной провинцией вместо презида [85], не разрешается проводить судебное разбирательство серьезных преступлений [86], все же император Антонин постановил, что он может проводить судебное разбирательство на основании Фабиева закона. По конституциям императора Антонина прокуратор получил также (право проводить) судебное разбирательство на основании Юлиева закона о наказании за прелюбодеяние. (4) На основании же Фабиева закона несет ответственность всякий, кто прячет, заключает (или) держит в оковах, продает (или) покупает *свободнорожденного* римского гражданина, а также лицо, отпущенное на свободу в Италии, либо же пособник в подобных делах. Согласно первой главе того же самого закона в наказание назначается (штраф) в *100 000 сестерций*. Если (вышеуказанный проступок) совершит раб (без) ведома господина, то последнему назначается штраф в 50 000 сестерций. (5)

---

[79] «Лица высокопоставленные (personae splendidiores)» — так обозначали представителей двух высших привилегированных сословий — сенаторского и всаднического.

[80] Имеется в виду закон, принятый Октавианом Августом (18 г. до н. э.).

[81] По мнению О. Ленеля, в оригинале было: «20 тыс. сестерций».

[82] Фабиев закон о похищении людей (plagium), принятый во II или I в. до н. э., карал тех, кто похищал свободных людей (или чужих рабов) с целью продажи их в рабство. См. Coll. 14.2.1.

[83] Юрисдикция финансовых прокураторов провинций распространялась только на гражданские дела, имеющие отношение к интересам фиска (см. фр. 2148). Прокураторы стремились захватить в свое ведение дела о похищении людей, поскольку за это преступление назначался штраф в пользу фиска.

[84] Имеются в виду прокураторы — наместники отдельных императорских провинций.

[85] При Северах появляется практика экстраординарных назначений всадников на посты наместников тех провинций, которыми по традиции управляли сенаторы. Таких экстраординарных наместников называли «прокураторами, управляющими вместо презида».

[86] См. прим. 96.

Согласно второй главе того же закона несет ответственность всякий, кто подстрекает чужого раба к побегу от господина, кто злонамеренно продаст или купит чужого раба против воли господина, либо (тот), кто будет пособником в подобном деле. (За это) приказано дать народу 50 000 сестерций. *И прочее.*

2232 (48.15.2) [Необходимо иметь в виду, что Фабиев закон] [87] не распространяется на того, кто продал (своих) рабов в их отсутствие. Ведь одно дело — не иметься в наличии, другое — быть в бегах. (1) Также он не имеет отношения к тому, кто поручил (кому-либо) разыскать и продать (своего) беглого раба, ведь (в этом случае) продают не сбежавшего, (а уже пойманного раба). (2) И сверх того, следует отметить, что сенатусконсульт не имеет силы, когда кто-либо поручит Тицию поймать (своего) беглого раба, с тем, чтобы (Тиций) купил бы его, если поймает. (3) В этом же сенатусконсульте говорится также о господах, которые продают своих сбежавших рабов [88].

(О различных деликтах)

2233 (47.11.8) Сверх того имеются и (другие) преступления, которые разбираются в суде презида; так, например, если кто-либо заявляет, что (письменные) доказательства (по его делу) вероломно выданы (его противнику). Ведь божественные братья поручили судебное разбирательство такого дела префекту Города.

2234 (47.11.9) Существуют (преступления), в отношении которых принято назначать наказание по обычаю провинций, как, например, в отношении (преступления), которое в провинции Аравии называют *скопелирование.* Оно заключается вот в чем: многие *скопелируют* участки своих недругов, то есть устанавливают на них камни, на которых написано, что всякий, кто станет обрабатывать это поле, погибнет мучительной смертью от рук тех, кто этот камень поставил. Это вызывает такой страх, что к наделу никто не смеет приблизиться, боясь тех, кто поставил (такой) камень. Обычно президы назначают по такому делу суровое наказание вплоть до смертной казни, поскольку оно содержит угрозу смерти.

2235 (47.11.10) Также в экстраординарном порядке наказывают тех, кто в Египте повредит или разрушит хоматы, то есть плотины, которые обычно удерживают воду Нила. В зависимости от статуса преступников и меры содеянного зла одних приговаривают к каторге, других же — к рудникам, причем к последним приговаривают в соответствии с общественным положением преступника. А если кто-либо погубит тутовое дерево, то и за это назначается в экстраординарном порядке немалое наказание. Ведь тутовые деревья укрепляют нильские плотины, при помощи которых распределяют и регулируют приток и отток воды. А те, кто нанесет вред плотинам и прорытым в них оросительным каналам, подвергаются наказаниям.

(О представлении обвиняемых в суд)

2236 (48.3.4) Поручитель, не представивший обвиняемого в суд, в наказание платит штраф. Полагаю, однако, что его следует наказать в экстраординарном порядке, если он сделал это преднамеренно. В случае, когда размер штрафа не указан в договоре о поручительстве или в декрете презида и не удалось выяснить, какую сумму полагается платить по обычаю, презид должен постановить — сколько следует заплатить.

(О наказаниях 1)

2237 (48.19.6 pr.) (В том случае), если кто-либо только для того, чтобы избежать смертной казни, заявит, что он располагает (какими-либо сведениями), касающимися благополучия принцепса, следует подумать — нужно ли отослать его к принцепсу или нет. Многие из президов столь осторожны, что даже после вынесения обвиняемому приговора задерживают приведение его в исполнение, что бы они ни услышали; другие (президы) совершенно нетерпимо относятся к тем, кто ссылается на что-либо подобное.

---

[87] По мнению О. Ленеля, упоминание закона Фабия — Юстинианова интерполяция, поскольку Ульпиан рассуждает здесь о сенатусконсульте.

[88] По мнению Т. Моммзена, принятому О. Ленелем, в оригинале § 3 стоял в самом начале фрагмента.

Некоторые (же из президов) не соглашаются отсылать (обвиняемых к принцепсу) в любом случае, но и не отказывают им во что бы то ни стало, а вместо этого выясняют, что именно собираются они сказать принцепсу и какими именно сведениями, касающимися благополучия принцепса, они располагают. И лишь после этого (такие президы) решают — стоит ли задержать приведение приговора в исполнение. Такой образ действий представляется наиболее разумным и умеренным. Впрочем, по моему мнению, выслушивать (обвиняемых) после вынесения приговора вообще не следует, на что бы они ни ссылались. Ведь кто усомнится в необходимости наказания тех, кто во избежание кары пользуется таким приемом и после упорного молчания похваляется, будто знает что-то, касающееся благополучия принцепса. Ибо они не должны были так долго молчать о столь важном деле.

2238 (48.19.6.1) Когда проконсул выявляет вину (рабов) своих комитов или легата, то возникает вопрос — наказать ли их ему самому или оставить (это) преемнику. Однако существует много примеров, когда проконсулы наказывали не только (рабов) своих оффициалов [89] или (рабов) более высокопоставленных подчиненных, но и собственных рабов, что и следует делать, чтобы (рабы), устрашенные примером, допускали бы меньше правонарушений.

2239 (48.19.6.2.8 pr). Теперь нам следует перечислить виды наказаний, которые президы могут назначать каждому (преступнику). Существуют наказания, которые влекут за собой лишение жизни, обращение в рабство, утрату гражданства, изгнание, порку, уплату штрафа, связанного с бесчестьем, потерю какого-либо звания или запрещение заниматься каким-либо делом.

2240 (48.19.8.1—3) Лишение жизни — это, когда, например, приговаривают к казни мечом. Но (в этом случае) казнить следует (действительно) мечом, а не топором, копьем, палкой, петлей или как-то еще. Следовательно, президы не имеют права позволять (осужденным) свободно выбирать вид смертной казни. А тем более — (права) умерщвлять их ядом. Однако божественные братья издали рескрипт, разрешающий свободный выбор рода смерти. (2) Впрочем, враги (отечества) [90] и перебежчики приговариваются в наказание к сожжению живьем. (3) Не следует выносить приговор, по которому (виновных) до смерти секут плетьми или розгами или до смерти пытают. Хотя многие подвергающиеся пыткам умирают. (48.24.1) Не следует отказывать родственникам [91] приговоренных к смерти в выдаче их тел. Еще божественный Август в книге 10-й (воспоминаний) о своей жизни пишет, что он всегда так делал. А в наше время тела казненных предаются погребению (родственниками) только в том случае, если поступит просьба (с их стороны) и будет получено разрешение. Иногда этого не разрешают, особенно когда дело касается осужденных за оскорбление величия. Можно просить также о выдаче тел тех, кто приговорен к сожжению на костре, то есть чтобы были переданы для похорон кости и пепел (сожженных).

2241 (48.19.8.4—13) Существует наказание, заключающееся в лишении свободы, например, в том случае, если кого-либо приговаривают к рудникам или к работе в рудниках. Ведь имеется множество рудников, хотя в одних провинциях они есть, а в других их нет. Но из провинций без рудников (осужденных) посылают в такие, где рудники есть. (5) Как ясно указано в письме божественного Севера к Фабию Цилону, право присуждать (обвиняемых) к рудникам прежде всего принадлежит префекту Города. (6) Различие между приговоренными к рудникам и к работе в рудниках заключается в том, что первых заковывают в более тяжелые кандалы, а последних — в более легкие. Вот почему, если приговоренные к работе в рудниках совершают побег, их приговаривают к рудникам, поскольку это — более суровое наказание. (7). Так же и каждому, приговоренному к каторжным работам, обычно за побег удваивают срок наказания. Однако удваивать следует только тот срок, который ему оставалось отбыть к моменту бегства; разумеется, не нужно удваивать тот (срок), который он, будучи схвачен, провел в тюрьме (в ожидании нового приговора). [А если (совершивший побег) был присужден к 10 годам (каторжных работ), то должно приговорить его к пожизненной каторге или к работе в рудниках.] Разумеется, следует рассмотреть

---

[89] Оффициалы — канцелярские служащие из штата наместника.
[90] Имеются в виду подданные империи, объявленные государственными врагами.
[91] Ср. 48.24.3.

(как быть), если присужденный к 10-ти годам (каторжных работ) совершил побег в самом начале (своего срока): следует ли удвоить ему срок (каторги), присудить ли его к пожизненной каторге или к работе в рудниках. И чаще всего присуждают к последнему или к пожизненной каторге. Вообще же считается, что если придется удваивать срок, превышающий 10 лет, то не следует ограничивать наказание только увеличением времени (каторжных работ). (8) Женщин обычно приговаривают к обслуживанию (приговоренных) к рудникам, а также к соляным разработкам [92], либо пожизненно, либо на (определенный) срок. И если (их) приговорят пожизненно, они являются как бы рабынями кары, если же только на (определенный) срок, они сохраняют гражданство. (9) Президы зачастую приговаривают (преступников) к заключению в тюрьме или к содержанию в оковах, однако им этого делать не следует. Ведь наказания такого рода запрещены, а тюрьма должна использоваться для содержания там людей (до приговора), а не для наказания (их). (10) (Президы) также нередко приговаривают к работе в известняковых карьерах или на добыче серы, но эти наказания скорее следует считать приговором к рудникам. (11) [93] Следует рассмотреть — становятся ли рабами кары приговоренные к бою со зверями на арене, ведь более молодых (преступников) обычно присуждают к этому наказанию. Стало быть, необходимо выяснить — становятся ли такие (преступники) рабами кары или сохраняют свободу. И чаще всего они также становятся рабами, ведь именно этим они отличаются от прочих (выступающих на арене), которых назначают цирковыми борцами с дикими животными или пиррихариями [94] или еще для какого-нибудь увеселения (публики) пантомимой либо иными телодвижениями. (12) Рабов, несомненно, можно приговаривать к рудникам или к работе в рудниках, а также к бою со зверями на арене, и если их приговорят, они становятся рабами кары, а не принадлежат больше своим бывшим хозяевам. Поэтому, когда некий раб, уже приговоренный к рудникам, был (затем) освобожден, император Антонин постановил в своем справедливейшем рескрипте, что его не следует возвращать под власть господина, поскольку он перестал быть рабом последнего, став рабом кары. (13) Но если раба приговорят к кандалам пожизненно или на время, он остается собственностью того, кому принадлежал до осуждения [95].

2242 (48.22.6) В числе (прочих) наказаний существует также ссылка на остров, которая влечет за собой утрату римского гражданства. Однако президы провинций не имеют право назначать в наказание ссылку на остров. Как указано в письме божественного Севера к префекту Города Фабию Цилону, это наказание может назначать (только) префект Города. Поэтому президы провинций, если сочтут нужным сослать кого-либо на остров, должны всякий раз вносить такого человека в список осужденных, (предназначенный) для принцепса, разумеется, записав при этом имя (преступника) и то, что его желательно сослать на остров. Затем, написав так принцепсу, президъ должен отослать (ему) подробное донесение (об этом деле), чтобы он установил, нужно ли утвердить мнение (презида) о ссылке на остров. На протяжении того времени, пока ведется переписка, (обвиняемый) должен по приказу презида находиться в тюрьме. (2) Как постановили божественные братья, декурионов городов за серьезные преступления [96] следует приговаривать к ссылке или высылке. Поэтому они приказали сослать на остров Приска прямо сознавшегося на суде в совершении убийства и в поджоге.

---

[92] Соляные разработки в провинциях, так же как и золотые рудники, являлись императорской собственностью.

[93] По мнению Т. Моммзена, здесь пропущены рассуждения Ульпиана по поводу приговоренных к бою на арене, т. е. к бою гладиаторов и к травле зверей.

[94] Имеются в виду танцоры пиррихи — лакедемонской воинской пляски, исполнявшейся в полном вооружении. Пиррихарии и прочие «увеселители», очевидно, добровольно выступали на арене. Ср. фр. 2203.

[95] Такой раб отбывал наказание в эргастуле своего хозяина, который мог попрежнему его эксплуатировать. См. 48.19.10 pr.

[96] Серьезные преступления (capitalia crimina) — преступления, влекущие за собой потерю caput, т. е. жизни, свободы или гражданства.

Книга X

(О наказаниях 2)

2243 (48.22.7 pr. — 19) (Существует) два рода высланных: (во-первых), это — те, кто выслан на остров, (а во-вторых),— те, кому просто запрещено находиться в своей провинции, но не приказано отправиться в ссылку на остров. (1) Однако президы провинций могут высылать на остров (только) в том случае, если (этот) остров находится под их властью, то есть входит в пределы той провинции, которой они управляют, и они имеют возможность указать, на какой именно остров они высылают (осужденного). Если же под властью (президов) нет островов, а они уже объявили в приговоре, что они высылают (подсудимого) на остров, то им следует написать императору, чтобы он сам назначил (какой-либо) остров (как место ссылки) [97]. Как бы то ни было, (президы) не могут приговорить к высылке на остров, не принадлежащий к их провинции. К приговоренному к высылке следует приставить воина, до тех пор пока император не назначит (какой-либо) остров. (2) Различие между сосланными и высланными заключается в том, что высылать кого-либо на остров можно и на (определенный) срок и бессрочно. (3) (Причем) высланный и на срок и бессрочно сохраняет как римское гражданство, так и право (составления и принятия) завещания. (4) У высланных на (определенный) срок не следует конфисковывать их имущество ни полностью, ни частично, как указано в некоторых (императорских) рескриптах. В них же приговоры тех, кто полностью или частично конфисковал имущество высланных на (определенный) срок, порицаются, однако не настолько, чтобы отменять эти приговоры. (5) В провинции Египет имеется некий род наказаний, аналогичный высылке на остров,— (это) высылка в Оазис [98]. (6) Подобно тому как (презид) не может выслать на какой-либо остров, находящийся не под его властью, он не имеет права высылки и в провинцию, которой управляет кто-либо другой, то есть презид Сирии, (например), не сможет выслать кого-либо в Македонию. Он может выслать просто за пределы своей провинции. (8) Также (презид) может приговорить к высылке в определенную часть провинции, так чтобы осужденный не покидал определенный город или не выходил за пределы определенного округа. (9) Впрочем, мне известно, что президы обычно высылают в наиболее безлюдные части провинции. (10) Божественные братья постановили в своем рескрипте, что презид может запретить пребывание в своей провинции, но не в чужой. Отсюда следует, что тот, кто был выслан из той провинции, где проживал (в качестве поселенца), может жить у себя на родине. Но наш император со своим божественным отцом предусмотрели этот случай. Ибо в своем рескрипте президу провинции Испании Мецию Пробу они постановили, что тот, кто управляет провинцией, где проживает (осужденный), может запретить пребывание даже в той провинции, откуда он родом. Справедливо обращаться к авторитету этого рескрипта и в отношении тех, кто совершил правонарушение в той провинции, в которой он не проживает в качестве поселенца. (11) Вызывает сомнение, может ли презид провинции, в которой проживает (осужденный) в качестве поселенца, запретить ему пребывание в провинции, откуда он родом, если не запретил (ему) пребывание в своей провинции, как обычно запрещают пребывать в Италии тем, кому не запрещено пребывание в своем отечестве, и не следует ли из этого с необходимостью, что презид должен запретить также и пребывание во вверенной ему провинции. Последнее заслуживает одобрения в большей мере. (12) И наоборот, презид, управляющий провинцией, откуда высланный родом, не имеет права запрещать ему пребывание в той провинции, в которой он живет в качестве поселенца. (13) Стало быть, если принять допущение, что совершивший преступление в чужой провинции может быть выслан ее президом, то получается, что любому высланному нужно запретить пребывание, кроме Италии, еще в трех провинциях: где совершено преступление, там, где преступник проживает в качестве поселенца и там, откуда он родом. И если окажется, что его родиной считаются несколько различных провинций, вследствие статуса его самого либо патронов его отца [99], то, по нашему мнению, ему, следовательно, и нужно запретить пребывание

[97] Поскольку все сенатские провинции имели выход к морю и, следовательно, включали в себя какие-либо острова, здесь речь может идти только о какой-либо императорской провинции, например, о Паннонии или о Верхней Германии.

[98] Возможно, имеется в виду Большой оазис в Ливийской пустыне.

[99] Ср. фр. 2171.

в нескольких провинциях. (14) Но некоторым президам, как, например, президам Сирий и Дакий, все же разрешено запрещать пребывание во многих провинциях. (15) Согласно (императорским) постановлениям, тот, кому запрещено пребывание в отечестве, не должен жить в Городе; напротив того, отнюдь не считается, что высланный из Города не может жить в своем отечестве. И об этом говорится во многих (императорских) постановлениях. (16) Если кому-нибудь ясно запрещено пребывание не в его отечестве, но в каком-то городе, то следует рассмотреть, не запретить ли ему пребывание даже в его отечестве, а равно и в Городе, но это чрезмерно. (17) Президы могут устанавливать и обычно устанавливают для высылаемых день изгнания, поскольку объявлять об этом (в приговоре) принято так: «Я высылаю такого-то из такой-то провинции и таких-то островов, и он должен удалиться в такой-то день». (18) Как с полной ясностью предписали божественные братья, высланный может подать прошение принцепсу. (19) В некоторых приговорах принято добавлять, чтобы высланные не пребывали на территории отечества или в пределах городских стен, либо, напротив, чтобы они не покидали пределов отечества или чтобы пребывали в каких-то деревнях [100].

2244 (48.22.7.20—22) [101] Из сословия декурионов обычно исключают либо на (определенный) срок, либо навсегда. (21) Можно также запретить в качестве наказания занимать почетные должности, но это не ведет к исключению из декурионов, поскольку раз уж (осужденный) является декурионом, он им и остается; ему нельзя лишь занимать почетные должности. Ведь и сенатор может оставаться сенатором, но не домогаться почетных должностей. (22) Можно запретить кому-нибудь занимать (только) одну почетную должность, так чтобы подвергшийся этому не мог домогаться не только этого поста, но и более высоких. Ведь, в самом деле, нелепо надеяться на бо́льшую почесть человеку, которому в качестве наказания запрещена меньшая. Не будет иметь никакой силы приговор, запрещающий в порядке наказания нести общественные повинности, ведь наказание не должно предоставлять свободу от повинностей. Поэтому даже если кто-то в наказание отстраняется от почетных должностей, то можно добавить, что если эти должности сопряжены со значительными расходами, то бесчестие не принесет ему в этом выгоды.

2245 (48.22.9)[102] Президм может вынести приговор, запрещающий любому лицу покидать свой дом.

2246 (48.19.9 pr. — 8) Президы также имеют обыкновение запрещать (кому-либо) выступать в качестве адвоката. (Причем) в иных случаях запрещают навсегда, а порой только на (определенный) срок — то есть на (несколько) лет или даже на время своего управления провинцией. (1) Можно также запретить кому-либо выступать в качестве судебного ходатая за определенных лиц. (2) Запрещено может быть и выступление с судебным ходатайством в суде президa, однако (при этом) не запрещается вести защиту в суде легата или прокуратора. (3) Но если было запрещено выступление с судебным ходатайством в суде легата, то, (как) я полагаю, вследствие этого (осужденный) не имеет права выступать с судебным ходатайством и перед президом. (4) Иногда запрещается не выступление в качестве адвоката, а ведение судебных дел. Однако запрещение вести судебные дела является более тяжелым (наказанием), чем запрещение выступать в качестве адвоката, по крайней мере (в том случае), если (осужденному) не позволяется посвящать себя каким бы то ни было занятиям, связанным с ведением судебных дел. Обычно же (осужденного) в таком случае отстраняют от деятельности правоведа или адвоката, или нотариуса, или судебного консультанта [103]. (5) Зачастую бывает запрещено также составление каких бы то ни

---

[100] Возможен иной вариант перевода: «...в каких-то городских кварталах».

[101] См. фр. 2239: «наказания, влекущие за собой... потерю какого-либо звания» (прим. О. Ленеля).

[102] По поводу фр. 2245—2247 см. фр. 2239: «наказания, влекущие за собой... запрещение заниматься каким-либо делом» (прим. О. Ленеля).

[103] Правоведы (iuris studiosi) помогали судьям решать спорные правовые вопросы. Нотариусы (tabelliones) и судебные консультанты (pragmatici) составляли за плату правовые документы (например, завещания или договоры) и прошения, а также давали советы, как вести себя на суде. Правоведы и адвокаты принадлежали, как правило, к «почтенным», и их деятельность не считалась профессиональной. Нотариусы и судебные консультанты — это, как правило, выходцы из «низших», которые своим трудом зарабатывали себе на жизнь.

было документов, запись прошений и свидетельских показаний. (6) Обычны и приговоры, запрещающие (осужденному) находиться в том месте, где хранятся официальные документы, то есть в архиве или в (каком-либо другом) хранилище документов. (7) Нередко запрещается также составлять, записывать и запечатывать завещания. (8) Бывает также наказание, заключающееся в запрещении принимать участие в общественных делах; разумеется, в этом случае не возбраняется вмешательство в судебные тяжбы частных лиц, не разрешается (только) вести судебные тяжбы от имени города. Обычно таким (осужденным) предписано приговором *держаться вдали от общественных дел.*

2247 (48.18.9.9—10) Существуют и другие наказания: когда запрещается заниматься (оптовой) торговлей или арендовать что-либо у государства, например брать на откуп государственные подати [104]. (10) Чаще всего (в этом случае) запрещается занятие (оптовой) торговлей или (любыми) финансовыми операциями. Рассмотрим, однако, можно ли (наоборот) приговорить кого-либо к занятию (определенными) финансовыми операциями [105].
И хотя нам показались бы противозаконными наказания, заключающиеся в том, чтобы заставить человека делать то, что он не может, если бы мы решили рассмотреть (этот вопрос) в общей форме, однако если рассматривать его, исходя из конкретной ситуации, то может существовать справедливое основание для того, чтобы заставить кого-либо заниматься финансовыми операциями. И если так и случилось, то (в ответ на это) должен последовать (соответствующий) приговор.

2248 (48.22.11) Иногда на тех, кто принимает у себя высланных, налагается в наказание денежный штраф, а иногда высылают даже их самих. По крайней мере (в том случае), когда (получившие помощь) были высланы за тяжелое преступление.

2249 (48.19.9.11—16) (Итак), вот приблизительно каковы обычно назначаемые наказания. Однако назначать всем подряд одно и то же наказание нельзя, но должно знать, что в этом отношении существуют различия. В первую очередь (это касается) декурионов, (которых) ни в коем случае нельзя присуждать к рудникам, к работам в рудниках, к распятию или к сожжению живьем. И если случится, что им вынесут приговор такого рода, то его нужно отменить. Но тот, кто выносил приговор, не имеет право это сделать. Дело нужно доложить принцепсу и уже от его имени изменить или снять наказание. (12) То же относится к родителям и детям декурионов. (13) Детьми следует считать не только сыновей, но всех детей. (14) Возникает вопрос — относится ли освобождение от этих наказаний только к рожденным после получения (отцом) декурионата или же вообще ко всем детям, рожденным даже и в плебейской семье. Я склонен считать, что (эти правила) должны помогать всем. (15) Если же родитель утратит звание декуриона, а ребенок был рожден во время его декурионата, то (это правило) действует и он освобождается от этих наказаний. Если же родитель произвел сына, будучи переведен в плебеи, то тот, как рожденный плебеем, подлежит наказаниям такого рода. (16) Согласно постановлению божественного Пия в рескрипте Сальвию Марциану статулибер [106] подлежит тем же наказаниям, что и свободнорожденный.

(Об имуществе осужденных) [107]

2250 (48.20.6) Божественный Адриан в рескрипте Аквилию Брадуе постановил следующее: «Как именно надо понимать (выражение:) „дело о панникулярии“, явствует из самого (этого) слова [108]. Ведь неверно скажет тот, кто будет называть (словом) „панникулярия“ имущество осужденных. И если осужденный имел поясной кошелек, никто не должен требовать его себе (в качестве панникулярии). Но (в это понятие входит) одежда, которая будет на осужденном, мелкие деньги на пропитание, находящиеся в его поясе, или легкие кольца, то есть такое имущество, которое стоит не больше

---

[104] Возможен иной вариант перевода «...арендовать что-либо у города, например брать на откуп городские подати».

[105] Ср. *Plin.*, Epist. X, 54, 55.

[106] Раб, по завещанию отпускавшийся на волю на определенном условии, считался, пока он не выполнит этого условия, «статулибером». См. *Ulp.*, Fragm. II, 1—2.

[107] В этом фрагменте идет речь о личных вещах приговоренных к смертной казни. По обычаю эти вещи делили между собой палачи и тюремщики.

[108] Панникулярия — букв. «лохмотья, ветошь, тряпки».

пяти золотых. Но если у какого-нибудь осужденного будет на пальце (перстень) с сардониксом или с другим драгоценным камнем большой стоимости, или если у кого-либо будет за пазухой (долговая) расписка на большую сумму денег, то нет такого правила, по которому это можно будет удержать в качестве панникулярии». Панникулярия — это то, что заключенный принес с собой в тюрьму, это (та) одежда, в которую он облачен, когда его ведут на казнь, как показывает само (ее) название. [И пусть ни спекуляторы, ни опционы не требуют того, что было надето (на осужденном) в тот момент, когда он был наказан.] Президы не должны рассматривать этот разряд (имущества) как свою прибыль, однако им не следует также допускать, чтобы этим имуществом пользовались опционы или комментариенсы [109]. Но из этих средств следует покрывать (расходы), которые обычно делаются по праву президов, так, например, из этого (фонда) выдавать деньги на пергамент некоторым оффициалам или на награду воинам, если они совершат какой-либо подвиг, а также чтобы одарять оттуда варваров, прибывающих к (президу) или в составе посольства, или по какому-нибудь другому поводу [110]. Часто даже накопленные (в этом фонде) деньги президы пересылают в фиск, что является чрезмерной щепетильностью, так как было бы (вполне) достаточно, если бы они (просто) не использовались никем для собственных нужд, а употреблялись бы на служебные надобности.

(Об отъезде)

2251 (1.16.10) Следует помнить, что проконсул обязан исполнять все свои функции до приезда преемника, поскольку есть только один проконсулат, и для блага провинции требуется, чтобы был кто-либо, через кого провинциалы могли бы решать свои дела, следовательно, он должен вершить суд до приезда преемника. Как указывается в законе Юлия о вымогательствах [111] и в рескрипте божественного Адриана к проконсулу Ахайи Кальпурнию Руфу, (проконсул) до собственного отъезда из провинции не должен отпускать своего легата.

Приложение

ДОМИЦИЙ УЛЬПИАН

Об обязанностях куратора города [1]

2273 (22.1.33) Если денежные средства города отданы в долг на хороших условиях, не надо требовать от должников уплаты ими основного капитала, особенно когда те выплачивают проценты [2]. А если они процентов не выплачивают, президу провинции следует позаботиться о благе города, только бы он не оказался (при этом) жестоким и грубым взыскателем недоимок. (Напротив), он должен проявить умеренность и быть одновременно мягким и энергичным, гуманным и настойчивым. Ведь существует большая разница между равнодушной надменностью и скромным усердием. (1) Кроме того, президу нужно позаботиться, чтобы денежные средства города не отдавались в долг без надлежащих залогов или ипотек [3].

---

[109] Имеются в виду канцелярские служащие из военных, входившие в штат наместника. См. *Смышляев*. Об эволюции канцелярского персонала..., с. 67 сл.

[110] Ясно, что такого рода контакты могли регулярно иметь место только в пограничных, то есть императорских провинциях.

[111] Имеется в виду закон Юлия Цезаря о вымогательствах наместников провинций и их подручных, принятый в 59 г. до н. э.

[1] Трактат написан в правление императора Каракаллы.

[2] Ср. *Plin.*, Epist. X, 54.

[3] Ср. фр. 2163. О различии залога и ипотеки см. 13.7.9.2.

2074 (50.9.4) (Кураторам) следует отменять пристрастные постановления (совета) декурионов; освободят ли они какого-либо должника города от обязательства или одарят (кого-либо чересчур) щедро. (1) Поэтому, как нередко бывает, (в случае), если (декурионы) постановят даровать кому-либо за счет города поместья или здание, или определенную сумму (денег), то подобное постановление не будет иметь силы[4]. (2) Но если декурионы постановят выплачивать кому-либо жалованье (за счет города), то это постановление иногда будет иметь какую-либо силу: например, если (жалованье) будет установлено за (обучение) свободным искусствам[5] или медицине. Ведь именно это и является основанием для назначения жалованья.

2075 (50.10.5 pr.) В рескрипте божественного Пия указано, какие нужно платить проценты и когда следует начинать (их выплачивать в том случае), если (городу) был оставлен легат или фидеикомисс на (какое-либо) сооружение. (Содержание рескрипта): «Если срок установки императорских статуй или изображений не был определен заранее (в завещании), то его должен назначить презид провинции; и если наследники не соорудят их (вовремя), они должны платить городу в течение полугода невысокие проценты, если же они не уложатся и в этот срок, то им следует платить 6% в год[6]. А когда срок все же (в завещании) указан, наследники помещают деньги на сохранение[7] вплоть до (назначенного) дня, если же они (впоследствии) скажут, что не достали императорских статуй или заведут тяжбу из-за места (их установки), то пусть немедленно начинают выплачивать городу 6% годовых».

2076 (50.12.1) Если кто-либо пообещает городу возвести сооружение или передать (определенную) сумму денег, то при этом не заключается соглашение о процентах. Но как постановили в рескрипте наш император со своим божественным отцом, если (обещавший) начнет намеренно затягивать исполнение обещанного, то (на обещанную сумму) нарастают проценты. (1) Однако следует знать, что исполнение обещания является обязательным не всегда, а лишь тогда, когда обещание либо обусловлено почестью, которая уже назначена или должна вскоре последовать[8], либо имеет (какое-нибудь иное) справедливое основание. Если же обещание дано без основания, то исполнять его не обязательно, как указано в многочисленных древних и современных (императорских) постановлениях. (2) Равным образом, если кто-либо дал обещание без основания, но уже начал исполнять (обещанное), то он обязан довести дело до конца. (3) Считается, что (человек) начал (исполнять обещанное), если он заложил фундамент или расчистил место (будущей постройки). Но также, если кому-либо по его просьбе было выделено место (для постройки), то по большей части его рассматривают как начавшего (исполнять обещанное). То же самое — если кто-либо сложил в общественном месте орудия или материалы. (4) (А) если он не сам начал какую-либо постройку, а пообещал городу определенную сумму денег, то (самим) подсчетом суммы он (уже) приступил к строительству и обязан выполнить (свое обещание) как бы в силу начатого труда[9]. И даже когда некто пообещал колонны, наш император со своим божественным отцом постановили по этому случаю в рескрипте: «(Того), кто без основания обещает городу деньги, не принуждают проявлять щедрость. Но раз уж ты пообещал китийцам[10] колонны, и в силу этого начато строительство за счет города или частных лиц, тебе не следует бросать то, что сделано[11]». (6) Как постановил в своем рескрипте наш император, если кто-либо передал городу возведенное (им) сооружение, а затем в силу несчастной случайности оно подверглось какому-либо (ущербу), то не следует возлагать возмещение ущерба на построившего (это сооружение).

---

[4] Ср. *Plin.*, Epist. X, 110, 111.

[5] О преподавателях свободных искусств в городах см. 50.4.18.30.

[6] 6% годовых считались нормальным доходом с земельных владений и рассматривались как умеренный процент на деньги, отданные в рост.

[7] Пока деньги находились на сохранении в храме или в каком-либо общественном здании, проценты на них не начислялись.

[8] Такой «почестью» чаще всего являлась какая-либо магистратура. Удостоенный этой почести обязан был, как правило, внести в казну города определенную сумму денег (summa honoraria).

[9] Ср. фр. 2174.

[10] Имеются в виду граждане города Китий на Кипре.

[11] Ср. *Plin.*, Epist. X, 39, 3.

2077 (50.12.15) Божественный Пий постановил в своем рескрипте, что внук по дочери также входит в число «детей» [12].

2078 (50.10.5.1) Городские земли не должны находиться во владении частных лиц. Поэтому пусть презид провинции (в том случае), если городские земельные наделы находятся в чьем-либо владении, позаботится о выделении городских земель из (имений) частных лиц, а прежде всего об увеличении городских доходов [13]. Так что если он обнаружит где-либо, что городские участки или здания находятся в (безвозмездном) пользовании частных лиц, пусть рассмотрит, следует ли вытребовать их через суд в пользу города или лучше установить арендную плату (за пользование ими), и примет то решение, которое сочтет более полезным для города.

---

[12] Имеется в виду категория первоочередных наследников по нормам преторского права. См. *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М., 1972, с. 277—280.

[13] Ср. Corp. agr. rom. Rec. Thulin C. Lipsiae, 1913, p. 8—9, 47, 64, 67. См. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 27—28.

УКАЗАТЕЛИ К «ВЕСТНИКУ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» за 1981—1985 гг.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» за 1981—1985 гг.*

СОДЕРЖАНИЕ УКАЗАТЕЛЯ

I. Передовые статьи . . . . . .
II. Источники . . . . . .
III. Историография и библиография
IV. Общие работы . . . . . .
а) Статьи
б) Рецензии
V. История древних обществ на территории СССР . . . . . .
1. Европейская часть СССР
а) Статьи
б) Рецензии
2. Кавказ и Закавказье
а) Статьи
б) Рецензии
3. Средняя Азия
а) Статьи
б) Рецензии
VI. Древний Восток . . . . . .
1. Общие работы
а) Статьи
б) Рецензии
2. Двуречье (Шумер. Вавилон)
а) Статьи
б) Рецензии
3. Египет. Нубия
а) Статьи
б) Рецензии
4. Малая Азия. Хетты. Хурриты
а) Статьи
б) Рецензии
5. Ближний и Средний Восток
а) Статьи
б) Рецензии
6. Иран
а) Статьи
б) Рецензии
7. Индия
а) Статьи
б) Рецензии
8. Аравия
а) Рецензии
9. Древние общества Америки
а) Статьи
б) Рецензии
VII. Древняя Греция . . . . . .
а) Источники
б) Статьи
в) Обзоры. Рецензии
VIII. Эллинизм . . . . . .
а) Статьи
б) Рецензии
IX. Древний Рим . . . . . .
а) Источники
б) Статьи
в) Обзоры. Рецензии
X. Византия . . . . . .
а) Статьи
XI. Хроника . . . . . .
1. Учреждения АН СССР
2. Другие научные учреждения
3. Зарубежная хроника и международные съезды
XII. Personalia . . . . . .
XIII. Библиографические обзоры и списки . . . . . .
XIV. Указатели . . . . . .

---

* Статьи, имеющие по своему содержанию отношение к ряду разделов, помещены в каждом из соответствующих разделов.

В систематический указатель внесены также обзоры и рецензии, которые помещены в конце каждого раздела.

Библиографические обзоры и библиографические списки выделены в отдельный XIII раздел.

Систематический указатель содержания ВДИ за 1937—1950 гг.— см. Приложение к ВДИ, 1951, № 4 (отдельная брошюра); систематический указатель содержания за 1951—1955 гг.—см. ВДИ, 1955, № 4, с. 219—243; систематический указатель содержания за 1956—1960 гг.— см. ВДИ, 1961, № 1, с. 207—228; систематический указатель содержания за 1961—1965 гг. —см. ВДИ, 1966, № 1, с. 176—197; систематический указатель содержания за 1966—1970 гг.— см. ВДИ, 1971, № 1, с. 207—227; систематический указатель содержания за 1971—1975 гг.— см. ВДИ, 1976, № 1, с. 253—270; систематический указатель содержания за 1976—1980 гг.— см. ВДИ, 1981, № 1, с. 251—267.

Настоящий указатель составлен *Н. С. Ивановой.*

I. ПЕРЕДОВЫЕ СТАТЬИ

1. *Голубцова Е. С.* Историки античности к XXVI съезду КПСС — 1981, № 1, с. 10—17.
2. *Дандамаев М. А.* Историки древнего Востока к XXVI съезду КПСС — 1981, № 1, с. 3—10.
3. Значение XXVI съезда КПСС для развития советской исторической науки о древнем мире — 1981, № 2, с. 3—9.
4. Основные направления и перспективы работы ВДИ в XI пятилетке (К итогам VIII Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ) — 1981, № 4, с. 3—8.
5. 60-летие образования СССР и советская наука о древности — 1982, № 4, с. 3—7.

II. ИСТОЧНИКИ

6. Веллей Патеркул. Римская история. Книги I—II. Пер. и коммент. *А. И. Немировского* — 1983, № 4, с. 227—249; 1984, № 1, с. 229—251; № 2, с. 224—245; № 3, с. 204—227; № 4, с. 221—234; 1985, № 1, с. 227—247.
7. Гесиод. Щит Геракла. Вступительная статья, пер. и коммент. *О. П. Цыбенко* — 1985, № 3, с. 221—224.
8. Демосфен. Письма. Пер. и коммент. *В. В. Вальченко* — 1981, № 2, с. 249—261; № 3, с. 207—231.
9. Дионисий Катон. Моральные дистихи. Пер. *Е. М. Штаерман* — 1981, № 4, с. 227—234.
10. Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула (Сохранившиеся фрагменты по Palingenesia iuris civilis О. Ленеля). Вступительная статья, пер. и коммент. *А. Л. Смышляева* — 1985, № 4, с. 217—234.
11. Марк Туллий Цицерон. О природе богов. Пер. и коммент. *Т. А. Лапиной.*—1982, № 2, с. 218—233; № 3, с. 207—229; № 4, с. 196—220; 1983, № 1, с. 228—241; № 2, с. 189—213.
12. Плутарх. Моралии. Изречения царей и полководцев. Пер. и коммент. *М. Л. Гаспарова* — 1981, № 1, с. 233—254.
13. Полемон Периэгет. Фрагменты. Вступительная статья, пер. и коммент. *Г. П. Чистякова* — 1983, № 3, с. 207—235.
14. Публилий Сир. Сентенции. *Пер. Е. М. Штаерман* — 1982, № 1, с. 233—249.
15. Стесихор. Фрагменты. Пер. и коммент. *Н. Н. Казанского*, под ред. *М. Л. Гаспарова* — 1985, № 2, с. 225—256.

III. ИСТОРИОГРАФИЯ И БИБЛИОГРАФИЯ

16. *Данилова А. П.* Р. Ю. Виппер как историк античности — 1984, № 1, с. 160—189.
17. *Крыжицкий С. Д.* Античность в УССР в 1972—1982 гг.—1983, № 2, с. 81—94.
18. *Куликова А. М.* Письмо Ж.-Ф. Шампольона М.-А. Мильярини — 1982, № 4, с. 78—90.
19. *Лунин Б. В.* Исследования по древней истории в республиках Средней Азии (1972—1982 гг.) — 1983, № 1, с. 52—59.
20. *Ходжаш С. И.* О подготовке Свода древнеегипетских памятников из музеев СССР — 1982, № 4, с. 87—93.
21. *Чаплыгина Н. А.* Изучение древней истории в Молдавской ССР — 1983, № 1, с. 60—67.
22. *Шиловцева В. С.* Изучение древней истории в Харьковском государственном университете им. А. М. Горького в 1950—1970 гг.—1982, № 1, с. 213—219.

IV. ОБЩИЕ РАБОТЫ

а) СТАТЬИ

23. *Андреев В. Н.* К. Маркс о цели античного производства и афинская экономика V—IV вв. до н. э.—1983, № 4, с. 3—31.
24. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии — 1981, № 2, с. 11—33.
25. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления (По поводу статьи И. М. Дьяконова) — 1984, № 2, с. 107—123.
26. *Голубцова Е. С.* Карл Маркс о роли общины в древнем мире — 1983, № 3, с. 3—12.
27. *Голубцова Е. С.* Государство и религия в античном мире — 1985, № 2, с. 10—18.
28. *Голубцова Е. С., Смирин В. М.* О попытке применения новых «методик

статистического анализа» к материалу древней истории — 1982, № 1, с. 171—197.
29. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. I — 1982, № 3, с. 3—38.
30. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. II — 1982, № 4, с. 3—21.
31. *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии — 1982, № 2, с. 3—28.
32. *Каплан Г. М.* К истории изобретения античных деревообрабатывающих токарных устройств — 1985, № 2, с. 108—123.
33. *Кузищин В. И.* К. Маркс об античной экономике — 1983, № 2, с. 3—39.
34. *Лелеков Л. А.* К новейшему решению индоевропейской проблемы — 1982, № 3, с. 31—45.
35. *Лундин А. Г.* О происхождении алфавита — 1982, № 2, с. 17—38.
36. *Шишова И. А.* Представление об Океане у античных авторов — 1982, № 3, с. 114—129.

б) РЕЦЕНЗИИ

37. Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982.
Рец.: *Кожин П. М.*—1984, № 1, с. 175—191.
38. 50-й том «L'Année philologique».
Рец.: *С. М.*— 1983, № 1, с. 207—210.
39. La mort, les mortes dans les sociétés anciennes. Paris, 1982.
Рец.: *Лелеков Л. А.*—1984, № 4, с. 177—181.
40. Zazoff P. Die antiken Gemmen. Handbuch der Archäologie. München, 1983.
Рец.: *Неверов О. Я.*—1985, № 4, с. 194—196.

V. ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

1. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

а) СТАТЬИ

41. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья — 1981, № 1, с. 124—144.
42. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья — 1983, № 4, с. 110—119.
43. *Агбунов М. В.* Материалы по античной географии Причерноморья — 1984, № 4, с. 124—141.
44. *Акимова Л. И.* Новый памятник скульптуры из Пантикапея (К проблеме гекатейонов) — 1983, № 3, с. 66—88.
45. *Белова Н. С.* Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н. э.—1984, № 2, с. 78—87.
46. *Болтунова А. И.* Новые эпиграфические материалы из Горгиппии — 1982, № 3, с. 61—78.
47. *Буданова В. П.* Передвижения готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. (По данным письменных источников) — 1982, № 2, с. 155—178.
48. *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства (часть I) — 1981, № 2, с. 65—90.
49. *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства (часть II) — 1981, № 3, с. 49—75.
50. *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма — 1984, № 1, с. 51—80.
51. *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э. I — 1982, № 4, с. 26—46.
52. *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э. II—1983, № 1, с. 21—39.
53. *Высотская Т. Н.* К вопросу о локализации Палакия — 1983, № 1, с. 111—118.
54. *Гилевич А. М.* Клад монет из раскопок Ольвии в 1973 г.—1984, № 3, с. 82—89.
55. *Голенцов А. С., Дашевская О. Д.* Надгробие воина с Херсонесской хоры — 1981, № 2, с. 109—115.
56. *Горелик М. В.* Шлем из станицы Даховской — 1985, № 2, с. 94—97.
57. *Горончаровский В. А.* Новый тип двойного денария Савромата II — 1984, № 3, с. 90—93.
58. *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее (Предварительное сообщение) — 1984, № 1, с. 81—88.
59. *Драчук В. С., Кутайсов В. А.* Исследование Керкинитиды — 1985, № 1, с. 82—87.
60. *Золотарев М. И.* О роли ветровых факторов при организации хоры некоторых греческих полисов — 1981, № 1, с. 144—150.
61. *Золотарев М. И.* Два типа редких монет Феодосии IV в. до н. э.— 1984, № 1, с. 89—92.
62. *Кац В. И.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм — 1985, № 1, с. 87—113.
63. *Колесников А. Б.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка — 1985, № 2, с. 67—94.
64. *Кузьмина Е. Е.* О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени — 1983, № 1, с. 95—106.
65. *Кузьмина Е. Е.* Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства — 1984, № 1, с. 93—109.

66. *Куклина И. В.* Ранние известия о скифах и киммерийцах — 1981, № 2, с. 162—174.
67. *Лазаров Михаил.* Новооткрытая надпись Антигона за скифского царя Саниака — 1985, № 3, с. 78—84.
68. *Лейпунская Н. А.* Терракотовый рельеф из Ольвии — 1982, № 1, с. 81—92.
69. *Марченко К. К.* К вопросу о так называемом предместье Ольвии — 1982, № 3, с. 126—152.
70. *Масленников А. А.* К истории населения хоры Боспорского государства в VI—II вв. до н. э.— 1981, №1, с. 150—162.
71. *Молев Е. А.* К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатов — 1983, № 4, с. 131—139.
72. *Монахов С. Ю.* Производство амфор в эллинистическом Херсонесе — 1984, № 1, с. 109—129.
73. *Никитин А. Б.* Халк Митридата II со следами перечеканки — 1981, № 2, с. 115—117.
74. *Никитин А. Б.* Монетный двор города Раги в первые годы правления Митридата II — 1983, № 2, с. 95—100.
75. *Никулина Н. М.* Керамическое клеймо с головой Афины из раскопок Фанагории — 1981, № 4, с. 64—73.
76. *Новиков Е. Б.* Varia epigraphica (К вопросу о пересмотре и дополнении некоторых ольвийских проксенических декретов) — 1981, № 4, с. 111—121.
77. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры — 1982, № 2, с. 106—117.
78. *Островерхов А. С.* Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии — 1985, №3, с. 92—109.
79. *Подосинов А. В.* Овидий как источник по истории Западного Понта — 1981, № 2, с. 174—199.
80. *Попова Е. А.* О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы — 1984, № 1, с. 129—146.
81. *Пуцко В. Г.* Серебряные кувшины из Жигайловки — 1984, № 4, с. 77—90.
82. *Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Щеглов А. Н.* Городище Рудь — Мэтоний Птолемея? — 1981, № 4, с. 121—145.
83. *Рубан В. В.* Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. — 1985, № 1, с. 26—46.
84. *Сапрыкин С. Ю.* Гераклейские тираны — 1982, № 1, с. 134—145.
85. *Сапрыкин С. Ю.* Золотая пластина из Горгиппии — 1983, № 1, с. 68—94.
86. *Скржинская М. В.* О происхождении названия города Ольвии — 1981, № 3, с. 142—161.
87. *Скржинская М. В.* Скифские сюжеты в исторических преданиях ольвиополитов — 1982, № 4, с. 87—98.
88. *Скржинская М. В.* Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла — 1985, № 2, с. 142—148.
89. *Соломоник Э. И.* Неизданная статья академика С. А. Жебелева «Торгово-консульская служба в древнегреческих колониях Северного Причерноморья» — 1982, № 2, с. 140—153.
90. *Соломоник Э. И.* Из эпиграфики Херсонеса — 1983, № 4, с. 66—87.
91. *Соломоник Э. И.* Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках — 1984, № 3, с. 93.
92. *Соломоник Э. И.* О методике изучения и принципах публикации античных граффити (Обзор основной литературы) — 1985, № 3, с. 77—92.
93. *Сымонович Э. А.* Две античные терракотовые статуэтки с Нижнего Днепра — 1981, № 1, с. 114—119.
94. *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) — 1984, № 3, с. 24—48.
95. *Тохтасьев С. Р.* Боспорская легенда об Афродите Апатурос — 1983, № 2, с. 111—118.
96. *Трейстер М. Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей — 1982, № 3, с. 67—78.
97. *Трейстер М. Ю.* Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре — 1984, № 1, с. 146—160.
98. *Трейстер М. Ю.* Боспор и Египет в III в. до н. э.— 1985, № 1, с. 126—139.
99. *Фролова Н. А.* Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг.— 1981, № 1, с. 100—114.
100. *Фролова Н. А., Шургая И. Г.* Илуратский клад монет Рискупорида V — 1982, № 1, с. 91—105.
101. *Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. — 1981, № 4, с. 52—63.
102. *Шелов Д. Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор — 1983, № 2, с. 40—80.
103. *Шелов-Коведяев Ф. В.* Новый декрет из Херсонеса — 1982, № 2, с. 76—87.
104. *Шелов-Коведяев Ф. В.* Новые боспорские декреты — 1985, № 1, с. 57—72.

б) РЕЦЕНЗИИ

105. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в.). Киев, 1977.
Рец.: *Грандмезон Н. Н.*— 1983, № 2, с. 167—172.
106. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983.
Рец.: *Кузьмина Е. Е* — 1984, № 3, с. 130—143.
107. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев, 1982.
Рец.: *Масленников А. А.*— 1983, № 4, с. 163—166.
108. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.

Рец.: *Кузищин В. И., Гвоздева И. А., Горбатовская М. И.* — 1983, № 3, с. 159—169.

109. Петерс Б. Г. Морское дело в античных городах Северного Причерноморья. М., 1982.
Рец.: *Беляев С. А., Таскаев В. Н.*— 1985, № 3, с. 160—164; *Писаревский Н. П.*— 1985, № 3, с. 164—166.

110. Проблемы скифологии в перспективе истории и этнографии (О книге А. А. Нейхардт «Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии». Л., 1982).
Рец.: *Ольдерогге Д. А., Поплинский Ю. К.* — 1984, № 4, с. 149—160.

111. Scythica в «Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 1979)».
Рец.: *Тохтасьев С. Р.*— 1984, № 3, с. 133—143.

112. Vinogradov Yu. G. OLBIA. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer.— In: XENIA. Heft I. Konstanz. 1981.
Рец.: *Шелов-Коведяев Ф. В.*— 1984, № 3, с. 183—192.

113. Inscriptiile din Scythia Minor Grecesti si Latine. V. I: Histria si impre jurimile. Bucureşti, 1983.
Рец.: *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.*— 1984, № 3, с. 174—183.

2. КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ

а) СТАТЬИ

114. *Джандиери М. И.* Древнее башенное общинное жилище — 1981, № 2, с. 118—155.

115. *Джафаров Ю. Р.* О локализации храмовой области в Кавказской Албании — 1985, № 2, с. 97—108.

116. *Еремян С. Т.* «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци 1500 лет — 1984, № 2, с. 185—194.

117. *Лордкипанидзе Г. А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI—IV вв. до н. э. — 1982, № 2, с. 29—44.

118. *Манасерян Р. Л.* Процесс образования державы Тиграна II — 1982, № 2, с. 122—133.

119. *Манасерян Р. Л.* Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93—91 гг. до н. э.— 1985, № 3, с. 109—119.

120. *Манукян А. Б.* Гемма из Армении с изображением храма Афродиты Пафосской — 1984, № 4, с. 90—97.

121. *Меликишвили Г. А.* К характеристике социально-экономического строя раннеклассового общества грузинских горцев — 1984, № 1, с. 27—50.

122. *Муравьев С. Н.* Птолемеева карта Кавказской Албании и уровень Каспия (Постановка вопроса. Системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков) — 1983, № 1, с. 117—148.

123. *Тирацян Г. А.* Армянская тиара: опыт культурно-исторической интерпретации — 1982, № 2, с. 90—101.

б) РЕЦЕНЗИИ

124. Культура раннефеодальной Армении (IV—VII вв.). Ереван, 1980.
Рец.: *Дитмар А. Б.*— 1982, № 3, с. 146—151.

125. Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979.
Рец.: *Тодуа Т. Т.*— 1982, № 2, с. 178—184.

126. Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
Рец.: *Раевский Д. С.*— 1985, № 4, с. 180—184.

3. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

а) СТАТЬИ

127. *Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени (По материалам Зар-тепе) — 1985, № 4, с. 111—121.

128. *Акопян А. М.* Клад медных парфянских монет из Апарана — 1982, № 2, с. 84—92.

129. *Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И.* Новые санскритские тексты из Восточного Туркестана (Фрагменты «Пратимокша-сутры» сарвастивадинов) — 1984, № 4, с. 56—77.

130. *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Ножны акинака из Бактрии — 1981, № 3, с. 87—110.

131. *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии — 1985, № 4, с. 84—110.

132. *Мукерджи Б. Н.* К изучению социально-экономической истории Кушанской империи — 1984, № 3, с. 60—81.

133. *Ртвеладзе Э. В.* О местоположении бактрийского города Аорна — 1982, № 1, с. 149—152.

134. *Ртвеладзе Э. В.* Кушанская крепость Кампыр-тепе (Исследования и открытия) — 1984, № 2, с. 87—106.

135. *Шеркова Т. А.* Скульптурка египетского божества из могильника Тун-хана (Южный Таджикистан) — 1981, № 4, с. 73—80.

б) РЕЦЕНЗИИ

136. Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. М., 1983.
Рец.: *Ртвеладзе Э. И.*— 1985, № 4, с. 184—190.

137. Новые работы по истории Средней Азии и Ирана (Mary Boyce. A History of Zoroastrianism under the Achaemenians. V. 2. Leiden/Köln: E. Brill. 1982; Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979; Persica, VII. Louvain, 1978).
Рец.: *Дандамаев М. А.*— 1985, № 2, с. 197—201.

138. О некоторых проблемах социально-политической истории Парфии (Klaus Schippman. Grundzüge der parphischen Geschichte. Darmstadt, 1980).
Рец.: *Гаибов В. А.*— 1984, № 2, с. 210—218.
139. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
Рец.: *Ртвеладзе Э. В.* — 1981, № 2, с. 195—200.
140. Schlumberger D., Berre M. I., Fussman J. Surkh Kotal en Bactriane. T. XXV. Paris, 1983.
Рец.: *Пугаченкова Г. А.*— 1984, № 3, с. 186—192.

VI. ДРЕВНИЙ ВОСТОК

1. ОБЩИЕ РАБОТЫ

а) СТАТЬИ

141. *Вейнберг И. П.* Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах — 1982, № 3, с. 191—197.
142. *Ильин Г. Ф.* Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры — 1983, № 3, с. 13—38.
143. *Милитарев А. Ю.* Об одном общеафразийском земледельческом термине (Новые лингвистические данные о происхождении земледелия) — 1983, № 4, с. 97—107.
144. *Никулина Н. М.* Художественная культура древнего Востока (Вопросы методологии) — 1985, № 4, с. 112—126.

б) РЕЦЕНЗИИ

145. История древнего Востока. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1979.
Рец.: *Расулова М. М., Юсифов Ю. Б.*— 1982, № 2, с. 175—178.
146. Altorientalische Forschungen. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berlin, Bd. V, 1977; VI, 1979; VII, 1980.
Рец.: *Дандамаев М. А.*— 1983, № 4, с. 166—172.

2. ДВУРЕЧЬЕ (ШУМЕР. ВАВИЛОН)

а) СТАТЬИ

147. *Антонова Е. В.* Представления обитателей Двуречья о назначении людей и глиптика IV — первой половины III тыс. до н. э.— 1983, № 4, с. 88—97.
148. *Вайман А. А.* Истолкование некоторых знаков в протошумерских списках рабов и рабынь — 1981, № 4, с. 81—87.
149. *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей — 1981, № 2, с. 34—64.
150. *Каплан Г. Х.* Употребление статива в аккадском языке (На материале среднеассирийского диалекта) — 1985, № 3, с. 51—58.
151. *Клочков И. С.* Поздневавилонский список поэтов и ученых — 1983, № 2, с. 101—118.
152. *Козырева Н. В.* Спор из-за наследства жрицы из старовавилонского города Ларса — 1982, № 2, с. 101—106.
153. *Козырева Н. В.* Некоторые проблемы товарно-денежных отношений в старовавилонской Месопотамии — 1984, № 2, с. 3—14.
154. *Кошурников С. Г.* Семейный архив старовавилонского времени из города Дильбата — 1984, № 2, с. 123—141,
155. *Мирзоев М. Н.* Цены на движимое имущество в касситской Вавилонии XIV—XII вв. до н. э.— 1982, № 3, с. 77—88.
156. *Шарашенидзе Дж. М.* К вопросу о рационе административного персонала государства эпохи III династии Ура — 1982, № 1, с. 98—109.
157. *Якобсон В. А.* Возникновение писаного права в древней Месопотамии — 1981, № 4, с. 9—20.
158. *Янковская Н. Б.* Оптовая торговля древней Передней Азии до возникновения империй — 1985, № 3, с. 3—8.

б) РЕЦЕНЗИИ

159. Adams R. Mc. C. Heartland of Cities. Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Euphartes. Chicago, 1981.
Рец.: *Гуляев В. И.* — 1984, № 3, с. 143—153.
160. Foster B. R. Umma in the Sargonic Period. Connecticut, 1982.
Рец.: *Козырева Н. В.*— 1985, № 3, с. 175—180.
161. Joannès F. Textes économiques de la Babylonie récente. Paris, 1982.
Рец.: *Дандамаев М. А.*— 1985, № 3, с. 166—170.
162. Klima Josef. Nejstarsi zakony lidstva, Chammurapi a jeho predchudei. Praha, 1979.
Рец.: *Якобсон В. А.*— 1982, № 4, с. 136—141.

3. ЕГИПЕТ. НУБИЯ

а) СТАТЬИ

163. *Белова Г. А.* Об одном древнеегипетском топониме (ʿbw rsj) — 1985, № 1, с. 73—82.
164. *Богословский Е. С.* Государственное регулирование социальной структуры древнего Египта — 1981, № 1, с. 18—34.

165. *Богословский Е. С.* Древнеегипетская экономика на пути к возникновению денег — 1982, № 1, с. 3—12.
166. *Большаков А. О.* Из истории египетской идеологии Старого царства — 1982, № 2, с. 97—101.
167. *Большаков А. О.* Герман Юнкер и его «Гиза». Проблемы методики — 1985, № 3, с. 170—175.
168. *Вассоевич А. Л.* Загадка Амонрасонтэра или примечание к третьему правилу Курта Зэте — 1981, № 3, с. 111—116.
169. *Вассоевич А. Л.* Редуцированные гласные в египетском языке VII в. до н. э. (По ассирийским клинописным передачам египетских имен собственных) — 1983, № 3, с. 88—96.
170. *Милитарев А. Ю.* Язык мероитской эпиграфики как исторический источник в свете его генезиса — 1984, № 2, с. 153—170.
171. *Певзнер С. Б.* Древнеегипетский обычай в рассказе арабского историка — 1983, № 4, с. 107—110.
172. *Рубинштейн Р. И.* Ушебти из собрания Государственного Эрмитажа с необычными надписями и просопографией — 1982, № 4, с. 70—82.
173. *Смагина Е. Б.* Опыт реконструкции одного древненубийского текста — 1983, № 2, с. 106—111.
174. *Стучевский И. А.* «Первый жрец» Амуна Аменхотеп и Рамсес IX—1981, № 1, с. 3—20.
175. *Стучевский И. А.* «Притеснение» «первого жреца» Амуна Аменхотепа и вторжение войск «царского сына Куша» Панехси — 1983, № 3, с. 3—39.
176. *Четверухин А. С.* Синтаксическая функция указательного местоимения pw в староегипетском именном предложении — 1981, № 4, с. 97—121.

б) РЕЦЕНЗИИ

177. Caminos R. A. A Tale of Woe. Griffith Institute, Ashmolean Museum. Oxford, 1947.
Рец.: *Берлев О. Д.*— 1982, № 2, с. 184—187.
178. Kanawati N. The Rock Tombs of El-Hawawisch, the Cementry of Akmim. V. I. Sydney, 1980; El-Fikey S. A. The Tomb of the Vizier Reʿ-wer at Saqqara. Warminster, 1980.
Рец.: *Большаков А. О.*— 1984, № 3, с. 153—158.
179. Ostraca ieratici № 57001—57319 a cura di Jesús López. Milano, Instituto editoriale cisalpino.— La Goliardica, 1978—1980 (=Catalogo del Museo Egizio di Torino. Serie seconda — Collezioni. V. III. Fasc. 1—2).
Рец.: *Богословский Е. С.* — 1983, № 2, с. 172—175.
180. Пиотровский Б. Б. Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи. М., 1983.
Рец.: *Редер Д. Г.*— 1985, № 3, с. 155—160.

4. МАЛАЯ АЗИЯ. ХЕТТЫ. ХУРРИТЫ

а) СТАТЬИ

181. *Ардзинба В. Г.* Хеттский праздник хассумас — 1981, № 4, с. 87—97.
182. *Ардзинба В. Г.* Хеттский строительный ритуал — 1982, № 1, с. 109—119.
183. *Дьяконов И. М.* Малая Азия и Армения около 600 г. до н. э. и северные походы вавилонских царей — 1981, № 2, с. 34—64.
184. *Моисеева Т. А.* Царская власть у фригийцев (К интерпретации легенды о Гордиевом узле) — 1982, № 1, с. 119—129.
185. *Моисеева Т. А.* Мидас как символ богатства в античной традиции — 1984, № 4, с. 12—30.

б) РЕЦЕНЗИИ

186. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
Рец.: *Баюн Л. С., Дандамаев М. А.*— 1983, № 2, с. 162—167.
187. The Gordion excavations. Final Reports. V. I: R. S. Young. Great early tumuli. Pennsylvania, 1981.
Рец.: *Моисеева Т. А.*— 1984, № 2, с. 198—210.
188. The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Ed. by Hans G. Güterbock and H. A. Hoffner. V. 3, fasc. 1. Chicago, 1980.
Рец.: *Баюн Л. С.*— 1982, № 2, с. 187—191.

5. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

а) СТАТЬИ

189. *Айхенвальд А. Ю.* О некоторых наименованиях должностных лиц в поздних книгах Ветхого Завета — 1985, № 3, с. 58—66.
190. *Дандамаев М. А.* Государство и религия на древнем Ближнем Востоке — 1985, № 2, с. 3—9.
191. *Лундин А. Г.* Дешифровка протосинайской письменности — 1983, № 1, с. 79—95.
192. *Лундин А. Г.* Названия и формы букв в семитских консонантных алфавитах — 1985, № 4, с. 137—155.
193. *Меликишвили Г. А.* О динамике развития общественных отношений на древнем Ближнем Востоке — 1985, № 4, с. 3—34.
194. *Согомонов А. Ю.* Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики —1985, № 1, с. 8—25.
195. *Шифман И. Ш.* Фрагмент устава пальмирской коллегии почитателей Белʿ Астора — 1984, № 2, с. 60—77.

б). РЕЦЕНЗИИ

196. Edwards R. B. Kadmos the Phoenician. Amsterdam, 1979.

Рец.: *Федотов В. В.*— 1984, № 3, с. 168—186.

197. Новые работы по истории древнего Ближнего Востока (M. Ichisar. Les archives cappadociennes du marchand Imdilum. Recherche sur les grandes civilisations, № 3. Paris, 1981; M. Otosson. Temples and Cult Places in Palestine. Uppsala, 1980; P. Briant. Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien. Cambridge—Paris, 1982).
Рец.: *Дандамаев М. А.*— 1983, № 3, с. 164—180.

198. Проблемы древнеближневосточного и эллинистического общества в исследованиях П. Бриана.
Рец.: *Вейнберг И. Л., Свенцицкая И. С.*— 1984, № 1, с. 178—185.

6. ИРАН

а) СТАТЬИ

199. *Абаев В. И.* Древнеперсидское *abičariš* в Бехистунской надписи (К вопросу о социальном характере термина) — 1985, № 1, с. 3—7.

200. *Горелик М. В.* Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени — 1982, № 3, с. 90—102.

201. *Мазетти Клаудио.* Война Дария I со скифами и вавилонская пророческая литература — 1982, № 3, с. 90—99.

202. *Переводчикова Е. В.* О сюжетах изображений на бутеролях акинаков ахеменидского времени — 1983, № 3, с. 96—103.

203. *Чунакова О. М., Щербановский А. Л.* О дате редакции «Книги деяний Ардашира, сына Папака» — 1982, № 3, с. 136—143.

б) РЕЦЕНЗИИ

204. Augé Ch., Curiel R., Le Rider G. Terrasses sacrées de Bard-é Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Les trouvailles monétaires. Paris, 1979.
Рец.: *Кошеленко Г. А.*— 1984, № 1, с. 191—199.

205. Две новые работы о древнеперсидской клинописи (M. Mayrhofer. Supplement zur Sammlung der altpersischen Inschriften. Wien, 1978; M. Mayrhofer. Nachlese altpersischer Inschriften. Innsbruck, 1978).
Рец.: *Эдаков В. А.* —1981, № 3, с. 185—190.

206. Новые работы по истории Средней Азии и Ирана (M. Boyce. A History of Zoroastrianism under the Achaemenians. V. 2. Leiden/Köln, 1982; Studies in the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest, 1979; Persica, № VII. Louvain, 1978).
Рец.: *Дандамаев М. А.*— 1985, № 2, с. 160—164.

207. Von Voigtlander E. N. Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part I: Inscriptions of Ancient Iran. V. II: The Babylonian versions of the Achaemenian inscriptions. London, 1978.
Рец.: *Дандамаев М. А.*— 1981, № 4, с. 160—164.

7. ИНДИЯ

а) СТАТЬИ

208. *Бонгард-Левин Г. М.* Индийский брахман Чанакья в античной традиции — 1982, № 1, с. 13—26.

209. *Бонгард-Левин Г. М., Вигасин А. А.* Общество и государство древней Индии (По материалам «Артхашастры») — 1981, № 1, с. 35—76.

210. *Самозванцев А. М.* «Артхашастра» III. 10.8—17: опыт интерпретации правового текста — 1983, № 4, с. 32—44.

211. *Самозванцев А. М.* Артхашастра и дхармашастра: право и проблемы интеграции жанров — 1984, № 2, с. 15—36.

б) РЕЦЕНЗИИ

212. Археологические исследования Аллахабадского университета.
Рец.: *Массон В. М.*— 1982, № 1, с. 227—231.

213. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980.
Рец.: *Вигасин А. А.*— 1981, № 4, с. 153—159.

214. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983.
Рец.: *Кузьмина Е. Е.*— 1984, № 3, с. 130—142.

215. К истории преемственности философских идей Индии в древнем Китае (Early Madhyamika in India and China. By R. H. Robinson. Delhi, 1978).
Рец.: *Андросов В. П.*— 1981, № 4, с. 155—160.

216. Методы изучения древнего буддизма и философия Сватантры (Reason and Emptiness. A Study in Logic and Mysticism. By Shotaro Iida. Tokyo, 1980).
Рец.: *Андросов В. П.*— 1983, № 4, с. 172—178.

217. Новая книга по искусству Гандхары.
Рец.: *Беленицкий А. М., Мешкерис В. А.*—1984, № 2, с. 195—200.

218. Новый труд по гуптской эпиграфике.
Рец.: *Фурцева Л. Р.*—1982, № 3, с. 170—175.

219. Основные направления изучения древнеиндийской философии в зарубежной науке (1975—1979 гг.).
Рец.: *Шохин В. К.*—1981, № 1, с. 191—206.

220. Diskalkar D. B. Selections from Sanskrit Inscriptions (2nd Cent. to 8th Cent. A. D.). New Delhi, 1977.
Рец.: *Столяров А. А.*— 1982, № 3, с. 183—187.

221. Faccenna D. Butkara I (Swat, Pakistan), 1956—1962. ISMEO. Pt. 1—3. Roma, 1980; pt. 4, 5/1—2. 1981.
Рец.: *Пугаченкова Г. А.*—1982, № 4, с. 139—144.

222. History and Archaeology. V. I, № 1—2. Allahabad, 1980.
Рец.: *Заднепровский Ю. А.*—1983, № 2, с. 175—179.
223. Ruben W. Kulturgeschichte Indiens. Berlin, 1978.
Рец.: *Самозванцев А. М.*—1982, № 4, с. 159—161.

8. АРАВИЯ

б) РЕЦЕНЗИИ

224. Два сабейских словаря (J. C. Biella. Dictionary of Old South Arabic, Sabaean Dialect. Harvard Semitic Studies, 25. Harvard, 1982; A. F. L. Beeston, M. A. Ghul, W. W. Müller, J. Ryckmans. Dictionnaire Sabéen. Louvain-la-Neuve — Beyrouth, 1982).
Рец.: *Лундин А. Г.*—1985, № 1, с. 192—197.
225. Raydan. Journal of Ancient Yemen Antiquities and Epigraphy. V. 3. Aden, 1980.
Рец.: *Лундин А. Г., Пиотровский М. Б.*— 1983, № 3, с. 169—180.

9. ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА АМЕРИКИ

а) СТАТЬИ

226. *Баглай В.Е.* К вопросу о характере рабства у ацтеков — 1981, № 3, с. 168—177.
227. *Березкин Ю. Е.* Двуглавый ягуар и жезлы начальников (Символы власти и социальные функции в доколумбовой Америке) — 1983, № 1, с. 163—198.

б) РЕЦЕНЗИИ

228. Urton G. At the Crossroads of the Earth and the Sky. An Andean Cosmology. Latin American Monographs, Institute of Latin American Studies. The University of Texas at Austin, 1981.
Рец.: *Березкин Ю. Е.*—1984, № 1, с. 189—199.

VII. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

а) ИСТОЧНИКИ

229. Гесиод. Щит Геракла. Вступительная статья, пер. и коммент. *О. П. Цыбенко* — 1985, № 3, с. 211—224.
230. Демосфен. Письма. Пер. и коммент. *В. В. Вальченко* — 1981, № 2, с. 249—261; № 3, с. 207—231.
231. Полемон Периэгет. Фрагменты. Вступительная статья, пер. и коммент. *Г. П. Чистякова* — 1983, № 3, с. 207—235.
232. Стесихор. Фрагменты. Пер. и коммент. *Н. Н. Казанского*, под ред. *М. Л. Гаспарова* — 1985, № 2, с. 225—256.

б) СТАТЬИ

233. *Андреев В. Н.* Структура частного богатства в Афинах V—IV вв. до н. э.— 1981, № 3, с. 21—34.
234. *Андреев В. Н.* К. Маркс о цели античного производства и афинская экономика V—IV вв. до н. э.—1983, № 4, с. 3—31.
235. *Андреев Ю. В.* Об историзме гомеровского эпоса — 1984, № 4, с. 3—11.
236. *Андреев Ю. В.* К проблеме послемикенского регресса — 1985, № 3, с. 9—29.
237. *Бейнарович Л. Е.* Проблема справедливости и принципы власти в «Государстве» Платона — 1985, № 1, с. 113—126.
238. *Бородай Т. Ю.* Образ мастера и значение слова «демиург» в диалогах Платона — 1983, № 4, с. 119—131.
239. *Вальченко В. В.* К проблеме подлинности демосфеновских писем — 1981, № 2, с. 229—248.
240. *Вальченко В. В.* Ἦθος в «Риторике» Аристотеля — 1984, № 2, с. 37—50.
241. *Визгин В. П.* К проблеме генезиса учения Аристотеля о δυνάμεις (Meteor. IV) — 1981, № 3, с. 134—145.
242. *Гимадеев Р. А.* О возможном персидском источнике Фукидидова описания первого похода афинян в Египет — 1983, № 1, с. 106—111.
243. *Глускина Л. М.* Фратрия и род в структуре афинского полиса в IV в. до н. э.—1983, № 3, с. 39—52.
244. *Гочева Златозара.* Антропоморфные изображения богов у фракийцев — 1981, № 2, с. 155—162.
245. *Доватур А. И.* Фукидид и мегарская псефизма Перикла — 1982, № 1, с. 12 —134.
246. *Доватур А. И.* Обозначение морей у Геродота — 1982, № 3, с. 110—115.
247. *Жмудь Л. Я.* Орфический папирус из Дервени — 1983, № 2, с. 118—140.
248. *Жмудь Л. Я.* Пифагор в ранней традиции — 1985, № 2, с. 121—142.
249. *Казанский Н. Н.* Стесихор — 1985, № 2, с. 217—224.
250. *Лопухова О. Б.* Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе — 1985, № 1, с. 139—161.
251. *Лордкипанидзе Г. А.* Греко-колхские взаимоотношения в VI—IV вв. до н. э.—1982, № 2, с. 29—44.
252. *Моисеева Т. А.* К интерпретации историко-географических представлений о Фригии в гомеровском эпосе — 1985, № 3, с. 66—77.
253. *Молчанов А. А.* Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея — 1981, № 3, с. 116—134.

254. *Молчанов А. А.* Государственно-политическое устройство минойского Крита по данным античной мифолого-исторической традиции — 1983, № 3, с. 103—115.
255. *Муравьев С. Н.* Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. I.—1984, № 4, с. 31—44.
256. *Муравьев С. Н.* Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. II.—1985, № 2, с. 16—28.
257. *Муравьев С. Н.* Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. III—1985, № 3, с. 30—35.
258. *Муравьев С. Н.* Traditio Heraclitea (A). Свод древних источников о Гераклите. IV—1985, № 4, с. 35—42.
259. *Павленко Л. В.* Древнегреческий роман: новонайденные папирусные фрагменты — 1985, № 2, с. 184—196.
260. *Печатнова Л. Г.* Заговор Кинадона — 1984, № 2, с. 133—141.
261. *Рыжкина З. А.* Новый вариант фиванского мифа: «Фиваида» Стесихора —1984, № 3, с. 112—119.
262. *Сапрыкин С. Ю.* Пифодорида — царица Фракии — 1984, № 2 , с. 141—153.
263. *Сахненко Л. А.* Аристофан и Каллистрат — 1983, № 3, с. 115—121.
264. *Светилова Е. К.* Состав Халкидского союза в V в. до н. э.—1985, № 2, с. 148—161.
265. *Строгецкий В. М.* Некоторые особенности внутриполитической борьбы в Спарте в конце VI — начале V в. до н. э.— Клеомен и Демарат — 1982, № 3, с. 38—57.
266. *Строгецкий В. М.* Античная традиция о причинах Пелопоннесской войны и отношение к ней в современной западноевропейской историографии — 1984, № 4, с. 114—124.
267. *Фролов Э. Д.* Гаморы и киллирии (К оценке социальной структуры и социальной борьбы в архаических Сиракузах) — 1982, № 1, с. 27—41.
268. *Хоммель Хильдебрехт.* Ахилл — бог — 1981, № 1, с. 53—76.
269. *Шпилевский А. В.* Гиппарх в античной нумизматике — 1985, № 2, с. 161—169.
270. *Шуллер Вольфганг.* Афинская демократия и Афинский Морской союз — 1984, № 3, с. 49—77.
271. *Ярхо В. Н.* Новый эпод Архилоха — 1982, № 1, с. 64—80.
272. *Ярхо В. Н.* Новые папирусные тексты в области древнегреческого эпоса и элегии — 1983, № 3, с. 121—146.
273. *Ярхо В. Н.* Новый папирусный отрывок древнегреческого пародийного эпоса — 1985, № 2, с. 52—66.

в) РЕЦЕНЗИИ

274. Великая греческая колонизация в новом освещении «Кембриджской античной истории».
Рец.: *Согомонов А. Ю.*—1984, № 3, с. 158—168.
275. Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981.
Рец.: *Баюн Л. С., Яйленко В. П.*—1985, № 2, с. 178—184; *Молчанов А. А.*—1985, № 2, с. 170—178.
276. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии.
Рец.: *Строгецкий В. М.*—1983, № 4, с. 176—186.
277. Микенологические исследования (1973—1977 гг.).
Рец.: *Гринбаум Н. С.*—1982, № 1, с. 200—206.
278. Новое издание греческих элегиков.
Рец.: *Ярхо В. Н.*—1981, № 4, с. 174—177.
279. Новое издание схолий к Эсхилу.
Рец.: *Ярхо В. Н.*—1984, № 3, с. 192—196.
280. Новые зарубежные работы о древнегреческом ремесле.
Рец.: *Кузнецов В. Д.*—1983, № 4, с. 186—196.
281. Новый свод древнегреческих граффити.
Рец.: *Яйленко В. П.*—1984, № 1, с. 196—199.
282. О значении исследования просопографии Лакедемона (A. S. Bradford. A Prosopography of Lacedaemonians from the Death of Alexander the Great, 323 B. C. to the Sack of Sparta by Alaric, A. D. 396. München, 1977, VIII).
Рец.: *Давыдова Л. С.*—1983, № 3, с. 180—187.
283. Проблемы государственности эллинистической Греции в научном творчестве Дж. Ларсена.
Рец.: *Кащеев В. И.*—1982, № 4, с.143—149.
284. Цибукидис Д. И. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850—1974 гг.). М., 1981.
Рец.: *Свенцицкая И. С.*—1983, № 1, с. 185—187.
285. Ярхо В. Н. Драматургия Эсхила и некоторые проблемы древнегреческой трагедии. М., 1978; он же. У истоков европейской комедии. М., 1979.
Рец.: *Чистякова Н. А.*—1981, № 3, с. 178—185.
286. Arnheim M. T. Aristocracy in Greek Society. New York, Thames and Hudson, 1977.
Рец.: *Кошеленко Г. А.*— 1981, № 2, с. 206—212.
287. Briant P. Antigone le Borgue. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'Assemblée macédonienne. Paris, 1973; Müller O. Antigonos Monophthalmos und «das Jahr der Könige». Bonn, 1973.
Рец.: *Самохина Г. С.*—1982, № 2, с. 191—201.
288. Brixhe Cl. Le dialecte grec de Pamphylie. Documents et Grammaire. Paris, 1976.
Рец.: *Казанский Н. Н.*—1982, № 2, с. 204—207.

289. Cabanes P. L'Epire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaine. Paris, 1980.
Рец.: *Вершинин Л. Р.*— 1983, № 3, с. 172—180.
290. Cartledge P. Sparta and Laconia. A Regional History 1300—362 B. C. London — Boston — Henley, 1979.
Рец.: *Андреев Ю. В.*— 1981, № 2, с. 200—206.
291. Dillon J. The Middle Platonists. A Study of Platonism 80 B. C. to A. D. 220. London, 1977.
Рец.: *Шичалин Ю. А.*— 1981, № 2, с. 212—217.
292. Kaimio Jorma. The Roman and the Greek Language. Helsinki, 1979.
Рец.: *Доватур А. И.*—1981, № 4, с. 165—174.
293. Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Wiesbaden, 1979.
Рец.: *Глускина Л. М.*— 1984, № 1, с. 185—191.
294. McClain E. G. The Pythagorean Plato. Prelude to the Song itself. New York, 1978.
Рец.: *Герцман Е. В.*— 1982, № 3, с. 185—193.
295. Murray O. Early Greece. Brighton, Harvester Press G. B.— Humanities Press U. S., 1980.
Рец.: *Перевалов С. М.*—1983, № 2, с. 178—184.
296. Seibert J. Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Von den Anfängen bis zur Unterwerfund durch die Römer. Impulse der Forschung. Bd. 30. Darmstadt, 1979.
Рец.: *Виноградов Ю. Г.*—1982, № 2, с. 201—204.
297. Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiments. London, 1980.
Рец.: *Скржинская М. В.*—1985, № 3, с. 180-184.
298. Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Fasc. XX. 25° Anniversario della decifrazione della Lineare B (1953—1978). Roma, 1979.
Рец.: *Гринбаум Н. С.*—1983, № 1, с. 199—204.
299. Thiemer H. Der Einfluss der Phryger auf die altgriechische Musik. Bonn — Bad Godesberg, 1979.
Рец.: *Герцман Е. В.*—1984, № 4, с. 181—188.
300. Wood E. M., Wood N. Class Ideology and Ancient Political Theory. Socrates, Plato and Aristotle in Social Context. Oxford, 1978.
Рец.: *Кувшинская Е. В.*—1983, № 1, с. 204—210.

VIII. ЭЛЛИНИЗМ

а) СТАТЬИ

301. *Голенко В. К.* Монеты ранних Селевкидов в собрании Государственного Исторического музея — 1985, № 1, с. 47—57.
302. *Дандамаева М. М.* Греки в эллинистической Вавилонии (По данным просопографии) — 1985, № 4, с. 155—175.
303. *Павленко Л. В.* Менандр как источник по истории раннего эллинизма — 1982, № 4, с. 163—175.
304. *Свенцицкая И. С.* Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (По материалам Малой Азии) —1985, № 4, с. 43—61.
305. *Трейстер М. Ю.* Боспор и Египет в III в. до н. э.—1985, № 1, с. 126—139.
306. *Шифман И. Ш.* Северомесопотамский город Хатра (К истории переднеазиатского эллинизма) — 1985, № 2, с. 29—51.

б) РЕЦЕНЗИИ

307. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.
Рец.: *Борухович В. Г., Жигунин В. Д.*— 1982, № 4, с. 131—137.
308. Германн Бенгстон и его концепция эллинизма.
Рец.: *Ротермель Л. Р., Шофман А. С.*— 1984, № 4, с. 160—171.
309. Две новые книги о Кумране (И. Д. Амусин. Кумранская община. М., 1983; Eugen Verber. Kumransky rukopisi iz perčina kraj Mrtvog mora. Beograd, 1983).
Рец.: *Старкова К. Б.* — 1985, № 1, с. 187—192.
310. К вопросу о платонической традиции в эллинистический период.
Рец.: *Шичалин Ю. А.*— 1981, № 3, с. 190—194.
311. Новая папирологическая серийная публикация: Kölner Papyri (P. Köln). B. 1. Bearb. von B. Kramer und R. Hübner (Opladen, 1976); B. 2. Bearb. von B. Kramer und D. Hagedorn. (Opladen, 1978).
Рец.: *Фихман И. Ф.*— 1982, № 3, с. 175—182.
312. Проблемы древнеближневосточного и эллинистического общества в исследованиях П. Бриана.
Рец.: *Вейнберг И. Л., Свенцицкая И. С.*— 1984, № 1, с. 178—185.
313. Фрэнк Уолбенк и его концепция эллинизма.
Рец.: *Кащеев В. И., Шофман А. С.*— 1984, № 2, с. 204—210.
314. Kölner Papyri (P. Köln). B. 3. Bearb. von B. Kramer, M. Erler, D. Hagedorn, R. Hübner. Opladen, 1980, B. 4. Bearb. von B. Kramer, C. Römer, D. Hagedorn. Opladen, 1982.
Рец.: *Фихман И. Ф.*— 1985, № 4, с. 190—194.

IX. ДРЕВНИЙ РИМ

а) ИСТОЧНИКИ

315. Веллей Патеркул. Римская история. Книги I—II. Пер. и коммент. *А. И. Немировского* — 1983, № 4, с. 227—249; 1984, № 1, с. 229—251; № 2, с. 224—245; № 3, с. 204—227; № 4, с. 221—234; 1985, № 1, с. 227—247.
316. Дионисий Катон. Моральные дистихи. Пер. *Е. М. Штаерман*— 1981, № 4, с. 227—234.
317. Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула (Сохранившиеся фрагменты по Palingenesia iuris civilis О. Ленеля). Вступительная статья, пер. и коммент. *А. Л.Смышляева* — 1985, № 4, с. 217—234.
318. Марк Туллий Цицерон. О природе богов. Пер. и коммент. *Т. А. Лапиной* — 1982, № 2, с. 218—233; № 3, с. 207—229; № 4, с. 196—220; 1983, № 1, с. 228—241; № 2, с. 189—213.
319. Плутарх. Моралии. Изречения царей и полководцев. Пер. и коммент. *М. Л. Гаспарова* — 1981, № 1, с. 233—254.
320. Публилий Сир. Сентенции. Пер. *Е. М. Штаерман* — 1982, № 1, с. 233—249.

б) СТАТЬИ

321. *Армичева В. И.* Ремесленное производство в Испании в период Ранней империи — 1985, № 3, с. 119—134.
322. *Вулих Н. В.* Поэзия и политика в «Энеиде» Вергилия — 1981, № 3, с. 147—161.
323. *Заборовский Я. Ю.* Аппиан и римская civitas в последний век существования Республики — 1981, № 4, с. 138—145.
324. *Заборовский Я. Ю.* Римские цензы в период кризиса и падения Римской республики (102—28 гг. до н. э.) — 1982, № 3, с. 50—62.
325. *Златковская Т. Д.* К проблеме самобытности фракийской культуры в римское время — 1981, № 4, с. 21—33.
326. *Ильинская Л. С.* Элимы в античной традиции и в археологии — 1982, № 2, с. 45—62.
327. *Ильинская Л. С.* Находки в древнем Лации и их место в понимании традиции об Энее на Западе — 1983, № 3, с. 146—164.
328. *Ильинская Л. С.* Сиканы и сикулы. Проблемы этногенеза — 1984, № 3, с. 94—112.
329. *Ковельман А. Б.* Концепция ΠΡΟΘΥΜΙΑ в официальной идеологии греко-римского Египта — 1981, № 1, с. 178—186.
330. *Ковельман А. Б.* Риторика прошений и массовое сознание в римском Египте — 1984, № 2, с. 170—185.
331. *Ковельман А. Б.* Частное письмо в греко-римском Египте II—IV вв. н. э. как литературный факт — 1985, № 3, с. 134—154.
332. *Колосовская Ю. К.* Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы — 1982, № 4, с. 47—65.
333. *Коптев А. В.* Римское законодательство IV—V вв. о браках рабов и колонов — 1985, № 4, с. 62—83.
334. *Крюков А. С.* Пролог в «Анналах» Тацита — 1983, № 2, с. 140—145.
335. *Кучма В. В.* О некоторых спорных проблемах трактата Секста Юлия Фронтина «Стратегмы» — 1984, № 4, с. 45—55.
336. *Ляпустин Б. С.* Структура связей ремесленных мастерских с рынком и сельскохозяйственной округой в Помпеях I в. н. э.— 1983, № 2, с. 59—80.
337. *Ляпустин Б. С.* Женщины в ткацком ремесле: производство и мораль — 1985, № 3, с. 36—46.
338. *Ляпустина Е. В.* Виллы в западных провинциях Римской империи — 1985, № 1, с. 161—186.
339. *Метушевская О. С.* Аграрный вопрос в Риме 70-х гг. I в. до н. э. — 1983, № 4, с. 139—150.
340. *Немировский А. И.* Греческий эмпорий в этрусском порту — 1982, № 1, с. 152—162.
341. *Немировский А. И.* Надпись из Сатрика — опорный пункт раннеримской истории — 1983, № 1, с. 40—51.
342. *Немировский А. И.* Веллей Патеркул и его исторический труд — 1983, № 4, с. 209—226.
343. *Немировский А. И., Цымбурский В. Л.* Ф. Энгельс о римском роде и некоторые проблемы современной этрусологии — 1984, № 3, с. 3—23.
344. *Парфенов В. Н.* Последняя армия Римской республики — 1983, № 3, с. 53—65.
345. *Покровская З. А.* Поэтическая структура вступлений в философской поэме — 1982, № 1, с. 162—171.
346. *Свенцицкая И. С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I—III вв.— 1981, № 4, с. 33—51.
347. *Свенцицкая И. С.* Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (По материалам Малой Азии) — 1985, № 4, с. 43—61.
348. *Селецкий Б. П.* Источники финансирования Суллы в период войны с Митридатом Евпатором — 1982, № 2, с. 63—75.
349. *Селецкий Б. П.* Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 90—80-х годов I в. до н. э.— 1983, № 1, с. 148—163.
350. *Сергеенко М. Е.* К 22-му письму из переписки Киприана — 1984, № 3, с. 119—120.
351. *Сидоров А. И.* Манихейство в изображении Августина (De haeresibus, 46) — 1983, № 2, с. 145—161.
352. *Смышляев А. Л.* Всадники во главе ведомств императорской канцелярии

во II — начале III в. н. э. — 1981, № 2, с. 91—108.

353. *Соколовский В. Д.* О подводных раскопках в Италии — 1985, № 3, с. 199.

354. *Спейдел М. П.* Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Апсар — 1985, № 4, с. 176—179.

355. *Трухина Н. Н.* Герой и антигерой Плавта — 1981, № 1, с. 162—185.

356. *Уколова В. И.* Мировоззрение Боэция и античная традиция (К 1500-летию со дня рождения) — 1981, № 3, с. 76—86.

357. *Федотов В. В.* Италийский vicus — 1982, № 4, с. 112—124.

358. *Фихман И. Ф.* Экономические аспекты индивидуальной зависимости в римском и позднем Египте — 1981, № 1, с. 77—79.

359. *Циркин Ю. Б.* Римская колония Новый Карфаген — 1981, № 4, с. 145—152.

360. *Цыбенко О. П.* Полис в поэзии Нонна: позднеантичный итог эволюции образа эпического города — 1983, № 4, с. 45—65.

361. *Цымбурский В. Л.* Итало-этрусский миф о Великой горе по античным источникам — 1984, № 4, с. 141—148.

362. *Черняк А. Б.* Тацит о смерти Клавдия (Ann. XII, 67, 1) (История текста на примере одного пассажа) — 1981, № 3, с. 161—184.

363. *Черняк А. Б.* Тацит и жанр парных речей в античной историографии — 1983, № 4, с. 150—162.

364. *Шкунаев С. В.* Земельные отношения и элементы общинного устройства в кельтском обществе (На материале древнеирландских законов) — 1982, № 1, с. 42—63.

365. *Шкунаев С. В.* Кельтский миф в саге о короле Конайре — 1984, № 3, с. 120—142.

366. *Штаерман Е. М.* «Сентенции» Публилия Сира и «Моральные дистихи» Дионисия Катона — 1981, № 4, с. 219—226.

в) РЕЦЕНЗИИ

367. Бычков В. В. Эстетика поздней античности. М., 1981.
Рец.: *Свенцицкая И. С.* — 1983, № 2, с. 170—178.

368. Важные проблемы позднеантичной философии.
Рец.: *Бычков В. В.* — 1981, № 1, с. 186—191.

369. Генезис культуры в современной зарубежной историографии.
Рец.: *Козловская В. И.* — 1985, № 4, с. 197—210.

370. Некоторые новые итальянские работы по социально-экономической истории древнего Рима.
Рец.: *Штаерман Е. М.* — 1982, № 3, с. 148—165.

371. Новый труд о древнейшем Лации.
Рец.: *Маяк И. Л.* — 1983, № 1, с. 187—199.

372. Проблемы восстания Спартака в работах Масаоки Дои.
Рец.: *Халдеев В. В.* — 1984, № 4, с. 171—177.

373. Работы Финского института в Риме о римских клеймах и кирпичном производстве.
Рец.: *Штаерман Е. М.* — 1982, № 4, с. 151—160.

374. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979.
Рец.: *Майоров Г. Г.* — 1982, № 1, с. 195—200.

375. Художественное произведение или политический трактат? (S. Lundström. Ovids Metamorphosen und die Politik des Kaisers. Uppsala, 1980).
Рец.: *Вулих Н. В.* — 1982, № 1, с. 206—212.

376. Bihir Gh. Archaeology and History of the Carpi. Oxford, 1976.
Рец.: *Чаплыгина Н. А.* — 1982, № 4, с. 156—163.

377. Castrén Paavo. Ordo Populusque Pompeianus Polity and Society in Roman Pompei. Roma, 1975.
Рец.: *Ляпустин Б. С.* — 1981, № 3, с. 194—202.

378. Desanges Jean. Recherches sur l'activité des méditerrannées aux confins de l'Afrique (VI s. va. J.-C.— IV s. ap. J.-C.). Paris, 1978.
Рец.: *Федотов В. В.* — 1983, № 3, с. 184—200.

379. Ferenczy Endre. From the Patrician State to the Patricio-Plebeian State. Budapest, 1976.
Рец.: *Трухина Н. Н., Сидорович О. В.* — 1981, № 2, с. 217—223.

380. Kaimio Jorma. The Roman and the Greek Language. Helsinki, 1979.
Рец.: *Доватур А. И.* — 1981, № 4, с. 165—174.

381. Rudolph K. Die Gnosis: Wesen und Geschichte einer spätantiken Religion. Leipzig, 1977.
Рец.: *Сидоров А. И.* — 1981, № 1, с. 207—216.

382. Speranza F. Scriptorum Romanorum de re rustica religiae. Messina, 1974.
Рец.: *Сергеенко М. Е.* — 1981, № 3, с. 201—202.

383. Thesaurus linguae etruscae. I. Indice lessicale. Publicato da M. Pallottino a cura di M. Pandolfini. Roma, 1978.
Рец.: *Цымбурский В. Л.* — 1983, № 4, с. 196—205.

384. Trilling J. The Roman Heritage: Textiles from Egypt and the Eastern Mediterranean 300 to 600 A. D. Washington, 1982.
Рец.: *Каковкин А. Я.* — 1985, № 3, с. 184—187.

X. ВИЗАНТИЯ

а) СТАТЬИ

385. *Каковкин А. Я.* Коптская ткань с изображением Ганимеда — 1981, № 1, с. 119—123.
386. *Удальцова З. В.* Основные направления развития византийской культуры IV — первой половины VII в. — 1984, № 1, с. 3—26.
387. *Хосроев А. Л.* Коптский роман об Александре и ближневосточная литературная традиция — 1982, № 4, с. 125—134.

XI. ХРОНИКА

1. УЧРЕЖДЕНИЯ АН СССР

388. *Акопян А. М.* II Научные чтения памяти В. Д. Блаватского — 1983, № 3, с. 204—205.
389. *А. П.* Научные чтения памяти С. Л. Утченко (К 75-летию со дня рождения) — 1984, № 4, с. 209—214.
390. *Белякова О. В.* Собрание Античной ассоциации при Отделении истории АН СССР — 1983, № 2, с. 185—187.
391. *Грицай С. И.* IX Всесоюзная конференция «Страны Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна в древности и раннем средневековье» (Москва, 9—12 февраля 1981 г.) — 1982, № 4, с. 190—192.
392. Заседание в ЛО ИВ АН СССР, посвященное 70-летию И. М. Дьяконова — 1985, № 3, с. 188—190.
393. *Ксенофонтова И. В.* Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье» (Москва, 7 — 12 декабря 1981 г.)—1983, № 1, с. 224—227.
394. *Литичевский Г. С.* Научные чтения памяти В. Д. Блаватского — 1982, № 2, с. 215—217.
395. *Лопухова О. Б., Ляпустина Е. В.* IX авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» (Москва, 28—30 мая 1984 г.)—1985, № 2, с. 202—214.
396. *Молчанов А. А.* Симпозиум «Античная балканистика-5» — 1985, № 1, с. 220—226.
397. Научные чтения памяти С. Л. Утченко — 1981, № 2, с. 224—228.
398. Научные чтения памяти С. Л. Утченко — 1982, № 3, с. 221—225.
399. Научные чтения памяти С. Л. Утченко — 1983, № 3, с. 201—204.
400. Научные чтения памяти С. Л. Утченко — 1985, № 4, с. 217—220.
401. *Раевский Д. С.* Конференция по истории и археологии Бактрии — Тохаристана — 1984, № 4, с. 214—217.
402. *Яйленко В. П.* Всесоюзный симпозиум «Античная балканистика-4» — 1982, № 3, с. 195—202.

2. ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

403. *Афанасьева В. К., Мавлеев Е. В.* Научная конференция «Древние культуры Евразии и античная цивилизация» в Государственном Эрмитаже (Ленинград, 10—13 мая 1983 г.)—1984, № 3, с. 197—203.
404. *Гиголашвили Е. Г.* III Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, 21—27 мая 1982 г.)—1984, № 2, с. 219—223.
405. *Кащеев В. И., Семенов Л. Е.* II Всесоюзная студенческая научная конференция по проблемам античности и историографии в Казанском государственном университете им. В. И. Ленина (19—21 октября 1981 г.)—1983, № 3, с. 205—206.
406. *Латышева В. А., Мещеряков В. Ф.* Всесоюзная научная конференция «Проблемы античной истории и классической филологии» (Харьков, 6—8 февраля 1980 г.)—1981, № 1, с. 223 — 234.
407. *Маринович Л. П.* Симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 21—25 мая 1980 г.)—1981, № 4, с. 208—215.
408. *Маринович Л. П.* Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 16—20 мая 1984 г.)—1985, № 3, с. 190—199.
409. *Новиков С. В., Смышляев А. Л.* «II Сергеевские чтения» на кафедре истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова — 1982, № 1, с. 217—222.
410. *Печатнова Л. Г.* Научная конференция «Проблема античного полиса — IV» (Ленинград, 30 октября — 1 ноября 1980 г.) — 1982, № 2, с. 208—213.
411. *Сизов С. К.* Научные чтения памяти С. И. Архангельского — 1984, № 4, с. 217—219.
412. «Третьи юбилейные Сергеевские чтения» на кафедре истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова — 1984, № 1, с. 219—228.
413. *Янковская Н. Б.* Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Н. Д. Флиттнер — 1981, № 3, с. 203—206.

3. ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЪЕЗДЫ

414. *Муравьев С. Н., Россетти Ливио.* Международный симпозиум о Гераклите (Киети, 25—27 марта 1981 г.) — 1982, № 4, с. 194—196.
415. *Строгецкий В. М., Гордезиани Р. В., Рузина Е. Г., Ходорковская Б. Б., Кацман Н. Л.* XVI Международная конференция «Эйрене» (Прага, 31 августа — 4 сентября 1982 г.) — 1983, № 3, с. 189—201.

XII. PERSONALIA

416. И. Д. Амусин.
Иосиф Давидович Амусин (1910—1984) — 1984, № 4. с. 220.
417. В. Н. Андреев.
Владислав Николаевич Андреев (1927—1984) — 1985, № 2, с. 216.
418. В. Д. Блаватский.
Владимир Дмитриевич Блаватский (1899—1980) — 1981, № 4, с. 219.
419. А. И. Доватур.
Памяти Аристида Ивановича Доватура — 1982, № 3, с. 204.
420. К. К. Зельин.
К 90-летию К. К. Зельина — 1982, № 1, с. 232.
Константин Константинович Зельин (1892—1983) — 1983, № 4, с. 206.
421. М. А. Коростовцев.
Академик М. А. Коростовцев (1900—1980) — 1981, № 1, с. 230—232.
422. В. Г. Луконин.
Владимир Григорьевич Луконин (1932—1984) — 1985, № 2, с. 215.
423. Ю. Я. Перепелкин.
Юрий Яковлевич Перепелкин (1903—1982) — 1982, № 3, с. 203.
424. Б. Б. Пиотровский.
К 75-летию академика Бориса Борисовича Пиотровского — 1983, № 2, с. 187.
425. М. Е. Сергеенко.
К 90-летию М. Е. Сергеенко — 1982, № 2, с. 215.

XIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И СПИСКИ

426. *Борщ И. Е.* Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1979 г.— 1981, № 4, с. 177—207.
427. *Борщ И. Е.* Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1980 г.— 1982, № 4, с. 163—194.
428. *Борщ И. Е.* Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1981 г.— 1984, № 1, с. 199—228.
429. *Борщ И. Е.* Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1982 г.— 1984, № 4, с. 188—208.
430. *Борщ И. Е.* Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1983 г.— 1985, № 4, с. 197—216.
431. *Семпер Н. Е.* Новая иностранная литература по египтологии (Библиографический обзор) — 1981, № 1, с. 216—222.
432. *Семпер Н. Е.* Новая иностранная литература по египтологии (Библиографический обзор) — 1983, № 1, с. 210—223.
433. *Семпер Н. Е.* Новая иностранная литература по египтологии — 1985, № 1, с. 210—219.

XIV. УКАЗАТЕЛИ

434. Систематический указатель журнала «Вестник древней истории» за 1976—1980 гг.— 1981, № 1, с. 251—267.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ *

Абаев В. И. 199
Абдуллаев К. А. 127
Агбунов М. В. 41, 42, 43
Айхенвальд А. Ю. 189
Акимова Л. И. 44
Акопян А. М. 128, 388
Андреев В. Н. 23, 233, 234
Андреев Ю. В. 235, 236, 290
Андросов В. П. 215, 216
Антонова Е. В. 147
Ардзинба В. Г. 181, 182
Армичева В. И. 321
Афанасьева В. К. 403

Баглай В. Е. 226
Баюн Л. С. 186, 188, 275
Бейнарович Л. Е. 237
Беленицкий А. М. 217
Белова Г. А. 163
Белова Н. С. 45
Беляев С. А. 109
Белякова О. В. 390
Березкин Ю. Е. 227, 228
Берлев О. Д. 177
Богословский Е. С. 164, 165, 179
Болтунова А. И. 46
Большаков А. О. 166, 167, 178
Бонгард-Левин Г. М. 129, 208, 209
Бородай Т. Ю. 238
Борухович В. Г. 307
Борщ И. Е. 426, 427, 428, 429, 430
Буданова В. П. 47
Бычков В. В. 368

Вайман А. А. 148
Вальченко В. В. 8, 230, 239, 240
Вассоевич А. Л. 168, 169
Вейнберг И. П. 141, 198, 312
Вершинин Л. Р. 289
Витасин А. А. 209, 213
Визгин В. П. 241
Виноградов Ю. Г. 48, 49, 50, 51, 52, 113, 131, 296
Воробьева-Десятовская М. И. 129
Вулих Н. В. 322, 375
Высотская Т. Н. 53

Гаибов В. А. 138
Гамкрелидзе Т. В. 24, 25
Гаспаров М. Л. 12, 15, 232, 319
Гвоздева И. А. 108
Герцман Е. В. 294, 299
Гиголашвили Е. Г. 404
Гилевич А. М. 54
Гимадеев Р. А. 242
Глускина Л. М. 243, 293
Голенко В. К. 301
Голенцов А. С. 55
Голубцова Е. С. 1, 26, 27, 28
Горбатовская М. И. 108
Гордезиани Р. В. 415
Горелик М. В. 56, 200
Горончаровский В. А. 57
Гочева З. 244
Грандмезон Н. Н. 105
Грач Н. Л. 58
Гринбаум Н. С. 277, 298
Грицай С. И. 391
Гуляев В. И. 159

Давыдова Л. С. 282
Дандамаев М. А. 2, 137, 146, 161, 186, 190, 197, 206, 207
Дандамаева М. М. 302
Данилова А. П. 16
Дашевская О. Д. 55
Джандиери М. И. 114
Джафаров Ю. Р. 115
Дитмар А. Б. 124
Дмитриев А. В. 77
Доватур А. И. 245, 246, 292, 380
Драчук В. С. 59
Дьяконов И. М. 29, 30, 31, 149, 183

Еремян С. Т. 116

Жигунин В. Д. 307
Жмудь Л. Я. 247, 248

Заборовский Я. Ю. 323, 324
Завьялов В. А. 127
Заднепровский Ю. А. 222
Златковская Т. Д. 325
Золотарев М. И. 60, 61

Иванов В. В. 24, 25
Ильин Г. Ф. 142
Ильинская Л. С. 326, 327, 328

Казанский Н. Н. 15, 232, 249, 288
Каковкин А. Я. 384, 385
Каплан Г. М. 32
Каплан Г. Х. 150
Карышковский П. О. 51, 52, 113
Кац В. И. 62
Кацман Н. Л. 415
Кащеев В. И. 283, 313, 405
Клочков И. С. 151
Ковельман А. Б. 329, 330, 331
Кожин П. М. 37

* В указатель включены авторы статей, рецензенты, переводчики, составители научных комментариев.

Козловская В. И. 369
Козырева Н. В. 152, 153, 160
Колесников А. Б. 63
Колосовская Ю. К. 332
Коптев А. В. 333
Кошеленко Г. А. 204, 286
Кошурников С. Г. 154
Крыжицкий С. Д. 17
Крюков А. С. 334
Ксенофонтова И. В. 393
Кувшинская Е. В. 300
Кузищин В. И. 33, 108
Кузнецов В. Д. 280
Кузьмина Е. Е. 64, 65, 106, 214
Куклина И. В. 66
Куликова А. М. 18
Кутайсов В. А. 59
Кучма В. В. 335

Лазаров М. 67
Лапина Т. А. 11, 318
Лейцунская Н. А. 68
Лелеков Л. А. 34, 39
Литвинский Б. А. 130, 131
Литичевский Г. С. 394
Лопухова О. Б. 250, 395
Лордкипанидзе Г. А. 117, 251
Лундин А. Г. 35, 191, 192, 224, 225
Лунин Б. В. 19
Ляпустин Б. С. 336, 337, 377
Ляпустина Е. В. 338, 395

Мавлеев Е. В. 403
Мазетти К. 201
Майоров Г. Г. 374
Манасерян Р. Л. 118, 119
Манукян А. Б. 120
Маринович Л. П. 407, 408
Марченко К. К. 69
Масленников А. А. 70, 107
Массон В. М. 212
Маяк И. Л. 371
Меликишвили Г. А. 121, 193
Метушевская О. С. 339
Мешкерис В. А. 217
Мещеряков В. Ф. 406
Милитарев А. Ю. 143, 170
Мирзоев М. Н. 155
Моисеева Т. А. 184, 185, 187, 252
Молев Е. А. 71
Молчанов А. А. 253, 254, 275, 396
Монахов С. Ю. 72
Мукерджи Б. Н. 132
Муравьев С. Н. 122, 255, 256, 257, 258, 414

Неверов О. Я. 40
Немировский А. И. 6, 315, 340, 341, 342, 343
Никитин А. Б. 73,74
Никулина Н. М. 75,144
Новиков Е. Б. 76
Новиков С. В. 409

Ольдерогге Д. А. 110
Онайко Н. А. 77
Островерхов А.С. 78

Павленко Л. В. 259, 303
Парфенов В. Н. 344
Певзнер С. Б. 171
Перевалов С. М. 295
Переводчикова Е. В. 202
Печатнова Л. Г. 260, 410
Пиотровский М. Б. 225
Писаревский Н. П. 109
Пичикян И. Р. 130, 131
Подосинов А. В. 79
Покровская З. А. 345
Поплинский Ю. К. 110
Попова Е. А. 80
Пугаченкова Г. А. 140, 221
Пуцко В. Г. 81

Раевский Д. С. 126, 401
Расулова М. М. 145
Редер Д. Г. 180
Романовская М. А. 82
Россетти Л. 414
Ротермель Л. Р. 308
Ртвеладзе Э. В. 133, 134, 136, 139
Рубан В. В. 83
Рубинштейн Р. И. 172
Рузина Е. Г. 415
Рыжкина З. А. 261

Самозванцев А. И. 210, 211, 223
Самохина Г. С. 287
Сапрыкин С. Ю. 84, 85, 262
Сахненко Л. А. 263
Свенцицкая И. С. 198, 284, 304, 312, 346, 347, 367
Светилова Е. И. 264
Селецкий Б. П. 348, 349
Семенов Л. Е. 405
Семпер Н. Е. 431, 432, 433
Сергеенко М. Е. 350, 382
Сидоров А. И. 351, 381
Сидорович О. В. 379
Сизов С. К. 411
Скржинская М. В. 86, 87, 88, 297
Смагина Е. Б. 173
Смирин В. М. 28
Смышляев А. Л. 10, 317, 352, 409
Согомонов А. Ю. 194, 274
Соколовский В. Д. 353
Соломоник Э. И. 89, 90, 91, 92
Спейдел М. П. 354
Старкова К. Б. 309
Столяров А. А. 220
Строгецкий В. М. 265, 266, 276, 415
Стучевский И. А. 174, 175
Сымонович Э. А. 93

Таскаев В. Н. 109
Тирацян Г. А. 123
Тодуа Т. Т. 125
Толстиков В. П. 94
Тохтасьев С. Р. 95, 111
Трейстер М. Ю. 96, 97, 98, 305
Трухина Н. Н. 355, 379

Удальцова З. В. 386
Уколова В. И. 356

Федотов В. В. 196, 357, 378
Фихман И. Ф. 311, 314, 358
Фролов Э. Д. 267
Фролова Н. А. 99, 100
Фурцева Л. Р. 218

Халдеев В. В. 372
Ходжаш С. И. 20
Ходорковская Б. Б. 415
Хоммель Х. 268
Хосроев А. Л. 387

Циркин А. Б. 359
Цыбенко О. П. 7, 229, 360
Цымбурский В. Л. 343, 361, 383

Чаплыгина Н. А. 21, 376
Черняк А. Б. 362, 363
Четверухин А. С. 176
Чистяков Г. П. 13, 231
Чистякова Н. А. 285
Чунакова О. М. 203

Шарашенидзе Дж. М. 156
Шелов Д. Б. 101, 102
Шелов-Коведяев Ф. В. 82, 103, 104, 112
Шеркова Т. А. 135
Шиловцева В. С. 22
Шифман И. Ш. 195, 306
Шичалин Ю. А. 291, 310
Шишова И. А. 36
Шкунаев С. В. 364, 365
Шофман А. С. 308, 313
Шохин В. К. 219
Шпилевский А. В. 269
Штаерман Е. М. 9, 14, 316, 320, 366, 370, 373
Шуллер В. 270
Шургая И. Г. 100

Щеглов А. И. 82
Щербановский А. Л. 203

Эдаков В. А. 205

Юсифов Ю. Б. 145

Яйленко В. П. 275, 281, 402
Якобсон В. А. 31, 157, 162
Янковская Н. Б. 158, 413
Ярхо В. Н. 271, 272, 273, 278, 279

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
ЗОАО — Записки Одесского Археологического Общества
ЗРАО — Записки Русского Археологического Общества
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КБН — Корпус боспорских надписей. М.— Л., 1965
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАА — Народы Азии и Африки
НО — Надписи Ольвии (1917—1965). Л., 1968
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья
СА — Советская археология
САИМК — Сибирская Академия истории материальной культуры
ТСАРАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
AbB — Altbabylonische Briefe
ABSA — The Annual of the British at Athens
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh — American Journal of Philology
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BMC — Wroth W. A Catalogue of Greek Coins in the British Museum. L., 1889
CJ — Classical Journal
CPh — Classical Philology
CT — Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum
FGrH — Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. B., 1923—1958
FHG — Müller C. Fragmenta Historicum Graecorum. T. I—V. P., 1841—1870
GR — Greece and Rome
HG — Koschaker P., Ungnad A. Hammurabi's Gesetz
ID — Inscriptiones de Delos
IG — Inscriptiones Graecae
IOSPE — Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JCS — Journal of Cuneiform Studies
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
PEQ — Palestine Exploration Quarterly
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
REG — Revue des études gréques
RhM — Rheinisches Museum
RLA — Reallexikon der Assyriologie
RN — Revue numismatique
RQ — Revue de Qumran
TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association
TCL — Textes Cuneiformes du Louvre
UET — Ur Excavations, Texts
VAS — Vorderasiatische Schriftdenkmäler
YOS — Yale Oriental Series
ZA — Zeitschrift für Assyriologie
ZPE — Zeitschrift für Papyrusforschung und Epigrafik

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В 1987 г. исполняется 50 лет со дня основания журнала «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» АН СССР. В связи с этим редколлегия и редакция ВДИ предполагают провести в конце мая — начале июня 1987 г. юбилейную авторско-читательскую конференцию, посвященную подведению итогов работы журнала за 1937—1987 годы и обсуждению научной проблемы «Социально-экономическая структура общества и идеологическая борьба в древнем мире».

Заявки на участие в конференции и тезисы докладов и сообщений просим присылать до 1 июня 1986 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Бонгард-Левин Г. М. (Москва), *Дандамаев М. А.* (Ленинград) — Советская наука о древнем Востоке в 1981—1985 гг. 3
Карпюк С. Г. (Москва) — Клисфеновские реформы и их роль в социально-политической борьбе в позднеархаических Афинах 17
Д. Б. Шелов (Москва) — Идея всепонтийского единства в древности 36

ПУБЛИКАЦИИ

Болтунова А. И. (Москва) — Надписи Горгиппии (*Из находок 1971—1981 гг.*). 43
Сапрыкин С. Ю. (Москва) — Из эпиграфики Горгиппии 62

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Козырева Н. В. (Ленинград) — Серебро как одно из средств выплаты налога и эквивалент трудовой повинности в старовавилонской Месопотамии . . . 76
Гиндин Л. А., *Цымбурский В. Л.* (Москва) — Античная версия исторического события, отраженного в KUB XXIII, 13 81
Бадальянц Ю. С. (Рязань) — Торгово-экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма (*По материалам керамической эпиграфики*) 87
Варданян Р. Е. (Ереван) — Элимаидские монеты: к хронологической систематизации бронзовых эмиссий II в. н. э. 99
Шопина Н. Р. (Москва) — Папирусное «содержание» трагедии «Александр» и ее место в творчестве Еврипида 117
Орел В. Э. (Москва) — Об одном институте индоевропейского права. Опыт лингвистического комментария 130

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Смышляев А. Л. (Москва) — Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты. Перевод и примечания И. С. Перетерского. М., 1984 145
Ткаченко Г. А. (Москва) — Э. М. Яншина. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984 151
Большаков А. О. (Ленинград) — S. Hodjash, O. Berlev. The Egyptian Relief and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. L., 1982; F. W. Hinkel. Exodus from Nubia. B., 1978 163
Моисеева Т. А. (Воронеж) — G. M. A. Hanfmann. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958—1975. Cambr., 1983 165
Шохин В. К. (Москва) — Essays on Gupta Culture. Ed. by B. L. Smith. Delhi etc., 1983 170
Ярхо В. Н. (Москва) — Новое издание фрагментов Гиппонакта 180

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Четвертые Сергеевские чтения» на кафедре истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова 185

ПРИЛОЖЕНИЕ

Домиций Ульпиан. Об обязанностях проконсула. Перевод с латинского и комментарии *А. Л. Смышляева* (Москва) 194

Систематический указатель журнала «Вестник древней истории» за 1981—1985 гг. 219

CONTENTS

G. M. Bongard-Levin (Moscow), *M. A. Dandamayev* (Leningrad) — Soviet Research on the Ancient Orient, 1981—1985 3
S. G. Karpyuk (Moscow) — The Influence of the Cleisthenic Reforms on the Social and Political Antagonisms of Late Archaic Athens 17
D. B. Shelov (Moscow) — The Ancient Idea of a Unified Pontic State 36

PUBLICATIONS

A. I. Boltunova (Moscow) — Inscriptions from Gorgippia 43
S. Yu. Saprykin (Moscow) — Two Inscriptions from Gorgippia 62

REPORTS AND COMMUNICATIONS

N. V. Kozyreva (Leningrad) — The Use of Silver as a Means of Payment in Old Babylonian Mesopotamia 76
L. A. Gindin, V. L. Tzymbursky (Moscow) — The Ancient Greek Version of the Historical Event Reflected in a Hittite Text 81
Yu. S. Badalyants (Ryazan) — Trade and Other Economic Ties between Rhodes and the North Black Sea Area in the Hellenistic Period 87
R. Ye. Vardanyan (Yerevan) — Elymaean Coins: A Chronological Systematization of Bronze Emissions in the Second Century A. D. 99
N. R. Shopina (Moscow) — New Light on the Alexander of Euripides and Its Place in Euripidean Drama 117
V. E. Orel (Moscow) — Concerning an Institute of Early Indo-European Law . . 130

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

Smyshlyaev A. L. (Moscow) — Digesty Yustiniana. Izbrannye fragmenty. Perevod i primechaniya I. S. Pereterskogo. M., 1984 145
G. A. Tkachenko (Moscow) — E. M. Yanshina. Formirovaniye i razvitiye drevnekitaiskoi mifologii. M., 1984 151
A. O. Bolshakov (Leningrad) — S. Hodjash, O. Berlev. The Egyptian Relief and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow. L., 1982; F. W. Hinkel. Exodus from Nubia. B., 1978 163
T. A. Moiseeva (Voronezh) — G. M. A. Hanfmann. Sardis from Prehistoric to Roman Times. Results of the Archaeological Exploration of Sardis 1958—1975. Cambr., 1983 165
V. K. Shokhin (Moscow) — Essays on Gupta Culture. Ed. by B. L. Smith. Delhi etc., 1983 170
V. N. Yarkho (Moscow) — A New Edition of the Fragments of Hipponax 180

SCIENTIFIC EVENTS

«Sergeyev Readings» IV in the Faculty of Ancient History, Moscow University 185

SUPPLEMENT

Domitius Ulpian. On the Duties of a Proconsul. Translation from the Latin, Introductory Article and Commentary by *A. L. Smyshlyaev* (Moscow) 194

Index to «Vestnic drevnei istorii» 1981—1985 219

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 20.11.85 Подписано к печати 22.01.86 Формат бумаги 70×108 1/16
Высокая печать Усл. печ. л. 21,0 + 3 вкл. Усл. кр.-отт. 144,0 тыс. Уч.-изд. л. 25,5 Бум. л. 7,5
Тираж 6631 экз. Зак. 2011

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6